

- 10 А девица того шатра,
 Не желавши стать добычею победившего,
 Вскочила в седло и пустилась прочь,
 Упреждая побегом поражение:
 Верно, чуяла она, что сурова в тот день
 Обернется судьба к Христовым верующим.
 И вот въезжает она в лес, и на узкой тропе
 Пешего она встречает рыцаря. *Анжелика
 спасается
 бегством*
- 11 Вкованный в доспех, в шеломе над челом,
 С мечом при бедре, со щитом в руке,
 Несся он по лесу легче и быстрее,
 Чем бегун, налегке соревнуя за красный
 плащ.
 Ах, ни самая робкая пастушка
 Не отдернет так ногу перед едкой змеей,
 Как рванула поводья Анжелика
 Прочь от приближающегося пешего!
- 12 Это был Ринальд, удалой паладин,
 Сын Амона, владетель Монтальбана,
 У которого только что скакун его Баярд
 Вырвался из крепких рук по воле случая.
 Издали,
 С первого же взгляда на красавицу
 Он признал в лице ее те божественные
 черты,
 Чьими чарами был в любовных путах. *и встречает
 в лесу
 Ринальда*
- 13 А красавица устремляется прочь,
 А красавица мчит стремглав
 Меж частых стволов, меж редких стволов,
 Не разбирая доброго пути:
 Бледная, трепещущая, вне себя,
 Вверясь скакуну,
 Кружит она круги по дикому лесу,
 И вот перед нею открывается река.
- 14 А над тою рекою сарацин Феррагус,
 В кровавом поту, в битвенной пыли,
 Искал от боевых забот
 Отдыха и глотка воды.
 Поневоле замедлил он на этом берегу:
 В торопливой жажде
 Уронил он в струю шишак
 И напрасно его отыскивал. *и сарацина
 Феррагуса.*
- 15 С криком, во весь опор
 Вынеслась на него перепуганная
 красавица;
 Вскакивает Сарацин на крик,
 Смотрит в ее лицо

И узнает
 В бледной и смятенной от перепуга
 Ту, о которой он так давно не слышал,—
 Во всаднице этой—прекрасную
 Анджелику.

16 Он был рыцарь, *Они бьются*
 И сердцем горяч, как Ринальд и как Роланд: *за нее,*
 Без шлема, как в шлеме
 Рьяно он прынул на защиту девицы —
 С мечом наголо, с криком на бегу
 Против неоробелого Ринальда.
 Не раз они видывали друг друга,
 Не раз переводывались-булатом!

17 Жестокая заварилась сеча:
 Нога к ноге и клинок на клинок.
 Не латам и не кольчуге —
 Наковальне бы не в мочь такие удары.
 Длится ратный труд один на один,
 А меж тем скакун красавицы помнит
 свой путь:
 Он, пинаемый пятами ее,
 Мчит сидящую по лесам и лугам.

18 А когда утомились воители
 Тщетно одолевать друг друга,
 И ни этот над тем, ни тот над этим
 Не явился искусней мечом в руках,—
 То первый Ринальд из Монтальбана
 К испанцу обратил свое слово,
 Горя любовью,
 Из-за коей места себе не чуял.

• 19 Он сказал: «Ты мне чаешь казни — *а потом*
 А со мною и себя ведь казнишь! *мирятся*
 Если впрямь это юное солнце *и пускаются*
 Ясными лучами зажгло твое сердце,— *вслед.*
 То к чему тебе со мною тратить время?
 Убьешь ты меня или пленишь ты меня —
 А красавица не станет твоею:
 Мы здесь медлим, а она себе скачет.

20 Так не лучше ли, упрямый влюбленный,
 Наперерез
 Застичь ее, задержать ее,
 Пока вовсе не скрылась она прочь?
 А как станет она нашею —
 Вот тогда и померяемся мечами:
 Иначе, как мы ни силься,
 Ничего нам не будет, кроме урона».

И узнает
В бледной и смятенной от перепуга
Ту, о которой он так давно не слышал,—
Во всаднице этой—прекрасную
Анджелику.

- 16 Он был рыцарь,
И сердцем горяч, как Ринальд и как Роланд:
Без шлема, как в шлеме
Рьяно он прынул на защиту девицы —
С мечом наголо, с криком на бегу
Против неоробелого Ринальда.
Не раз они видывали друг друга,
Не раз переводывались булатом!
- Они бьются
за нее,*
- 17 Жестокая заварилась сеча:
Нога к ноге и клинок на клинок.
Не латам и не кольчуге —
Наковальне бы не в мочь такие удары.
Длится ратный труд один на один,
А меж тем скакун красавицы помнит
свой путь:
Он, pinaемый пятами ее,
Мчит сидящую по лесам и лугам.
- 18 А когда утомились воители
Тщетно одолевать друг друга,
И ни этот над тем, ни тот над этим
Не явился искусней мечом в руках,—
То первый Ринальд из Монтальбана
К испанцу обратил свое слово,
Горя любовью,
Из-за коей места себе не чуял.
- 19 Он сказал: «Ты мне чаешь казни —
А со мною и себя ведь казнишь!
Если впрямь это юное солнце
Ясными лучами зажгло твое сердце,—
То к чему тебе со мною тратить время?
Убьешь ты меня или пленишь ты меня—
А красавица не станет твоею:
Мы здесь медлим, а она себе скачет.
- а потом
мирятся
и пускаются
вслед.*
- 20 Так не лучше ли, упрямый влюбленный,
Наперерез
Застичь ее, задержать ее,
Пока вовсе не скрылась она прочь?
А как станет она нашею —
Вот тогда и померяемся мечами:
Иначе, как мы ни силься,
Ничего нам не будет, кроме урона».

- 21 Басурман не отвергнул предложимого,
И спору пришел конец до поры:
Быстрое настало замирение,
Истребились вражда и гнев,
Да так, что нехристь
Не пустил Ринальда пешим от речной струи:
Убедил его он сесть за седло к себе,
И скорее вскачь вслед красавице.
- 22 Ах, хороши были старинные эти витязи!
Враги по вере, соперники по любви,
Еще томные всем телом
От боли боевых ударов,
А уж вот они оба с чистым сердцем
Мчат вдвоем по черным чащам и кривым
тропам,—
И в четыре шпоры доспевает скакун
До распутия, где дорога раздваивается.
- 23 И вот, не зная,
По какому пути пустилась красавица,
Ибо на обоих
Одинаков был свежий след:—
Разошлись наудачу
Ринальд направо, сарацин налево.
И долго кружил Феррагус в лесу,
Покамест не пришел, откуда вышел.
- Феррагус
встречает
дух
Аргалия,*
- 24 Пришел он опять к реке,
Куда уронил свой шлем.
Что ж! хоть бы шлем
Из речной похитительной волны
Добыть, не добыв красавицу.
Вот он сходит в том месте на влажный
берег —
Но так этот шлем ушел в песок,
Что не просто было его вызволить.
- 25 Обнаживши древесный сук,
Делает он длинный шест,
Пытает пучину, шарит по дну,
Не минует ни единого места,
Как вдруг
Средь упорных своих хлопот
Видит он: по пояс встает из воды
С пугающим ликом — витязь.
- 26 Весь в броне, но с открытой головой,
В правой длани держал он тот самый
шлем —

Шлем, так долго
 Исканный и не сысканный Феррагусом.
 «Вероломец! обманщик! —
 В гневе он гласит басурману,—
 Ты давно мне обещал его,—
 Что ж теперь жалеешь оставить?

- 27 Вспомни, нехристь:
 Как сразил ты Анжеликина брата —
 (А это я!) —
 То оружие мое бросив в реку,
 Посулил ты мне бросить за ним и шлем.
 За тебя мне это сделала судьба —
 Так о чем твое горе?
 Не о том ли, как ты неверен слову?

- 28 Если ж впрямь ты хочешь доброго шлема—
 То ищи иного и вздень со славою!
 Один такой шлем — на паладине Роланде,
 Другой—на Ринальде, еще того отменнее:
 Это шлем Альмонта и это шлем

*который
 посылает
 его
 за шлемом
 Роланда,*

Мамбрина

Доблестью своею стяжай любой,
 А сей, обещанный,
 По-обещанному мне и оставь!»

- 29 Внезапен был призрак над водою —
 Волосы зашевелились у сарацина,
 Побледнело лицо,
 Голос в гортани замер.
 Аргалий —
 Звался тот, кого он убил здесь когда-то;
 И Аргалий его корил вероломством,
 А он сгорал от стыда и гнева.

- 30 Слыша правду
 И не чая себе оправданий,
 Он не размыкал безответных губ,
 Но стыд переламявал его сердце.
 И поклялся он Ланфузою, матерью своей,
 Что иного не надвинет он шлема,
 Нежели который сорвал Роланд
 С головы у горделивца Альмонта.

- 31 И он верен остался этой клятве —
 Да, верней, чем прежней, данной Аргалию.
 Недовольный едет он прочь,
 Угрызаясь и терзаясь вседневно,
 С единой целью —
 Здесь иль там, но сыскать паладина
 Роланда.

- А меж тем на другой дороге
Славного Ринальда ждали другие
приключения.
- а Ринальд
гонится
за конем
своим
Баярдом.*
- 32 Чуть прошел он, вдруг видит:
Впереди взвился буйный его скакун.
«Стой, мой Баярд, стой!
Худо мне без тебя!» —
Он кричит, но жеребец не слушает,
Быстрым бегом уносясь все дальше.
В ярости мчится за ним Ринальд —
А мы последуем за прекрасной
Анджеликой.
- 33 Скакала Анджелика по чашам
Темным и страшным, безлюдным и диким;
Шелест листьев в ветках
Дубов, тополей и вязов
Внезапным страхом
Гнал ее на окольные тропы,
И всякая тень на всхолмье и во вздолье
Мнилась Ринальдом, мчащимся по пятам.
- Тем
временем
Анджелика
в своем
бегстве*
- 34 Так козочка, так юная лань
Видит сквозь зелень родной рощи,
Как милую ее мать
Лютый барс, смяв, рвет, вгрызшись
в горло, в грудь и в бок,
И летит она из сени в сень,
Трепеща тревогой и страхом,
И хищной пастью
Видится ей каждый задетый куст.
- 35 День и ночь и новое утро
Носилась Анджелика, не зная, где,
И опомнилась в ласковой дубраве,
Шелестящей под веющим зефиром,
А вокруг журчали два ручья,
Обновляя и лелея мураву,
Неспешными струйками меж круглых
камешков
Сладкие разливая созвучия.
- 36 Здесь-то, полагая себя
В безопасной дали от Ринальда,
Рассудила она отдохнуть
От томящего пути и палящего лета,
И нисходит в цветы, и пускает в травы
От узды избавленного коня,
И он бродит над светлыми волнами,
Где свежую муравую пышны берега.

- 37 Видит она рядом купу шиповника
 В цветущих ветвях и румяных розах
 Над зеркалом чистой влаги,
 Тенистыми дубами укрытую от полдня,
 В глубине своей вместившую
 Прохладный приют меж густых теней,—
 Так свились там ветки и листья,
 Что не мог проникнуть ни луч, ни взгляд.
- 38 Нежные травы
 Там сплетались в ложе, маня вздохнуть,—
 И красавица/
 Там садится, ложится, засыпает,—
 Как вдруг
 Звук копыт разрывает недолгий ее сон;
 И, приподнявшись неслышно,
 Видит она у реки рыцаря в латах.
- 39 Друг ли он? враг ли он?
 Сердцем зыблясь меж надеждой и страхом,
 Не дыша,
 Ждет красавица, что с нею станется. .
 А рыцарь спускается к берегу,
 На ладонь опускает голову,
 В тяжелой думе
 Недвижимый, как каменная скала. *встречает
незнакомо-
го
рыцаря.*
- 40 Не час и не два
 Скорбный рыцарь не подымал лица,
 А потом
 Голосом, перехваченным вздохами,
 Томные изливает он сетованья,
 От которых дрогнул бы камень и смягчился
тигр.
 Щеки его были, как два ручья,
 Грудь — как Этна.
- 41 «Ах, жестокая дума, лед и пламень моей
души
 (Так сказал он), ты грызешь меня и точишь!
 Что мне делать? Пришел я слишком поздно,
 А другой dospешил уже до плода;
 Я добился только слова, только взгляда,
 А другой стяжал всю добычу.
 Ни цветка, ни плода мне на долю,—
 Отчего же все о ней крушится сердце?
- 42 Девушка подобна розе —
 В саду, на родимой ветке,
 В беспечном, уединенном,
 Безопасной от пастуха и стада:
 Нежный ветер и роса рассвета
 И земля и влага к ней благосклонны;

Только те, кто влюблены и любимы,
На груди и в кудрях ъе лелеют;

- 43 Но едва сорвется
С зеленого стебля материнской ветви —
И красу, и прелесть, и славу пред людьми
и богом —

Все она теряет.
Девушка, отдавши другому
Тот цветок, что лучше света и жизни,—
Уже ничто

» Для иных сердец, о ней пылавших.

- 44 Для иных — ничто,
А единым, кому далась она,— любима?!
Ах, судьбина немилостивая и злая:
Другим — торжество, а мне—изнеможенье?
Мне ли она не милее всех,
Мне ли с ней расстаться, как с душою?
Лучше пусть иссякнет моя жизнь,
Если я не в праве любить прекрасную!»

- 45 Если спросите, кто он был, *узнает*
Проливавший эти слезы над рекою, *в нем*
Я скажу вам—это был Сакрипант, *Сакрипанта*
Царь Черкесский и труженик страсти;
И добавлю — только любовь
Есть виною его терзанья.
Он был в сонме влюбленных в Анджелику,
И теперь она его признала.

- 46 От восточного предела к закатному
Вела рыцаря его любовь.
Он услышал в Индии (с какою болью!),
Что она за Роландом ушла на запад;
И узнал во Франции: император
Наложил на красавицу запрет,
Чтоб сберечь ее лучшему поборнику
Франкских лилий против черных мавров.

- 47 Он пришел в королевский стан,
Он услышал о битве, плачевной Карлу,
Искал следов Анджелики,
И доселе не мог сыскать.
Новое это горе
Умножило его страстную муку,
И слова его стенаний могли бы
Тронуть солнце на небесной тропе.

- 48 И вот тут-то, *и решается*
Между тем, как он сетует и страждет, *довериться*
И очи его — жарких два потока, *ему.*
И речи его нет нужды пересказывать,-

Своенравная его судьбина
Их доносит до слуха Анджелики.
Так в час, так в миг
Больше достигается, чем в тысячу лет!

- 49 Чутко ловила красавица
Слова и вздохи
Неизбывной его любви.
Не впервые она это слышала,
Но, тверда и холодна, как камень,
Не склонялась до жалости,
Гнушаясь всеми,
Никого не почитая ее достойным.
- 50 Лишь здесь, одна, в лесу —
В нем она увидела провожатого.
Ведь в воде по горло,
Лишь упрямец не закричит о помощи.
Упустив случай,
Где найти ей защитника надежнее?
Знала она давно и долго:
Всех любивших ей вернее был этот царь.
- 51 Впрочем, не о том она думала,
Чтоб из гложущих мук изнять влюбленного,
И былую боль
Вожденною воздать ему радостью —
Нет: обманную выдумку сплетает она в уме —
Лишь столько внушить ему надежды,
Чтобы нынче он послужил ей,
А там вновь она станет горда и тверда.
- 52 И вот из густых кустов,
Прекрасная и нежданная,
Как на сцене
Диана или Венера из рощи или из грота,
Является она со словами:
«Мир тебе! Ниспошли тебя Всевышний
Быть защитником нашей чести;
А что ложно обо мне ты думал — забудь!»
- 53 Никогда так изумленно и радостно
Мать на сына не вскидывала глаз,
Оплакав его, как мертвого,
При вести, что не вернулся он с полком,—
Как изумленно, как радостно
Взвидел растерявшийся сарацин
Царский ее вид, нежную ее повадку
И поистине ангельское лицо.
- 54 Полный нежности и страсти, спешит он
К своей даме, к своей богине,

Песнь I

А она обвивает ему шею,
Как не стала бы, верно, в своем Катае.
Он при ней, и летит ее душа
В отчий край, в родные приюты,
И вновь в ней жива надежда
Воротиться в свой разубранный терем.

55 Поведывает она обо всем
С того дня, как она его послала
Искать подмоги
У царя сериканов и набатеев;
И о том, как хранил ее Роланд
От гибели, от несчастья и бесчестья;
И о том, что девический ее цвет
Так же свеж, как в первый день рождения.

56 Что ж, быть может, так оно и было —
Хоть и трудно в то поверить здравому
толку;
Но все вмочь тому,
Кто метался и не в таких блужданиях.
Любовь зримое скрывает от зрения,
А незримое являет очам.
Сакрипант поверил:
В горькой доле чего ищешь, тому и веришь.

57 «Ежели Роланд Англандский
Был столь прост, что упустил благовременье,—
Тем и хуже для него, ибо впредь
Уж не быть в судьбе столь щедрому зову
(Думал про себя Сакрипант).
Но я подражать ему не стану,
И того, что уступил он, не брошу,
Чтобы после о том не пожалеть.

58 Я сорву эту утреннюю розу,
Чтобы от времени она не увяла —
Ибо знаю, что для женщины нет
Ничего иного желанней и слаще,
Даже ежели на ее лице
Ужас, и боль, и слезы:
Ни отпор, ни притворный гнев
Не помеха моему замыслу и делу».

59 Так сказал он, и уж был наготове
К страстному подступу,—
как вдруг
Громкий шум из чащи поражает его слух,
Он с досадой оставляет предприятие,
Вскидывает шлем
(Рыцарь должен быть всечасно при оружии!),
Уздает коня, садится в седло
И хватает копьё наперевес.

*Но таинственный
всадник
убивает Сакрипантова
коня;*

- 60 И вот на опушку въезжает всадник,
Вид у него удалой и гордый,
Плащ, как снег,
Над гребнем шлема — белый султан.
Сакрипант, в досаде,
Что пришлец перебил ему дорогу
К лучшей из услад,
Смотрит на него свысока и мрачно.
- 61 Всадник ближе; наш царь бросает вызов
В жажде ссадить его с седла;
Тот не хочет уступать ему ни на волос
'И готов себя показать;
Обрывает его гордые угрозы,
Наставляет копьё, шпорит коня;
Сакрипант срывается, как буря,
И они сшибаются лоб в лоб.
- 62 Ни львы, ни буйволы так
Не бросаются сшибиться и сцепиться,
Как те рыцари в бешеном их напоре,
Копьями друг другу прободая щиты.
Дрогнула от схватки земля
С травянистых низин до нагих вершин;
И кабы не отменные латы,
Ни один бы не вынес целой грудь.
- 63 Два коня, не кривя на скаку,
Ударились, как баран в барана;
Конь язычника рухнул мертв,
Хоть и добрым конем считался вживе;
Конь врага тоже пал, но встал,
Боками почуяв шпоры,—
А басурманский простерся на земле,
Всею тяжестью придавив хозяина.
- 64 А неведомый единоборец,
Стоя прям над соперником и конем,
Рассудил, что их спор доспорен,
И не стал обновлять борьбу —
В лес по прямой тропе
Удаляется он, отдав поводья,
И когда язычник вызволился из-под бремени,
Тот был уже за версту.
- 65 Как пахарь, оглушенный молнией,
Лишь отгрянет гром,
Встает с борозды, куда его бросило
Рядом с его мертвыми волами,
И глядит на сосну, уже без гордой вершины,
Которой он так любовался издали,—
Так спешенный Сакрипант
Поднимается с земли пред Анжеликой.

- 66 Он вздыхает, он стонет, но не с того,
 Что сломал себе ногу или вывихнул руку,
 А единственно сгорая стыдом—
 Не случилось ему так ни прежде, ни после!
 Мало, что он упал,—
 Из-под тяжести вызволяла его дама!
 Он был без слов;
 Но она воротила ему дар речи.
- 67 «Полно!—молвила она,— не поддайтесь
 горю!
 Что упали вы— не ваша вина,
 А коня, которому бы нужнее
 Отдых и корм, чем ратные труды.
 И соперник ваш не венчался славой,
 А явил себя проигравшим бой,
 Ибо видела я сама—
 Первым он оставил поле брани».
- 68 Но меж этих ее утешений
 Подъезжает к ним вскачь на тяжелой лошади,
 Рог через плечо, сума на боку,—
 Посыльный, утомленный и хмурый,
 И поровнясь с Сакрипантом, вопрошает,
 Не проехал ли в лесу
 Рыцарь с белым щитом
 И с белым перьем на гребне шлема?
*это была
 Брадаманта,
 сестра
 Ринальда.*
- 69 Сакрипант в ответ: «Видишь сам—
 Это он свалил меня и скрылся.
 Объяви же мне его имя,
 Чтоб я знал, от кого я пеш!»
 А гонец: «На такой вопрос
 Я не задержусь ответом—
 Знай: выбила тебя из седла
 Доблестная рука прекрасной дамы.
- 70 Громка ее удаль, громче того красота,
 Имя ее знаменито:
 Это Брадаманта
 Подсекла завоеванную тобою славу».
 Так сказав, отпускает он поводья,
 А нерадостный сарацин
 Не знает, что сказать и что сделать,
 И лицо его в пожаре стыда.
- 71 Тяжко и тщетно
 Думает он, что же случилось,
 И все видит: победила его женщина,
 И чем дальше, тем ему больнее.
 Молча, без слов
 Взбирается он на Анджеликина коня,
 А девицу сажает на круп—
 Ждать до лучшего случая и места.

Не проехали они и часу,
 Как слышат по окрестному лесу
 Такой шум и треск,
 Что как дрожью задрожала вся чаща;
 И явился им могучий конь,
 Раззолоченный, в пышном чепраке,—
 Он несся вскачь через рвы и ручьи,
 И круша стволы, пролагал себе дорогу.

*Тут к
 Сакрипанту
 выбегает
 Ринальд
 конь,*

- 73 «Если пыль и гуща ветвей
 Не помеха моим очам,—
 Говорит красавица,— то это Баярд
 С треском ломит свой путь сквозь чащу.
 Да, это Баярд—
 Он понял, что мы в нужде
 С одной лошадью, неладной для двоих,
 И примчался сюда нас вызволить».
- 74 Черкес, сойдя, подступает к скакуну,
 Простирает руку к узде—
 Задними ногами тот бьет в ответ,
 Переверотясь быстрее молнии;
 Но копыта минуют цель—
 Не то горе было бы витязю!
 Такие копыта были у коня,
 Что раздробили бы и медную гору.
- 75 А конь кротко бежит к красавице,
 По-человечьи смирен и покладлив,
 Словно пес, что с трех дней разлуки
 Скачет, радуясь у хозяйских ног,—
 Баярд помнил,
 Как в Альбракке он кормился из рук ее,
 А она тогда любила Ринальда,
 А Ринальд был глух и жесток.
- 76 Левой рукою берет она повод,
 Правой треплет коню гриву и грудь,
 И разумный конь
 Повинуется ей, как агнец.
 Сакрипант не теряет времени—
 Он верхом, он взял Баярда в шпоры;
 А красавица на своей лошади
 Вновь из-за седла собралась в седло.

Но случайно оборотясь,
 Видит она пешего исполина в гулких латах
 И в гневном омерзении
 В нем угадывает Амонова сына.
 Больше жизни он ее любит и желает,
 А она от него прочь, как журавль от сокола.
 Прежде он ненавидел, она любила—
 Ныне же они обменялись участью.

*а за ним
 и сам
 Ринальд.*

А виною тому были два источника,
 Источавшие влагу, по-разному волшебную:
 Оба в Арденнах, оба друг близ друга,
 Но один льет в душу любовное желанье,
 А кто пьет из другого — избывает страсть,
 И прежний его жар обращается в лед.
 Ринальд пил из одного, и гнетет его любовь,
 Анджелика из другого, и гонит ее ненависть.

- 79 Эта влага, этот тайный яд,
 Любящего неволящий к ненависти
 Омрачает ясные очи
 Анджелики, завидевшей Ринальда,—
 И дрожащим стоном, с плачевным ликом
 Заклинает она Сакрипанта
 Не ждать подступающего героя,
 А бежать и спасти ее от плена.
- 80 «Неужели,— молвит черкешенин,—
 Неужели мне так мало веры,
 Что я вовсе нехорош и негод
 Оберечь вас от вашего гонителя?
 Неужели у вас уже не в памяти
 И Альбракка, и битвенная ночь,
 Где один, без лат,
 Был щитом я вам от толп Агрикана?»
- 81 Та молчит, не зная, как быть,
 В страхе видя, что Ринальд уже на подступе
 И уж издали грозит сарацину,
 Потому что узнал под ним коня
 И узнал тот ангельский лик,
 От которого сердце его в пламени,—
 Но что стало меж двумя гордцами,
 Я скажу вам в следующей песне.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Ах, неправедный Амор, почему
 Так часто не смыкаются наши желанья?
 Почему, вероломный, тебе любо
 Видеть несогласие меж сердец?
 Ты от легкого чистого ручья
 Гонишь меня в темную пучину —
 От той, к кому рвется моя любовь,
 Шлешь любить ту, которой я противен.

Вступление.

2   Чрез тебя и Ринальду мила Анджелика,
 А он ей и мерзок и отвратен;
 А когда она его, любуясь, любила,
 Это он отвечал ей черной ненавистью.
 Как он мучится о том, как жалеет!
 Воздалось ему мерой за меру —
 Она так его теперь гнушается,
 Что ей смерть желанней, чем он.

Ринальд горделиво кричит черкесу:
 «Прочь с коня моего, разбойник!
 Я терпеть не привык:
 Кто возьмет у меня мое — поплатится!
 И девицу я тебе не оставлю —
 Это был бы грех:
 И добрый конь и прекрасная дама —
 Не для такого разбойника, как ты!»

*Ринальд
 бьется
 с Сакри-
 пантом*

«Лжешь, что я разбойник, —
 С той же спесью кричит черкес. —
 О тебе такая молва,
 Что ты сам разбойник куда похлеще!
 Попытаем же, кто достойней
 И красавицы и коня, —
 Ибо я в одном с тобой един:
 Что прекрасней ее нет в целом свете».

5   Как зубастые два пса
 Из-за зависти или иной вражды
 Сходятся, скрежеща
 И кося глазами, красными, как угли,
 Чтоб с хриплым рыком и шерстью дыбом
 Вонзить друг в друга яростные клыки, —
 Так от криков и попреков к клинкам
 Шли черкес и сын Амона Клермонтского.

6   Один пеш, другой вскачь —
 Но от этого лучше ли сарацину?
 Ничуть: едва ль
 Не бессильней он несвычного отрока:
 Природному повинуюсь чутью,
 Конь Баярд не хотел задеть хозяина,
 И не мог черкес ни шпорой, ни поводом
 Ни на шаг его двинуть, куда хотел.

7   Он его гонит, а тот встает;
 Он ему «Стой!», а тот в рысь и вскачь;
 Нагибает голову между ног,
 Бьет копытом, играет хребтом;
 Видит басурман,
 Что не время укрощать своенравного,
 Опирается на луку,
 Привстает и соскакивает о левый бок.

- 8 Как избавился он легким прыжком
От Баярдова упрямого бешенства,
Так и началась
Эта славная схватка лихих двух рыцарей.
Меч звенит о меч, то вверх, то вниз,—
Млат Вулкана и тот не так быстр
В дымной пещере
Над ковальней, где куют перун Юпитеру.
- 9 То с размаху, то в упор, а то с хитростью —
По ударам видно искусников игры;
То они распрямятся, то сожмутся,
То прикроют себя, то приоткроют,
То надвинутся, то отступят,
Отразят, уклонятся,
Идут по кругу,—
Где один отшагнет, тут же встанет другой.
- 10 Вот, вскинув меч,
Рушится Ринальд на Сакрипанта;
Тот подставляет щит —
Костяной под пластом каленой стали;
Меч Фусберт врубается в его толщъ,
Гулом отзывается лес,
Сталь и кость разлетаются, как льдинка,
И стоит сарацин с онемелою рукой.
- 11 Как увидела боязливая красавица
Этот ярый крушительный удар,
Искажается красота ее страхом,
Как у жертвы, когда близится казнь,
И она не желает медлить,
Чтоб не стать добычей Ринальда —
Того Ринальда,
Что противен ей так, как она ему мила
- 12 Повернув коня,
Она гонит его трудною тропой в гущу леса,
Поминутно оборачиваясь, бледна,
Словно уже Ринальд у нее за плечами.
Недолго так проскакав,
Встречает она в лесной лощине
Отшельника, богомольного и кроткого,
С длинною до пояса бородой.
- 13 Исхудалый годами поста,
Медленно он ехал на ослике,
И, казалось, душа в его лице
Являла уединенную ясность.
Пред нежным обликом
Девушки, представшей на его пути,
Хоть давно увядший и немощный,
Дрогнул он любовным состраданием.

*Анджеллина
в страхе
бежит,*

*встречает
отшель-
ника,*

- 14 А она его спрашивает,
Где есть путь ей к морю и к пристани
Она хочет покинуть Францию
И не слышать даже имени Ринальда.
Наш чернец умел волхвовать: *и тот*
Ободряющим словом *вызывает*
Он сулит ей избавление от невзгод *демона,*
И протягивает руку к своей суме.
- 15 Достает он книгу, а книга была волшебная:
Чуть прочел он в ней первый лист,
Как явился дух в обличье прислужника
И покорно внял его веленьям:
Связан писаным словом,
В тот понесся он лес, где лицом к лицу
Не давали друг другу спуска наши рыцари,
И отважно бросился между ними.
- 16 «Ради бога! — вскричал он, — скажите мне *который*
Если даже кто кого из вас зарежет, *разнимает*
Что вам проку *бойцов.*
От надсады такой борьбы,
Если граф Роланд без спора и боя,
Не прорвав ни одной кольчуги,
Нынче мчит в Париж
Ту красавицу, за которую вы бьетесь?»
- 17 Я Роланда повстречал за версту,
Он скакал с Анджеликою в Париж,
Тешась и смеясь,
Что ваш спор останется без награды.
Так не лучше ли,
Пока близко, пуститься им вслед,
Ибо где ни где, а в Париже
Он не даст вам на нее и взглянуть».
- 18 Видели бы вы,
Как смешались омраченные поединщики,
Как корили они себя: где глаза их и ум,
Что они вдались в обман сопернику?
Но вот храбрый Ринальд шагает к коню,
Дышит жаром, и бешена его клятва:
Если только настигнет он Роланда —
Вырвет сердце у него из груди.
- 19 Он подходит к Баярду.
И вскидывается в седло, и пускается вскачь,
Не сказав «прости», не позвав за седло
Пешего, оставшегося в чаще.
Ярый конь под хозяйскими шпорами
Все крушит и сносит на бегу —

Ни рвы, ни реки, ни скалы, ни сучья
Не своротят его с пути.

- 20 Не дивитесь, государь мой,
Что так быстро Ринальд овладел конем,
Столько дней догнав его напрасно,
И не могли дотянуться до повода.
У коня был человеческий ум,
И не зря он несся в такие дали,
А затем, чтобы привести господина
К даме, о которой так громко тот
страдал.
- 21 Ускользнувшую из Наимова шатра
Уследил Анжелику скакун —
В тот час без седока,
Ибо рыцарь сошел с его седла
На тот самый бой,
Где равно были неистовы Ринальд и
Руджьер;
И с тех пор не сбивался наш конь с ее
следов
В жажде воротить ее влюбленному.
- 22 Чтоб его завлечь в ее места,
Он маячил ему в долгом лесу,
А вскочить в седло не давал,
Чтобы тот не своротил его с дороги.
Это он
К ней доставил Ринальда и раз и два,
И напрасно: встал на пути
Один раз Феррагус, а другой раз —
черкес.
- 23 А теперь и он поверил демону,
Сбившему Ринальда на мнимый путь,
И понес свою конскую службу,
Как всегда, и твердо и послушно.
Ринальд шпорит коня к Парижу
Жгут его гнев и страсть,
И не то, что конь,
А и ветер ему кажется медленным. *Ринальд
скачет
искать
Роланда,*
- 24 Чтоб сойтись с Англандским героем,
Даже ночью он не хочет привала —
Столько веры в нем в пустые слова
Вестника лукавого чародейства.
Так он скачет от зари до зари,
И вот перед ним открылись
Те места, куда бедствующий Карл
Свел остаток пораженного воинства.

- 25 В ожидании боя и осады
От ливийского короля,
Он спешил скликать храбрых и отважных,
Крепить вал, рыть ров;
Ничего не упустил император
Сильного к обороне,
И решил он призвать к себе из Англии
Новый люд для нового стана,
- но Карл
посылает
его вместо
этого
в Англию.
- 26 С новой ратью выйти на брань,
Перебросить жребий битвенной удачи,—
И Ринальда он тотчас шлет в Британию,
В ту, что нынче — английский край.
Сетует паладин —
Не из неприязни к той земле,
А с досады, что Карл его торопит
И ни дня не дает ему промедлить.
- 27 Недоволен, как никогда,
Был Ринальд, которому отказывали
Искать светлый лик
Той, что вынула ему душу из тела.
Но, покорный Карлу,
Тотчас он тронулся в путь,
В несколько часов приспел в Кале,
В тот же день взошел на корабль,
- 28 Кормчим наперекор
Выплыл в море, чтоб скорее вернуться,—
А море было смутным и шумным
И зримо грозило грозою,
И вот вознегодовавший
Ветер вздыбил злобную бурю,
Валами со всех сторон
Охлестывая по самую мачту.
- В пути
Ринальда
застигает
буря.
- 29 Быстро моряки
Свивают широкие паруса,
Чтоб вернуться к пристани,
Откуда в недобрый отчалили они час;
Но «Нет!—свирепеет ветер,—
Не к лицу мне ваше своеволье!» —
И ревет, и свищет, и грозит крушеньем,
Если поплывут не по его гону.
- 30 То в корму, то в нос
Бьет неистовый все круче и круче;
Мечется корабль на малых парусах,
И его несет в открытое море...
Но как должен я выплесть
Из разных нитей — разную ткань,
То покину я Ринальда на волнуемой
корме,
А вернусь к сестре его Брадаманте.

- 37 «Сударь (так он начал), я держал мой путь
 С пешими моими и конными *Он расска-*
 В императорский стан, где на выходе из гор *зывает, как*
 Карл Великий ждал напасть на Марсилия; *вошебник*
 И со мною была юная красавица, *Атлант*
 О которой пылало мое сердце. *похитил*
 Но у города Родонны нам предстал *его даму*
 Латный воин на крылатом коне;
- 38 Смертный ли, адское ли исчадь,
 Но, завидев прекрасную мою милую,
 Он, как хищник,
 Соколом на дичь,
 Пал, взлетел, и в единое мгновенье
 Трепетная была в его руках.
 Не успел я вспомниться,
 Как лишь крик моей дамы слышался
 с высоты. V
- 39 Так разбойный коршун
 У курицы умыкает цыпленочка,
 А она вне себя, недоглядевши,
 Тщетным криком кудахчет ему. вслед.
 Как мне было догонять похитителя?
 Я в горах, везде отвесные кручи,
 Конь устал и еле двигает ноги
 По мучительным камням трудных троп.
- 40 Мне казалось, было бы легче,
 Чтобы сердце мне вырвали из-под ребер!
 Я оставил моих бойцов
 Без вождя продолжать свой путь,
 А сам, путеводимый Любовью,
 По откосам; где было способнее,
 Стал держать туда, куда хищник унес
 Мой покой и мою утеху.
- 41 Шесть дней я шел от зари до зари
 По кручам и склонам, чуждым и грозным,
 Без дорог, без троп,
 Без следа ноги человеческой,—
 И пришел в заброшенный дикий дол
 Меж каменных гор и черных берлог,
 И там был ут^с, а на утесе замок,
 Неприступный, крепкий и дивно прекрасный.
- 42 Издали сиял он, как пламя,
 Не кирпичным был он и не мраморным;
 А как ближе подошел я к его сиянью,
 Он предстал еще чудесней и прекрасней.
 После я узнал: это работные демоны,
 Повинуясь заклятьям и куреньям,

Возвели эти стены из булатной стали,
Кованой в аду и каленой в Стиксе.

43 Такой гладью сияла сталь,
Что не брала ее пятнистая ржавчина.
Здесь-то и укрывался злой хищник,
И отсюда он рыскал днем и ночью.
Без помехи в своих разбоях —
Тщетны крик и проклятья ему вслед.
Здесь замкнул он мою даму, мое сердце,—
Больше нет мне надежды ее вернуть.

44 Бедный, лишь издали смотрел я
На утес, затаивший мое счастье —
Как лиса, которая слышит
Писк лисенка в орле гнесте,
А без крыльев достать его не может,
И теряется, и мечется вокруг.
Крут утес, еще круче — стены;
Только птице взлететь в такую высь.

45 Так я медлил, и вдруг я вижу:
Двое витязей, а ведет их карлик.
Вмиг желанье мое вспыхнуло надеждой,
Но и та и другое были тщетны.
Это были два отважных героя —
Градасс, сериканский царь,
И Руджьер, юный удалец,
Что в чести при африканском владыке.

*и как би-
лись с вол-
шебником
Руджьер
и Градасс.*

46 „Эти двое,—сказал мне карлик,—
Собрались померяться силой
С владетелем этого замка,
Небывалым всадником четвероногой
птицы".
Я воскликнул: „О, господа,
Сжальтесь над горькой моей бедою,
В час победы (на нее моя надежда!),
Умоляю, воротите мне мою даму!"

47 Я поведываю о своей утрате,
Слезы подтверждают мою боль;
Они многие сулят мне посулы
И спускаются к замку с крутизны,—
А я остаюсь видеть бой вдалеке
И молить небеса об их победе.
Перед замком было ровное место
Шириной в два переброса камнем;

48 Там, у подножия утеса,
Двое спорили, кому биться первым.
То ли жребий помог Градассу,
То ли меньше это было дорого Руджьеру,

Но вот сериканский царь
Трубит в рог, отгрянули скалы и стены,
И является из ворот
Латный рыцарь на крылатом коне.

- 49 Взлетал он понемногу,
Как перелетный журавль,
Разбежавшись, вздымается над землей
На локоть, на два,
А потом распахнет свои крылья,
И уже за ними не уследить.
Так колдун плещет взмахами в такую высь,
Где не реют и орлы.
- 50 А в урочный миг поворотил он коня;
Сложив крылья, тот прынул вниз —
Так бьющий сокол
Рушится взять горлинку или утку;
Всадник, взяв копье вперевес,
Грозным шумом рассекает воздух —
И еще не взвидел его Градасс,
Как сотрясся от удара и раны.
- 51 Бьет в Градасса волшебниково копье —
А Градасс разит лишь праздный воздух.
Потому что бивший уже
Отлетел поодаль,
Но удар его бросил на траву
Славную альфанскую кобылицу —
Была у Градасса альфанская кобылица,
И лучше ее не хаживало под седлом.
- 52 До звезд взвился колдун,
И кружит, и низлетает вновь,
И разит не чающего Руджьера,
Руджьера, что весь в тревоге о Градассе.
Руджьер покачнулся от удара,
На шаг отшатнул коня,
А когда размахнулся для ответа,
Тот уже маячил в вышине.
- 53 То он на Градасса, то он на Руджьера,
То в лоб, то в грудь, то в хребет,
А они к нему тянутся впустую —
За летучим не уследить.
Он витает широкими кругами,
Одному грозит, а другого разит,
И обоим так мелькает в очи,
Что они не знают, откуда ждать.
- 54 Двое на земле, один в небе —
Так они сражались до поры,

И она велит повторять рассказ
Раз и два, и снова, и снова.

- 60 А когда все предстало ей ясно,
Она молвила: «Рыцарь, не печалуйся—
Мой приход может стать тебе счастьем,
А этот день—днем большой удачи.
Двинемся в те алчные стены,
Где сокрыто такое сокровище —
И труды наши не будут напрасны,
Если только не изменит нам Фортуна».
- 61 Тот в ответ: «Это значит, я должен вновь
Протоптать эти горы, а ты — за мною?
Что ж, потерявши все,
Мне не жалко терять и этот труд!
Но тебе по этим скалам и росщелям
Прямая дорога — в плен!
Пусть так! Не пеняй же,—
Я предостерег, но ты пошел».
- 62 Так сказал он, и сел на коня,
И повел отважную вслед себе,
Для Руджьера не дрогнувшую перед тем,
Что колдун ее убьет или похитит,—
Как вдруг—гонец
С громким криком «стой! стой!» —
Тот самый гонец, который
Объявил черкесу его соперника.
- 63 У гонца к Брадаманте были вести,
Что от Монпелье и Нарбонны
По самые Мертвые Воды
Берег вскинул кастильские стяги,
Что худо городу Марселю
Без своей заступницы,
И он просит совета и подмоги,
И веряется только ей.
- 64 Этот гброд и с ним все земли
От моря до Роны и Вара
С верою и надеждою
Государь вручил дочери Амона,
Дивясь ее доблести
Всякий раз, как видел ее в ратоборстве.
Вот из этого Марселя
И приспел к ней гонец с мольбой о помощи.
- 65 Юная колебалась меж «да» и «нет»:
Вернуться или не вернуться?
Оттоль зовет честь и долг —

За уступами, резаными и рублеными в
камне,
А внизу была дверь.

71 Дверь была большая и широкая
И распахивалась в просторный покой,
А оттуда шел свет, как будто
Это факел пылал в пустой горе.
Онемел злодей от изумления,—
А тем временем героиня,
Издали страхась потерять его след,
Настигает его над самой пещерой.

72 Увидевши злодей,
Что напрасен вышел первый его умысел
Потерять ее или погубить ее,
Новый и причудливый затеял ков.
Он вышел к ней, он позвал ее
Туда, где в горе был пустой провал,
И сказал ей, что в глубине
Видел он красавицу-девицу;

*и сбрасывает ее
в горную
пещеру.*

73 Ясный лик, богатый наряд
Обличали в ней знатную породу,
Но была она смутна и печальна,
Словно не по воле томилась в плену.
Что с нею? —
Он стал уже спускаться, чтоб узнать,
Но тут встал из глуби
Некто яростный и повлек ее внутрь.

74 Брадаманта
В безоглядной своей отваге
Поверила Пинабелю
И рванулась помочь красавице,
Но не знала, куда шагнуть.
Вскинув взгляд на ветвистый вяз,
Отсекает она мечом своим длинный сук
И спускает его в расселину.

75 Срубленный конец
Отдает она держать Пинабелю,
А сама опускает ноги в пропасть
И всем телом повисает на руках.
Улыбнулся Пинабель и спрашивает,
Удобно ли так ей спрыгнуть? —
А потом, разжав и вскинув руки:
«О, как жаль, что с тобой не весь твой род!»

76 Но иначе приключилось с невинною,
Чем надеялся Пинабель,—

- Не оставят мой труд до совершенства.
 Но пора: вернусь
 И к тому, кого не спасут ни шлем, ни
 , латы,—
 К Майнцскому Пинабелю,
 Чаявшему погубить свою спутницу.
- 5 Рассудив, что дева
 Сгнула на дне безмерной пропасти,
 Вероломный с бледным лицом
 Отошел от порога скорби и скверны,
 Торопясь взмогил в седло,
 А как всякая нечистая совесть
 Громоздит злое дело на злое дело,
 То уводит он с собой Брадамантина коня.
- 6 Так оставим же его
 Ковать ковы другим на свою пагубу,—
 Обратимся к той, кого он предал
 Разом и смерти и каменной могиле.
 Когда встала она, оглушенная
 От ушибов о крутые каменя,
 То вошла она в дверь,
 А за дверью была вторая пещера больше
 первой
- 7 Просторная, четверугольная,
 Была она, как благолепная храмина,
 Вставшая алебастровыми столбами
 Редкого и дивного зодчества.
 Посредине высился приглядный алтарь,
 Перед ним возжена была лампада,
 И свет ее, блестящий и ясный,
 Разливался и в тот покой, и в этот.
- 8 Богомольным смирением
 Осеняет деву святой приют,
 И она, преклонив колени,
 Сердце и уста возносит к Господу.
 Вдруг скрипнула невидная дверца,
 И выходит из стены к ней женщина,
 Волосы распущены, босая, без пояса,
 И по имени привечает Брадаманту.
- 9 «Благородная Брадаманта,
 Не без божьей воли ты здесь!
 Мне давно тебя предвестил
 Прорицательный дух Мерлина,
 Молвив, что нечаянным путем
 Ты придешь ко святым его останкам—
- Пинабель
отъезжает,*
- а Брадаманта
попадает
в пещеру Ме-
рлина.*
- Ее встреча-
ет Мелисса,*

И осталась я здесь открыть тебе,
Что судили тебе небеса.

- 10 Это древний памятный грот Мерлина,
О котором, верно, ты слыхивала,—
Здесь иссек его мудрый волхв,
Здесь обманут был Дамою Озера,
Здесь и гроб, где иссохла его плоть,
Где в угоду ее уговору
Он возлег живой
И остался мертвый.
- 11 Но и в мертвом теле жив вещей дух
До самого часа, когда судная труба
Грянет звать и гнать
Тех, кто ворон, и тех, кто голубь.
Жив в нем голос, и ты сама услышишь,
Как он всходит из мраморной гробницы,
На всякий спрос
Возвещая и о бывшем и о будущем.
- 12 Много тому дней, как из дальних стран
Я пришла к его мавзолею,
Чтобы изъясил мне Мерлин
Темную тайну моих забот;
А в желанье видеть твое лицо
Я осталась на месяц сверх урока,
Ибо он, нелгуший,
Мне назвал этот день твоего прихода».
- 13 Смущенно стояла дочь Амона,
Молча силясь вместить услышанное;
Чудеса теснили ее душу,
И она не знала, спит или не спит.
Скромно опустив стыдливые вежды,
Только она и промолвила:
«Чем я причинна,
Что пророки пророчат мой приход?»
- 14 И, радостная небывалому,
Пошла она вслед за волшебницей
К гробнице,
Сокрывавшей Мерлинов и прах и дух.
То был саркофаг из твердого камня,
Гладкий до блеска, красный, как пламя,
Бросавший свет
На все подземелье, не видевшее солнца.
- 15 Мраморы ли бывают такие,
Что, как факелы, прогоняют тьму,

Или то заклинанья, куренья
И знаки, начертанные по звездам
(Наверное, так!),
Оживляли великолепии
Чудной резьбы и красок,
Венцом облеглих святыню.

- 16 А едва Брадаманта занесла стопу
На порог заветной часовни,—
Живой дух из мертвого тела
Ясным голосом к ней возговорил:
«Благослови Фортуна всякую твою волю,
Благородная и чистая
Дева, от которой возрастает
Многоплодный сев, честь Италии
и Вселенной!

*Мерлин воз-
вещает
Брадаманте
и Руджьеру
стать родо-
началь-
никами
Эсте,*

- 17 Древняя троянская кровь
Сольет в тебе два потока
И родит красу, цвет и радость
Всем подсолнечным племенам
Между Индом, Тагом, Нилом и Дунаем,
От южного полюса до медвежьих звезд.
Чтимые явятся в потомках твоих
Вожди, князья, государи;

- 18 Выйдут из них воеводы и воители
Мыслью и дланью
Древнюю возродить честь
Всепопобедного оружия Италии;
Выйдут праведные владыки,
Августу подобные и древнему Нуме,
Благосклонными скиптрами
Оживить золотой первородный век.

- 19 Во свершение небесной воли
Над тобой, изначально избранной
В брак Руджьеру,—
Смело шествуй своей стезей!
Нет в мире сил
Пошатнуть твой замысел
И спасти от твоего крушительного приступа
Злого вора, замкнувшего счастье твое!»

- 20 Смолк Мерлин на этих словах,
Чародейке оставив делать дело —
Явить Брадаманте образ
Каждого из ее потомков.
Немало было избрано духов,
Не знаю, из ада или не ада,
И все были здесь,
Разные станом и лицом.

- 21 Вершительница Брадаманту ведет в притвор,
Где начертан был круг
В полный ее охват
И еще на пядь с каждой стороны.
А чтоб не было обиды от духов,
Осняет она деву большим пентаклем
И велит стоять, молчать, смотреть,—
А сама, раскрывши книгу, кличет демонов.
- 22 И вот из первой пещеры *перед*
Вкруг священного круга теснятся тени, *Брадамантой*
Рвутся проникнуть, но путь закрыт *проходят*
Заповедней, чем рвом и валом. *духи ее по-*
И тогда вереницей они уходят *томков*
В тот покой, где починут мощи Мерлина,
Трижды пред тем
Урочным обходом обогнувши круг.
- 23 «Если все назвать имена и подвиги
(Говорит Брадаманте заклинающая)
Тех, что под чарами
До рождения своего предстали пред тобой,
То на это не станет целой ночи,
И неведомо, когда мы расстанемся.
Я поведаю лишь о немногих,
Вслед порядку и благому случаю.
- 24 Смотри: вот первый,
Так с тобою схожий красой и прелестью,
Начинатель италийского рода, *от Руджьера*
Понесенный тобою от Руджьерова семени.
Я провижу: от его руки
Обагрится земля понтьерской кровью
В месть за вероломство и предательство
Тем, от коих падет его отец.
- 25 Пред силою его рухнет
Дезидерий, владыка лангобардов,
И за это примет он под высокую руку
От державной власти Эсте и Калаон.
Вслед ему — вот твой внук Уберт,
Бранная краса гесперийского края,
Не раз и не два
Охранит он от басурманов святую Церковь.
- 26 Вот непобедимый Альберт,
Столько храмов украсивший трофеями;
С ним Гугон, его сын, что над Миланом
Развернет свой стяг со знаком змей,
И Ассон, который после брата
Примет под руку инсубрийский край.

Двое Гвельфов, из которых один
 Возьмет Умбрию и княжий плащ Сполето.
 И вот—избавитель Италии от кровавых
 мук,
 Слезы в смех обращающий для страждущей—
 Это он (показав на Ассона Пятого),
 Кем подавлен будет Эццелин,

- 33 Эццелин, чудовище меж тиранов,
 Дьяволовым слывающий отродьем,
 Пагуба подданным, разор милой Авзонии,
 Извергатель столького зла,
 Что пред ним добронравны
 Марий, Сулла, Гай, Нерон и Антоний;
 И пред тем же Ассоном
 Рухнет в прах второй кесарь Фридрих.
- 34 Будет под благодатным его скиптром
 Добрая земля над тою рекою,
 Где кликал слезною лирою
 Феб сына своего, не управившего свет,
 И плакал янтарь из тополей,
 И Кидн одевался белыми перьями.
 Этот удел за тысячу услуг
 Воздаст ему апостольская церковь.
- 35 А забыть ли брата его Альдобрандина?
 Для римского первосвященника
 На Четвертого Оттона и присных его,
 Досягнувших Капитолия,
 Полонивших все окрестные места,
 Угрызавших Умбрию и Пицен,
 Он, бессильный без многого золота,
 Станет сыскивать взаем у Флоренции,—
- 36 А в залог, не имея большей радости,
 Ей отдаст любимого брата;
 А потом, вскинув стяг побед,
 Разметет германское полчище!
 Он воссадит Церковь на престол ее,
 Он воздаст поделом Челанским графам
 И в служенье высочайшему Пастырю
 Кончит дни свои в цветущей поре.
- 37 Он оставит Ассона, единокровного своего,
 Наследником Анконе и Пизавру
 И каждому городу от Триента
 До Исавра, моря и Апеннин,
 И тому, что превыше золотой казны,—
 Веледушию, доблести и верности.
 Все иное Фортуна и дает и берет,
 А над доблестью нет ей воли.

- 38 Вот и Ринальд — тот Ринальд, в котором
Был бы скор блеснуть луч не меньших
честей,
Если бы — на горе славным родичам! —
Если бы не злая смерть и завистливая
судьба.
Скорбь о нем прозвучала до Неаполя,
Где томится он заложником за отца.
А вослед ему пред тобою Обиссон:
Юный, будет он избран князем после деда;
- 39 К добрым своим землям он прибавит
Ясный Регий и строптивую Модену;
Такова его будет доблесть,
Что народы дружно призовут его править.
Из сынов его, взгляни, вот шестой Ассон,
Знаменосец креста Христова,—
Он возьмет графство Андрию за дочь
Сицилийского Второго Карла.
- 40 А за ним, посмотри, в красе и дружбе
Сонм князей, сиятельный превосходством:
Обиссон, Альдобрандин, Николай Хромой
И Альберт, весь любовь и милосердие.
Промолчу, чтоб не медлить,
Как умножат они власть свою Фавенцей,
А еще отважней — тою Адрией,
Что даст имя неумной соли моря,
- 41 А еще — землю, родящей розы,
Чтобы зваться сладким их греческим зовом,
А еще — тем городом рыбных лагун,
Тем страдальцем двух устьей По,
Где жаждут живущие
Бурь в море и вихрей над морем;
Промолчу и об Ардженто и о Луго
И о тысяче других городов и крепостей.
- 42 Вот — опять Николай; в нежном еще
отрочестве
Примет люд его господином над собой,
И ничто ему Тидей,
Поднявший на него гражданскую брань.
Детской будет для него забавою
Латный пот и оружный труд;
Процветет в нем воительный цвет
Из завязи раннего усердия.
- 43 Каждый умысел тех мятежников
Выведет он на свет, обернет во вред,
Каждая битвенная хитрость

Безобманно будет ему ясна.
Поздно в том уверится Терцо Оттобон,
Злой тиран Регия и Пармы,
Разом от героя
Пишась в разгроме и власти, и жизни.

- 44 Так владычествуя шире и шире,
Ни на шаг он не сойдет с прямого пути;
Никому необидевшему
Не станет от него вреда;
И на том Вышний Движитель Мира
Не положит ему границ,
Но продлит его власть во благо,
Пока звезды ходят в своих кругах.
- 45 Вот Леонелл и вот славный Боре,
Первый меж князей, герой меж сверстных,—
На мирном престоле громче его триумф,
Чем иные ищут в дальних землях;
Марсу не даст он взвидеть света.
Ужасу скрутит руки за спиной;
И одна у него будет властная забота —
Чтобы жил в довольстве его народ.
- 46 И вот — Геркулес,
Его неровный шаг опаленной ноги —
Как укор соседу, чей дрогнувший полк
Лбом и грудью удержит он при Будрии,
Хоть награда ему за это — война
И набег до самых Баркских порослей.
Как молвить о нем,
Державней ли он в войне или в мире?
- 47 Долгой памятью вспомнят его дела
Апулия, Калабрия, Лукания,
Где за небывалый бой он примет лавр
От монарха каталанского;
Меж непобедимых воевод
Многими одоленьями стяжает он имя,
И за доблесть возымеет он власть,
Тридцать лет, как ему должную.
- 48 Сколько в свете есть благодарствований,
Столько будет их князю от земли его:
Не за то, что топи
Обратит он в плодоносные нивы,
Не за то, что валом и рвом
Он упрочит своих сограждан,
И украсит храмы, и украсит дворцы,
И площади, и театры, и здания,

- 49 Не за то, что уберется он от хитрой
Дерзости окрыленного Льва,
Не за то, что в час, когда галльским огнем
Полыхнет вся прекрасная Италия,
Лишь его удел выстоит в мире,
Вне страха и побора,—
Не за это и не за иное
Будет люд благодарен Геркулесу,—
- 50 А за то, что подарит он миру двух отпрысков,
Правого Альфонса и доброго Ипполита,
Подобных славным в древней молве
Близнецам Тиндарейского лебедя,
Чередой сходящим из-под солнца
В черный воздух, чтобы вызволить друг
друга:
Такова и в них будет воля и сила —
Друг за друга принять долгую смерть.
- 57 Великая любовь славной четы
Больше осенит народ спокойствием,
Чем если бы сам Вулкан
Оковал их стены двойным булатом.
Мудрость и доброта
Так сольются в Альфонсе, что грядущий век *до Альфонса*
Решит, что сама Астрея
С неба воротилась в наш жар и холод.
- 52 Благо ему, что он мудр
И доблестен, как отец,—
Ибо мало тех, кто с ним,— а рядом
Справа на него — полки венецианцев,
А слева—та,
Кому зваться бы не матерью, а мачехою,
Если же матерью —
То такую, как Медея и Прокна.
- 53 С верным своим народом
Сколько он ни выйдет на рубеж, .
Столько будет врагу от него разгромов
Ночью ли, днем ли, на море и на земле.
Уверятся в этом и романцы,
Под недобрым вождем выступив на друзей,
Когда кровь их зальет поля
Между По, Сантерно и Заньоло —
- 54 Там же, где вскоре
Научатся его знать
Испанцы высокого Пастыря,
Ураввшие его Бастию, убившие его вожда,—
Ибо, вновь взяв взятое, он

Не оставит ни малого, ни главного
С вестью в Рим
Об утрате и о погибели.

- 55 Это он умом и копьем
На романском поле
Даст французскому воинству честь
Одоления над Испанией и Юлием:
По стремена в крови
Кони поплывут над бранным полем,
И не станет рук хоронить
Немцев, римлян, испанцев, франков, греков.
- 56 А другой, в ризе иерарха
Скрывший алым святые кудри,—
Это сильный и светлый духом
Высокий кардинал римской церкви
Ипполит, на веки веков
Всем наречьям герой слов, стихов и песен,
Которому правосудное небо
Даст Марона, как дало Марона Августу.
- 57 Он блеснет в блистательном пламени,
Как солнце в мировом колесе,
Ярче луны и звезд,
Ни одно светило пред ним не первое.
Вот с немногими пешими, с еще меньшими
конными
Выступает он грустный, возвращается
радостный,
И ведет к берегам своим в плен
Пятнадцать галер и без счета челнов.
- 58 Взгляни дальше: вот Сигисмонд и
Сигисмонд,
Вот Альфонсовы пять любезных отпрысков,
Чьей молве ни моря, ни горы
Не помеха наполнить мир:
Между ними — Второй Геркулес, зять
Франции,
И тот Ипполит,
Чей в роду не меньше просияет луч,
Чем у славного соименника,
- 59 И Франциск, и еще два Альфонса;
Но уже я молвила —
Чтобы каждую показать тебе ветвь,
Какою процветет твой ствол,
Много нужно раз
Вспыхнуть и стемнеть небесам,—

А ныне мне пора
Дать покой теням и умолкнуть».

- 60 Не перечила дева,
И волхвующая затворила книгу.
Призраки чередую
Тотчас канули в глубь, где моши мудрого.
С Брадаманты снят зарок молчания,
И она, разомкнув уста,
Вопрошает: «Но кто были те двое,
Скорбные, меж Альфонсом и Ипполитом?
- 61 Очи долу, вздохи на губах,
Ни следа отваги в облике—
И поодаль от них держали шаг
Словно бы сторонящиеся братья?»
Но волшебница переменилась лицом,
Залилась слезами
И воскликнула: «Злополучные,
Стрекалом недобрых сбитые с пути!
- 62 О добрая поросль доброго Геркулеса,
И в них, в несчастливцах,— твоя ведь кровь!
Да не сломит грех—доброты,
Да уступит правосудие — милосердию!»
(И притишив голос:)
«Больше тебе о них—ни слова:
Сладко будь устам твоим, и не сетуй,
Что не стану я уязвлять их горечью.
- 63 А как вспыхнет в небе рассвет,
Ты за мною выйдешь на ближайший путь
К тому замку, сияющему сталью,
Где томится Руджьер под чужою волей.
До опушки дремучей этой чащи
Я тебе буду спутницей и вожатою,
А как выйдем к берегу моря —
Укажу тебе след, с которого не сбиться».
- 64 Все ночь ночевала в подземелье
Юная воительница,
И увещевал ее Мерлин
Не медлить за любезным ее Руджьером.
А как вновь озарилось небо,
Вышла она из земных хором
В путь, надолго еще тесный и темный,
Рядом с духовидицею.
- 65 Они едут глухим ущельем
Меж невступных гор,
Без отдыха целый день,
Вскачь чрез расселины, вперерез ручьям;
- с его бр'атья-
ми-
заговорщи-
ками.*
- Мелисса вы-
водит Брада-
манту на до-
рогу*

- 4 Видит: и гостиник, и все люди его —
Кто у окон, кто во дворе,
К небу глаза и лбы,
Словно там затменье или комета.
Смотрит: в вышине—диво,
Сразу и не поверишь:
Мчится по воздуху крылатый конь,
И в латах на нем—ездок.
- 5 Раскинуты крылья, переливаются перья,
Меж ними—всадник, прямой в седле,
Весь в железе, светлом и блестящем,
И правит путь прямо на закат,
И вот ринулся вниз и исчез за горами.
«Это был колдун,—
Сказал гостиник (и это была правда),—
Он часто летает этою стороной:
- 6 То он держится выше туч,
То ведет над самою землей,
Но всякую девушку, взрачную на вид,
Он, завидев, хватает и уносит.
Поэтому бедные те,
Кто красивы, или думают, что красивы
(Всем от него беда!),
Прячутся по домам и не видят божьего света.
- 7 Замок у него в Пиренеях (продолжал
гостиник),
И замок этот—колдовской,
Весь из стали, весь так и сияет,—
Другого такого чуда на свете нет.
Много на него ходило рыцарей,
Но никто не хвалился, что вернулся;
Думаю я, сударь, и боюсь—
Или они в плену, или убиты».
- 8 Слушает девица и радуется *и собирается*
В надежде (и не праздной надежде) *с Брунелем*
Так спытать чудотворное кольцо, *против него.*
Что конец придет колдуну и замку.
Говорит она гостинику: «Дай мне человека,
Чтоб получше знал здешние дороги—
Не могу терпеть, кипит мое сердце
Схватиться с таким колдуном».—
- 9 «Будет тебе вожатый,— отозвался
Брунель,—
Мне с тобою одна дорога,
А у меня есть и путь на чертеже,

И еще, за что ты скажешь спасибо».
 (Это значило: перстень; но вслух он не сказал,
 Чтобы не пришлось потом расплачиваться).
 «Подлинно, спасибо»,—говорит Брадаманта.
 (Это значило: перстень— моя добыча).

10 Что на пользу—сказано, что во вред
 Делу с сарацином—о том ни слова.
 У хозяина в угоду ей был скакун,
 Удалой для бега и для боя.
 Она за него заплатила
 И на ясном рассвете пустилась в путь.
 Тропа шла узким ущельем,
 Брунель был то впереди, то позади.

11 С холма на холм и из рощи в рощу,
 Так и въехали они на ту вершину,
 Где видно с Пиренеев в бестуманный день
 Францию, Испанию и оба моря,
 Как у нас с Камальдолийской горы
 И тосканские видно волны, и славянские.
 А отсюда крутым и трудным спуском
 Они сходят в глубокую долину.

12 Посреди долины была скала,
 Чья вершина— в венце стальной стены:
 Так вздымалась она в самое небо,
 Что округа стелилась далеко внизу.
 Кто без крыльев, не лстись достичь
 вершины—
 Тщетный труд!
 «Здесь,—сказал Брунель,—
 Изнуряет колдун в темнице дам и рыцарей».

*Они подъез-
 жают
 к замку.*

13 С четырех сторон обрывался обрыв,
 Падающий вниз, как по отвесу;
 Ниоткуда ни лестниц, ни уступов,
 По которым можно взойти;
 Сразу видно,—лишь крылатая тварь
 Могла свить гнездо в таком пристанище.
 Поняла красавица: пришел ее час
 Отбить кольцо и убить Брунеля.

*Брадаманта
 отнимает
 перстень
 у Брунеля,*

14 Но противно ей было запятнаться
 Кровью презренного и безоружного:
 Разве трудно овладеть ей богатым перстнем
 Без его погибели?
 И Брунель не остерегся:
 Она его схватила.
 Крепко вяжет к высокой сосне,
 А с перста срывает свою добычу.

- 15 Он рыдал, он стонал, он взывал,
 Но не умолил ее к пощаде,
 Осторожно сходит она с горы
 В ту долину, под самый замок,
 И чтобы колдун предстал для битвы,
 Трубит в свой рог.
 Рог гремит, и она грозящим криком
 Кличет злобного в поле и на бой.
- 16 Тотчас на гул и голос
 Чародей является из ворот —
 Крылатый конь его мчит сквозь ветер
 На нее, как на оружного мужа.
 И сперва воительница радуется,
ОТО ничем он зримо не опасен:
 Ни копыя с ним, ни меча, ни палицы,
 Чтоб пробить или разбить ее доспех.
- 17 Только щит у него был на левой руке,
 Весь в багряном покрове шелка,
 Только книга в правой, но, читая в книге,
 Он являл очам дивные чудеса,
 То казалось во мгновенье века,
 Что он мчится копьем наперевес,
 То разит клинком или палицею,—
 А меж тем он был далек и недосягаем.
- 18 Только конь был не мнимый, а истинный,
 Конь, исчадь кобылицы и грифона:
 Перья и крылья—в отца,
 И передние лапы, и лоб, и пасть,
 Остальное же все—как у матери.
 Имя ему было—гиппогриф,
 Водятся такие (но редко)
 На Рифее, обок льдистого моря.
- 19 Силой чар стяжал его колдун,
 И никто другой ему стал не надобен:
 Неустанным трудом
 В месяц он взнуздал его под седло и повод.
 На земле и в небе, на юг и север
 Он ристал на нем, не зная равных.
 Да, средь призрачных его чар
 Только конь и был настоящим.
- 20 Все иное было навождением,
 Где вставало черное белым.
 Но в поединщице не было испуга —
 Ее перстень хранил ей верный взгляд.
 Она сеет удары в ветер,
 Она мечет коня вправо и влево,
 Она тщетно силится и бьется,—
 Но затем лишь, что так ей было велено.

*бьется с кол-
дуном,*

- 21 А поратовав верхом,
Сходит она с седла на землю,
Чтоб вернее достигнуть своего,—
Был и это урок умной волшебницы.
И тогда последней своею чарой,
Не зная и не чая отпора,
Раскрывает колдун свой щит,
Чтоб низвергнуть врага заветным блеском.
- 22 Он бы мог раскрыть его сразу
Не мороча воителей игрою,—
Но ему был сладостною потехою
И разбег их копий, и размах мечей.
Так хитрый кот
Вновь и вновь заводит шутки с мышью,
А когда прискучит забава—
Вдруг прикусит и бросит насмерть.
- 23 Маг—как кошка, а враг—как мышка:
Так бывало в прежних его схватках,
Но не так было в этот раз,
Ибо на персте у противницы был перстень.
Зорко и твердо она следила,
Чтобы не было волхву перевеса.
А завидев раскрытый щит—
Сжала веки и упала наземь:
- 24 Не ослеплена,
Как другие, блеском яркого металла,
А затем, чтобы обманувшийся чародей
К ней спустился со своего коня.
И она не обманулась в умысле:
Чуть коснулась голова ее земли,
Как летун учащает взмахи
И широкими кругами идет на спуск.
- 25 Щит вновь под платом, *и побеждает*
Он крепит его к седлу *его.*
И сходит к лежащей пешком,
А она ждет, как волк в кустах козленка
Он рядом—и она на ногах,
И схватила, и ему не вырваться.
Книгу, где вся ратная его снасть,
Злополучный оставил на траве,
- 26 И была при нем только цепь,
Что всегда он носил на поясе,—
Потому что шел он ее связать,
Как ужг и прежде стольких связывал.
А теперь он лежал перед победительницей,
Беззащитный,
И не диво, ибо не ровня—
Он, старик, и она, могучая.

- 27 Она вскидывает победную руку—
Отсежь сраженному голову;
Но глядит ему в лицо и отводит удар,
Гнушаясь недостойным отомщением.
Она видит: пред ней в последней беде—
Чтимый старец с печальным ликом,
Лоб в морщинах, седые кудри,
И ему лет семьдесят или близ того.
- 28 «Возьми, юный, жизнь мою, ради неба!»—
Молвит старец, в гневе и горе.
Но как рвется он отдать жизнь,
Так она противится отнять ее.
А желает она узнать:
Кто он? и зачем он воздвиг
Здесь, в глуши, свой оплот? и зачем
В целом мире сеет он погибель?
- 29 «Ах, не по недоброму умыслу
Взнес я замок на высь утеса,—
Простонал к ней старый чародей,—
И не из корысти стал я хищником,
А подвигла меня любовь
Уберечь от рокового пути
Славного рыцаря, обреченного от звезд
Стать крещеным и пасть от измены.
- 30 Свет не видел меж севером и югом
Такого удальца, такого красавца.
Имя ему Руджьер;
Я, Атлант, с пелен его вскармливал и вспа^
ивал.
Жажда славы и жадный рок
Его бросили вслед царю Аграманту;
А мне он был, как сын, и искал я
Вызволить его из беды и из Франции.
- 31 Чудный замок я воздвиг лишь на то,
Чтоб замкнуть в безопасном Руджьера,
Когда взял я его,
Как хотел я нынче взять и тебя.
А рыцарей, дам и прочую знать,
Которую сам ты увидишь,
Я увел сюда затем, чтоб Руджьеру
С ними легче была долгая неволя.
- 32 Выхода им отсюда нет,
Но иные их радости мне в радость:
Все, что можно собрать с целого мира,
То и собрано за этими стенами—
Звоны, песни, игры, наряды, сласти—
Все, что сердце просит и губы молвят.
Славно я сеял, славно пожинал,
Но ты пришел, и всему конец.

*Но Атлант
любит Руд-
жьера и хо-
чет укрыть
его от опас-
ностей.*

33 Ах, если душой ты хорош, как видом,—
 Не препятствуй доброму моему умыслу!
 Вот тебе щит—дарю,
 Вот тебе конь, летящий в ветре;
 Но не посягай на мой замок!
 Уведи двух, трех друзей, а больше не трогай;
 Уведи хоть всех, не заспорю,
 Лишь оставь мне моего Руджьера.

34 Если ж и его ты хочешь отнять —
 О, тогда, унося во Францию,
 Прежде вырви мое разбитое сердце
 Из развалины этого тела!»
 Но девица ему в ответ:
 «Его-то от тебя я и вызволю!
 А ты плачь, сколько хочешь, но не сули мне
 даров:
 И конь твой и щит и без того уже не твои.

35 Да хоть будь они и в твоей власти —
 Недостаточна такая мена:
 Ты сказал, что заточил Руджьера
 От дурного знака его созвездий?
 Но что предназначено ему небом,
 То или неведомо или неизбежимо!
 И тебе ли, не видев собственной беды,
 Прозирать судьбу твоего ближнего?

36 Не проси умереть: я не слышу просьб.
 А ежели впрямь ты ищешь смерти,
 То, будь целый мир наперекор,
 Сильный духом всегда в ней властен.
 Но пока ты жив —
 Раствори темницу твоим невольникам!»
 Так молвила героиня
 И с пленным волхвом двинулась к скале.

37 Собственною скованный цепью,
 Шел Атлант, и она за ним,
 Все еще ему не веря,
 Хоть и был он подавлен и убог.
 Немного прошли они шагов,
 Как явилась в подножии расщелина,
 А за ней—ступени винтом
 Вверх до самого входа в замок.

*Он
 освобождает
 пленников
 замка,*

38 Подымает Атлант с порога камень,
 Весь в странных чертах и тайных знаках,
 А под ним сосуды, имя им—урны,
 Из них шел дым, а внутри был огонь.
 Вдребезги дробит их колдун—и вмиг
 Кругом пустыня, безлюдье, глушь,
 Ни стен, ни башен,
 Словно замка на скале и не бывало.

- 39 Исчез волшебник,
 Как дрозд из сетки,
 Замка — нет,
 Узники его—на воле.
 Дамы и паладины
 Из хором очутились в чистом поле,
 И вздохнул не один,
 Что на воле уж нет того довольства.
- 40 Здесь Градасс, и здесь Сакрипант,
 Здесь Прасильд, благородный витязь,
 За Ринальдом шедший из Леванта,
 С ним Ирольд, верный его друг;
 И вот видит прекрасная Брадаманта
 Желанного своего Руджьера,
 И он ее узнает,
 И идет к ней с приветным ликованием,—
- 41 Ибо любит ее Руджьер
 Больше света, больше сердца, больше жизни
 С того самого дня, как пред ним скинула она
 шлем,
 И ранили ее в открытую голову.
 Кто и как— об этом долго рассказывать,
 Но искали они друг друга день и ночь
 В том лесу, дремучем и диком,
 А нашли только здесь и теперь.
- 42 И вот видит он ее, и вот видит он в ней
 Единую свою избавительницу,
 И таким он полон ликованием,
 Что никто его на свете не блаженней.
 Вдвоем сходят они в тот дол,
 Где красавица венчалась победою,
 И глядят: перед ними — гиппогриф,
 А на боку его — щит в покрове шелка.
- но Руджьера
 он заманивает
 на жспогрифа,*
- 43 Брадаманта идет к его узде;
 Конь помедлил, пока она приблизилась,
 А потом'расширяет крылья
 И опять опускается невдали.
 А она за ним, а он опять
 В воздух, и опять неподалеку —
 Как ворона вокруг собаки
 То взлетит, то сядет, то тут, то там.
- 44 Руджьер, Градасс, Сакрипант
 И все рыцари, шедшие следом,
 Рассеялись по склонам холмов,
 Выше, ниже, куда держал крылатый,—
 А он,
 Не раз и не два погоняв их между скал

По сырým низинам и голым кручам,
Наконец, направил свой шаг к Руджьеру.

- 45 А и это устроил седой Атлант,
Неустанный в любящем желании
Уберечь Руджьера от грозящей беды —
Лишь об этом мысль его и боль его,
Лишь за этим подослал он гиппогрифа
Вымчать героя из Европы.
Вот Руджьер его тянет за узду,
А тот не хочет идти и упирается.
- 46 Тогда сходит храбрец с Фронтини
(Так звали его коня)
И садится на ветробежца,
И, пришпорив, бодрит в нем дух.
Разбегается гиппогриф, отгалкивается
И — ввысь,
Легче сокола, с которого снят шлычок,
И он взмлет, взвидев добычу.
- 47 Брадаманта, глядя на любезного
В такой выси и в такой беде,
Цепенеет
И долго, долго не в силах опомниться.
Слышала она, как Ганимед ⁴
Был похищен в небо из отчего царства,
И не знает, не то же ли с Руджьером —
Он ведь краше и милей Ганимеда.
- 48 Другу вслед
Ведет она взглядом, пока хватает взгляда,
А когда он исчезает из виду,
Все летит за ним ее душа.
Вздохи, стоны, слезы
Изливаются без конца и без отдыха,—
Но Руджьера уже не видать,
И глядит она на коня его Фронтини,
- 49 И не хочет его покинуть
В добычу первому встречному,
А хочет забрать с собою,
Чтобы рано или поздно воротить хозяину... *и тот уносит*
Между тем крылатый летит без удержу, *его на запад.*
Руджьер видит под собою горы,
Но в такой дали, что не может разглядеть,
Где там ровно, а где отвесно;
- 50 Так он высоко, что взглянуть с земли —
И увидишь в небе лишь точку,
И скользит легко, как смоленая ладья,
Вслед которой попутный ветер,

А дорога ему—на запад солнце,
 Когда Рак его держит на кругах его.
 Пусть летит, далеко ему лететь;
 А мы воротимся к удалому Ринальду.

- 51 И день Ринальд, и другой Ринальд
 По простору несшись бурного моря
 Под полуденным ветром и полуночным
 То к закату, то к полярным звездам,
 Наконец, dospешил до Шотландии,
 И открылся ему тот Каледонский лес,
 Где под сенью древних дубов
 Столько слышано битвенного звона.
- Между тем
 Ринальд
 пристает к
 Шотландии.*
- 52 Странствующие рыцари, прославленные в боях,
 Сходились сюда со всей Британии,
 И из ближних мест, и из дальних,
 Из Норвегии, Швабии, Франции,
 А кто робок, тот сюда не смел:
 Где ищешь честь, там встречаешь смерть.
 Это здесь гремели подвигами
 Тристан, Ланселот, Галасс, Артур и Гальван
- 53 И другие лучшие рыцари
 Старшего и Младшего Круглого Стола,
 Чьих поныне многие высятся
 Памятники славных побед.
 Наш Ринальд, на коне и при оружии,
 Сходит с борта на тенистый берег
 И приказывает кормчему
 Поспешить и ждать его в Бервикской гавани.
- 54 Без спутника, без оруженосца
 Едет рыцарь по бескрайнему лесу
 То одною тропой, то другою,
 Где маячат ему чудные нечаянности,
 И к исходу дня приспевает в монастырь,
 Из честного своего имения
 Оказывавший приют и почет
 Рыцарям и дамам, попавшим в тот край.
- 55 Игумен и чернецы
 Приняли Ринальда на славу,
 И насытив утробу щедрым ужином,
 Он спросил:
 Как в этих краях найти
 Доброму рыцарю побольше сручных
 случаев,
 И на чем себя показать.
 Стоит он хулы или хвалы?
- 56 А они в ответ ему: «В этих чашах
 Приключений много, и самых чудных,

- Но места здесь глухие и дела глухие,
 Мало о них кто слышит.
 Поищи лучше,— говорят,—
 Где будут твои подвиги у всех на виду,
 Чтоб за труд и риск
 Встала слава воздать тебе должное.
- 57 А чтоб доказать твою доблесть,
 Есть тебе и достойное дело,
 Какое ни встарь, ни вновь
 Ни единому не выпадало рыцарю.
 Дочери нашего короля
 Нынче надобна защита и подмога
 На барона по имени Лурканий,
 Рвущегося отнять у нее и честь и жизнь.
- 58 Этот Лурканий
 Знать, по злобе, а не по правде
 Донес ее отцу, что застиг, как в полночь
 Вела она любовника к себе на балкон.
 По закону королевства
 Ей сгореть на костре, ежели за месяц
 (А месяц на исходе) не объявится
поборник
 Неправого обвинителя обличить во лжи.
- 59 Безбожно суров шотландский закон:
 Всякая женщина из всякой семьи,
 Если сходится с тем, кто ей не муж,
 И обвинена,—
 То казнь ей—смерть, и ее не спасти,
 Если не встанет за нее сильный боец—
 Доказать,
 Что она невинна и вправе жить.
- 60 В горести о прекрасной своей Гиневре
 (Так ее зовут)
 Повестил король по градам и замкам:
 Кто встанет ей в оборону,
 Кто сотрет клеймо клеветы,—
 Будь лишь доброго рода,
 Он возьмет ее в жены,
 И с ней столько имения, сколько вместе от
короля.
- 61 Если канет месяц,
 И никто не придет, а придя, не победит,—
 Она умрет.
 Это ли не дело для тебя,
 Чем рыскать наугад по нашим дебрям?
 Будет тебе честь и слава, неделимая вовек,
 И лучшая из красавиц
 От Инда до Атлантических столпов,

*Здесь
 нуждается
 в защите
 от клеветы
 королева
 Гиневра,*

- 62 И вволю золота, и столько имения,
Сколько хватит на весь твой век,
И королевская милость
За восставленную честь его рода.
А и рыцарское твое звание велит
Оберечь от срама
Ту, которая в общей молве —
Истинный образ целомудрия».
- 63 Подумал Ринальд и молвит:
«Как! должна умереть красавица
Лишь за то, что в нежных объятьях
Утолила мучения любовника?
Проклят будь, кто издал такой закон,
И проклят, кто его терпит!
Если уж казнить — то казнить
немилостивую,
А не ту, что в верного вдыхает жизнь!»
- 64 Правда ли, нет ли, что был у Гиневры милый,—
Это мне равно;
Если правда—я сказал бы „добро!“,
Кабы не было из этого столько шума.
Ничего я не хочу, а лишь спасти ее:
Дайте мне жоака
В тот конец, где ждет обвинитель,
И как бог свят, я вызволю Гиневру!
- и Ринальд
пускается
ей на
помощь.*
- 65 Не хочу сказать, что она неповинна,—
Я в том несведом и боюсь солгать;
А скажу одно: по такому делу
Не за что ее казнить;
И скажу другое: сумасброден был и зол,
Кто писал такие лютьде законы.
Отменить бы вам их за неправедность,
А издать бы новые, получше.
- 66 Если общий жар, если равная жажда
Клонит и гнет и девицу и молодца
К сладкому тому концу,
Что укорен только невежеству,—
То зачем казнить и зачем хулить,
Коли дастся даме с одним и с другим,
Что дается мужчине в охоту и без счета,
И за то ему хвала, а не кара?
- 67 Истинно говорю: нечестив закон
И для дам очевиднейше обиден.
Так не ясно ли, как бог свят, что не дело
Томиться под ним так долго?!»
И никто не спорил с Ринальдом,
Что предки были неправы,

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Все земные твари
Или живут в мире и покое,
Или, если уж ссорятся и враждуют,
То мужской пол с женским—никогда.
Медведица с медведем безопасна в лесу,
Львица льва не боится в логове,
И волчица спокойно бродит с волком,
И корова со своим быком.

Вступление.

Какая же напасть, какая Мегера
Так перевернула людские души,
Что мы видим и слышим: мужья и жены
Бранят друг друга злою бранью,
Синяками и кровью метят лица,
Обливают слезами брачные ложа,
И кабы только слезами! —
Кровью не раз их пятнал слепой раздор.

Вот и говорю я: не просто зло, а грех
Против естества и против Господа —
Бить красавицу по щекам,
Терзать красавицу за волосы;
А уж кто ей хочет вынуть душу
Удавкой, ножом или зельем,—
Не поверю, чтоб он был человек:
Это черный дух в людском обличий!

Верно, таковы были и те
Два разбойника, что умыкнули девушку
В темную ту лощину,
Чтоб о ней уже никто и не слышал.
Отчего случилось такое горе,—
О том будет она теперь рассказывать
Рыцарю Ринальду, спасителю своему.
Здесь я их покинул, отселе и продолжаю.

Дама начинает: «Вот повесть
Ужасов, страшнее и громче,
Чем в Микенах, Аргосе, Фивах,
Или где еще злей были злодейства.
Если светлое солнце в своем кругу
Дальше держится от нас, чем от южных
стран,—
То не оттого ль, что мерзит ему глядеть
На наше безжалостное племя?»

*Далинда
рассказы-
вает,*

Люди беспощадны к врагам —
Это видано во все времена;
Но губить того, кто не жалеет сил и чувств
Для тебя же—это злейшее несчастье.

Чтобы лучше обнажить вам правду,
 Почему эти люди, рассудку вопреки,
 Рвались смять нерасцветшую мою жизнь,—
 Расскажу я вам с самого начала.

- 7 Ведайте, добрый сударь: с юных лет
 Я была в услужении королевы,
 С ней росла
 И была при дворе в чести и милости.
 Но жестокий Амор мне позавидовал — *как она*
 И велел на мою беду, *любила*
 Чтоб меж всеми юношами и рыцарями *Полинесса,*
 Краше всех мне стал Альбанский герцог.
- 8 Он являл мне такую любовь,
 Что ответною дрогнуло мое сердце.
 Мило нам слышать речи и видеть очи,
 Трудно знать^ что таится на душе.
 Веря и любя,
 Приняла я его на ложе,
 Не подумав, что я была
 В тайной той светлице королевы,
- 9 Где хранила она самое дорогое,
 Где не раз почивала сама.
 Вход туда был с балкона,
 Балкон нависал над стеною,
 Этот путь и указала я любовнику,
 А веревочную лестницу
 Я сама спускала ему с балкона
 Всякий раз, как желала его к себе;
- 10 А бывало это так почасту,
 Как была мне воля от королевы —
 А она охотна была менять свои спальни,
 От жары укрываясь или зимней стужи.
 Как взбирался мой друг, никто не видел,
 Потому что с той стороны
 За дворцом были разваленные хижины,
 Где никто не хаживал ни днем, ни ночью.
- 11 Много длилась дней и много месяцев
 Наша тайная любовная игра;
 Все сильнее была любовь,
 Все внутри у меня горело,
 И была я так слепа, что не видела,
 Что любил он мало, а лгал много,
 Хоть могла бы угадать его обманы
 По тысяче самых верных признаков.
- 12 Но вот сам он вдруг сказал мне, что *а он —*
 влюблен *Псневру,*
 В прекрасную Гиневру. Я не знаю,

Новая ли это была любовь,
Или ко мне пришел он уже с раненым
сердцем.

Но как он ни во что меня не ставил,
Но как знал он свою власть надо мною,
Что сам открылся и сам не устыдился
Просить о помощи — в такой любви!

13 Он сказал, что любовь его к принцессе —
Совсем не то, что ко мне,
А пылает он к ней лишь притворно,
Чтобы справить с ней законную свадьбу:
Будь на это ее согласие —
И король уж верно не станет спорить,
Потому что и родом и саном
Только короля он ниже.

14 Он меня уверил, что если я
Помогу ему стать королевским зятем, —
А вестимо, что никакой тщеславец
Выше этого не взмостится к королю, —
То он вспомнит меня на добром деле,
Не сотрет мою услугу из сердца
И пуще жены и всякой женщины
Вечно будет любить меня.

15 Я была на все для него готова,
Не хотела и не знала ни слова против,
Только я и видела света,
Когда что-то могла ему в угоду;
Каждый ловила я случай
О нем говорить и его выхвалять,
Все заботы мои были о том лишь,
Чтоб любовник мой полюбился Гиневре.

16 Всей силой и всей охотой,
Видит бог, я делала, что могла,
Но напрасно:
Не склонялась Гиневра к моему герцогу.
А все потому, что ее любовь
Всею думой и всею жаждой
Была в ясном милом рыцаре, который
Приплыл в наш край из заморских стран.

*а она—
Ариоданта.*

17 Из Италии к нашему двору
Он явился с юным своим братом,
И таким показал себя в оружии,
Что отважней никто не слыл в Британии.
А король от большой любви
Лучшие ему дарил
Замки, города и уделы,
Величая его вровень с большою знатю.

- 18 Таков был Ариодант,
Чудесами рыцарской доблести
Любезный королю, а пуще—королевне.
Но превыше того был он сам в нее влюблен:
Ни Везувий, ни Этна, ни Троя
Не пылали в небо стольким пламенем,
Сколько страстью радел Ариодант,
И Гиневре это было заведомо.
- 19 И с того, что она его любила
Искренне так и верно,—
Не желала она и слышать герцога,
Не было надежд в ее ответах.
Я ли за него не просила,
Я ли не молила ему о милости,—
Но она к нему делалась все хуже
И все круче и суровой говорила о нем.
- 20 Я не раз побуждала друга
Отрешиться от тщетных покушений,—
Нет надежды переломить душу,
Где крепка другая любовь.
Я показывала ему яснее дня,
Как она горит по Ариоданту,
И что всеми водами океана
Не залить ни искорки этого огня.
- 21 Много раз это слышав от меня,
Полинесс (так прозывался герцог)
Понял, наконец, и увидел,
Что любовь его на ложном пути.
Но в своей гордыне
Пред лицом предпочтенного соперника
Он не выветрил любви из сердца,
А оборотил ее в ненависть и месть.
- 22 Меж Гиневрою и ее влюбленным
Он затеял посеять
Рознь, раздор
И вражду, какой они не вынесут,
А Гиневру ввергнуть в такой позор,
Какового не избыть ни живой, ни мертвой.
Черным этим замыслом не делился он
Ни со мной и ни с кем, а таил про себя.
- 23 Так порешив, говорит он мне: «Далинда,
(Это я—Далинда), пойми меня:
Как, трижды и четырежды срубленное,
Снова дерево пускает побег,
Так злосчастное мое упорство
Хоть подрублено неуспехом,
Но не вырвано с корнем
И все тянется к цели своих желаний.
- Оскорблен-
ный Полинесс
подговари-
вает
Далинду*

- 24 Не столько мне наслаждение,
Сколько дорога победа:
Непосильная вьяве,
Она радует и в воображенье.
И прошу я тебя: когда Гиневра
Отойдет, раздетая, ко сну,
Ты меня встреть,
Одевшись ее одеждою, *переодеться
Шневрою*
- 25 Разубравшись ее уборами,
Уложивши кудри, как она,
Изошрившись стать ее подобием,—
И тогда явись на балконе с лестницею.
Я увижу мысленною мечтою
В платье—ту, что носила платье,
Обману себя сам
И, быть может, угашу мое желание».
- 26 Так сказал он. А я,
Вне себя и сама не своя,
Не сумев угадать в его мольбе
Очевидимого обмана,
В одеянье госпожи взошла на балкон,
Сбросила ему привычную лестницу,
А коварство угадала не ранее,
Чем обрушилась беда.
- 27 Случилось в ту пору герцогу
Собеседовать с Ариодантом
(А они были добрые друзья,
Пока их не развела Гиневра),
И сказал ему мой любовник: «Не странно *и, поспорив с
ли — Ариодантом,*
- Я тебя и чту и люблю
Предо всеми моими сверстными,
А в тебе не обретаю ответа?
- 28 Я ведь знаю, что тебе небезведома
Меж Гиневрою и мною долгая любовь,
И что я ее добиваюсь в жены
От господина моего, короля.
Отчего же ты мутишь нас? отчего
Тщетно на нее полагаешь сердце?
Видит бог, я не так бы тебя уважил,
Будь я в твоей доле, а ты в моей».
- 29 «А мне,— отвечал Ариодант,—
От тебя еще и более странно,
Ибо я ее любил много прежде,
Чем ты только ее увидел,
И я знаю, что тебе небезведомо,
Какова между нами горит любовь,
И как жаждет она мне стать женою,
Небезведомо и что тебя она не любит.

- 30 Отчего же ты мне сам не окажешь
Ради нашей дружбы
То, чего ты ждешь, и что я сделал бы,
Если б ты ей больше был, чем я?
Я ведь тоже жду ее в жены,
Хоть И нет у меня таких богатств,
И для короля я не меньше, чем ты,
А для королевны—и много больше».
- 31 «Ах,—сказал ему герцог,—
Как слепит тебя безумная любовь!
Ты говоришь —ты любим; и я
Говорю —я любим; посмотрим же на деле.
Открой мне все, что у тебя за душой,
И я открою тебе мои тайны;
Кто из нас увидит, что он—слабее,
Тот уступит и уйдет к другому поиску.
- 32 Если хочешь клятвы —поклонюсь
Никому не сказать того, что скажешь;
Дай залог и ты,
Что мои слова останутся в скрытности!»
Так они согласились о присяге,
Положили ладони на Евангелие,
Поклялись молчать о том, что доверено,
И тогда заговорил Ариодант.
- 33 Он поведал по чести и по правде
Все, что было меж ним и Гиневрою,
Как она изустно и заручно
Поклялась не быть ни за кем другим,—
Если же король воспрекословит,
То навек остаться затворницею
И на всякое искательство
Отвечать: «нет».
- 34 И поведал, что он в надежде
Битвенною своею доблестью,
Явленной и явимою много крат
В славу, честь и благо царя и царства,
Так возвыситься в милости государя,
Что почтется от него достойным
Принять его дочь в супруги,
Как откроется, что он ей угоден.
- 35 «Вот рубеж мой,—сказал Ариодант,—
Кто иной на нем меня настигнет?
Большого мне не надобно,
Лучших знаков любви ее не ищу я,
Пока господь
Не сведет нас в законном браке.
Да иное бы желание и тщетно,
Ибо знаю: нет девиц ее целомудренней».

- 36 Когда молвил Ариодант по сущей правде,
Какой ждет он награды за труды,
То упорствуя Полинесс
Развести влюбленного с возлюбленною,
Начал так: «До моего рубежа
Далеко тебе: ты сам это скажешь
И, увидев, в чем завязь моего счастья,
Сам признаешь, что нет меня блаженней.
- 37 Лжет тебе Гинебра: не любит тебя, не ценит
И пасет лишь словами обещаний,
И сама мне говорит,
Что любовь твоя ей в потеху.
Для меня же залог ее приязни —
Не посулы и не обманы:
Под присягой я поведаю мою тайну,
Хоть и лучше бы ей быть скрытой.
- 38 Что ни месяц, то три или четыре
Или шесть или десять ночей
Я лежу нагой в ее объятиях,
Жар любви растворяя в сладострастье.
Суди сам, сравнить ли
Твою и мою усладу?
Уступи же и ищи себе другую,
Ибо нынче я тебя перевысил».
- 39 «Не желаю тебе верить,— ответил
Ариодант,—я знаю, ты лжешь,
Ты сам это измыслил
В устрашение моему намеренью.
Но твой измысел—позорен даме,
Встань же к ответу за твои слова:
Ты—лжец,
И тебе я докажу, что вероломец».
- 40 Отвечает герцог: «Не пристало
Затевать нам бой:
Если хочешь —
О чем спор, я представлю тебе воочию».
Помутился Ариодант,
Хладный трепет проникает его кости,
И поверь он коварному вполне,
Жизнь по вздоху отлетела бы от тела.
- 41 С бледным лицом, с пронзенным сердцем,
С дрожью в горле, с горечью в устах
Он сказал: «Если дашь ты мне увидеть
Небывалое это дело —
Я клянусь сойти с следов ее,
Столь щедрой к тебе, столь скупой ко мне.
Но не жди, чтобы я поверил
Иначе, как собственному взору!» —

- 42 «Час придет — и я тебя вызову», —
 Отвечает и уходит Полинес.
 А ночь или две спустя *выдает себя*
 Когда был уговор ему прийти ко мне, *за любовника*
 Порешил герцог захлестнуть тайную свою *Шневы.*
сеть,
 И пришел к сопернику,
 И сказал: «Спрячься
 Нынче ночью в тех безлюдных хижинах», —
- 43 И показал напротив
 Привычного своего балкона.
 Затревожился Ариодант,
 Не затем ли его заманивают,
 Чтоб в условном месте
 Засадить засаду и отнять его жизнь,
 Посулив обманно
 Показать невозможное от Гиневры.
- 44 Он решил прийти,
 Но прийти не слабей врага:
 Случись засада —
 Чтоб суметь отбиться от смерти.
 Был у него брат, горячий и хитрый,
 В битвах лучший меж всех, кто при дворе,
 Звали его Лурканий,
 И в спутниках был надежней десятерых.
- 45 Ариодант его кличет, и велит ему быть
 С мечом, и ведет с собою,
 Но тайны своей не открывает
 И век не открыл бы ни ему и никому.
 Он ставит его от себя в перебресе камня:
 «Услышишь крик — беги ко мне, —
 Говорит он, — но пока не слышно крика,
 Ежели ты любишь меня — ни с места». —
- 46 «Ступай, не тревожься», — отвечает брат;
 И вот во тьме
 Идет и укрывается Ариодант
 В пустой хижине против тайного балкона.
 А с другой стороны уже спешит злой лжец,
 Радуюсь опозорить Гиневру,
 И условный подает меж нами знак
 Мне, не чающей этого обмана.
- 47 В белом платье,
 В золотом поясе вокруг стана,
 В золотой фате,
 Алыми расшитой цветами
 (У одной Гиневры такой наряд) —
 Заслышав знак,

Выступила я на балкон,
Видная и спереди и сбоку.

- 48 А Лурканий,
В тревоге ли за участь брата,
В общем ли человеческом желании
Досмотреть, что приключается с ближним,
Тихо тронулся вслед за ним,
В темной улице держась темных мест,
И прокравшись, укрылся в той же хижине,
В десяти от него шагах.
- 49 Всего этого я не зная,
В сказанном наряде вышла на балкон,
Как не раз и не два
В добрый час выходила навстречу другу.
Платье мое светлелось при луне,
Видом и осанкою
Я довольно сходствовала с Гиневрой,
И принять нас друг за друга было просто.
- 50 А еще и расстояли не на мало
Тот балкон и те глухие хижины,
Где в тени таились двое братьев -
Га легко внушил обманщик сопернику
Свою ложь.
Представьте же, добрый рыцарь,
Весь ужас Ариоданта, всю муку!
А герцог идет, и лестница ему спущена,
И он подтягивается и вскидывается на
балкон.
- 51 Я встречаю его и обнимаю —
Ведь не знала я, что за мною следят!
Я целую его в лицо и в губы,
Как всегда, когда он со мной;
Он ласкает в ответ, и еще живей,
Чем всегда, это тоже для обмана.
А тот, другой, зритель злого зрелища,
Страждет поодаль и видит все.
- 52 Таково его горе,
Что он рвется тотчас умереть.
Он вонзает меч рукоятью в землю,
Чтобы сердцем броситься на острие;
Но Лурканий, глядевший с изумлением,
Как взбирался любовник на балкон,
Но не знавший, кто он, —
Замечает беду, бросается к брату
- 53 И своей рукою
Бешеного спасает от удара в грудь:

*Это видит
Лурканий,
брат
Ариоданта.*

- Мигом позже или шагом дальше
 Он бы не поспел и он бы не помог.
 «Брат, несчастный! брат, безумный! —
 Он кричит,—до того ли ты сбрел с ума,
 Что загубишь себя за женщину?
 Всем бы им сгинуть, как тучам в ветре!
- 54 Если смерть—поделом, то ей, а не тебе;
 А себе дождись случая достойнее!
 Было тебе любить ее до обмана,
 А теперь твое дело — ненавидеть:
 Не своими ли ты видел глазами,
 Какая и что она за шлюха!
 Сбереги свой меч не на себя,
 А на уличенье зла пред царским взором!»
- 55 Увидев себя застигнутым,
 Оставляет попытку Ариодант,
 Но воля, подвигнувшая его к смерти,
 Не уходит из его души.
 Он встает, с пронзенным и растерзанным
 От безмерного горя сердцем,
 Но притворно уверяет брата,
 Будто бешеный жар уже погас.
- 56 Но на следующее утро,
 Не сказавши слова ни брату и никому,
 Он покинул двор путем отчаяния,
 И никто ничего о нем не знал:
 Кроме брата и герцога, никто
 Не угадывал, что его встревожило,
 И при короле, и по всей Шотландии
 Разные о нем ходили толки.
- 57 А на восьмой или девятый день
 Ко двору предстал пред Гиневру странник
 С недоброй вестью,
 Что Ариодант в морской пучине
 Принял вольную смерть:
 Не борей и не левант его обрушил,
 А сам он с приморского утеса
 Ринулся головою вниз.
- Ариодант в
 тоске
 бросается
 в море,*
- 58 «А пред этим,—поведал странник,—
 Повстречав в пути нечаянного меня,
 Он велел мне: «Следуй за мной
 И поведай мою участь Гиневре,
 И скажи: всему, что ты увидишь,
 Единая была причина —
 Что сам я слишком многое видел.
 Ах, век бы мне лучше быть незрячим!»
- 59 Были мы на нижнем мысу,
 Что глядит в ирландское море;

Он стоял на гребне утеса,
И с этими самыми словами,
Видел я, как пал он в море головой,—
И на этом поспешил к тебе с вестью».
Пораженная, искаженная,
Слушала его Гиневра, едва жива.

60 Боже правый, что она молвила и делала,
Как осталась одна на верном ложе!
Была в грудь, рвала одеянье,
Терзала золотые кудри
И все твердила
Последние слова Ариоданта,
Что причина злой и горькой его гибели —
В том, что слишком многое он видел.

61 Разбегается молва:
Лучший рыцарь казнил себя от горя!
Не просыхают очи
Ни у короля, ни у рыцарей, ни у дам;
Но более всех терзается Лурканий,
И в такой он страсти,
Что готов, как брат,
На себя наложить смертную руку.

62 Вновь и вновь твердит он,
Что Гиневра была брату губительницею,
Что лишь взвидевши ее вероломство,
Тот рванулся в смерть,—
И в такой слепоте он жаждет мести,
Так гнетут его боль и гнев,
Что ему—ничто
И немилость и ненависть царя и царства.

63 Он пришел к государю
В час, когда пред ним был в сборе весь двор,
И сказал: «Государь, узнайте,
Кто свел брата с ума и ввел в погибель:
Это ваша дочь — она одна,
Изъявивши свое нецеломудрие,
Такой болью пронзила его сердце,
Что ему милее стала смерть, чем жизнь.

*а Лурканий
обвиняет
Гиневру в
распутстве.*

64 Он любил ее, говорю об этом вслух,
Ибо благороден был его помысел:
Был он в надежде заслужить ее в жены
Доблестью пред вами и верностью.
Но меж тем, как лишь издали вдыхал он
аромат,
Он увидел: на хранимое дерево
Взлез другой
И похитил плод, желанный и сладкий».

- 71 В ту же ночь я прокралась из дворца
Прямо к герцогу
И открыла, как опасно нам обоим,
Ежели возьмут и меня.
Он сказал «спасибо», он сказал «не бойся»,
И присоветовал
Мне укрыться в ближнем своем замке,
И послал со мной двух своих людей.
- 72 Теперь вы слышали, сударь,
Доказала ли я любовь мою к Полинессу,
Теперь видите въяве,
Заслужила я его приязнь или нет.
Послушайте ж, как отслужена услуга,
Посудите, можно ли за такую любовь
Женщине чаять быть любимой?
- 73 Вероломный, неблагодарный, подлый,
Он посмел не верить моей верности,
Испугался, что наконец
Я открою лисьи его хитрости,
Притворился, будто он хочет
Удалить и скрыть меня в своем замке,
Пока минет в короле гнев и ярость,—
А сам меня отправил на прямую смерть
*но он велит
ее убить,*
- 74 Провожатым моим тайно велел он,
Заведя меня в эту дебрь,
За всю верность мою меня зарезать,—
И так бы оно и сделалось,
Не явись сюда ты на мой крик.
О Амор, вот награда твоим искренним!»
Так Далинда рассказывала рыцарю,
Между тем как кони их шли да шли.
*и ее спасло
лишь
появление
Ринальда.*
- 75 А Ринальду радостью из радостей
Было встретить такую спутницу,
От которой он услышал всю повесть
О невинности прекрасной Гиневры.
Он и прежде, он и не уверенный
В чистоте ее, шел ее спасти,
А теперь пылал еще отважней,
Видя въяве, что наговоры—клевета.
- 76 Ко граду святого Андрея,
Где король и королевский дом,
И где было быть единоборству
За честь дочери того короля,
Поспешил Ринальд всею спешью,
И уже недолог оставался переход,
Как на крайнем привале
Он узнал от щитоносца новые новости:

- 77 Объявился на защиту Гиневры
 Никому не ведомый рыцарь,
 Пришелец, с незнакомым гербом,
 Всегда под стальным забралом —
 И с самого его явленья
 Никто его не видел в лицо:
 Даже собственный его щитоносец
 Клялся, что не знает, кто он такой.
- Тем
 временем
 на защиту
 Гиневры
 является
 рыцарь
 под забралом*
- 78 Вот немного они проехали и доехали
 До столичных стен и ворот;
 Дальше страшно стало Далинде,
 Но при ней опорой был Ринальд.
 Оказались ворота на запоре;
 «В чем дело?» — кричит Ринальд,
 А ему отвечают: весь народ
 Побежал смотреть на поединок
- 79 Меж Лурканием и неведомым рыцарем
 На другом городском конце,
 Где есть луг просторный и ровный,
 Где они уже затевают бой.
 Отворяют ворота монтальбанскому витязю
 И тотчас запирают за его спиной.
 Вот едет Ринальд по пустому городу,
 А Далинду оставляет в гостинице
- и вступает
 в поединок
 с Лурканием.*
- 80 И наказывает ей сидеть и ждать,
 Очень скоро он к ней вернется.
 А покуда он скачет к битвенному полю,
 Где разит и отражает всадник всадника,
 И ратной распре не видать конца:
 Всей злобою сердца стоит Лурканий
 Против королевны, — и так же тверд,
 За нее поборая, его соперник.
- 81 А на страже стоят стеной
 Шесть рыцарей, пеших и в броне,
 А над ними, верхом, альбанский герцог
 На могучем коне первейших кровей.
 Как начальный воевода,
 Надзирал он над городом и станом,
 И смотрел на Гиневрину беду,
 Вскинув лоб и ликуя сердцем.
- 82 Ринальд на лихом Баярде
 Прорезается меж людом и людом;
 Слыша бурю его явленья,
 Все спешат распахнуть ему дорогу:
 Он воочию превосходней всех,
 В нем сияет цвет рыцарственной удали.
 Вот он встал перед царским местом,
 И все прихлынули слышать его слова.
- Ринальд
 прерывает
 их бой,*

- 83 Он сказал: «Благородный государь,
Прерви бой!
Знай: кто бы из двух ни пал,
Ты его погубишь безвинно.
Один хочет правды, но не видит,
Молвит ложь и не ведает, что ложь:
Под одним и тем же обманом
Брат его погиб, а сам он встал губить.
- 84 А другой и не знает, правда с ним или нет,—
Из единого веледушия
Он готов на смерть,
Чтоб такой красоте спастись от смерти.
Я пришел с избавленьем для невинности
И с расправой для низкого коварства—
Но сначала во имя Господа,
Разными сраженьем, а после выслушай меня!»
- 85 Важность и достоинство,
Зримые в властном облике Ринальда,
Внушили королю
Подать слово и знак к пресеченью боя.
И тогда пред королем и баронами *обличает*
И многим рыцарством и несчетным народом *Полинесса*
Раскрывает Ринальд всю кознь,
На Гиневру замышленную Полинессом,
- 86 Вызывается доказать
Правду слов своих бранной сталью,—
Полинесс принимает вызов
И выходит с сумрачным лицом
Но вину отрицая последней наглостью.
«Поглядим!»—говорит Ринальд.
Оба в седлах, поле открыто,
Без помехи начинается бой.
- 87 О, как жаждет король и с ним народ,
Чтоб Гиневра предстала невинною!
Все надежды—что Божий суд
Обнаружит мнимость ее позора.
Слыл Полинесс злым, надменным,
скаредным,
Вероломным, неправосудным,
И не в диво было никому,
Что такие им ковались ковы.
- 88 Стоит Полинесс— *и на Божьем*
Мрачен вид, бледен лик, трепет в сердце; *суде*
С третьей трубой *убивает*
Вздывает он копьё наперевес. *его.*
Мчит Ринальд, чтоб кончить одним ударом,
Метит в грудь, чтоб копьё прошло насквозь.
По желанному был исход—
Вбилось в грудь копьё до полкопья.

89 Вздетого на древко швыряет он наземь —
 На шесть локтей в сторону от коня.
 Соскакивает Ринальд и срывает с него шлем,
 Не давая ему встать и опомниться.
 Не в силах биться,
 Тот покорно просит пощады
 И вслух пред королем и пред всем двором
 Кается в обмане, за который погиб.

90 Он не кончил: на полуслове
 Оставляют его и голос и вздох.
 А король, чья дочь
 Вызволена из смерти и недоброй славы,
 Утешается, радуется, ликует
 Больше, чем если бы
 Потерял и вернул себе корону, —
 И за это Ринальду — особенная честь.

91 А когда Ринальд снял шишак,
 И увидел король знакомое лицо —
 Вскинув руки, он благодарит
 Небеса за такого вспомогателя.
 Между тем другой паладин,
 В трудный час представший за Гиневру
 И принявший оружный бой,
 Стоит в стороне и глядит на все.

*Неведомый
 рыцарь
 открывает
 лицо...*

92 Просит его король
 Открыть имя или хоть лицо,
 Чтобы тоже принять награду
 По достоинству его доброго помысла.
 После долгих просьб вот и он снимает
 шлем,
 И видят все
 То, о чем скажу я в другой песне,
 Если вам благоугодно послушать.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

I Беда злодею,
 Что мечтает схоронить злодеяние, —
 Пусть все молчат — но кричит сам воздух
 И кричит земля, где оно схоронено.
 А нередко бог попускает грешнику,
 Чтобы, незаподозренный,

*(Вступле-
 ние)*

Но и неосмотрительный,
Грех раскрыл себя сам.

Беда была Полинесу
Полагать, что он скроет преступленье,
Удалив Далинду, которая
Знала и могла бы рассказать:
Громоздя злодейство на другое,
Он ускорил беду, что мог бы оттянуть,
Мог бы оттянуть и даже обойти,—
Но он шпорил себя и мчался к гибели,

И лишился жизни, и сана, и друзей,
И того, что всего дороже — чести.

Но уже я сказал, как все
Умоляли открыться неведомого рыцаря;
И вот снял он шлем
И явил знакомое милое лицо,
Ибо это был Ариодант,
Столь оплаканный уже по всей Шотландии.

Это был Ариодант,
О котором рыдали, как о мертвом,
И Гиневра, и брат, и король, и двор, и люд —
Так он был хорош и светел доблестью.

*...и оказы-
вается
уцелевшим
Ариодантом.*

Тут-то и открылось,
Сколько правды и неправды поведал
странник.

Подлинно он видел своими глазами,
Как низвергся рыцарь в море со скалы,—

Но в отчаянии так ведь бывает:
Кто издали жаждет смерти,
Тому рядом она противна,
И груба, и крута, и тяжела;
Вот и Ариодант, случившись в море,
Расхотел умирать,
А как был он ловок, силен и быстр,
То пустился вплавь и выплыл к берегу.

Разбранив сумасбродством
Ту охоту свою покончить с жизнью,
Весь измокший, он тронулся в путь
И набрел на хижину Пустынника.
Здесь втайне решил он выждать,
Какие послышатся слухи —
Обрадуется Гиневра его гибели
Или будет печальна и верна.

- 7 И сперва он слышит: Гиневра
Чуть жива от великой горести
(Лишь о том по сей стране и твердили —
Так шумела о том молва).

Это было совсем не то,
 О чем думал он, терзаясь отчаяньем.
 А потом он слышит: Лурканий
 Обличает Гиневру пред отцом.

- 8 Горит гневом Ариодант на брата.
 Как горел любовью к королевне,—
 Понимает, эта месть — за него,
 Но не в меру она страшна и нещадна.
 А потом он слышит: никто из храбрых
 Не решается в защиту Гиневры,
 Потому что Лурканий силен и смел,
 И идти на него надобно подумавши;
- 9 А кто знал его, тот знал, что в нем —
 Острый ум, здравый смысл и осторожность;
 Значит, верно, в словах его — правда,
 Коли он за них идет на жизнь и смерть.
 Оттого-то бойцы и сомневались,
 Вдруг защита обернется им бедой?
 И поразмышляв, Ариодант
 Сам решил предстать на вызов брата.
- 10 «Горе мне!—сказал он—нет сил
 Видеть, как она за меня страждет!
 Мне и смерть не в смерть,
 Если прежде меня умрет Гиневра.
 Она — моя дама, она — моя богиня,
 Она моим очам—как небесный свет;
 Виновна она или не виновна,
 Долг мой — спасти ее или пасть в бою.
- 11 Я знаю, она виновна. Пусть!
 Я умру. Но и это мне не в тягость,
 А лишь то, что вслед моей смерти
 И она, прекрасная, должна умереть.
 Только мне и утешенье в кончине,
 Что хвалений ее Полинесс
 У нее на глазах
 И не шевельнется ей на помощь,
- 12 А я, столько вынесши обид,
 Пред ней паду за ее спасенье.
 Заодно я накажу и брата,
 Запалившего такой пожар:
 Ему станет больно,
 Как узнает он, что жестоким своим
 подвигом
 Он хотел отомстить за родного,
 А сгубил его собственной рукой».
- 13 Додумав такую думу,
 Добывает он новый доспех и коня,

Черное покрывало и черный щит
 В узоре горчичного цвета
 И счастливо приискивает оруженосца,
 Никому не знакомого в тех местах;
 А потом я уже рассказал,
 Как, неузнанный, он вышел на брата,

- 14 И что приключилось потом,
 И как в нем признали Ариоданта.
 И не меньше был рад ему король,
 Чем освобождению дочери;
 Рассудил он, что нет на свете
 Любовника искреннее и вернее,
 Чтобы после таких обид
 Встал за обидчицу на родного брата;

*Шнегру
 выдают за
 Ариоданта,*

- 15 И по собственной душевной приязни
 И по просьбам всего двора,
 А пуще того — Ринальда,
 Выдает он дочь за Ариоданта,
 Герцогство же Альбанское,
 Выморочное за Полинессом,
 Чтобы больше ему не пустеть,
 Отдает он за королевною в приданое.

- 16 А Ринальд упросил за Далинду,
 Чтобы ей простить, в чем виновата;
 И она, уставши от мира,
 Обратила душу к господу богу,
 По обету приняла пострижение
 И черницей скрылась в Датскую землю.
 Но пора нам воротиться к Руджьеру,
 Мчащемуся в небе на крылатом коне

*а Далинда
 уходит
 в монастырь.*

- 17 Духом Руджьер тверд,
 Ликом не побледнел,
 Но уж верно, сердце
 Трепетало в нем, как лист на ветру,
 Далеко позади
 Осталась Европа,
 Далеко позади —
 Геркулесов рубеж, заветный кораблям

*Тем
 временем
 Руджьер на
 гиппогрифе*

- 18 Гиппогриф, пернатый исполин,
 Мчит его стремглав
 Быстрее орла,
 Держателя огненных стрел;
 Ни одна из птиц
 Не проворнее его в выси,
 И ни молния, ни гром
 Не мгновенней меж небом и землей.

- 19 По прямой черте, не свернув,
 Неоглядный покрыв простор,

Начинает, наконец, летун,
 Утомленный ветром,
 Снижаться широкими кругами
 Над островом,
 Подобным тому, куда дева Аретуза
 Тщетно сквозь пучину спасалась от любви.

- 20 Во всем своем перелете *прилетает*
 Ничего Руджьер не видел краше и милей; *на остров*
 Облети он весь свет, *феи Альцины.*
 Он нигде бы не нашел приюта сладостней,
 Чем остров, куда, кружа,
 Опускался его летун:
 Пахотные доли, покатые холмы,
 Светлые воды, прибрежные рощи, нежные
 луга.
- 21 Привольные дубравы, где дышат
 Лавры, пальмы, ласковые мирты,
 Кедр, померанцы, чьи цветы и плоды
 Все прекрасны и все по-разному,
 Лиственными ветвями сплетали сень
 От полуденного летнего зноя,
 А в ветвях с бестревожным пением
 Перепархивали соловьи.
- 22 Меж белых лилий и алых роз,
 Вечно свежих под лелеющим зефиром,
 Безмятежные виднелись зайцы и кролики,
 Горделивые высились олени
 И щипали или жевали травку,
 Не боясь ни стрел, ни сетей,
 И с луга на луг
 Быстрые и проворные скакали лани.
- 23 Как спустился гиппогриф до земли,
 И способно стало сойти с крылатого,
 Соскакивает Руджьер с седла
 И оказывается на цветистой траве,
 Но узду не выпускает из рук,
 Чтобы вновь скакун не пустился в лет,
 И на берегу его привязывает
 К зеленому мирту меж сосны и лавра.
- 24 Здесь, где бил источник
 Под сенью кедров и плодовых пальм,
 Он слагает щит, он снимает шлем,
 Вынимает руки из железных рукавиц,
 И глядит то в море, то в горы,
 Подставляя лицо живительному ветру,
 Добрым шелестом
 В высях колеблющему и бук и ель.

- 25 Он остужает в светлой свежей струе
 Высохшие губы, он окунает
 Руки, чтобы выстыл их жар,
 Натруженный железными доспехами.
 Не дивитесь, что ему тяжело:
 Не было ему передышек,—
 Без оглядки, не снимая брони,
 Он пронесся три тысячи миль.
- 26 А тем временем привязанный конь Здесь
 Над густою травой, под густою сенью Астольф,
 Рвется прочь, перепуганный обращенный
 Из тенистой рощи неведомо чем: в мирт,
 Сотрясает привязью мирт,
 Осыпает зелень к его корням,
 И колеблется ствол, и падают листья,
 Но порвать поводья ему не в мочь.
- 27 Как древесный сук,
 Рассевшийся и дуплистый,
 В очаге, где огненный жар
 Выест в его порах влажный воздух,
 Лопается с треском,
 Выпуская на волю кипящие пары,—
 Так скрипит и ворчит и корежится
 Страдный мирт, а потом разевается корой,
- 28 И из щели раздаются стонуше и жалобно
 Внятные слова:
 «Если есть в тебе почтение и вежество,
 Зримые в твоём облике,—
 Отвяжи крылатого от моего ствола!
 Довольно мне и моей беды,
 Без новых, без лишних мук,
 Налетающих на меня из-за моря!»
- 29 Как слышал Руджьер этот стон —
 Дрогнув лицом и вскочил с земли;
 Как он понял, что этот стон — из дерева,—
 Оцепенев, застыл,
 Щеки его горят стыдом,
 Торопливо он отвязывает скакуна,
 «Прости меня,— говорит,— кто бы ты
ни был —
 Дух людской или нимфа лесная:
- 30 Не знал я, что под шершавою корою
 Человечья живет душа,
 Оттого и обидел твой дышащий мирт,
 Оттого и встревожил чудные листья.
 Но ответь: кто ты?
 В кривом и колючем теле

Как ты жив и разумом и словом?
Да хранит тебя небо от градов и бурь!

- 31 Если же нынче или после
Я смогу обиду сгладить услугой,—
То клянусь тебе той прекраснейшей,
В чьем владычестве все лучшее во мне:
Словом и делом
Заслужу я твою благодарность!»
Так закончил Руджьер,—

и в ответ

Дрогнул мирт от корня до вершины,

- 32 А потом кора его увлажнилась,
Как потеет комель, только что из лесу,
Долго тщетно споря с огнем,
А затем поддавшись его мощи,—
И повел он повесть:
«За твою любезность расскажу тебе сразу,
Кем я был и от кого я стал миртом
ла пленительном этом берегу.

*рассказыва-
ет ему,*

- 33 Звали меня Астольф,
Слыл я во Франции грозным паладином,
Был родней и Роланду и Ринальду,
Слава которых не знает рубежей,
А по родителе моем Оттоне
Ожидало меня владычество над Англией.
Был я строен, пригож, и пылала обо мне
Не одна красавица; а кончилось худо.
- 34 Держа путь домой с крайних островов
На восходе в Индийском океане,
Где с Ринальдом и другими храбрыми
Я томился в темных подземельях,
Пока не распахнула нам волю
Необорная мощь паладина Бравы,—
Шли мы вдоль песчаной пустыни,
Легшей грудью под бури аквилона,
- 35 И тогда-то судьбина, суровая и злая,
Завела нас на нашем пути
К утреннему берегу, где над морем
Взнесся замок могучей Альцины.
А владетельница, выйдя из ворот,
Стояла одна на взморье
И без невода и уды
Завлекала к суше всякую рыбу:
- 36 Быстрые сплывались к ней дельфины,
Толстые тунцы с открытыми ртами,
Кашалоты, тюлени,
Потревоженные из ленивого их сна,

Краснобородки, лососи, сальпы,
Толпами, быстрее, чем могли,
Плоскоглавы, пилоносы, киты
Выгибали из волн чудовищные спины.

- 37 Видели такого мы кита, *как попал
он на этот
остров,*
Больше которого не ведано в целом море:
На одиннадцать с лишним шагов
Простирался над хлябью тучный его хребет.
Стоял он в воде, не движась,
И глядели мы на него, и думали,
Что не рыба это, а островок —
Таков он был от конца до конца.
- 38 Так стояла Альцина, закликая рыб
Только словом, только заклятьем.
Была она сестрою самой Моргане —
То ли младшею, то ли старшею, то ли ровнею.
Посмотрела она, и по лицу стало видно,
Что понравился я ей с первого взгляда.
И задумала она хитро меня отбить
От товарищей,— и так оно и вышло.
- 39 Подошла она любезно и милостиво
И с приветливым лицом говорит:
«Добрый рыцарь, если вы соизволите
Нынче дать себе отдых у меня,
То увидите вы
Все породы рыб моего улова,
И чешуйчатых, и кожистых, и колючих,—
А их столько, сколько в небе звезд.
- 40 Если же почтете вы угодным
Здесь отъехать на другую отмель,
То туда всплывает сирена,
Сладкой песней утишающая море».
И указывает на того кита,
Что виделся нам за островок;
А я на беду мою всегда был горяч,
И вот — всхожу на чудовищную спину.
- 41 И Ринальд и Дудон
Подают мне знаки: не ездите!
Все напрасно. С улыбкою Альцина,
Покидая их, всходит вслед за мной,
И послушливый кит
Мчится вплавь сквозь соленую волну.
Пожалел я о своем неразумии,
Но до берега уже было далеко.
- 42 Ринальд вслед мне бросается вплавь
И едва не тонет,

Потому что с юга налетает буря
 Черной тенью на небо и на море.
 Что с ним было потом, не знаю.
 «Смелей!»—говорит мне Альцина
 И весь тот день и всю ту ночь
 В бурном море не спускает меня с чудища.

- 43 Так приплыли мы на этот чудный остров, *где Альцина
 враждует
 с доброй
 Логистиллой,*
 Где почти везде царит Альцина,
 Потому что она его отбила
 У сестры, которую отец
 По себе одну оставил наследницею,
 Потому что та была законной дочерью,
 А другие две (так знающие говорят)
 Родились от кровосмешения.
- 44 И как те были неправедные и злые,
 Черных мерзких полные пороков,
 Так эта обреталась в чистоте
 И лелеяла сердце в добродетели.
 Две сестры на нее сплотились сговором,
 Чтоб изгнать ее из острова,
 И воздвигли за ратью рать,
 И отбили сто с лишним замков;
 †
- 45 Не осталось бы Логистилле ни клочка земли
 (Логистилла — так ее звали),
 Если б не были ей оградой
 Слева — море, справа — голые горы,
 Как меж Англией и Шотландией,
 Где лежат рубежом река и хребет.
 Но и тут Альцина и Моргана
 бее рвались отнять и эту малость:
- 46 Так ярилась чета порочной злобы
 На святейшую чистоту.
 Но вернусь к рассказу, *и какова
 судьба
 Альцининых
 любовников.*
 Как стал я деревом,
 У Альцины я купался в уладах,
 Все в ней обо мне пылало,
 И не меньше пылал я сам
 О ее красе и любезности.
- 47 Нежное тело ее было мне восторгом —
 Все в нем были прелести.
 Каковы смертным даны порознь,
 Кому больше, кому меньше, и никому много.
 Я забыл о Франции и обо всем,
 Я смотрел лишь в ее лицо,
 Каждый помысел мой и умысел
 Был лишь к ней и кончался в ней.
- 48 И Альцина меня любила вровень:
 Больше никто ей был не нужен,—

Она бросила всех прежних любовников,
А их было до меня предовольно,
Я при ней был ночью и днем,
Как поставленный надо всеми,
Мне она верила, у меня просила совета,
А ни с кем другим не молвила и слова.

- 49 Но увы! зачем я трогаю раны,
Для которых нет у меня целенья?
Зачем поминаю счастье,
Злейшую терпя за него казнь?
Пока льстился я блаженством, пока чаял,
Что любовь Альцины будет вечною,—
Вырвала она у меня свое сердце,
Бросившись в новую страсть.
- 50 Поздно понял я, как она переменчива,
Как мгновенна ее любовь и нелюбовь.
Я не пробыл при дворе ее и двух месяцев,
А меня отменил уже другой.
В милости мне было отказано,
Я с гнушением выгнан вон.
А потом я узнал, что не иначе
Было с тысячью таких до меня.
- 51 А чтобы не разнесли они по свету
Славу о ее распутстве,
Обращает она на здешних тучных почвах
Кого сосной, а кого оливой,
Кого пальмой, кого кедром, а кого
Вот таким, каков я на этом взморье,
Кого светлым ручьем, кого диким зверем—
Как придет на ум надменной фее.
- 52 Добрый рыцарь, с небывалых небес
Ты предстал в роковую эту землю,
Чтоб и из-за тебя
Кто-то сделался волной или камнем.
Будет тебе царство Альцины,
Будет тебе радость превыше радости,
Но знай: и тебе невдолге стать
Скалой, зверем, ручьем или деревом.
- 53 Я не скрыл от тебя ничего
Не в надежде быть тебе помощью,
А чтоб встретил ты судьбу предостереженным
И знал, каков здесь обычай.
Но, быть может, как отличен ты обликом,
Так отличен и умом и наукой,—
И тогда, быть может, ты сладишь,
С чем не сладили тысячи других».

54 Слыхано было Руджьеру
Об Астольфе, двоюродном его дамы,
И досадно было, что скрыта
Его рыцарская статья в бесплодном дереве.
Ради той, кого он так любил
Лишь бы ведать, как,—
Он бы рад оказать ему услугу—
Но какую, кроме слов утешенья?

55 Он утешил его, как умел,
И спросил его, нет ли здесь дороги
В царство Логистиллы,—
Ровной или горной, но минуя Альцину?
Есть и такая,— ответил ему мирт,—
Крутая она и каменистая:
Как пойти вперед и направо,
Там и всход от равнины к горным гребням

*Руджьер
собирается
на помощь
Логистилле.*

56 Но не след надеяться, что легко
Ляжет его путь по той дороге,—
Будет там поперечное племя,
Ражее, горячее, разнузданное:
Для Альцины они— как вал и ров
Тем, кто хочет прочь из ее плена.
Руджьер мирту на всем сказал спасибо
И отходит прочь умнее, чем был.

57 Он отвязывает скакуна
И ведет его в поводу,
А всходить на него не хочет,
Чтобы тот не понес, куда не надо.
Одна у него мысль— пройти
Невредимо в царство Логистиллы,
И он тверд на все,
Чтоб не даться под руку Альцине.

58 Он и рад бы в седло
И пришпорить вновь коня по воздуху,
Но колеблется попасть в худшую беду,
Ибо тот недолжно слушается повода.
«Не беда, возьму дорогу силою!»—
Так сказал он, но сказал слишком рано.
Не прошел он по берегу и двух миль,
Как завиделся чудный город Альцины.

59 Издали вставала в глаза
Длинная стена вокруг немалого простора.
Высотой она казалась до неба,
И вся снизу доверху золотая.
Иные меня оспорят
И скажут: это алхимия;
Может, им и видней, а может, нет,
Но по мне, коли блестит, значит, золото.

- Тот рвется убить, этот рвется изловить,
А Руджьер один на всех в жестокой сече.
- 66   Одного раскроит до зубов,
Другого рассечет по грудь,
Под мечом его не крепок ни шлем,
Ни щит, ни кольчуга, ни броня,
А враги на него — вплотную,
И чтоб злобный сброд
Отстранить хоть на взмах меча,
Надобен сторукий Бриарей.
- 67   Догадайся Руджьер раскрыть
Щит, оружие старого волшебника,
Тот, что был на луке седла,
Тот, перед которым слеп взор,—
Пала бы безглазая нечисть
И была бы перед ним без сил;
Но должно быть, погнушался он, привыкнув
Доблестью побеждать, а не хитростью.
- 68   Но так или нет, а скорее он умрет,
Чем дастся мерзавцам в плен,—
    Как вдруг из ворот того города,
    Что сиял золотою стеною,
    Выезжают две юные девицы.
    По виду и платью не простого рода,
    Не в пастушьем вскормленные убожестве,
    А в уладах королевских чертогов,
*Две дамы его
выручают*
- 69   Обе верхом на единорогах
Белее чистейшего горностая,
Обе красавицы,
Обе разубраны так ярко и затейливо,
Что глядящему на таких
Надобны глаза, как у бога,
Чтоб решить, которая краше:
В них сама во плоти Красота и Прелесть
- 70   Обе подъезжают к поляне,
Где теснит Руджьера гнусное толпище,
И вмиг вся нечисть сторонится,
А они помавают ему рукою,
А Руджьер розовеет лицом,
Благодарствует прекрасных за услугу,
И в угоду им соглашается
Поворотить свой путь к тем золотым вратам
*но сбивают
с пути.*
- 71   Над дивным входом
Изгибалась пышная сень,
На каждом сиявшая выступе
Самоцветными диковинами Востока,

- Четырьмя углами покоясь
На столпах чистейшего алмаза,—
Мнимость это или не мнимость,
Но очам нет вида краше и радостней.
- 72 На пороге и вокруг столпов
Бегали, резвясь, игривые девушки —
Верно, были бы они еще милей,
Будь в них больше женственной пристойности:
Все в зеленом,
Все в венках из свежей листвы,
Нежно глядя, с приветливой речью,
Они вводят Руджьера в этот рай.
- 73 Истинно мнилось, это рай,
Где сама рождена Любовь:
Здесь только игры, здесь только пляски,
И каждый час здесь праздничный час.
Ни надолго, ни на недолго
Здесь седая забота не живет в душе,
Здесь нет места бедности и скудости,
Здесь царит Изобилие с полным рогом.
- Руджьер
в царстве
Альцины.*
- 74 Здесь, где ясно и весело,
Словно вечно смеется милый апрель,
Юные цветут кавалеры и дамы.
Иные у фонтана ласкательно и сладко
Поют; иные в тени холмов и рощ
Пляшут, играют и красиво резвятся;
А иные в стороне верному наперснику
Изливают любовную свою тоску.
- 75 По вершинам сосен и лавров,
Стройных буков и мохнатых елей
Весело порхали малютки-амуры:
Те — ликуя о потешных победах,
Те — готова стрелы для новых сердец,
Эти — расставляя тенета,
Кто в ручье студил каленые острия,
Кто оттачивал на катком камне.
- 76 Здесь Руджьеру дали жеребца,
Каурога, лихого и крепкого,
В отменной сбруе,
С золотом и камнями на очелке;
А крылатого гиппогрифа,
Неизменного мавританскому колдуну,
Доверяют отроку под уздцы
Не спеша вести вслед паладину.
- 77 И тогда-то две красавицы-заступницы
Славного рыцаря от нечистой черни,
От нечистой черни, преградившей ему путь
По правой тропе от дороги,

Говорят: «Любезный паладин.
Ваши подвиги, о которых нам ведомо,
Обнадежили и нас просить
О доблестном вашем благодеянии.

- 78 Поперек равнины
Скоро ляжет перед нами топь,
А мост на ней стережет,
Грабля, муча и мороча путников,
Лютая Эрифила,
Видом великанша,
Зубья длинные, укус ядовитый,
Когти острые, и рвут, как медвежьи
- 79 И она не только
Сеет страх на вольной дороге,
Но и в наши налетает сады
То по ту, то по другую добычу.
Знай и то, что в убийственном племени,
На тебя насевшем у ворот,
Иные — сыны ей, и все — приспешники,
Такие же неистовцы, хищники и зловерцы».
- 80 Руджьер в ответ: «Не в одну, а в сотню
Битв готов я, спасая вас.
Ежели чем я хорош —
Все это в вашей воле!
Ибо вздел я кольчугу и панцирь
Не искать земель и добыч,
Но творить добро для всех страждущих,
А тем паче — для таких прекрасных дам».
- 81 Красавицы рассыпаются в благодарностях,
Пристойных такому рыцарю,
И в таких беседах
Вот увидели они реку и мост,
А над ним, в изумрудах и сапфирах
По золоту оружия, — великаншу.
Но отложим до следующей песни,
Как отважился на нее Руджьер.

*Он должен
сразиться
с Эрифилой.*

ПЕСНЬ СЕДЬМАЯ

- 1 Кто странствовал далеко от дома,
Видел непривычные виды,
И рассказывает, и ему не верят, —
Тот надолго ославится именем лжеца.

Вступление.

Глупому народу понятно
Только то, что можно видеть и трогать:
И конечно, неискушенный,
К моей песне он будет маловерен.

- 2 Мало верен или многоверен—неважно,
Что мне нужды до незнающих и глупых?
Зато вам, кому ясен свет разумности,
Эта повесть не покажется ложью.
А ведь только о вас моя забота —
Чтобы плод трудов моих был вам
сладок.

А бросил я вас у реки и у моста,
Где на страже — великанша Эрифилла.

- 3 На ней панцирь из лучшего металла,
На нем блещут пестрые самоцветы—
Ал лал, зелен изумруд,
Зол от хризолит и рыжий яхонт.
А верхом она не на коне —
Ехала она на волке,
Ехала она пред самой переправой
На седле, что богаче нет.

*Руджьер
побеждает
Эрифиллу.*

- 4 А волков таких не бывало и в Апулии —
Толст, как бык, и высок, как бык.
Пасть его не пенилась удилами:
Как вела его наездница — не знаю сам.
Покров песчаного цвета
У проклятой был поверх доспеха,
И такого кроя, под каким при дворах
Выступают епископы и прелаты.

- 5 На щите ее и на шишаке ее
Раздувалась ядовитая жаба.
Такова-то, на виду у дам и рыцаря,
Встала она перед мостом
Поиграть мечом, посрамить и бросить
вспять
За несчетными единоборцами и этого.
«Прочь отсюда!»—кричит она Руджьеру;
А он грозит копьем и летит наперехват.

- 6 Быстро великанша в отпор
Шпорит волка, прямится в стременах,
На скаку выставляет копьё,
Под ее разбегом дрожит земля,—
Но вот сшиблись,— и она во прахе:
Сильный Руджьер ударил ее под шлем
И с такой яростью сбил с седла,
Что она отлетела за шесть локтей.

- 7 Меч в руке, он бежит
Снять с плеч надменную голову,
И снял бы, потому что как мертвая,
Эрифила лежала меж цветов и трав.
Но крикнули ему дамы: «Полно,
Не мрачи победу жестокой мезтью,
Добрый рыцарь, опусти свой меч:
В путь! чрез мост и вперед по дороге».
- 8 Вот едут они по чаще леса
Неторным путем и неладным —
Узким он был, каменистым
И вел как будто все в гору.
Но когда поднялись до перевала,
Вдруг открылась им просторная равнина,
А на ней дворец, такой светлый и отрадный,
Что подобного не сыщется на земле.
- 9 Из передних ворот его к Руджьеру
Выступает прекрасная Альцина
С пригожею достойною свитою
И державно привечает рыцаря.
А за нею и все остальные —
С такой честью, с таким благоговеньем,
Что ниже нельзя склониться, даже
Снизойди сам Господь с небесной сферы
- Его
принимает
Альцина.*
- 10 А дворец не-тем был прекрасен,
Что над всеми сиял великолепием,
А что жил в нем люд,
Несравненный изяществом и прелестью.
Ни один ни одного был не ниже
Цветом лет и блеском красоты,
Но прекраснее меж всех была Альцина,
Как пресветлое солнце меж светил.
- 11 Так она была сложена,
Как усерднейшему не вымыслить
художнику.
Кудри длинные, золотые, завитые —
Само золото не светлей и не ярче.
По нежным ее ланитам
Слились цветом лилии и розы.
Ясный лоб как чистая слоночья кость
Встал наверхшем, венчав обличье.
- 12 А под черными, под тонкими выгибами —
Два черных ока, два светлых солнца,
Милостивых взором, но бережных на взоры:
А вокруг витает веселый Эрот.
Этими он взорами набивает колчан,
Этими он взорами прилучает сердца.

А под ними встал меж щекою и щекою
Безупречный нос, неуязвимый зависти.

13 Еще ниже легли меж двух ложбин
Нежные уста в природной алости,
Где две нити скатного жемчуга
То являлись, то скрывались в тонких губах.
Отселе излетают речи,
Умягчающие жесточайшие души,
Родятся улыбки,
Обращающие юдоль в эдем.

14 Белоснежная шея, беломлечная грудь,
Шея круглая, грудь просторная,
Два точеные плода молодой белизной
Всходят и сходят, как волна у берега
В час, как милый ветер играет с морем.
Остального в теле не прозреть и Аргусу,
Но ясно уму,
Что и скрытое достойно явного.

15 Мерно и верно сложенье рук,
Белая ладонь
Удлиненная виднеется и узкая,
И ни складки на ней, ни жилки;
А царственная стать сходит к маленькой
столе,
Узенькой, короткой, округлой.
Ангельскую красу, детище небес,
Никаким не утаить покровам.

16 Говор, смех, пение, поступь,—
В каждом знаке был раскинут силок.
Мудрено ли, что не выстоял Руджьер
Перед зримою ее благосклонностью?
Что сказал ему мирт, как коварна она и
зла,—
То уже ему и немило;
И не верится ему, что предательский обман
За такую кроется улыбкою.

*Руджьер
возгорается
любовью.*

17 Легче ему поверить,
Что Астольф на том песчаном берегу
Обращен был в мирт
За его же неблагодарную злобу,
И поделом, и еще ему мало.
Все, что он сказал,—это ложь, это месть:
Это лишь обида и ненависть
Страждущего толкнули на такую хулу.

18 Та, кого он столько любил,
Вдруг изглажена из любившего сердца —

Это чары Альцины
 Стерли шрамы прежних нежных ран
 И вчертили Альцину и ее любовь.
 И ее лишь образ врезан в душу.
 Не осудим же доброго Руджьера,
 Что случился он нетверд и неверен.

- 19 А над знатным пиром
 Цитры, лиры, арфы
 Звоном зыбили воздух
 В сладком согласье и звучном созвучье;
 А иные пели
 О любовной сласти и страсти,
 А иные стихами
 Изъясняли милые образы.
- 20 Ни победная роскошь
 Наследников Нина,
 Ни славной той Клеопатры
 Пиршества с латинским победителем
 Не сравнятся с этим, которым
 Рыцаря приветила влюбленная фея.
 Я не верю в такой пир даже там,
 Где чашником Ганимед при Юпитере.
- 21 А как стал конец тому застолью,—
 Сели в круг для милой игры:
 Каждый каждому на ушко
 Нашептывал любовные тайности,
 Это ли не случай влюбленным
 Без помехи оказать свою любовь?
 И последнее меж ними было слово—
 Провести эту ночь в одной постели.
- 22 Тут кончается игра,
 Не дождавшись обычного часа.
 Входят отроки, вносят факелы,
 Разгоняют светочами сумраки,—
 И меж свиты сзади и спереди
 Отправляется Руджьер на покой
 В чисто убранную опочивальню,
 Избранную ему между лучшими.
- 23 Вновь подносят ему по обычаю
 И сласти и доброе вино,
 И учтиво клонятся, и расходятся
 Каждый в назначенный приют.
 А Руджьер возлег на душистые полотна,
 Тонкие, словно из Арахниных рук,
 Но ухо — настороже,
 Не послышится ли поступь красавицы.

*Они
 становятся
 любовниками.*

- 24 На каждый чуемый шорох
Вскидывал он голову — не она ли?
И будто бы слышал, и вновь не слышал,
И опомнясь, вздыхал о своей ошибке,
И вскакивал с ложа, и распахивал дверь,
И выглядывал, а там никого.
И по тысяче он раз проклинал
Так медлительно тянущееся время.
- 25 Почасту говорил он: вот она вышла;
И принимался отсчитывать шаги
От своей опочивальни до той,
Откуда ждал он выхода Альцины.
И эти, и другие, и разные
Тщетные он считывал счета
И боялся, не взошла ли помеха
Меж рукой и не дающимся плодом?
- 26 Альцина же
От долгих благоуханных умашений
Вставши к часу, когда не время медлить,
Потому что все затихло во дворце, —
Вышла из своего покоя,
Молча, одна, по тайному переходу,
Туда, где за Руджьерово сердце
Долго уже бились надежда и страх.
- 27 Как увидел Астольфов сменник
Вставшую ему улыбчивую звезду, —
Словно сера вспыхнула в его жилах,
Словно в собственной коже не мог он
усидеть:
По самые очи
Погрузился в море он нег и услад.
Он взлетает с ложа, он хватает ее в объятья,
Он не в силах ждать, чтоб она себя раздела, —
- 28 А на ней и так ни платья, ни подплатья,
Только покрывало легкого шелка
Поверх сорочки
Тончайшей и белейшей.
Охватил ее Руджьер, ниспадает покрывало,
И в прозрачном полотне
Явлена она и сзади и спереди,
Как розы и лилии под ясным стеклом.
- 29 Не так плотно плющ
Оплетается вокруг своего дерева,
Как сплелись наши двое любовников,
Друг у друга впивая с губ
Вздохи, слаще которых нет в посевах
На индийском и савском ароматном берегу.

- От стана к стану
Ищет она по шатрам и по палаткам,
Без помех
Пробираясь между конными и пешими,
Ибо чудный перстень,
Взятый в рот, творил ее незримою.
- 36 Не верит она, что он погиб,—
Сокрушение такого героя
Разнеслось бы в мире
От индийских струй до закатных морей.
Не умея ни сказать, ни придумать,
Где искать его меж небом и землей,
Бродит бедная одна,
И лишь вздохи, слезы, пени ей
попутчиками.
- 37 И решила она пойти к той пещере,
Где починут мощи Мерлина,
И так всплакаться пред гробницей вещего,
Чтоб и хладный мрамор дрогнул
жалостью.
Жив ли Руджьер
Или вышний рок оборвал его ясный
день,—
Здесь ей станет ведомо,
И она найдет, что делать далее.
- 38 С тем она и пустилась в путь
В тот Понтьерский лес,
Где в горном глухом урочище
Крылась вещая Мерлинова могила
А меж тем волшебница
Та, чьи думы всегда о Брадаманте,
Та, которая в дивном подземелье
Вразумила ее о ее потомках,
*Мелисса
приходит ей
на помощь.*
- 39 Та кудесница мудрая и добрая,
Неослабная в попечении своем
О девице, чье племя процветет
Полубожеской необорностью,
Каждодневно следит дела ее и речи,
Каждодневно пытается ее жребий,
И она уже знает, как Руджьер
И спасен, и пропал, и откуда он в Индии,
- 40 И она видела, как он неся вдаль
Небывалым роковым путем
На том коне,
Что знать не хотел узды,
И видела, как он нежится в томной
праздности
И в пирах, и в играх, и в плясках,

И не помнит ни о своем короле,
Ни о своей даме, ни о своей чести.

- 41 Так грозил увянуть
Цвет лучших рыцарских лет
Доблестного Руджьера,
Так угас бы он и телом и душой,
И дыханье славы,
Которое одно переживает нашу брэнность
И за гробом продлевает нам жизнь,
Иссякло бы, не успев разнестись.
- 42 Добрая однако волхвовательница,
Больше о нем пекшись, чем он сам,
Положила взвести его вновь
На крутую стезю прямой добродетели,
Хочет он того или не хочет:
Так умелый врач
Смел ножом и огнем и зельем,
Зная: боль в начале — благо в конце.
- 43 Не попустительствовала,
Не была она близорука в любви,
Как Атлант,
Помышлявший лишь продлить его дни,—
Ибо тот ему лучше хотел
Долгой жизни без чести и без славы,
Чем за хор хвалы всего света
Потерять хоть год утешного житья,
- 44 Ибо тот затем и завел его к Альцине,
Чтоб боец в забавах забыл о бое;
А как знатный чернокнижник,
Всеведец чаровании,
Он в такой любовный силок
Захлестнул волшебницыно сердце,
Что его уж было не распутать,
Проживи Руджьер хоть Нестеровы веки.
- 45 Итак, повторю я,
Держит наша провидица
Прямой путь туда, где застичь
Дочь Амона, ищущую и блуждающую,
Брадаманта, завидевши ее,
Просияла сквозь скорбь свою надеждою;
А вещунья возвещает ей воистину,
Что ее Руджьер — в плену Альцины.
- 46 Красавица чуть жива,
Слыша, как далек ее милый,
И что быть беде над ее любовью,
Если сильная не приспееет подмога.

А добрая волшебница ее бодрит,
 Проливает елей на ее боль
 И клянется, что немного минет,
 И опять с нею будет ее Руджьер.

- 47 «Дай мне,—говорит она,—твое кольцо,
 Сильное против всякой чары,—
 И едва я с ним прорвусь туда,
 Где Альцина таит твоё сокровище,
 Как разрушу ее кознь и верну
 Милого твоего подопечного.
 Я пушусь туда в первом часу вечера,
 А в Индии буду на рассвете зари».

*Она
 пускается
 на остров
 Альцины,*

- 48 Слово за слово,
 Рассказывает она, что надобно то кольцо,
 Чтоб из царства роскоши и неги
 Вызволить возлюбленного во Францию.
 Брадаманта снимает перстень с перста,
 И не только перстень,
 А готова отдать и сердце и жизнь
 Ради блага милого Руджьера.

- 49 И вручает ей перстень, и вверяет ей себя,
 А пуще того — Руджьера,
 И шлет ему тысячу приветов,
 А потом поворачивает к себе в Прованс.
 У волшебницы же—своя дорога:
 Чтоб свершить замышленное,
 Вызывает она повечеру коня,
 Весь он черный, одна нога красная:

- 50 Не иначе, это Косокрыл или Кривляка
 В таком теле встал к ней из Геенны.
 А она на него — верхом,
 Необута, неопоясана, кудри по ветру;
 Лишь кольцо сняла она с пальца,
 Чтоб своим же не поперечить чарам.
 И в такой-то скачке
 Поутру она уже на Альцинином острове.

- 51 И вот здесь она чудесно меняет облик:
 На пядь прибавляет росту,
 Каждым членом становится крупней,
 Храня склад и меру,
 И теперь у нее вид
 Чародея, вскормившего Руджьера,—
 Долгая борода одеваает подбородок,
 И морщинами ложится кожа на лбу;

- 52 И лицом, и голосом, и повадкою
 Так она перенимает образец,

Что мнится, это прямой Атлант.
 А потом она укрывается и ждет,
 Чтоб в удачный день
 Ей застичь Руджьера без Альцины.
 А оно не просто — не могла фея без друга
 Ни часу прожить, ни шагу ступить.

*находит
 Руджьера*

53 И нашла она его, когда один
 Радостно встречал он ясное утро
 У чистого ручья, который с холма
 Падал в милое прозрачное озеро.
 Весь наряд его, привольный и распущенный,
 Негою дышал и праздностью,
 Шелком и золотом
 Вышитый искусной рукой Альцины.

54 Ожерелье из блестящих камней
 С шеи ложилось на широкую грудь,
 На руках, так недавно мужеских,
 Светлые изгибались запястья,
 Тонкое золото колечком
 Правое пронзало ухо и левое,
 Обвисая скатными перлами,
 Каких нет ни в Аравии, ни в Индии.

55 Кудри его вились, увлажненные
 Благовоньем, которому нет цены;
 В каждом повороте была истома,
 Как у валенсийского женолюба;
 Все в нем выгнило,
 Богатырским оставалось только имя.
 Вот каков был Руджьер,
 Сам себя потерявший в нежных чарах.

56 Ему-то она и предстает,
 Храня принятый образ Атланта,
 С тем же ликом, важным и почтенным,
 Пред которым всегда склонялся Руджьер,
 С тем же взором, полным грозного гнева,
 Пред которым трепетал он еще юнцом,—
 И гласит:

*и в образе
 Атланта
 обличает
 его.*

• «Это ли тот плод,
 Для которого проливал я пот?»

57 Мозговиною медведей и львов
 Вскармливал я тебя с малолетства,
 По пещерам и дремучим ущельям
 Я учил тебя удушать драконов,
 Вырывать когти тиграм и барсам,
 Выворачивать клыки кабанам,—
 Лишь затем ли, чтоб ты стал с такой наукой
 Аттисом и Адонисом при Альцине?

Говорила все лучшие слова,
 Что к лицу заботливой вестнице,—
 И вздымает в Руджьере ненависть
к Альцине
 Таковую, что подстать гнуснейшему из зол,

- 70 Таковую ненависть, какова была любовь,—
 И не диво,
 Ибо та любовь была чародейная
 И пред перстнем его развеялась в ничто.
 Открывается перстнем, *он видит*
 Что и вся краса Альцины — заемная, *Альцину*
 Не своя, а заемная, от косы до пят,— *в ее настоя-*
 И вот сладкое схлынуло, а в осадке — дрянь *щем виде.*

- 71 Как малыш припрячет спелый плод,
 А потом забудет, куда,
 А потом через много дней
 Набредет случайно на припрятанный,
 И дивится, что он не такой, как был,
 А насквозь гнилой и вонючий,
 И гнушается прежним милым
лакомством,
 Брезгует, кривится и швыряет прочь,—

- 72 Так Руджьер,
 Когда велела ему Мелисса обратиться
к своей фее
 С тем перстнем на персте,
 Над которым немощны все заклатья,—
 Вдруг видит перед собой
 Вместо давешней своей красавицы
 Урода из уродов,
 Таковую старуху, что мерзей не выдумать:

- 73 Лицо бледное, кривое, в морщинах,
 Волос сед и редок,
 Росту пядей шесть, а то и меньше,
 Во рту ни единого зуба,—
 Ибо старше была Альцина,
 Чем Гекуба и Кумекая Сивилла,
 Но неведомые были у ней средства
 Видеться юной и красивой.

- 74 Юной и красивой она коварно
 Многим являлась, как Руджьеру,
 Но вот перстень разоблачил покров,
 Столько лет облакавший правду,—
 Так не диво,
 Что с души Руджьеровой свеялись вмиг
 Помыслы об Альцининой любви,
 Как застиг он ее в необманном ее облике.

- 75 Но по умному совету Мелиссы
Он не выказал своей перемены.
Ноги с ног до головы
Не оделся в давнее свое оружие.
А чтоб не было у Альцины подозрений,
Он сказал, будто хочет испытать себя,
Попрежнему ли он ловок, не слишком ли
ожирел,
Столько дней не взмеривая доспеха?
- 76 Вот уже при бедре его — Бализарда
(Это имя его меча),
Вот уже в руках его—чудный щит,
Тот, перед которым слепли очи,
Обмирала душа
И едва не испарялась из тела,—
Весь под шелком, как был:
Рыцарь взял его и вешает на шею.
- 77 Он идет в конюшню, уздает и седлает
Жеребца, вороного, как смоль,
И на этого навела его Мелисса,
Зная, как он легок на скаку.
Сведущие кликали его Рабиканом—
Это он
Был под витязем, ныне клонимым по ветру,
В час, как тот примчал их к тому взморью.
- 78 Мог бы наш герой отвязать и гиппогрифа —
Он стоял в стойле с Рабиканом;
Но сказала волшебница: «Ты ведь знаешь
сам —
Он не свычен твоей узде»,
И обещала: завтра
Сама уведет его отсюда
В такое место, где не в труд его выездить,
Чтоб слушался поводыев на всех путях.
- 79 А к тому же, не тронув крылатого,
Легче скрыть от подозрений побег.
Что сказала Мелисса, то и сделал Руджьер,
Чуткий слухом к словам невидимой.
С тем покинул он
Сладострастный двор старой распутницы
И пустил коня к тем воротам,
От которых—дорога к Логистилле.
- 80 Грянув врасплох,
Он мечом пробивается сквозь стражу,
Кого ранил, кого убил,
И вперед, через мост;

*Руджьер
пуска-
ется прочь
из Альци-
ниного цар-
ства.*

Он и понял по Руджьеровой скачке,
Что затеял рыцарь побег.

5 Он берет ему наперерез,
Вопрошает свысока: «Куда так спешно?»
Наш Руджьер на это ни слова.
Тот, еще уверенный в победе,
Замышляет его перехватить,
И вытягивает левую, и спрашивает:
«А далече ли ты наметился?
От такого сокола нет спасенья!»

6 Сокол спущен, сокол плещет крыльями,
Рабикану его не опередить;
Ловчий спрыгивает с коня,
Срывает с него узду,
Конь мчит стрелой,
Страшный зубом, страшный копытом,
А ловец—вслед,
Словно ветер и огонь за ним погоня.

7 Не отстает и пес —
Он несется вслед Рабикану
Поворотливей, чем барс за зайцем.
Непристойно Руджьеру их не встретить:
Повернул он к лихому бегуну,
Видит: тот без оружия, только палка,
Чтобы свору держать в остратке;
И стыдно Руджьеру обнажить клинок.

8 Подбежавший—к нему, удары сыплются,
Пес вгрызается в левую ступню,
Жеребец, взметнувшись крупом,
Вновь и вновь бьет витязя справа,
Сокол ходит над ним кругами,
Острым когтем метя в лицо;
И страшимый шумом Рабикан
Уж не слышит ни повода, ни шпоры.

9 От такой напасти
Привелось Руджьеру выхватить меч;
То холопу, то тварям
Он грозит лезвием и острием;
А негодные напирают
Справа, слева, шагу не ступить;
Видит Руджьер: промедлить доле —
И великий будет срам и ущерб.

10 Знает: минет малая малость —
И Альцина доспееет по пятам:
Уж по долам катятся гулы —
Трубы, барабаны, набат.

Не дело стоять с Бализардою
 На холопа с палкою и на пса:
 Лучше и быстрее —
 Раскрыть щит, дело чар Атланта.

77 И он вскинул красную ткань,
 Столько дней отенявшую щит,
 И как прежде тысячу раз,
 Ударил по глазам свет,
 Ловчий пал без чувств,
 С ним пес, с ним конь,
 Пали крылья сокола на лету,
 А Руджьер бессильных бросил и скачет
 дальше.

12 Альцина впрямь,
 Сведав, что Руджьер разбил ворота,
 И побил немалую стражу,
 Стала от горя ни жива ни мертва,
 Рвала платье, полосовала лицо
 И кляла свою неопасливую глупость;
 И вот кличет она: «К оружию!»
 И сзывает всех своих людей;

*Альцина
гонится
за Руджьером,*

13 Разделяет их на две ватаги,
 Одну—по суху вслед Руджьеру,
 А другую—скорее к пристани,
 На суда и в море —
 Так, что волн не видать за парусами;
 И с ними, в отчаянии, она сама —
 В такой тоске по любовнику,
 Что оставила свой город без охраны:

14 Некому сторожить дворец.
 А Мелисса была наготове —
 И чтоб из-под злобного владычества
 Вызволить тех, кто попал в беду,
 Ловит она случай и спешит
 Обойти, кто где есть и что где есть,
 Жжет болванов, взламывает печати,
 Рубит каждый узел, виток и знак.

*а Мелисса
оживляет
Астольфа и
других ее
пленников.*

75 А потом — в поля,
 Где томилась толпа былых любовников,
 Кто ручьем, кто зверем, кто скалой, кто
 деревом,
 И вернула каждому прежний лик.
 А они, лишь почуя под собой ноги,
 Тотчас — вслед за нашим добрым
 Руджьером
 К Логистилле, в спасительный приют, а
 потом
 Кто куда: к скифам, персам, грекам, индам.

- 16 Отпускает их Мелисса по родинам,
 Нескончаемо ее благодарящих;
 Но прежде всех
 Стал меж них человеком британский
 Астольф —
 Он родня Брадаманте, за него
 Кроткими словами просил Руджьер,
 И не только просил,
 А и дал ему в помощь свой чудный перстень.
- 17 Так обрел себя вновь
 Славный витязь по Руджьерову слову,
 Но Мелиссе и того было мало,
 Пока не было у рыцаря оружия—
 Золотого того копья,
 Одним касаньем сбивающего с седла:
 Было то копье у Аргалия и у Астольфа,
 У того и у этого с превеликою славою.
- 18 Отыскала Мелисса золотое копье
 У Альцины в недоброй палате,
 Где был весь доспех,
 Ею снятый с британского паладина;
 Села на черного чародея коня,
 За седлом взмостила Астольфа,
 И доспела с ним до Логистиллы
 Часом раньше, чем сам Руджьер.
- 19 А Руджьер держал свой путь к мудрой
 фее Руджьер
 По колючим кустам и крутым камням продолжает
 Из оврага в овраг, с тропы на тропу,
 Трудную, безлюдную, дикую,— путь
 И в великой истоме к Логис-
 К знойному девятому часу тилле.
 Он пришел в пески меж гор и моря,
 Обнаженные, пустынные, выжженные.
- 20 Солнце бьет в холм,
 Отраженный жар
 Накаляет воздух и песок —
 Здесь бы даже и стекло заплавилось.
 Стихли птицы, кроясь в тени,—
 Лишь цикада докучным звоном
 Из густой листвы
 Полнит холм и дол, море и небо.
- 21 И жара, и жажда,
 И усталая поступь по сыпучему —
 Тяжкими Руджьеру были спутниками
 Под солнцем в пустой степи...
 Но опять я скажу: нельзя мне
 Все рассказывать об одном да об
 одном —

Так оставлю я Руджьера на этой жаре,
А пушусь в Шотландию навстречу-
Ринальду.

- 22 Очень там Ринальд был в почете
И у короля, и у королевны, и у всех.
А когда он им открыл,
Для каких причин приплыл он в
Шотландию,
И от своего государя
Просил помощи английской и шотландской,
И все Карловы просьбы
Основательнейше обосновал и сам,—
- Между тем
Ринальд
собирает
войска
в Шотландии
и Англии.*
- 23 Не колеблясь, отозвался король,
Что сколько ни есть у него силы,
Всю он отдает
В часть и пользу Карла и империи,
И что в несколько дней
Выступят для Карла все его рыцари;
И не будь он нынче стар,
Встал бы сам водителем воинства;
- 24 Да и старцем
Не коснел бы в неподобной праздности,
Не будь у него сына, достойнейшего в
вождях
Силою, а пуще умом.
Нынче он на чужой стороне.
Но надежда есть, что воротится,
Пока рать собирается в поход,
И в главе собравшихся станет сам.
- 25 С тем и повестил он по всему краю
Блюстителем своим скликать пеших и
конных,
Снаряжать суда, готовить добро,
Припасать припасы и не жалеть денег.
А Ринальду меж тем дорога в Англию;
И король любовно
Сопроводил его в Бервик
И прощаясь, проливал слезы.
- 26 Ветер бьет в корму.
Ринальд всходит, говорит «С богом!»,
Кормчий велит отчаливать,
И вот вплыли они в соленое море,
Где прекрасная растворяется Темза,
И с высокою водою
Веслом и парусом
Достигают города Лондона.

- 27 У Ринальда от Карла и Оттона,
Вместе с Карлом сидевшего в осаде,
Были своеручные их грамоты
К князю Валлийскому.
Чтобы сколько было в том краю
Конных и пеших,
Всех созвать к приморскому Кале
На подмогу Франции и Карлу.
- 28 Названный тот князь,
Местоблюститель державного Оттона,
Принял сына Амона с такою почестью,
Что подобных не воздавалось и царю.
Все вершится по его прошению,
Весь ратный род
Из Британии и окрестных островов
Созван к морю на урочную пору.
- 29 Но, государь мой,
Я, как знатный игрец на ладных
струнах,
Должен нового искать вновь и вновь
То высокого, то низкого звона,—
И пока я говорил о Ринальде,
Мне припомнилась милая Анджелика:
Как она от него пустилась в бегство
И в том бегстве повстречала
отшельника.
- 30 Вот о ней я теперь и продолжу.
Спрашивала она тогда и расспрашивала
Лишь о том, где дорога к морю,—
Ибо так она боялась Ринальда,
Что по сю сторону пучины
Все ей было смерти подобно.
Но отшельник с нею медлил и медлил,
Потому что ему было приятно:
- 31 Редкая ее красота
Разогрела в нем охладелую кровь.
Хоть и видит он, что мало ей до него дела,
И быть ей с ним не в охоту,
Но шпорит он осла в сто шпор,
А тот кой-как в шаг или еле-еле в рысь,
И куда уж там вскачь —
Так упряма он в природной неспешности.
- 32 Ускакала дама далеко и еще дальше,
Потерялся ее след.
И тогда глядит отшельник в черную дыру,
Вызывает демонов целый легион,
Выбирает одного,
Говорит ему, какая в нем надоба,

- И велит ему залезть в нутро скакуну,
Вместе с дамой унесшему отшельниково сердце.
- В коня
Анджелики
вселяется
бес,*
- 33 И как чуткий пес,
Гончий по холмам за лисами и зайцами,
Видя зверя справа, заходит слева
И как будто теряет след,
А потом в теснине
Хвать, и жертву в пасть, и клыками
в бок,—
Так отшельник окольными дорогами
Обстигает красавицу со всех сторон.
- 34 А зачем это он, мне небезведомо,
И скажу это вам, но не теперь.
Анджелика же, ничего не ведая,
Долго ли, коротко ли, скачет день за днем,
А в коне ее бес,
Как огонь под пеплом,
Ждущий вспыхнуть пожаром,
И его не унять, и от него не уйти.
- 35 Отыскала она свой путь
К гасконскому берегу, к большому морю;
Держит коня вдоль самой кромки,
Где от влаги тверже песок копытам,
И вот тут-то бес
Гонит его в воду, пускает вплавь,
А она в перепуге
Не знает, что делать, и чуть держится в
седле.
- 36 Тянет повод, а конь не сворачивает,
Дальше и дальше забирает в глубь.
Девушка поджимает ноги,
Подбирает юбку над мокрой пеной.
По плечам распустились кудри,
Резвый ветер заигрывает с ними;
Затишают вихри и волны,
Очарованы такую красотой.
- 37 Озирается она прекрасными очами,
Плачем орошая лик и перси,
Видит: берег уходит и уходит,
Он все меньше, меньше;
А конь на плаву забирает вправо
И, выкружив, выносит ее на сушу
Меж грозных гротов и черных скал,
И уже нависает ночь.
- который
уносит
ее на не-
обитаемый
берег.*
- 38 Как увидела она себя в пустоте,
Где и оглянуться—страх,

А солнце окунается, в море,
А на земле и над землею темно,—
Так и оцепенела:
Посмотреть — и не скажешь,
Женщина ли это, живая и во плоти,
Или камень, крашенный под женщину.

39 Застывши, недвижная, на неведомом берегу,
Волосы разметаны и спутаны,
Руки сцеплены, губы сжаты,
Истомленный взгляд вперен в небеса,
Словно к Вышнему Движителю с укором,
Что все судьбы двинуты ей во зло,—
Так она стояла, обеспамятев,
А потом — речи в взрыд и очи в плач.

40 «Ах, судьбина, тебе ли меня домучивать,
Мною уж насытись вдоволь и вдосталь?
Что еще отнимешь ты? только жалкую
Мою жизнь? Но ты сама ее не хочешь:
Я могла бы кончить дни в этом море,
А ты вытащила меня из погребальных волн.
Видно, я еще не все отстрадала,
Чтобы встретить смерть?»

41 Но есть ли
Еще злее зло, чем я знала от тебя?
Ты гнала меня из царского дома,
И нет мне пути назад;
Ты взяла мою честь, и это горше:
Нет на мне греха,
Но каждый недобрый скажет:
Я бездомна, а стало быть, бесстыдна.

42 А дороже чистого имени
Есть ли что у женщин на свете? .
Молода я? тем хуже. Красива я?
(Так ведь люди говорят) — тем хуже.
Мне и этот дар не на радость,
От него пошла моя погибель:
За него пал брат мой Аргалий—
Не спасли его волшебные доспехи;

43 За него Агрикан Татарский
Обездолит отца моего Галафрона,
Катайского великого хана;
И мой удел —
Засыпать, не зная, где проснусь.
Отняв дом, отняв честь, отняв ближних —
Для каких еще мук
Бережешь ты меня в живых?

44 Ежели насытая твоя жестокость
Не дала мне захлебнуться морем —

Вышли дикого зверя
 Растерзать меня, и я не побоюсь:
 Нет таких мучений (лишь бы насмерть!),
 Чтобы я не сказала: «благодарствуй!»
 Так, рыдая, говорила красавица,
 Когда вдруг явился пред ней отшельник.

45 С верхнего гребня
 Каменной кручи
 Видел отшельник Анджелику внизу,
 Страждущую, истерзанную.
 Шесть дней здесь он ждал,
 Примчав на демоне по неторному пути,
 И вот предстал ей, по виду
 Набожной Илариона и фивейского Павла.

*Здесь
 на нее
 покушается
 отшельник,
 но тщетно.*

46 Лишь завидев и еще не узнав,
 Ожила красавица духом,
 Оттек понемногу страх,
 Но лицо еще было, как мертвое.
 Подошел он, а она ему: «Сжалуйся,
 Добрый отче, ибо я в беде!» —
 И прерывистым от рыданий голосом
 Все рассказывает, что он знал и так.

47 Говорит ей старец утешные слова,
 Благолепные и добрые,
 А покладливой рукой
 То ей тронет грудь, то влажные щеки,
 А потом забирает смелей,
 А она осторожно негодует,
 Кулачком колотит ему в грудь, отбивается,
 И в лице ее — честный румянец.

48 У него на поясе — сума,
 Достает он из нее сосудец зелья,
 И красавице в властительные очи,
 Где лучится жгучий факел любви,
 Брызжет самую малую каплю,
 Но и в той — усыпляющая сила.
 И она уже навзничь на песке
 Перед хищным вожделением старца.

49 Он ее обнимает, гладит всласть,
 Она спит и не в силах противиться;
 Он целует ее в рот, целует в грудь —
 Их в укромном месте никто не видит.
 Но споткнулся его конек,
 Был он телом слабей желанья,
 Неспособно много было ему лет,
 И чем больше он храпел, тем хуже.

50 Седок пробует и так и сяк —
 Все не вскинуть ему ленивца:

Тщетно он затягивает узду —
 Тот не вздымет понурую голову.
 Наконец, без сил
 Рядом с сонною он падает в сон —
 Как вдруг встало на них новое бедствие!
 Ах, судьба! ты, начав играть,
 не выпустишь!

57 Но чтобы сказать вам, что случилось,
 Надобно мне сперва свернуть с пути.
 В северном море, в западной стороне
 По ту сторону Ирландии
 Лежит остров, называется Эбуда,
 Малолюдный,
 Ибо разорил его морской зверь со своим
 стадом,
 А привел их, мстя, морской Протей.

*С острова
 Эбуды, где
 казнят
 девиц,*

52 Правда ли, неправда ли,
 Но рассказывают старинные повести,
 Будто был на том острове могучий царь,
 А у него дочь, такая красивая и милая,
 Что лишь выйдя на соленый песок,
 Так она разожгла в воде Протея,
 Что однажды он ее застиг,
 И схватил, и оставил брюхатою.

53 Тяжким это было горем и обидой
 Для сурово безжалостного отца.
 Ни любовью, ни оправданиями
 Не склонился к прощенью ярый его гнев.
 На нее, беременную,
 Скор свершеньем крутой его приказ,
 И царский внук,
 Хоть невинен, обречен до рождения.

54 Но морской Протей,
 Пастырь буйных стад всеводного Нептуна,
 Сведая злую казнь своей дамы,
 В ярости крушит закон и устав
 И из вод на сушу
 Кличет стаи чуд морских и гад морских
 На погибель не только быкам и овцам,
 А и градам, и селам, и насельникам.

55 И не раз подступали они к столице,
 И вставали осадю со всех сторон;
 Днем и ночью стража
 Не слагала оружия, в страхе и тоске;
 В полях—ни души;
 И вот, чтоб сыскать какое средство,
 Посылают послов к прорицалищу,
 А ответ прорицалища был таков:

- 56 Найти девицу,
Красотой подобную погибшей,
И взамен ей на морском берегу
Предложить ее гневному Протею:
Если будет она ему хороша,
Он возьмет ее, и кончится смута;
Если нет — то пусть ему дадут
И другую, и третью, пока не вдоволь.
- 57 Вот с того-то и пошла напасть
На девиц, пригожих собою;
Каждый день по одной ведут Протею,
Чтобы выбрал себе в угоду,
И одна за другую гибнут —
Всех Глощает тот зверь морской,
Что один остался на страже,
Когда прочие гады расплылись.
- 58 Правда это о Протее или выдумка,
Я знаю лишь то, что слышал;
Но с тех самых пор в той земле —
Злой закон против женского пола:
Чтоб кормить им то морское чудище,
Что всплывает к берегу всякий день.
Всюду несладко быть женщиною,
А здесь — подавно.
- 59 Ах, бедные, бедные девицы,
Злой судьбой привезанные к злым местам,
Где чуткий дозор над морем
Чужеземкам ладит жертвенный костер!
Ведь чем больше погибнет пришлых —
Тем меньше убыль в своих.
Но не с каждым ветром идет добыча,
И народ на розыск пускается сам: *приплывают
пираты*
- 60 Шлет во все моря
И челны, и струги, и парусники,
Чтобы с дальних и ближних берегов
Раздобыть облегченье своей казни.
Берут женщин силой, берут захватом,
А иных золотом, а иных лестью,
Но всегда из всех мест
Полны пленниц башни и подземелья.
- 61 Вот одна такая ладья
От берега к берегу доплыла и туда,
Где на мягкой траве меж жестких кустов
Злополучная спала Анджелика.
Сходят пловцы на сушу
За дровами и сладкой водой,
И прекрасную из прекрасных, прелестную
из прелестных
Они видят в объятиях святого отца.

- 62 Ах, слишком дорога, слишком хороша
Такая добыча для таких злодеев!
Ах, жестокая судьбина, поверить ли,
Что по тяжелой над нами воле твоей
Будет брошена гаду в снедь
Та краса, для которой сам Агрикан
С половиной Скифии из кавказских
ворот
Хлынул на Индию и нашел нам смерть?
- 63 Та краса, что была для Сакрипанта
Больше чести и больше царства;
Та краса, что и Роланду легла пятном
На громкое имя и светлый ум;
Та краса, на чье мановение
Встал бы и пал бы целый Левант,— *и увозят*
Ныне брошена от всех, *Анджелику*
И никто не поможет ей даже словом? *в жертву*
морскому
чудовищу.
- 64 Красавица, одурманенная сном,
Вмиг в цепях, не успев проснуться;
Следом лег монах-чародей
В полный челн удрученного полона;
Парус взвиг,
Мчит ладью к погребальному острову,
Где замкнули даму в крепкий замок,
Пока жребий не скажет ее час.
- 65 Но и здешний жестокий люд
Так был тронут такою красотою,
Что на много дней отлагали ее смерть,
Сберегая ее до крайней крайности.
И пока другие были чужеземки,
Ангельской Анджелике не делалось беды.
А как вывели ее наконец,
Весь народ за нею шел и плакал.
- 66 Кто опишет
Слезы, стоны, крики, вопль до небес?
Как не вышли моря из берегов,
Когда дева простерлась на хладном камне
Беспомощная, в цепях,
Перед страшною черною погибелью?
Я смолкаю: таково мое горе,
Что к иному обращается лира
- 67 И утешнейших ищет песен,
Чтобы ожил мой изнемогший дух.
Ибо ни черная ехидна,
Ни тигрица в яри, лишась тигрят,
Ни кишачие змеи по смертным пескам
От Атласа до Красного берега

«Сердце мое! — он тоскует, — на беду
Ты похитилась! это ли не досада,
Что по добру твоему я мог
Быть и день и ночь с тобою рядом,
Ах, и отдал тебя в Наимовы руки,
Не нашедшись воспротивиться обиде!

- 74 Я ли не был вправе сказать: «Нет!»?
Государь бы мне не поперечил.
А и поперечь он, кто меня принудил бы?
Кто бы взял тебя, не сведавшись со мной?
Прежде бы дошло до мечей,
Прежде душу бы мне вырвали из тела,
Но ни Карл, ни все его племя
Не сумели бы отбить тебя силой!
- 75 Добро б ей под верною охраною
Быть в Париже иль в ином крепком месте!
Но что дали ее Найму, это
Лишь затем, чтобы я ее лишился!
Кто ее уберег бы надежнее,
Чем я? Не по гроб ли я хранитель ей?
Пуще сердца, пуще зеницы
Мог и должен я был, а не устерег!
- 76 Ах, жизнь моя, ах, любезная моя,
Где ты нынче, так юна и так прекрасна?
Как в лесу на закате
Заблудившаяся овечка,
Чтоб услышал ее пасущий,
Бродит, блея, взад и вперед,
Пока волк, далекий и чуткий,
Не оставит пастуха тщетно плакаться,—
- 77 Так и ты — где же нынче, где
Бродишь, одинокая, блуждая?
Иль без верного твоего Роланда
Злые волки уже тебя настигли,
И цветок твой, залог небесного счастья,
Цветок, невредимо мною хранимый
Из тревоги помутить чистоту твою,
Горе мне! кем-то смят и сорван?
- 78 Если сорван — беда моя! страда моя! что мне
Остается? только умереть!
Господи в небеси, да будет
Мне любая рана в сердце, но не эта!
Если ж эта — оборву своею рукою
Жизнь, отпущу на покаяние душу!»
Так плача, так рыдая,
Говорил себе страждущий Роланд.

Все живое в ночном покое
Усталые лелеяло души:
Кто на ложе, кто на жестких камнях,
Кто спал в травах, кто под миртом

*видит
вещий сон
об Анджелике*

и букѹм;

Но едва лишь рыцарь смежил ресницы,
Колочей думой тревожимый в дреме,
То и этот сон, мгновенный и летучий,
Не порадовал перемирием с горем.

- 80 Видит Роланд зеленый берег,
Пестрый душистыми цветами,
Видит белизну слоновой кости,
Розово расписанную Любовью,
Видит светлые звезды, из которых
Любовь сети закидывает в души:
Это очи на милом лице,
У него похитившие сердце.
- 81 Он пирует высочайшим блаженством,
Каким награждается любовник,—
Вдруг злой вихрь
Гнет стволы, сметает цветы,
Словно сшиблись в ветровом бою
Север, юг и восток.
Ища крова,
Тщетно рыщет рыцарь по пустыне,
- 82 И сам не понимает, несчастный,
Где красавица потерялась в тумане.
Вправо, влево сладким ее именем
Оглашает он лес и луг,
А потом бессильно молвит: «Горе!»
Кто мне сладость обернул ядом?»
Он слышит, она плачет о помощи
И веряет ему себя;
- 83 Бежит на крик,
Изнемогает в поиске,—
О, мука из мук:
Больше не видеть родного света! —
И вот издали звучит чужой голос:
«Нет тебе отныне сей радости на земле!»
И на этот грозный крик он проснулся,
И лицо его было в слезах.

*
Он не думает, что во сне
Страх и страсть рождают ложные образы,—
Примнилось ему в жару,
Что красавица его в беде иль стыде,
И он молнией взлетает с одра,
Кольчугу на плечи, сталь на грудь,

*и бросается
на поиски
ее.*

- Отвязал коня Златоузда,—
Все сам, щитоносец ему не надобен.
- 85 А чтобы ни на каком пути
Не легло пятно на славное имя,
Отлагает он щит в четыре четверти,
Красный с белым, знак доброго рода,
А берет черный,
Во всю меру своей тоски,
С своеручно убитого эмира
Снятый несколько лет тому назад.
- 86 Выезжает он в полночь, неслышимый,
Без привета державному своему дяде,
Ни верному и любимому
Не сказав «прости» Брандимарту.
Лишь когда златокудрое вышло
Солнце из сияющих куш Тифона,
Разгоня влажный сумрак ночи,—
Государь хватился богатыря.
- 87 В великом Карл недовольстве,
Что в ночи отъехал его племянник,
Должный быть при нем на подмоге,—
Не умея осилить гнев,
Он сетует, он укоряет,
В голосе его хула, он грозит,
Что ежели Роланд не воротится,—
По заслуге будет ему кара.
- 88 Между тем, любя Роланда, как себя,
Брандимарт не медлил —
И в надежде ли скоро воротить его,
В обиде ли на ропот и брань, .
Он не выждал и дня,
А засветло выехал на поиск,
Не сказавши ни слова Флорделизе,
Чтоб она ему не помешала.
- 89< Это была дама, которую
Он любил и с ней не расставался—
Красотою одаренная, прелестью, •
Добрым нравом, зорким умом,
И что друг уехал, не сказавшись ей,—
Это лишь в надежде к ней вернуться
В тот же день; но случилось так,
Что промедлил он куда как дольше.
- 90 А она, прождав понапрасну
Целый месяц, и его не видя,
Так о нем встосковалась,
Что пустилась одна, без провожатого,

Искать его по чужим краям,
 Как о том будет вовремя поведано;
 А сейчас я о них двоих — ни слова:
 Рассказ мой — о паладине Англандском,

- 91 Который, сняв с себя славные
 Родовые знаки Альмона,
 Подъехал к воротам, шепотом
 Сказал сотнику: «Я — Роланд», —
 И перед ним опускается мост,
 И он едет прямою дорогою
 В вражий стан, —
 А что дальше, о том скажу я дальше.

ПЕСНЬ ДЕВЯТАЯ

- 1 Кто же уберется от власти
 Жестокого предателя Амора,
 Если даже в Роланде заглушил он
 Великую верность государю?
 Разумнейший, почтительный к высшим,
 Поборатель за Христову церковь,
 Он забыл за сердечною тщетою
 И себя, и Карла, а пуще — Господа!

Вступление

Но его я легко прощаю: рад
 Я делить с таким собственными
 слабости-

Я ведь тоже на благое ленив,
 А к дурному пылок и прыток.
 Вот Роланд, весь в черном,
 О покинутых друзьях не жалея,
 Едет в стан, где готова к бою
 Стоит Африка и стоит Испания.

*Роланд
 ищет
 Анджелику
 во вражьем
 стане,*

И готова к бою и не готова —
 Дождь попрятал под кронами и кровами
 Кого ближе, кого дальше, по пять
 Человек, и по двадцать, и по десять.
 Все спят, изможденные, усталые,
 Лоб на локте, тело в растяжку,
 Спят; Роланд легко бы перебил их,
 Но ни разу не обнажил меча.

- 4 У графа благородное сердце —
 Он гнушается нападать на спящих.

Не затем он здесь,
А затем, чтобы найти следы красавицы.
Встретит кого неспящего — и со вздохом
Скажет, какое у ней лицо и платье,
И попросит во имя неба
Показать, куда такая скрылась.

- 5 День настал, солнечный и светлый,
А он все обыскивал вражий стан —
Без опаски,
Потому что одет был по-арабски,
И без труда,
Потому что не только свой
Знал он язык, но знал и африканский,
Словно родился и вырос в самом Триполи.

- 6 За три дня
Все он здесь обыскал,
А потом пошел по городам и слободам;
И окрестную Францию,
И даже Овернь, и даже Гасконь
Перевидел он до малейшего посада,
От Прованса рыскав до Бретани,
От Пикардии до испанских границ.

*а потом
по всей
Франции.*

- 7 Между октябрём и ноябрём,
Когда лиственный наряд
Облетает, и дрожащие рощи
Открываются взору в нагоде,
И в отлете стайные птицы,—
Начал Роланд любовный поиск,
И не оставлял его всю зиму,
И не оставил по весне.

- 8 Странствуя своим обычаем
Из края в край, дошел он однажды
До реки, что меж Бретанью и Нормандией
Мирно падала в ближнее море,
Но теперь вся вздулась и вспенилась
От талых снегов и горных дождей,
Сбила и унесла напором
Мост, и не было переправы.'

Рыцарь не рыба, рыцарь не птица —
Ищет он глазами
Вправо и влево по отмели,
Где б ему занести ногу на ту сторону?
И вдруг видит: плывет кораблик,
На корме его сидит девица,
Подает ему знак приблизиться,
Но сама не причаливает к берегу,

*Он узнает
про казнь
девушек
на Эбуде*

Не врезается челноком в песок — боится,
 Чтоб герой не взошел к ней насильно.
 Роланд просит взять его с собою
 Через реку, а она в ответ:
 «Не взойдет сюда никакой рыцарь,
 Не поклявшись честью
 Встать на бой, на какой я укажу,
 Самый честный и самый правый.

11 Ежели, рыцарь, вам угодна
 Моя помощь для вашей переправы —
 Обещайте:
 Прежде, чем иссякнет ближний месяц,
 Выступить к королю Ивернии,
 Где собирается доспешная дружина
 К усмирению острова Эбуды,
 Самого злодейского в целом море.

12 По ту сторону большой Ирландии
 В океане есть много островов,
 И меж них Эбуда, где закон,
 Чтобы люд промышлял разбоем,
 И сколько ни похитит женщин,
 Вел их в снедь подводному гаду,
 Каждый день всплывающему к берегу !
 Каждый раз за новой девой или дамой, !

13 Которых, самых красивых,
 Туда свозят торговцы и пираты:
 По единой на день —
 Считите же, сколько их погибло!
 Если есть в вашем сердце жалость,
 Если вы не мятежник на Амора, —
 Будьте рады, что избраны и вы
 В подвижники благодетельного подвига».

14 Роланд, не успев дослушать,
 Клянется быть первым в деле, —
 Неправедная жестокость
 Не по сердцу ему и не по слуху,
 И страшно подумать —
 Вдруг и Анджелика у них в полону,
 Если, столько искав,
 До сих пор он ее не выследил?

*и бросается
туда,*

Смущенный такой картиной,
 Забывает он все, к чему стремился;
 Вмиг
 Он хватается плыть в то злое царство.
 Не успело дважды погаснуть солнце,
 Как сыскал он челн при Святом Мало,
 Велит вскинуть парус,
 За ночь гору Михаила минует,

Усадивши гостя с честью и любезностью,
Повела она печальную повесть:

*Здесь
Олимпия
рассказыва-
ет ему,*

- 22 «Пусть вам будет ведомо,
• Что я дочь правителя Голландии,
Меж двух моих братьев
Не единственная ему, но любимая,
И о чем бы я ни просила,
Не было от него поперечного слова.
Так жила я на радость,
И вот приехал к нам некоторый герцог.

- 23 Был он герцог Зеландии,
А ехал в Бискайю биться с маврами,
И пред цветом его красы и юности
Пало мое сердце без большой борьбы
В гшен любви, дотоле мне неведомой,
Тем вернее, что по виду его
Верила я, верю, и верю, что верю верному —
• Что и он любил меня и любит.

*как она
любила
Бирена,*

- 24 Остановленный противными ветрами —
Противными присным, попутными мне,—
Все те дни, а дней было сорок,
Но они промчались, быстрокрылые, как
\ миг,-
Он со мною вновь и вновь беседа,
Поклялся мне, и я поклялась,
Что когда он воротится —
Быть меж нами святому чину брака.

- 25 Но едва покинул нас Бирен
(Бирен—звали моего верного),
Как владыка Фризии,
Что лежит от нас через морской рукав,
Порешив мне в мужа своего сына
Единственного, по имени Арбант,
Шлет по мою руку знатнейших вельмож
К родителю моему в Голландию.

- 26 А как я не могла преступить клятвы
Милому моему возлюбленному,
А и могла бы — Любовь
Не дала бы мне вероломной воли,—
То чтобы порушить
Сговор, быстрым шагом шедший к цели,
Я сказала отцу: чем быть за фризом,
Пусть он лучше сам меня убьет.

- 27 Добрый мой отец, не имея
Иных желаний, кроме моих,

- В утешенье мне и в унятье плачу
 Порвал сговор,—
 А прегордый фризский король
 За такую это почел себе обиду,
 Что, вскипев, вступил войной в Голландию
 И сгубил всех моих единокровных.
- как
фризский
Кимосх,
владелец
тицали,*
- 28 Он не только могуч и владычествен,
 Как немногие в наши дни,
 И в злодействах столь искушен,
 Что ничто ему — отвага, сила, хитрость,—
 Но еще у него есть и оружие,
 Небывалое встарь, неведомое днесь:
 Сверленное железо с огненным боем,
 Два локтя длины; а в нем порох и свинец.
- 29 В том конце, где оно закрыто,—
 Маленькая скважинка, ее трогают огнем,
 Осторожно, *•
 Как врач открытую жилу;
 И оттуда с громом и блеском
 Вылетает пуля
 И, как молния, на своем пути
 Жжет, бьет, ломит и крушит, чего коснется.
- 30 Два раза
 Этой пагубой он рассеял наше войско
 И убил моих обоих братьев—
 Одного на приступе, сквозь панцирь
 в сердце,
 А другого в рассыпном бегу,
 Издали уметив между плеч,
 Чтобы пуля вышла насквозь
 И вынесла душу из тела.
- 31 И отец мой,
 Потерявший все, что имел,
 Отбиваясь в последнем своем замке,
 От такого же пал удара:
 Он шагал по стене вперед и обратно,
 Те и эти отдавая приказы,
 И в лоб меж глаз
 Был сражен злодейским прицелом.
- 32 Погибли отец и братья, осталась
 Я одна наследницею Голландии,
 И тогда-то фризский король,
 Крепко встать желая в нашем острове,
 Вновь гласит и мне и моим людям,
 Что объявит мир,
 Если я приму, что отвергла,—
 Руку сына его, Арбанта.
- хотел
выдать
Олимпию за
своего сына.*

- 33 А я,
Не из ненависти даже к нему и его своре,
Мне убившим отца и братьев,
Выжегшим и разграбившим край,—
А из того, чтобы не обидеть
Друга, которому поклялась
Ни за кем не быть,
Пока не воротится из Испании,—
- 34 Отвечаю: «Впятеро и всотеро
Пусть помножится беда на беду,
Пусть меня убьют, сожгут, развеют
по ветру,
Но чего хотите, того не будет».
Мой народ меня отговаривает,
Кто просит, а кто кричит,
Чтобы выдать и меня и Голландию
Прежде, чем мой норв погубит всех;
- 35 А увидев, что ни просьбы, ни крики
йротив воли моей ^- ничто,
Они впрямь сталкиваются с фризом
И меня в моем замке выдают ему головой.
Он не делает мне дурного,
Обещает жизнь, обещает власть,
Лишь бы я смягчилась в своем упорстве
И пошла за его Арбанта.
- 36 Я, увидевшись в таком утеснении,
Чтоб спастись, готова умереть,
Но мне горше всех обид,
Что тогда умру я неотмщенною.
Много я передумаю, вижу:
Без притворства горю не помочь.
И тогда я мнимо жажду и рвусь,
Чтоб простили меня и взяли замуж.
- 37 Между многими присными отца своего *как она ушла*
Избираю я двух братьев *жениха,*
Славного ума, славного сердца,
А пуще того, славной преданности,
Ибо выросли они при нашем дворе,
Воспитывались при нас от младых ногтей,
И столь были мои,
Что жизнь бы положили за меня.
- 38 Я им рассказала мой умысел,
Они мне обещали помочь.
Первый едет снастить корабль
во Фландрию,
Второй остается при мне.
Вот уж званы на свадьбу и свои и чужие,—
Вдруг приходит весть,

Что Бирен в Бискайе собрал дружину
И идет походом на Голландию.

- 39 Еще после первого ратоборства,
Где побит и погиб мой брат,
Я послала в Бискайю скорохода
Отнести Бирену злую весть;
Но пока Бирен собирался и снаряжался,
Все подпало под фризского короля,
А он не знал
И вел корабли мне на помощь.
- 40 Проведав такую весть,
Фриз позабывает свадьбу сына,
Спускает в море армаду,
Встречает герцога, бьет, жжет, крушит
И по воле судьбы уводит пленником.
Весть об этом медлит,
А меж тем королевич правит свадьбу
И хочет меня, как хочет супруг.
- 41 Но укрыла я в ложнице за занавесью
Того верного слугу. Он стоял, не движась,
До явленья моего новобрачного,
И еще тот не успел возлечь,
Как обрушенный мощною десницею
Поражает топор его в затылок,
И он падает без слова и вздоха,
А тут я с ножом, и по горлу навзрез.
- 42 Как перед мясником — бык,
Так злосчастный пал
Вероломному на горе Кимосху —
Это имя фризского короля,
Что убил мне и брата, и другого брата,
И убил отца, и хотел владенья,
И меня приданницею к нему —
Не затем ли, чтобы так же зарезать?
- 43 Но пока иное что на пути не встало,
Я хватаю, что дороже и легче,
Мой пособник меня спускает к морю
По канату из нависшего окна,
А уж там настороже его брат
На ладье, снаряженной во Фландрии;
Парус в ветер, весла в воду,
Бог помог, и все мы спасены.
- 44 Горестью ли о сыне,
Яростью ли на меня
Жарче вспыхнул фризский король,
Поутру представ к раззору, — не знаю!
Шел он и вел свой полк,
Горд победой и взятым Биреном,

*и должна
погибнуть,
чтобы
спасти
Бирена.*

- Ждал прийти на свадьбу и пир,
А пришел йа черное погребение.
- 45 Любовь к сыну, ненависть ко мне
Вровень рвут его днем и ночью;
Но как плачем мертвых не поднять,
А отмщеньем утоляется ненависть,
То и та доля души,
Где любовь исходит стонами и вздохами,
В нем свивается с ненавистью в одно —
В мысль, как взять меня и как казнить меня.
- 46 Кого знал он за ближних моих друзей,
Кто мне были помощны в делах,—
Всех
Он убил, он пожег, он засудил;
Он хотел зарезать и Бирена,
Зная, что нет мне большей боли,
Но решил: живым
Будет он ловцу как силок на меня.
- 47 Он такое ему назначил
Грозное условие: через год
Ждет его кромешная казнь,
Ежели он силою или хитростью
С друзьями и родичами
Всем их знанием и умением
Не заманит меня в плен:
Спасет ему жизнь одна моя смерть.
- 48 Ничего я не жалела,
Чтобы вызволить его, не губя себя:
Шесть осталось мне замков во Фландрии,—
Я их продала подорогу и подешеву,
А из их цены через дошлых гонцов
То Биреновых подкупала стражников,
То вздымала на безбожного короля
С моря англов, а с суши саксов.
- 49 Но наемные мои, хоть и вызвались,—
То ли не взялись, то ли не сладили,
Много было посулов, мало проку,
Взяли деньги и забыли обо всем.
А уже подходит тот срок,
За которым ни золото, ни сталь
Ни на миг не отринет
От милого моего терзание и смерть.
- 50 Что ж! для него погиб отец, для него
Пали братья, для него я лишилась
Княжества, последнее для него
Именье, убогая опора,
Расточилась на вызволение из беды,—
Что ж осталось,
- Она просит
рыцаря
о помощи.*

Как не даться самой в руки злобному врагу,
А его—на-волю?

- 57 Если больше нечего делать,
Если нет другого пути,
Как жизнь положить,—
В радость мне и жизнь положить!
Лишь один мутит меня страх:
Что не тверд уговор,
Так, чтоб залучивший меня злодей
Уж не мог потешиться обманом.
- 52 Когда буду я за железными прутьями
И встанут на меня все пытки и муки,
То отпустит ли он Бирена,
Чтобы спасшийся помянул меня добром?
Вероломный, яростный,
Мало ему будет убить меня:
Сколько мне,
Столько выметит он и бедному Бирену.
- 53 Для того я о себе и рассказываю
Вам и стольким другим заезжим рыцарям,
Чтоб за этими разговорами
Хоть один меня научил:
Есть ли какой залог,
Чтоб злодей, пред которым я предстану,
Уж не мог удержать Бирена
И умножить мою казнь его казнью?
- 54 Я просила воителя за воителем
Встать при мне,
Когда дамся я в фризский плен,
И поклясться мне честью,
Что обмен будет—голову за голову,
Я в темницу, Бирен на волю,
И тогда умру я, светла,
Что мне смерть, а милому жить.
- 55 Но до нынешнего дня
Ни единый не поклялся мне честью,
Что когда я выйду, и король
Меня схватит, а Бирена не выдаст,—
Клятвенник не даст
Увести меня в вероломный плен:
Всех страшит то убоище, которому
Не помеха сталь никакой толщины.
- 56 Если в вас мне, рыцарь, не обманчивы
Гордый вид и геркулесова стать,
Если в силе вы дать меня и отбить меня,
Коли силою сломится уговор,—

Будьте рады быть со мной и выдать
 Меня недругу: если я при вас —
 Мне не в страх,
 Что за мной умрет мой повелитель».

- 57 Кончила девица свою речь,
 Вздохами перебитую и слезами.
 "Лишь замкнула она уста,— Роланд,
 Никогда не медленный на доброе дело,
 Не тратя слов —
 На это он был не мастер,—
 Честью клянется
 Быть ей в помощь превыше просьб.
- Роланд тот-
 час спешит
 в Голландию
 и бросает
 вызов
 Кимосху, '*
- 58 Он не выдаст ее врагу,
 Чтобы ею спасти Бирена,
 Он спасет обоих,
 Если прежние при нем мощь и меч.
 В тот же день они оба в путь,
 Ветер дует свежий и попутный,
 Граф спешит —
 Ведь ему еще плыть к морскому гаду.
- 59 К одному, другому, третьему острову
 Умный кормщик правит через хлябь,
 Чередой проходит мимо вся Зеландия,
 Берег спереди, берег сзади,
 И на третий день
 Сходит Роланд на голландском взморье,
 Но не сходит с ним гонимая фризом:
 Пусть дождется погибели гонителя.
- 60 Едет паладин по твердой земле,
 Под ним конь, вороной с серою помесью,
 Датской крови, фландрского вскорма,
 Что дороже мощью, чем прытью,—
 Потому что, всходя в ладью, «
 Граф оставил в Бретани своего скакуна
 Златоузда, лихого красавца,
 Меж коней сравнимого лишь с Баярдом.
- 61 Приезжает Роланд в город Дордрехт,
 Глядь, в воротах латники, целый полк,—
 Потому что где тиранство, там и страх,
 А когда оно внове — тем более;
 И как раз в тот город приспела весть,
 Что идет из Зеландии
 С многим флотом и деспешным людом
 Пленного герцога двоюродный брат.
- 62 Посылает одного Роланд к королю
 Объявить: хочет странствующий рыцарь

Переведаться с ним копьем и мечом,
 Но с таким уговором:
 Ежели король побьет зачинщика,
 Будет ему дама, убийца его Арбанта,—
 В недалнем она месте,
 И выдать ее не в труд;

63 А король пусть даст обещание:
 Ежели он будет побит,
 То отпустит на все четыре стороны
 Невольного своего Бирена.
 Пеший поспешает с вестью
 К королю, но король, несвычайный
 Ни с честью, ни с благородством,
 Ум вперяет в обман, коварство, ложь.

64 Он раскидывает: взяв паладина, *сокрушает*
 Он возьмет и даму, *его*
 Если пеший вестник не ошибся, *засаду,*
 И обидчица подлинно вблизи.
 И он шлет из других ворот
 Тридцать латных,
 Чтоб окольною дальнею тропею
 Они вышли у витязя за спиной;

65 А пока они, пешие и конные,
 Не приспели к назначенному месту,
 Он лукаво затягивает беседу,
 А потом — навстречу, с другими тридцатью.
 Как ловкий ловчий
 Оцепляет с круга чашу и зверя,
 Или как в Волане
 Длинный невод заводит на рыбу
 рыболов,—

66 Так фризский король
 Перенял нашему витязю все выходы:
 Он затеял взять его живым,
 И настолько без труда,
 Что и ту свою рукодельную молнию,
 От которой нет счета мертвецам,
 Он с собой не взял: она не надобна,
 Если травля — на улов, а не на убой.

67 Умный птицелов
 Сохранит свою первую добычу,
 Чтоб на пленный плеск и клик
 Пуще слеталась пернатая стая,—
 Так хотелось и королю Кимосху.
 Но Роланд не из тех,
 Кто дается в первую же петлю,—
 Вмиг прорвал он стиснутый круг.

- С копьем и псами в шипастых
ошейниках
Ждет, чтоб грянул рьяный кабан,
- 74 Чей издали крутой напор
Крушит сучья, рушит каменя
С таким шумом,
Словно ломится лес и дробится гора.
Так встал Кимосх
Взять расплату с ретивого Роланда,
И едва тот показался,— вмиг
Пламя к скважине, и грянул взрыв.
- 75 От затравки пыхнула молния,¹
Из раструба в воздух грохнул гром,
Дрогнули стены, затряслась земля,
Отгрянуло небо на грозный звук.
Огненная стрела,
Нешадная на пути,
Свищет, скрежещет, бьет,— но бьет
Не туда, куда желал злой губитель.
- 76 Спешка ли, смертная ли злоба
На Роланда сбила его с пути,
Или сердце дрогнуло, как лист,
А за ним — рука,
Или божие милосердие
Охранило верного поборника,—
Но пришелся удар под грудь скакуну,
И он рухнул наземь и не встал,
- 77 Рухнули наземь и конь и конник,
Один всею тяжестью^ другой — слегка,
Так вскочив проворно и быстро,
Словно в нем прибавилось прыти и сил.
Как ливийский Антей
Лишь грозней воздвигался с сотрясенной
земли
Так земным касаньем прирастает
Мощь Роланда.
- 78 Кто видел, как небесный перун,
С грозным грохотом рушимый
Юпитером,
Бьет в затвор,
Где селитра, сера и уголь,
И едва их тронет —
Полыхнет прах, полыхнет твердь,
Стены взвержены, глыбы всколоты,
И каменя взлетают выше звезд,—
- 79 Тот представь, каков,
Павши и вставши, наш воитель: *и сражает
Кимосха.*

Он возносится, яр и крут,
 В страх и Марсу на небесных кругах;
 Помутился фризский король,
 Вспять уздой бросает коня,
 Но Роланд—за ним,
 Быстролетней, чем стрела из лука,

80 Не мог вскачь — настигает впешь,
 Молниеносный,—
 Кто не видел, тот не поверит.
 В несколько шагов он достал врага,
 Вскинул меч над железным гребнем,
 И ударил,
 Раздвоив ему голову до шеи
 И швырнув его в прах в последней корче.

81 А меж тем по городу летит
 Новый шум, новый шпажный звон— , *Бирен*
 Это двоюродный Бирена, *спасен,*
 Подступив своим доспешным людом,
 Увидел растворенные ворота,
 И вошел в город,
 В город, столь смятенный Роландом,
 Что вошедшему не было препоны.

82 Народ, врассыпную,
 Не умеет понять, кто это и зачем;
 Но сперва один, потом другой
 По платью и говору узнают зеландцев,
 Просят мира, выносят белый знак,
 И спешат под начало к их начальнику,
 И рвутся за ним на фризов,
 Мстить за князя, томимого в темнице.

83 Издавна здешний люд
 Не любил короля с его фризами —
 И не только за смерть старого графа,
 А и за нечестье, неправду и разор.
 Наш Роланд, встав меж здешними
 и пришлыми,
 Друг обоим, учиняет мир,
 И они заодно в целом городе
 Не оставили ни фриза живым и вольным.

84 Сорваны двери тюрем —
 Некогда искать ключей.
 Бирен бросается к графу,
 Изливаясь словами благодарности;
 И вдвоем, а за ними—толпы,
 Поспешают к кораблю, где ждет Олимпия—
 Та дама,
 Чья по праву власть над этим островом,

- 85 Та, что привела с собой Роланда
 Не в надежде таких побед,
 Но лишь с тем, чтобы пасть самой,
 Вызволяя из муки нареченного своего.
 А теперь ей плещет народ
 А теперь нет места мне рассказывать,
 Как ласкает ее Бирен, она — Бирена,
 И как оба благодарствуют графа.
- 86 Народ взводит ее на отчий трон,
 Присягает присягою на верность,
 А она вверяет и себя и землю
 Бирену,
 Неразрывному с ней в цепи Амора.
 Но влекомый новою заботою,
 И твердыни свои и власть
 Поручает он своему двоюродному,
- 87 Сам затеяв с верной женой
 Воротиться в Зеландию
 И пытаться судьбу на царство фризов,
 А к успеху
 Был немалый при нем залог,
 Дорого им ценимый,—
 Королевская дочь,
 Взятая меж несчитанными пленными,
- 88 И которую он назначил
 В жены младшему своему брату.
 А Роланд, а римский сенатор
 В тот же день, как спасся Бирен,
 Отплывает от голландского берега. *Пищаль*
 Ничего не взявши из больших добыч, *Роланд*
 Кроме той смертной пагубы, которая, *топит*
 Как сказал я, небесной подобна молнии. *в море*
- 89 Не с тем он ее взял,
 Чтоб была она ему обороной—
 Лишь малым душам
 Он вменял борьбу н& на равных.
 Нет: хотел он ее похоронить,
 Чтобы впредь от нее не было обиды,
 А при ней
 Вез он порох, пули и все причастное.
- 90 И когда миновалось мелководье
 И открылась бездонная пучина,
 Где ни справа берега, ни слева,—
 Он взметнул ее над собой
 И сказал: «Вовек
 Пусть тобой не растлится доблесть
 рыцарства,
 Пусть тобой не станет злой больше доброго,—
 Где легло, там лежи.

91 Ты, проклятое, ты, зловещее,
 В преисподних недрах
 Кованое ковами Вельзевула
 На погибель белому свету,—
 Вышедши из ада, вернись во ад!»
 Так сказав, он швырнул ее в пучину.
 Ветер вздул паруса,
 Мчит его к мучительскому острову.

*и продолжает
 путь к Эбуде.*

92 Жжет героя жажда
 Знать, не там ли его красавица,
 Что дороже ему целого света,
 Без которой нет ему жизни:
 Он не хочет вступить в Ивернию,
 Чтоб за новым отлучным приключением
 После не всплакаться: «Увы!
 Для чего я не был чуть поспешнее!»

93 Так плывет он, не высадясь ни в Англии,
 Ни в Ирландии, ни насупрбтив:
 Пусть же и плывет, куда гонит
 Бьющий в сердце нагой стрелок!
 А я вновь ворочусь в Голландию,
 И с собою зову и вас—
 Ведь и вам неохота упустить,
 Чтоб без вас Бирен сыграл свою свадьбу.

94 Пышная была свадьба и богатая,
 Но не так еще богатая и пышная,
 Как готовилась в Зеландии впереди.
 Но туда, прошу, не спешите,
 Ибо ей в отмену
 Должно сбыться новым событиям,
 О которых—новая песня,
 Если новая песня вам в угоду.

ПЕСНЬ ДЕСЯТАЯ

I Меж всеми, кто любит, меж всеми,
 кто верен,
 Меж всеми, кто тверд и неизменчив
 сердцем,
 Меж всеми, кто в радости или в горе
 Явили славнейшие примеры страсти,
 Первою, а не вторую
 Назову я мою Олимпию:

Вступление.

Как ловчий летит вслед зайцу
 В горах и долах, сквозь жар.хквозь стужу,
 А затравит—и смотреть не хочет:
 Только то, что не дается, ему любо,—

8 Так и эти юнцы: пока
 Вы суровы и неприступны,
 Они дышат чувством и покорством,
 словно впрямь нет вам преданнее читателей.
 Но едва такой дотщеславится
 До победы—всему конец:
 Вмиг богиня обернется рабыней,
 И обманная любовь отворотится к другим.

9 Не хочу я сказать, избави боже,
 Чтоб вы вовсе позабросили любить:
 Без любовника женщина—как забытая лоза,
 У которой ни кола, ни ствола.
 Только помните: первый юношеский пух
 Переменчив, увертлив, миг—и нету;
 Право, слаще—плод не кислый и не жесткий,
 А доспелый без переспелости.

10 Стало быть, сказал я, меж пленниц
 Там была дочь фризского короля,
 И ее-то сулил Бирен-
 В жены брату,
 А по правде и сам разевал на нее рот,
 Потому что кусок был лакомый,
 И отдать кому-то, что сам закусил,
 Было бы дурацкой обходительностью.

*Бирен
 влюблен
 в дочь
 Кимосха.*

11 Было девице едва четырнадцать лет,
 Красотою она была и свежестью —
 словно роза в роспуске,
 что брызжет из завязи в божий свет.
 Вот и вспыхнул о ней Бирен, да так,
 как не полыхнет и пожар,
 злобными руками завистника
 зароненный в зрелые колосья:

12 Вспыхнул во мгновение ока,
 Пронялся до мозга костей,
 А все с того, как над телом отца
 Он увидел в слезах ее нежное лицо.
 И как от капли холода
 Замирает вода, клокодавшая в котле,
 Так огонь, его сжигавший по Олимпии,
 Перед новым огнем стал мертв.

13 Уж она докучна, уж она постыла,
 Уж ему на нее и глядеть не в мочь,—

А по той, другой
Так горит, что вот умрет от ожидания.
Но пока не приспел назначенный
К исполнению желания день,—
Он в узде, он живет лишь для Олимпии,
И любит ее, и обожает ее.

14 А что он приласкивает другую,
И пожалуй, чаще, чем надо, бы,—
То никто не скажет о нем худого,
Это он лишь по добру и из жалости:
Ведь утешить, кто страждет, ободрить,
Кто попал под колесо Фортуны,—
Это дело не охульное, а похвальное,
А она еще девочка, невинное дитя.

15 Господи праведный! как часто людские
Сужденья окутаны слепой мглой!
Бирен творит грехи и нечестье,
А кажется благ и едва не свят!
Однако гребцы берутся за весла,
Налегают прочь от верного берега,
И весело мчат через соленые заводи
В Зеландию и герцога и всех, кто с ним;

16 Уходит вдаль, скрывается из виду
Голландский край;
Чтобы минуть Фризию, они правят,
Держа Шотландию по левой стороне,—
Как вдруг перестиг их вихрь,
И два дня кружил в открытом море,
А на третий к вечеру
Вынесло их к острову, дикому и пустому.

17 Как втянулись они в залив,
Соступает Олимпия на берег:
Тут ей, радостной, не чающей беды,
Вечеря с неверным Биреном,
Тут ей ложе с мужем вдвоем
Под раскинутым шатром в пригожем месте;
А попутные люди их оставили
И вернулись ночевать на корабль.

*Он бросает
Олимпию
на попутном
острове.*

18 От морской тоски,
От страха стольких дней,
Оттого, что земля тверда,
А дубрава далека от шума,
Оттого, что ни дума, ни забота
Ей не в тягость, коли милый рядом,—
Такой сон напал на Олимпию,
Что медведи и сони не крепче спят.

19 А изменник, в недобром бденье,
Чуть почуял ее сон,—

Тихо, тихо встает с одра,
Платье в узел, одеться некогда,
И вон из шатра, и словно
На крыльях, летит к своим,
Будит спавших и без лишнего крика
Велит прочь от берега и прямо в море.

- 20 А на берегу
Бедная Олимпия лежала во сне.
Лишь когда с золотых колес Авроры
Пал на землю студеной иней,
И морская завела альциона
Долгий стон о своем старинном горе,—
Потянулась красавица, ни во сне, ни наяву,
Обнять милого своего,—и не может.
- 21 Его нет: рука вернулась праздно.
Снова тянется, и снова никого.
Ищет справа, слева, рукой, ногой—
Напрасно.
Страх снял сон: раскрывает очи, смотрит—
Ни души. На вдовьей перине
Ни тепла, ни неги:
Она мигом на ноги, и прочь из шатра,
- 22 Бегом к морю, ногтями в щеки,
Предвидя и видя свою судьбу,
И рвет волосы, и колотит в грудь,
И глядит, а луна ей светит,
Нет ли кого на берегу,—
Но ничего не берегу, кроме берега;
И зовет Бирена, и на имя Бирена
Лишь бесчувственным гулом отзывается грот.
- 23 Был на берегу утес,
Выклеванный волнами,
Выгнувшийся сводом над пустотой,—
Он стоял, нависая над морем,
На него крутыми шагами
(Властный дух дал ей сил)
Всходит Олимпия и видит вдали
Беглый парус безжалостного мужа.
- 24 Видит ли, видится ли он
В воздухе, еще не просветлевшем,
Но упала она ниц,
И белее и холоднее снега,
А как встала из крайних сил—
Закричала вслед кораблю
И кричала, пока могла кричать,
Вновь и вновь к безжалостному Бирену.

25 А когда не стало голоса —
 Билась в муке и ломала руки
 С плачем: «Куда торопишься, злорадный?
 Не тот груз у тебя на борту:
 Я—твой груз! Ты увозишь мою душу —
 Увези же и тело, оно—легче!» —
 И руками своими и одеждami
 Помавала ему вернуться.

26 Но ветры, уносившие в море
 Вздутый парус неверного повесы,
 Уносили и мольбы и жалобы
 Бедной Олимпии, и плач, и стон.
 Трижды, не жалея себя,
 Порывалась она с утеса в море,—
 А потом покидает морской простор
 И назад в шатер.

27 Припавши лицом к постели,
 Увлажняя ее рыданьем,
 «Не вчера ли здесь,— молвит,— заснули
 вместе,
 Почему не вместе мы проснулись?
 Вероломный Бирен! злосчастен
 День, когда родилась я жить!
 Что мне делать? что могу я одна?
 Кто поможет? кто утешит?

*Стенания
 Олимпии.*

28 Не видать ни людей,
 Ни следов людских рук,
 Ни челна,
 Чтоб взойти и пытаться спасенья:
 Я умру без сил, и мне никто
 Не закроет очи, не зароет
 Тело;—разве волки этих чаш
 Мне дадут злой приют в своих утробах.

29 Мне страшно. Мне видится: из дубрав
 Вот выходят львы, тигры, медведи,
 Все, кому на зло дала природа
 Пронзительный коготь и острый клык.
 Но какой самый злобный зверь
 Меня сгубит горше, чем злобный ты?
 Им довольно с меня одной смерти,
 А ты крутишь меня тысячью смертей.

30 Но пусть даже сюда причалит
 Перевозчик, и меня пожалеет.
 И медведей, тигров, львов
 Мне не будет, ни голодной смерти,
 Ни кровавой; но куда поплыву?
 В Голландию? но там под тобой

Каждый город. В родную землю?
Ты ее оттягал коварством:

- 31 Все, что я имела,
Ты прибрал себе любовью и браком,
Там уже везде твои клеветы,
Чтоб ничто не ушло из-под руки.
Во Фландрию? но давно распродана
Здесь та малость, которой я жила,
Чтоб подмогой вырвать тебя из плена.
Бедная! Куда мне? не знаю.
- 32 Не во Фризию ли, где я могла
И из-за тебя не захотела
Королевствовать, и теперь у меня нет
Ни отца, ни братьев, никого, ничего?
Все, что я для тебя сделала,—
Не в угоду тебе, не в прок и не в укор:
Ты сам все видел —
И вот мне твоя отплата.
- 33 Ах, придут разбойные моряки
И возьмут меня и выставят в рабство!
Лучше б прежде волк, и лев, и тигр,
И медведь, и любой с клыком и когтем
Вышли бы заломать и растерзать
И мертвую меня растащить по логовам!»
Так рыдала она и ввивала
Пальцы в кудри, и рвала за прядью прядь.
- 34 И опять бежит по краю моря,
Водит взором, волосы в ветер,
Как безумная, словно за спиною
И не дьявол, а целый легион,
Или как Гекуба,
Обуянная погибелью Полидора;
А то всходит на камень и смотрит вдаль,
И сама на нем каменной камня.
- 35 Но оставлю я ее в ее горе
До поры, и доскажу о Руджьере,
Который в полдневном зное,
Истомленный, усталый, пробирается
по берегу,
Солнце бьет в холмы, отдается жаром,
Под копытами кипит белый сыпкий Песок.
Латы на его плечах
Все в огне, как только что из горнила.
- 36 И с докучливыми этими неразлучниками —
Жаждой, трудным песком и одиночеством —
Держа путь по опаленному побережью,
Вдруг он видит:

*Тем
временем
Руджьер
минует
башию
соблазна*

Из воды стоит старинная башня,
А в ее тени на берегу
Узнает он по платью и повадке
Трех дам от Альцинина двора.

- 37 Раскинувшись на александрийских коврах,
Наслаждались они свежую тенью,
А вокруг были отборные сласти
И кувшины разного вина.
Играя с морскою зыбью,
Дожидался их у берега челнок,
Чтоб летучий ветер подул в ветрило,—
Но не веяло в воздухе ни вздоха.
- 38 Эти дамы, завидев Руджьера,
Как он ломит путь по сыпучему песку,
Губы в жажде и лицо в поту,—
Завели к нему уветные речи,
Что не надобно сердечною волею
Столь упорствовать в избранном пути,
Что не лучше ли склониться в тень и свежесть
Сладким отдыхом усталому телу?
- 39 И одна уже подходит к коню
Поддержать гостю стремя, чтобы слез,
А другая дразнит его жажду
Пенное вино вздымая в хрустале,—
Но Руджьер не дается на эти песни:
Ибо каждая его заминка
На руку настигающей Алышне,
А она за ним по пятам.
- 40 Ни селитра с серою
Так не вспыхнет на тронувший огонь,
Ни под черным смерчем
Не взревет свивающееся море,
Как при виде Руджьера,
Твердо по песку торящего прежний след
Без вниманья на них, таких красавиц,
Ярым гневом третья вспыхнула дама.
- 41 «Ты не благородный и ты не рыцарь
(Так кричала она из всех женских сил) —
Краденый у тебя доспех,
И твой конь нипочем не твой!
Истинно говорю:
Смерти тебе, злодею, мало —
Сжечь тебя, удавить тебя, четвертовать тебя,
Мужичина, подлец, наглец, мерзавец!»
- 42 Но на это и другие обидные
Слова гневливой красавицы

Все так же Руджьер не замедлил шаг,
В такой склоке полагая мало чести.
Тогда девица с сестрицами,
Сев в челнок, ожидающий у берега,
Поспешили веслами,
Следя с моря сухой его путь,

- 43 Не щадя на него хулы и брани,
Что всегда у обиды на остром языке.
Так добрел Руджьер до той воды,
По которой переправа к лучшей фее.
Здесь он видит: старый перевозчик
С того берега отчаливает к нему,
Словно он заранее здесь
Был на страже Руджьерова прихода.
- 44 Отчаливает перевозчик и плывет
Перевезть подошедшего на лучший берег,
Потому что, судя по лицу о душе,
Был он, старец, и добр и скромен.
Вот Руджьер заносит ногу через борт
И с благодарением Господу
По спокойному морю плывет с гребцом
Умным и умудренным долгой жизнью.
- 45 Похваляет гребец Руджьера,
Что он во-время вырвался От Альцины,
А не то бы, как всем бывшим любовникам,
И ему не минуть чародейной чаши;
И добро, что путь его—к Логистилле,
У которой обычаи святы,
Краса бесконечная, благость вечная,
Сердце пьет ее, а все не сыто.
- 46 Как откроет она лик (продолжал старик),
Цепенеет душа благоговением;
И чем дольше созерцаешь высокую явь,
Тем ничтожнее все иные блага.
И любовь к ней—особенная любовь:
Ни желанье, ни страх не точит сердце,
Ничего человеку не надо,
Только надо смотреть на нее и видеть.
- 47 Она учит тому, что милей
Плясок, песен, сласти, бань, благовония,—
Учит, чтоб стройны были мысли
И взносились выше, чем коршун в лёт,
Учит в смертном теле
Приобщаться участи блаженных.
Так рассказывая, гребец
Не достиг еще спасительного берега,
- 48 Как вдруг видит: по широкому морю
Целый флот кораблей, и все за ними вслед.

*и переправ-
ляется
в царство
Логистиллы.*

Это, изобидясь, Альцина
Ополчилась со всеми, кто при ней,
Погубить ли себя и свое царство,
Воротить ли дорогую потерю.
Двигала ею любовь,
Но не меньше двигала обида —

- 49 Отроду
Не пылало в ней злее негодование.
И вот весла гонят волну,
Пена плещет влево и вправо,
Клик встает, и откликается эхо,
И не молкнет ни море, ни взморье.
«Открой щит, Руджьер: пора!
А не то тебе смерть или стыдный плен».

*Погоня
Альцины
разбита.*

- 50 Так сказал Логистиллин кормщик
И сказавши, собственною рукою
Сорвал шелк, открыл щит,
И сверкнул он въяве и въяре,
И волшебный блеск
Так ударил по глазам гонителей,
Что и зоркий стал незряч,
И кто пал с кормы, а кто с носа.
- 51 Был один на дозорной скале,
Уследивший Альцинину армаду,
Он ударил в колокол билом,
И из гавани грянула подмога:
Камнеметы, стрелометы
Бурей били по врагам за Руджьером,
Помощь мчалась со всех сторон
И спасла ему и волю и жизнь.
- 52 Вышли на берег четыре дамы,
Верные воле Логистиллы:
Доблестная Андроника, и мудрая
Фронесия, и праведная Дикилла,
И чистая Софросина, больше всех
Пылавшая о представшем деле.
А за ними рать, которой нет равных,
Излилась из ворот и растеклась по волнам.
- 53 В заводи перед замком
Ждали часа малые и большие
Корабли, на крик и на звон
Днем и ночью готовые к битве.
И настала битва,
Буйная, злая, на земле и море,
Битва, ниспровергшая царство,
Что Альцина отбила у сестры.
- 54 Ах, как много битв
Кончаются не так, как затевались!

Не только не стяжала Альцина
 Беглеца, которого искала,
 Но и все суда ее, плотным строем
 Только что не вмещавшиеся в море,
 Все пылают пожирающим пламенем,
 А она спаслась на последнем челноке.

55 Бежит Альцина, а гиблое ее войско —
 Под мечом, в огне, в воде, в цепях.
 Но горше ей всех напастей,
 Что потерян для нее Руджьер —
 Днем и ночью о нем она страждет,
 Слезы о нем льются из очей,
 И не знает, как избыть злую муку,
 И горюет, что нет для нее смерти.

56 Нет для неё смерти,
 Пока солнце ходит и небо стоит. ,
 Будь не так—ей стало бы горя
 Двигнуть Парку допрясть ее нить,
 Или, как Дидона, пресечь сталью стон,
 Или смертоносный сон
 Вслед за нильской вкусить блистательной
 царицею —
 Но нет: феям не дано умирать.

57 Оставим же Альцину казниться,
 А посмотрим на достославного Руджьера.
 Выйдя из челна
 И ступив на твердую землю,
 Возблагодарил он Господа за удачу,
 Повернулся к морю спиной
 И поспешными стопами устремился
 Вверх по склону, над которым был замок.

*Руджьер—
 в садах
 Логистиллы.*

58 Крепче того замка й прекраснее
 Не видал и не увидит смертный взор.
 Стены его драгоценней,
 Чем камень-диамант и камень-огнеок.
 О таких самоцветах у нас не слыхано —
 Кто их хочет прознать, тот сам сюда приди,
 А больше такого нигде не сыщешь,
 Разве что у Господа в раю.

59 Пуще же всего пред иными камнями
 Превосходно то, что, взглядевшись э такой,
 Собственную усмотришь душу,
 И пороки и доброты, которые в ней,
 И не станешь верить о себе
 Ни льстецу, ни лживому хулителю,—
 Созерцаясь в светлом зеркале,
 Всяк познает себя и станет мудр.

- 60 Ясный блеск этих стен, как солнце,
Таким пышет сиянием вблизи и вдаль,
Что, кто хочет, тому в них всюду
Белый день наперекор тебе, Феб!
И не только в каменьях чудеса:
Вещество с искусством
Соревнуют здесь о великолепии,
И чей верх, не скажет никто.
- 61 А в выси над аркадами,
Словно вставшими подпереть небосвод,
В красоте простирался сад,
Какой трудно рассадить и в низине.
Сквозь зубцы сиявшей стены
Зеленели душистые деревья,
И зимой и летом
В пышном цвете и в зрелых плодах.
- 62 Нет на свете столь породных деревьев
Вне ограды этих садов,
Ни подобных роз и фиалок,
Амарантов, ясминов и лилей.
Наш цветок, раб изменчивого неба,
За единый солнечный пробег
И родится, и живет, и умирает,
И никнет на сиром стебельке,—
- 63 А здесь — несвядаемая зелень,
Вечные цветы в дрящейся красе,
И не оттого, будто воздух
Благорастворен самой природою,—
Нет: заботное рвение Логистиллы
Невозможное сделало возможным:
Без опеки небесных смен
Здесь стоит незыблемая весна.
- 64 Немалую изъявила радость
Логистилла такому паладину
И распорядилась по споспешникам,
Чтоб от всех ему был почет и ласка.
Здесь уже задолго был Астольф,
И Руджьер его приветил чистым сердцем,
А в немного дней приспели и прочие,
Кого Мелисса вернула к бытию.
- Логистилла
принимает
и отпускает
рыцарей.*
- 65 Отдохнувши день и другой,
Вот Руджьер приходит к умной фее,
И с ним Астольф,
Тоже в жажде вновь увидеть Запад.
Мелисса повела за них речь
И смиренно просила у владычицы
Милости, совета и помощи
Им вернуться, откуда пришли.

- 66 Ответила фея: «Я подумаю,
И в два дня они будут наготове»,—
И раскидывает умом,
Как помочь Руджьеру и британцу,
И решает: первого
Отнесет в Аквитанию крылатый скакун,
Но сперва ему надобна узда,
Чтобы сдерживать и чтоб поворачивать.
- 67 И показывает витязю сама,
»Как править вверх, как править вниз,
Как идти по кругу, и как
Встать на крыльях, и как мчать во весь опор.
Что на твердой земле умеет
Хороший всадник с хорошим конем,
То теперь умел и в зыбком воздухе
Обуздавший крылатого Руджьер.
- 68 Как дошел он в выучке до точки,
Отпустила его любезная фея,
И покинул он ее край,
Унося навек любовь к ней и преданность.
А теперь мой рассказ —
Как он ехал в добрый час,
А потом уж — как долго и как трудно
Добирался до стана Карла англичанин.
- 69 Полетел Руджьер,
Но не прежним невольным путем,
Когда нес его гиппогриф
Лишь над морем и так редко над сушею.
Теперь мог герой править его крылья
Вправо, влево, куда хотелось,
И пустил его на окольный путь:
Так волхвы ускользали от Ирода.
- Руджьер
летит
вокруг света.*
- 70 Он сюда принесся из Испании
Прямо, как стрела,
В край, где плещет индийское море
И раздорят фея против феи.
А теперь он хочет в иные страны,
Чем Эоловы вихревые пастбища,
Чтобы завершить свое странствие,
Словно солнце, обежав целый свет.
- 71 Вот справа Катай, вот снизу Кинсай
Видит он, пролетая Мангиану,
Миновал Исмайский Рифей,
Оставляет обок Сериканию;
От гипербореев держа к гирканам,
Правит выше Сарматии, а там —
Через шов меж Европою и Азиею,
Глядя сверху в русов, прусов и поморцев.

- 72 Хоть и очень ему желалось
Поскорей воротиться к Брадаманте,
Но, отдав кругосветной потехи,
Он не раньше утих,
Чем промчал и поляков, и венгров,
И немецкую сторону, и все
Северные косматые страны,
И в далекой, наконец, спустился Англии.
- 73 Не думайте, государь мой,
Что весь долгий путь не смыкал он крыл,—
Каждый вечер находил он пристанище,
И по мере сил---какое получше.
Так и шли его дни и месяцы
В зрячей радости над землями и морем,
Пока он не соступил однажды утром
Возле Лондона, за рекою Темзой.
- 74 И он видит: на загородных лугах
Несметные латники и ратники
С трубами и бубнами
Строятся в полки, а пред всеми впереди
Удалой Ринальд, краса рыцарства,
О котором, помните, я сказал,
Что от Карла-повелителя
В этот край он явился за подмогою.
- В Англии
он видит
смотр
войска,
идущего
к Карлу.*
- 75 А Руджьер приспел под самый смотр
Этой силы в этом самом месте;
Чтобы все узнать,
Спешась, он подходит к одному рыцарю,
И тот любезно
Говорит ему, что все эти стяги
Сдвинулись сюда из Англии, Шотландии
И Ирландии, и окрестных островов,
- 76 А как кончится смотр,
Выступят они к морю,
Где уже у пристани
Ждут суда, чтоб подмять волну,
Потому что Париж в осаде,
И вся там надежда—на них.
«А чтоб знал ты все обо всем,
Я тебе перечислю все дружины.
- 77 Вот, смотри: высокая хоругвь,
На которой лилии и парды,—
Это стяг вождя,
Все знамена веют ему следом.
Имя его, славное в полках,—
Леонет, цвет рыцарской удали,
Мудрый в думе, жаркий в бою,
Королевский племянник, князь Ланкастерский.

- 78 А за королевским первый прапор,
Что дрожит в ветру над холмом,
На зеленом поле три белые крыла,—
Это герб Рикарда, графа Варвика.
А вот Глостер —
Два оленьих рога и лоб по срез;
Вот Кларенс;
Вот, под знаком дерева,— Йоркский князь;
- 79 Трижды сломленное копье—
Знак над воинством герцога Норфолька,
Грифон — Пемброк, молния — Кент,
А у Суффолька на стяге—весы;
Где ярмо спрягло двух драконов —
Там Эссекский граф,
А цветочная цепь в лазурном поле —
Нортomberленд
- 80 Вскинул Арундель
Знак ладьи, стремящейся в море;
Вот маркграф Барклай, и другой
Маркский граф, и с ними граф Рикмондский,
А над ними—расколота гора на серебре,
И сосна из волн морских, и пальма.
Вот Дорсетский, вот Антонский граф —
С колесницей в гербе и с щитом в гербе;
- 81 Сокол с крыльями над гнездом
Осенил Раймонда Девонского;
Черный с желтым флаг у Вигора,
Пес у Эрбия, медведь у Оксония,
Кристалльный крест —
Над имущим Батским епископом,
А расколотый трон на черном поле—
Это герцог Ариман Сомерсетский.
- 82 Латников и конных стрелков
Здесь в строю сорок тысяч и две,
А пеших — вдвое,
Или сотней больше или меньше,
И над ними цвета: зеленый, желтый, седой,
И каймленный чернью и лазурью.
Это Готфрид, Генрих, Герман и Эдвард
Правят пеших, каждый своим знаменем:
- 83 Первый из них — князь Букингамский;
Генрих — он владетель Салисбери;
Над Бургенией сидит старый Герман,
И над Кросберй—граф Эдвард.
Всю ту рать на восточном лугу
Исполчила Англия. А на западном
Встали тридцать тысяч шотландцев,
И в челе их—королевич Зербин.

- 84 Видишь: дев меж двух единорогов
Потрясает серебряным мечом?
Это—стяг короля Шотландии,
И его здесь вознес Зербин.
Нет красивей рыцаря в целом поле—
Природа отлила его и разбила льяло!
Столькой доблести, приветности, могучести
Нет ни в ком; а удел его—Росс.
- 85 Золотая решетка в лазурном поле—
Это знамя Отонельского графа;
Рядом вскинул знак герцог Марр—
Барса в кузнечном стояке;
Пестрым цветом чудные птицы
Веют над удальцом Алькабруном—
Он не граф, не маркграф, не герцог,
Но он первый в своем лесном краю.
- 86 Вот Стаффорд—
Орел смотрит в упор на солнце;
Вот Лурканий Ангусский—
Над ним бык с двумя псами по бокам;
Вот Альбанские цвета—
Синий с белым;
А вот коршун рвет зеленую змею
Над Боканским графом.
- 87 Правит Форбсом сильный Арман,
Прапор его—черный и белый;
А направо от него—граф Эрольский,
На зеленом поле—светлый светоч.
Рядом на лугу стоит Ирландия,
Посмотри, это два полка:
Один ведет Кильдар, а другой
Привел Десмонд с высоких взгорий,
- 88 В одном стяге—горящая сосна,
В другом—пояс, червлёный по белому.
И не только
Англия, Шотландия, Ирландия
Встали в помощь Карлу, но и шведы,
И Норвегия, и Исландия, и Фула:
Дальние те страны
По природе—ненавистницы мира,
- 89 Шестнадцать тысяч их люда
Вышли из пущ и пещер,
В зверских космах лицо, и грудь, и руки
И спина, и ноги, и бок;
Белый стяг без знака
И копыя вокруг, как лес,—
Это вскинул их вождь Морат,
Чтоб окрасить басурманскою кровью».

- 90 Пока смотрит Руджьер на этот блеск,
 Вставший подмогою для Франции,
 И дивится гербам, и вопрошает,
 И британские слышит имена,—
 То один изумленный, то другой
 Подбегает и столбенеет
 Пред невиданным зверем под рыцарским
 седлом,
 И уже кольцом вокруг толпа.
- 91 Тут лихой Руджьер
 Им на диво, а себе в забаву
 Тронул повод своему крылатому,
 Тронул шпорой бок,
 Тот взвивается к самому небу,
 Оставляя пораженных зевак,—
 И вот, перевидев все британские полки,
 Наш Руджьер направляется в Ирландию.
- 92 Сказочную он видит Ибернию,
 Где колодезь святого старца,
 В чьей воде великая благодать
 Омывать с грешившего нечестие.
 Дальше мчится скакун над морем,
 Плещущим о Малую Британию,
 И вдруг видит перелетный ездок:
 Внизу—скала, и в цепях—Анджелика
- Над Эбудюю
 он видит
 Анджелику
 на скале,*
- 93 В цепях, на скале, на Плакучем острове—
 На Плакучем,
 Ибо я сказал уже в прежней песни:
 Здешние живут
 Люди не по-людски, а в лютости и злобе,
 На хищных ладьях по всем берегам
 Рыщучи за добычею красавиц
 Чуду морскому в безбожную снедь.
- 94 В самое это утро
 Выставили ее на урочной скале
 На потребу неоглядному гаду,
 Глотателю страшного живья.
 А как впала она в плен,
 Спавшая пред ловчими на берегу
 Обок с престарелым чарователем,—
 Я о том уже сказал в своем месте.
- 95 Крутонравные, бессердечные,
 Выставили они прекраснейшую нещадному
 хищнику
 Нагою,
 Как впервые явила ее Природа,
 Ни малым не скрывались покровом
 Белые лилии и розовые розы,

- Нежный цвет девического тела,
Не вянущий ни в декабре, ни в июле.
- 96 Светломраморным или алавастровым
Показалась бы она Руджьеру
Изваяньем, на вершине скалы
Ставленным искусными камнеделами,—
Если бы не слезы,
Меж тех свежих роз и чистых лилий
Орошавшие два юных ее плода,
И не ветер в золотых ее прядях.
- 97 И вот пали его взоры в ее очи,
Вспомнил он свою Брадаманту,
Пронизали его жалость и любовь,
И едва он удержался от плача.
Смирив крылья своему скакуну,
Кротким словом он обратился к юной:
«О дама,
Лишь Аморовых достойная оков,
- 98 А не этих и ни каких гнетущих,—
Какой злодей,
Черножелчный, назло природе метит
Отгиском оков белый снег этих рук?» —
А она на его слова
Стала, как слоновья кость в соку граната,
Видя в теле своем нагим
Все, что стыдно, хотя и так прекрасно.
- 99 Укрыла бы она лицо руками —
Но вкованы руки в каменный утес;
Лишь слезы ей остались,
И в слезах она кроет понижающий взор.
Источает вздохи, потом слова,
Тихо и томно начинает повесть,—
И оборвала:
По морю разнесся цепенящий шум.
- 100 Это было неоглядное чудище,
Вполовину на виду, вполовину под водой.
Как протяжный корабль
Мчится к пристани, веемый бореем,
Так несся завидевший поживу
Пловчий зверь. Миг—и вот он вплоть;
Дама полумертва от страха,
И ни в ком не чает спастись.
- 101 У Руджьера копье не праздно,
Он разит чудовище вперевес,
А оно—как гора,
Кольцами дыблящая в море,
- бьется
с морским
чудовищем,*

Звериная— только голова,
И в ней клычья наружу, как у вепря;
Руджьер бьет ее в лоб меж глаз,—
Тщетно! как в гранит и как в железо.

102 Как не выдалась первая удача—
Удалец заходит по вторую.
Под его широкими крыльями
Беглый отблеск льется в морской волне;
Видит ярый зверь, забывает верное
Для неверного, берег—для зыбей,
Изгибается вслед призраку,
А Руджьер бьет сверху вниз, и удары
его—как град.

103 Так орел с небес,
Высмотрев гадюку, как вьется она
в траве
Или на камнях под солнышком
Золотимую вылизывает чешую,
Налетает на нее не впрямь.
Где шипит и сочится смертный яд,
А когтит с хребта и плещет крыльями,
Не давая извернуться и ужалить,—

104 Так и наш Руджьер
Копьем и мечом
Бьет не в щерящиеся клыки,
А меж ухом и ухом, в хвост и в спину,
То взвиваясь, то рушась вниз,—
Зверь к нему, а он уже не там.
Но удары его — как в мрамор:
Не врубиться в непробойную шкуру.

105 Так наглая муха мучит пса
В пыльном августе
Или месяцем раньше или позже,
В пору жатв или в пору виносбора,—
То куснет его в глаз, то в хваткий нос,
И кружит, и жужжит, и все время
рядом,—
А у пса все зубы наголо,
И как схватит, тут все и кончено. V

106 Чудище хлещет хлябь хвостом,
Волны дыбом в самое небо;
Не понять Руджьеру, воздух ли под крылом,
Или в море гребет его пернатый;
Лучше бы ему стать на берегу—
Если нет конца плеску и брызгу,
То измокнут гиппогрифовы крылья,
И нужней ему будет пузырь или бревно.

- 707 Он решает по-новому, по-лучшему—
 Взять крутого гада иным заходом:
 Ослепить его блеском,
 Что вколдован в подпокровный щит.
 Вот взлетел он на скалу,
 А чтоб не было оплошки,
 Надевает узнице на мизинный палец
 То кольцо, уберегающее от чар,— *побеждает
его
волшебным
щитом*
- 108 То кольцо,
 Что отбила Брадаманта у Брунелла,
 Чтобы вызволить Руджьера из
 Альцининых ков,
 И которым на том индийском острове
 Столько доброго сделала Мелисса
 (Я уже рассказывал, как),
 А потом вручила его Руджьеру,
 И уже он его не снимал с перста.
- 109 Ныне отдал он его прикованной,
 Чтоб вольнее вспыхнул чудесный щит
 И чтоб стали им невредимы
 Анджеликины очи, берущие в полон.
 А уж исполинский гад у берега,
 И под брюхом его — пол-моря.
 Встал Руджьер, сдернул ткань —
 И как солнце грянуло под солнцем.
- 770 Бьет в чудовище чудный свет,
 Разит взор знакомою чарою;
 Как в горах глушимые известью
 По реке сплывают лосось и форель,
 Так во взбитой пене
 Страшным чревом завиднелся гад,
 Справа, слева вьется с копьём Руджьер,
 Но все ему нет прокола.
- 777 А красавица его молит
 Не толочь твердокожего понапрасну:
 «Добрый господин, вызвольте меня,—
 Она плачет,—пока зверь не опомнился:
 Унесите, утопите хоть в море,
 Но не бросьте для утробы зловредного!»
 Тронулся Руджьер невинным вскриком,
 Высвободил девицу и взвил со скалы.
- 772 С четырех копыт в упор
 Конь под шпорой ввысь и под облако
 вскачь,
 В седле — Руджьер,
 За седлом — красавица.
 Так осталось чудище без обеда,
 Не по чину отборного и сладкого. *и уносит
Анжелику
на
гиппогрифе.*

Летит Руджьер, а сам, поворотясь,
Целует ее без счету в грудь и в очи.

113 Он уже не хочет,
Как хотел было, долететь до Испании,
Он правит коня на ближайший берег,
Где Малая Британия обрывается в зыбь.
А на том берегу была дубрава,
Где под сенью дуба плачет филомела,
А в дубраве поляна, и там источник,
А справа и слева—безлюдные холмы.

114 Здесь привал для страстного рыцаря:
Скачка кончена, сходит он на травку,
Укрощает пыл жеребца,
А вот собственного пыла — не может.
Только слезши, снова хочет влезть,
Да помеха — железные латы:
Латы — железные, надобно их снять,
Препиная исполнение желаний.

775 Торопливо и вразнобой
Стаскивает он то шлем, то поножь,—
Никогда он так не путался:
Один узел развяжет, два затянет.
Но не слишком ли затянулась моя песня,
Не в доuku ли моему господину?
Отложу-ка я свое продолжение
До лучших пор.

ПЕСНЬ ОДИННАДЦАТАЯ

7   Даже легким шевельнувши поводом,   *Вступление.*
Мы удержим жеребца на скаку;
Но как редко угрызения разума
Страстную обуздывают похоть,
Когда сласть впереди!
Так медведя не оторвешь от меда,
Если он лишь почуял сладкий запах
Или каплю слизнул с горшка.

2   Так с чего бы и Руджьеру обуздываться,
Если ищет он наслаждения, а пред ним
Милая Анджелика, нагая,
В благостном уединении дубравы!

И он уже не помнит о Брадаманте,
Врезанной в его рыцарское сердце;
А хоть бы и помнил,
Он не слеп, чтобы отвергнуть вот эту,

- 3 Пред которой и сам суровый
Ксенократ не явился бы воздержан!
Отшвырнув Руджьер копьё и щит,
Торопливо выпрастывался из доспеха,
Как вдруг красавица,
Стыдливо потупясь на свою наготу,
Видит у себя на пальце дивный
Перстень, отнятый у нее Брунелем.

*Анджелина
с перстнем-
невидимкой*

- 4 С этим перстнем она когда-то
Впервые явилась к франкам
Вместе с братом, которого копьё
После стало добычею Астольфа;
Этим перстнем разбила она чары
Малагиса близ Мерлиновой пещеры;
Этим перстнем она и Роланда
Вызволила из Драгонтинина плена;

- 5 С этим перстнем она незримой
Вышла из башни злого старца,—
Но к чему нанизывать
Все, что ведомо вам и без меня?
Брунель в Альбракке
Выкрал у ней перстень для царя
Аграманта,
И с тех пор судьба на нее нахмурилась,
И она обездолилась отчим царством.

- 6 А теперь, завидев его на пальце,
Чуть от радости не зашлась она умом,
И не знает, не сон ли это,
И еле верит глазу и ошупи.
Сорвав с пальца, единым взмахом
Кольцо — в рот, и быстрее мгновенья
Исчезает она из глаз Руджьера,
Как солнце в туче.

*ускользает
от
Руджьера*

- 7 Озирается Руджьер,
Рыщет во все стороны, как безумный,
А потом, припомнив про перстень.
Застывает в стыде и бессилии,
И клянет, что он такой разиня,
И корит, что такую неучтивостью
Отнеслась неласковая
На рыцарскую службу.

- 8 Воскликает: «Неблагодарная!
Такова-то от тебя мне награда?

Отчего тебе милей украсть кольцо,
 Чем принять его честным подношением?
 Возьми перстень, возьми щит, возьми коня
 И всего меня,
 Но яви мне красу твою нескрытую!
 Ах, ты слышишь, но ты не отвечаешь».

9 Так он бродит над источником, ропщущий,
 Ощупью, как слепой,
 Простирает объятия в тщетный воздух,
 Ждет в них милую, а ее нет.
 А она уже далеко:
 Шла и шла, и дошла до пещеры
 В горном склоне, емкой и просторной,
 А в пещере ей нашлось, что поесть.

10 Там жил старик-пастух,
 Выпасая конный табун
 Свежей травкой над свежей речкой
 Под горой в подолье.
 Вкруг пещеры была сень
 Кобылицам от полуденного зноя,
 И долго там отдыхала в этот день
 Анджелика,
 Никем не видимая.

11 А когда освежил ее вечер, *и пускается -
на родину.*
 И решила она: «довольно медлить!»—
 Завернулась она в рогожу—
 Ах, не то, что ее прежние веселые
 Зелень, желть, синь, и огонь, и пурпур,
 Столько красок, столько покровов! —
 Но и это рубище
 В ней не сгладило красоты и знатности.

12 Замолчите, хвалители бегучей
 Галатей, Неэры, Филлиды, Амариллы!
 Не в обиду вам, Мелибей и Титир,—
 Далек им до нашей красавицы!
 Выбирает Анджелика из табуна
 Самую угодную кобылицу
 И собирается с мыслями
 Воротиться на свой родной Восток.

13 А Руджьер,
 Тщетно ждавши, не явится ли подруга,
 И поняв, наконец, что нет,
 Что не рядом она и не слышит,—
 Отошел взнудать
 Скакуна своего земного и воздушного —
 Хватъ, а тот перегрыз узду
 И умчал в поднебесье, куда глаза глядят.

*Руджьер,
 лишишь
 и гиппо-
 грифа,*

Но злодей не хочет новой схватки —
Он хватает полумертвую,

- 20 Вскидывает на плечи и прочь:
Как волк тащит малую овечку,
Как голубку или прочую птичку
Вносит ястреб в кривых когтях.
Видит Руджьер, без него добра не будет,
И бегом по пятам,—но тот
Мерит лес такими шагами,
Что и взгляду не угнаться вслед.
- 21 Так в побеге и так в погоне
Бегут двое по темному лесу,
А тропа все шире и шире,
И вот вывела их на просторный луг,—
А дальше ни слова: пора
Воротиться мне к Роланду, который
Только что Кимосхов перун
Свергнул в хлябь, чтоб никто уж его
не видел,
- 22 Но напрасно! Враг
Рода человеческого, измыслитель
Этой пагубы, подражатель огня,
Сквозь тучи в землю гремящего с небес,
Как когда-то Еву пронял яблоком,
Так и эту
Вновь явил добычу некоему
чернокнижнику
На свежей памяти наших дедов.
- 23 Адская снасть,
Скрытая в столько вод столько лет,
Выколдовалась из пучин
И явилась поначалу у немцев,
А Они, пытая так и так,
Дьяволовым погибельным подсказом
До того изострили ум,
Что доискались ее употребления.
- 24 А после — Италия и Франция и все
Страны переняли страшную науку:
Иной льет бронзу в полые льяла,
Жидко топленную в печном огне,
Иной сверлит железо, иной тачает
Легкий ствол и тяжелый ствол,
И зовут это пушкой, простою,
двойною,
И бомбардою, и единорогом,
- 25 Мортирой, фальконетом, кулевриной,
И кому еще какое имя нравится.

*Тем
временем
Роланд*

- 31 И еще мне надобен большой якорь
И при нем его толстый канат,—
А зачем, увидишь сам,
Коли доберусь я сойтись с чудищем». —
Взяв задуманное,
Без доспеха, с одним мечом
Оттолкнул он челн
И один гребет к тому утесу:
- 32 Грудью к веслам, спиною к цели —
Как соленый краб
На песок из заводи или топи.
А уж был тот час,
Как Заря взметнула златые кудри
Перед Солнцем, вставшим
По пояс в море, от пояса в небе,
И ревниво роптал ее Тифон.
- 33 Как подплыл он на переброс
Камня, сильною пущенного мышцей,—
вдруг
То ли слышит, то ли не слышит
Плач, едва долетающий до слуха.
Оборачивается влево,
Скользит взглядом, и над самой водою
Видит: женщина в узах
У столба, нагая, и волны у ног.
- 34 Лица ее он не видит —
Далеко, а она потупилась,—
Но налег и гребет,
Чтоб поближе узнать, чего не знает
Тут взревела бездна, *вступает*
Гром отгрянул в гротах и рощах, *в бой*
Вздулись волны, и встало чудище, *с драконом*
И под ним не стало видно моря.
- 35 Как из темного дола всплывает влажная
Туча, чреватая грозой и ливнем,
И ширится на мир,
И стирает день слепую ночью,—
Так встал зверь,
Подбирая под себя все море.
Волны в клокоте, Роланд тверд и горд,
Не сменясь ни лицом, ни сердцем.
- 36 Как решившийся в дело,
Он быстр:
Чтобы разом
Деве стать охраной, гаду пагубой,
Он бросает меж них свой челн;
Меч его в ножнах,
А канат и якорь — в руке,
И, не дрогнув, он ждет страшилища.

- 37 Зверь уж здесь,
 Разом рушится на Роландов борт,
 Разевая пасть
 В рост всаднику на коне;
 И тогда Роланд прядает вперед,
 Прямо в глотку,
 Вместе с якорем, помнится, вместе с лодкой,
 И вонзает якорь в тот зев и тот язык,
- 38 Чтоб ни верхней упасть, ни нижней встать
 Челюсти с крушительными зубьями.
 Так в копиях железокопы
 Крепят крепь над своими лазами,
 Чтоб нечаянно осыпью
 Не накрыло небрежного труженика.
 А от крюка до крюка того якоря
 И Роланду не достать без прыжка.
- 39 Уверясь таким распором,
 Что уж гад не сведет клыков,
 Роланд вырвал меч и под темным сводом
 Бьет вверх, бьет вбок, лезвием, острием—
 Как крепость
 Не крепка, когда враг внутри,
 Так бессильно чудище
 Против витязя в собственной пасти.
- 40 То от боли оно бьется меж волн,
 Выгибая спину и чешуйные бока,
 То ныряет
 И взметает брюхом песок со дна.
 Чует франкский паладин: его захлестывает;
 Выгребают вплавь,
 Бросив якорь в зверском зеве, а канат
 Сжав в руке.
- 41 С ним в руке dospешив он до утеса, *и побежда-*
 Упирает ноги *ет его.*
 Й в два зуба рвущий зверскую пасть
 Выбирает на себя якорь.
 И влечется зверь-гора на пеньковой бечеве
 Пред силу сил,
 Пред ту силу, которая в один рывок
 Движет дальше, чем ворот в десять.
- 42 Как дикий бык,
 На рогах почуяв негаданный аркан,
 Рвется вправо, влево, вкруг,
 Вверх и вниз, но уж из пут не
 выбиться,—
 Так морская тварь, из родных зыбей
 Мощною влекомая мышцею,
 Ста изгибами, ста извивами
 Мечется с крюка, а уйти не может.

- 43 Льет кровь из губ,
 Стало Красйым синее море,
 Бьет хвост меж волн,
 Разверзая его донные глуби,
 Взбитая брызжет ввысь
 Пена, и застит солнце,
 Гулом отозвались
 Горы, чащи, дальнее взморье;
- 44 Старый Протей, слышав
 Столько шуму, показался из грота
 И, завидев Роландов въезд и выезд
 Меж зубов, и чудо-рыбу на канате,
 Бросился вглубь пучины,
 Не собрав своего морского стада;
 Нептун помчал к эфиопам,
 Погоняя подъяремных дельфинов;
- 45 Левкотея в слезах над Меликертом,
 Нереиды, разметав мокрые кудри,
 И Тритоны, и Главки, и прочий
 Морской люд не знает, куда бежать;
 А Роланд чудо-рыбу тащит к берегу,
 И тут заботам его конец:
 От натуг и мук
 У ней дух вон, едва легла на отмели.
- 46 Толпою островитяне
 Сбежавшись на дивную битву,
 Суеверным терзались страхом,
 Не кощунство ли святой этот подвиг?
 Толковали: вновь
 Обозлится Протей, ополчится Протей
 Всей морскою тварью им на остров,
 И опять не избыть старинной распри.
- 47 Не лучше ль, пока не худо,
 Просить мира у горького бога,
 А удальца
 Свергнуть в море, ему в угоду?
 Как огонь от факела к факелу
 Озаряет целую окрестность,
 Так от сердца к сердцу
 Рвется страсть, чтоб Роланда бросить в
 море.
- 48 Кто с пращом, кто с луком,
 Кто с мечом, кто с пикой бежит на взморье,
 Сзади, спереди, со всех сторон,
 Издали, изблизи, все на приступ.
 В диве герой
 На такую зверонравную встречу —
 Что за сверженного гада
 Обида ему, а не наградная честь.

*Островитяне
 не нападают
 на Роланда.*

Песнь XI

- 49 Но как бурый медведь
У Литвы или Руси на людном торге
Идет себе прямо
И не слушает шавочьей брехни,
И ни глазом на них не поведет,—
Таков паладин пред сбродом,
Зная: стоит ему подуть —
И не станет низменного толпища.
- 50 Повернулся он, взялся за меч —
И впрямь мигом стало просторно.
Думали шальные,
Что он им не соперник
Без панциря на груди,
Без щита на руке, без доспеха,
А не знали, что от темени до пят
Он и кожей крепче камня.
- 51 Но чего Роланд не даст другим,
То Роланду дадут другие:
В десять взмахов положил он тридцать,
А не в десять, так в немногим больше!
Вмиг берег пуст;
Повернулся Роланд высвободить даму,
Как вдруг
Новый шум, новый крик несется издали.
- Отбив их,
он освобож-
дает
Олимпию.*
- 52 Пока нашего рыцаря
Всей толпою спирали дикари,
Без помехи со всех сторон на остров
Всходят ирландцы,
И ударили с разных берегов,
И рубили, не зная жалости,—
За правду ли, по злобе ли,
Но ни возраста не щадя, ни пола.
- 53 Здешние беззащитны:
И застигли их врасплох,
И остров мал, и народу мало,
А еще того меньше ума-разума.
Все добро—на поток, все дома —
На поджог, все головы—под меч,
Стены стерты
В прах, нигде ни единого живого.
- 54 Но до воплей, шума и грохота
Нет Роланду дела:
Он подходит к той,
Что ждала на скале стать снедью чудищу,
Он глядит, и она ему знакома,
И чем ближе он, тем знакомее:
И он видит Олимпию, и это
Впрямь Олимпия, верная неверному.

- 55 Бедная! поруганная в любви,
Новый приняла она удар —
В тот же день
Взяли ее разбойные моряки
На Эбуду. Признала она Роланда,—
Но, нагая,
Лишь молчала, тупила лицо
И не смела вскинуть к нему очи.
- 56 «Какую судьбою,—спросил ее Роланд,—
Принесло ее к этому острову
Оттуда, где при супруге
Он оставил ее в счастье и в радости?
«Не знаю,— она в ответ,—
Спасибо ли вам за вызволение из смерти,
Или горе мне, что из-за вас
Не пресекались нынче мои муки.
- 57 Благодарствовать бы мне,
Что от страшной избавлена я гибели —
Страшной, ибо зверь
Гробом мне готовил утробу,—
Но нет во мне благодарства,
Ибо смерть лишь спасенье мне из бед,
А была бы я радостнее
От ваших рук концу моих бед».
- 58 И с великим она плачем
Молвила, как покинул ее супруг
Спящую на том острове,
Где и взял ее в полон морской разбой.
Говорила, а телом поворачивалась,
Как у живописца или ваятеля
Та Диана над теми струями,
Где плеснет она в очи Актеону,—
- 59 Прикрывая грудь и живот,
А бедро и бок являя взору.
Ждет Роланд, чтоб подплыл его корабль,
Приодеть любую одеждою
Высвобожденную даму из оков,—
Но тут
Предстает Оберт, ирландский король,
Прослышав о поверженном чудовище —
- 60 Что приплыл из-за моря паладин
И вогнал ему в глотку тяжкий якорь
И взволок на сушу,
Как ладью волокут в упор течению.
Чтоб узнать глазами,
Правду ли сказал сказавший,—
И явился Оберт, а его люд
С четырех концов громил Эбуду.

*Является
Оберт
с ирландцами,*

- 61 Хоть и был Роланд
 Весь в крови, в поту, и мокр, и грязен,—
 Оттого в крови,
 Что вошел он и вышел в пасть чудовища,—
 Но узнал его ирландский король,
 С первой вестью о том подвиге
 Положив в душе,
 Что ничья, как Роландова, эта доблесть.
- 62 А Роланда он знал,
 Бывши рыцарским отроком во Франции
 И лишь год как воротясь принять венец
 По кончине родителя.
 Видел он его не раз, говорил не два,
 А без счету и сметы,
 И вот бросился обнять его и приветить,
 Скинув шлем со лба.
- 63 Как король Роланда, так Роланд короля
 Радуется, увидев;
 Вновь и вновь сменясь они объятьями,
 Завели беседу,
 И сказал Роланд Оберту о красавице,
 Как была она предана
 Вероломным Биреном,
 Последним из всех, кому такое подстать;
- 64 И сказал, сколько раз она являла
 Великую ему свою любовь,
 Как лишилась дома и рода,
 Как готова была на смерть,
 И это все—лишь малое из многого,
 А тому многому и счета не счесть.
 Так он сказывал, а красавицыны ясные
 Очи изливались потоком слез.
- 65 Было ее прекрасное лицо,
 Как вешнее небо,
 Когда брызжет дождь, и вдруг из туч
 Светлое показывается солнце.
 И как нежною песнею соловей
 Ogлашает зелень дубравной сени,
 Так любовь купает крыло
 В токе ясных слез, и смеется свету.
- 66 Золотые стрелы любви
 Зажжены очами, закалены ручьями
 Льющихся слез меж лилий и роз,
 И такая в закаленных сила,
 Что юноше не ограда
 Ни щит, ни кольчуга, ни железная скорлупа:
 Он стоит, он глядит в лицо и кудри,
 Чует рану в сердце, а отколе — невесть.
- вспыхивает
 любовью
 к Олимпии*

- 67 Несравненны прелести Олимпии:
И не только
Лоб прекрасен, очи, ланиты, кудри,
И уста, и нос, и плечи, и шея,—
Но и перси,
И что скрыто бывает под покровами,—
Таково, что выше
Ничего не сыщется в целом божьем мире.
- 68 Белей взору, чем нетроганный снег,
Глаже пальцам, чем слоновою кость,
Округлые груди
Были, как тростниковое молоко,
А меж ними крылась
Складка, как тенистое разложье
Меж крутых холмов,
Наметенных снежною зимою.
- 69 Гибкий бок, дивное бедро,
Белые голени,
Гладкий, словно зеркало, живот,—
Были, как из-под Фидиева резца,
Говорить ли и о том в ее теле,
Что она так тщетно пыталась скрыть?
Нет, скажу одно:
С тмени до пят в ней всё — прекраснейшее.
- 70 Явись она фригийскому Парису
На Идейском пастбище,—и ей
Уступила бы Венера и две другие:
Лишь ее бы красоте стала честь.
И не плыл бы он тогда в Амиклы
Попрать святость гостеприимства,
А сказал бы: будь Елена Менелаю,
А себе я желаю только эту.
- 71 Явись она в Кротоне,
Когда Зевксис, затеяв образ
В Юнонин храм,
Вкруг себя собрал нагих красавиц,
Чтоб сложить в совершенство
Лучшее от одной и лучшее от другой,—
Вмиг никто не стал бы ему надобен,
Все красоты он обрел бы в ней одной.
- 72 Поклянусь я, что никогда Бирен
Не видал своей красавицы нагою —
У него бы не стало злобных сил
Бросить ее на безлюдную погибель.
Диво ли, что вспылал о ней Оберт?
Пламени не скрыть:
Говорит он утешные слова
И надежит, что обернется горе радостью,

- 73 И сулит, что пойдет с нею на Голландию,
 Что пока не отобьет ее земли,
 Пока праведная и памятная месть
 Не казнит ее изменника,—
 Он не сложит ирландского оружия,
 И не станет медлить ни дня.
 А меж тем велит
 Искать по всем домам одежд ей и платий.
- 74 Недалек был поиск:
 Все сыскалось, не сходя с острова:
 Каждый день здесь оставлялись платья
 От нещадных драконьих жертв.
 В недолгом явилась сборе
 Пред Обертом груда всех покровов,
 И велел он одеть Олимпию,
 И жалел, что не может так, как надо.
- 75 Но ни лучший шелк, ни золото,
 Флорентийским тканое искусством,
 Ни шитье, в котором столько
 И ума, и сил, и терпения,
 Не смогли бы сделать ее красивей:
 Ни лемносский, ни Минервин труд
 Не достоин лечь покровом на те прелести,
 Что не выйдут из ума у ирландца.
- 76 Этою любовью *и увозит ее*
 Много доволен наш паладин, *в Ирландию,*
 Оставляя страстного короля *а Бирену*
 Мстить войною Биреновой измене— *мстит.*
 Не то стала бы такая доука
 Отвлечением ему самому,
 А он шел на выручу
 Не Олимпии, а собственной даме.
- 77 Видно было: здесь ее нет,
 Но не видно было: была ли,
 И некого спросить: ни души
 Не осталось живой на целом острове.
 Потому на другое утро,
 Как отчалил от острова флот,
 Вместе с ним отчалил Роланд в Ирландию,
 Чтоб оттуда — во франкские края.
- 78 Как его ни молили,
 Не промедлил он в Ирландии ни двух дней —
 Любовь гнала вслед красавице,
 Не давая ему привала.
 Он уходит, вверив Олимпию
 Королю под клятвенным обетом,—

Да и то было лишним:
Король сделал больше, чем брался.

79 В немного дней он собрал людей,
Он вошел в союз с английским государем
И в другой с шотландским, и отбил
Голландию, и ни фризского вершка
Не оставил Бирену, и взбунтовал
На него Зеландию, и не прежде
Кончил брань, чем бросив его на казнь,—
Но и то ему, предателю, было мало.

80 А Олимпию берет он женою —
Из графини она стала королевою.
Но воротимся же к рыцарю, который
День и ночь по волнам под парусом
Правит вновь к тем самым причалам,
От которых когда-то вышел в плаванье,
Вновь он в латах, седлает Златоузда
И показывает спину морям и бурям.

*Роланд
продолжает
поиски
Анджелики.*

81 До конца той зимней поры,
Верно, было ему время к добрым подвигам,
Но они доселе скрыты от слуха —
Не моя вина, что и я промолчу:
Потому что всегда Роланд
Был удал не на слово, а на дело,
И чему не случалось соглядатаев,
То осталось неведомо и молве.

82 Так и дотянулась зима: в тиши,
Не подавши о нем статочной вести.
А как солнце сверкнуло в небосводе
От кроткого Фриксова овна,
И Зефир, сладостный и радостный,
Вновь привезал любезную весну,
То в расसेве цветов и юных трав
Новые разнеслись Роландовы подвиги.

83 По горам и долам, полям и взморьям
Ехал он, печальный и скорбный,
И въезжает в новый лес,—

и вдруг
Долгий зов, громкий стон бьет в слух,
Рыцарь шпорит коня, хватает меч,
Мчит на крик,—

Но что из этого вышло,—
С вашего позволения, в следующий раз.

- 6 Анжелика то была или нет,
Но он видит в ней свою драгоценную,
Свою даму, свою богиню,
И в такой страде, в такой горести,
Что в яром гневе
Страшным зовом вызывает он похитчика
Вызывает похитчика, грозитя
И погоняет Златоузду златой уздой.
- 7 А лукавый в ответ ни отклика,
Крепко держит знатную добычу
И летит меж зеленых зарослей,
И ни ветру за ним не поспеть.
Тот в утек, тот в нагон, дубрава
Вся звенит немолчным рыданием,
И вот вымчались они на широкий луг,
А на лугу стоит золотой дворец.
- 8 Тонко точеными мраморами
Гордые вознеслись палаты;
В золотые створы
Скачет всадник с красавицею в объятьях,
А за ним—Златоузд
И на нем Роланд, кипящий яростью,
И влетает, и водит диким взором,
Но вокруг—ни красавицы, ни рыцаря.
- 9 Прочь с седла, и разящей молнией
Он стремится под высокий кров,
Вправо, влево, вперед, назад,
Ни единого не минует угла,
Тщетно нижние
Обыскав покои, бежит по лестнице,
Но и вверху, как внизу,
Только зря теряет время и силы.
- 10 На постелях—шелка и золото,
На стенах—ни бревна, ни камня,
Всё в обивках, всё под коврами,
Не задеть подошвою голый пол.
Мечется Роланд вверх и вниз,
Но нигде не потешат ему взор
Ни милая Анжелика,
Ни злодей, унесший прекрасную.
- 11 В трудных думках
Понапрасну бродит он туда и сюда,
А ему навстречу—Феррагус,
И Градасс, и Брандимарт, и Сакрипант
Так же мечутся вверх и вниз по лестницам,
Так же попусту,
И клянут коварство незримого
Властника тех мест.
- и за ними
попадает
в замок
Атланта.*
- Там —
и другие
рыцари;*

- 12 Все его ищут, все впустую —
У всякого есть на что пенять:
Кто в обиде, что тот увел коня,
Кто в неистовстве, что похитил даму,
Кто за что,— но никому не вмочь
Выбраться из этой заперти.
Много их здесь, обманутых,
В долгие томятся дни и годы.
- 13 Трижды и четырежды Роланд
Обыскав таинственный чертог,
Говорит себе: «Я здесь мешкаю,
Трачу время и силы, а злодей
Вдруг да тайным выходом
Далеко уже умкнул мою милую!»
И сбегает на зеленый луг,
Что со всех сторон вокруг дворца.
- 14 Вот обходит он лесные хоромы,
Глаза в землю,
Нет ли где справа или слева
Свежего следа на траве,—
И вдруг слышит оклик из окна,
Вскинул очи, а в окне несбыточный
Мнится ему голос и лик
Той, из-за которой он сам не сам.
- 75 Слышится ему: Анджелика
Плачет, молит: «Ко мне! ко мне!
Защити девичий
Цвет, дороже души и жизни!
При тебе ли, при моем Роланде,
Взять меня насильному? Пусть
От твоей умру я руки,
Чем подвергнусь под мое злополучие!»
- 16 На такие слова Роланд—
Вновь и вновь из горницы в горницу,
Не жалея труда и страсти,
Окрыляеь великою надеждою,
То бежит, то застынет, и вновь
Словно голос, словно Анджеликин,
Кличет его в помощь, но куда?
Где ни вслушаться, голос далеко.
- 77 Что ж, воротимся к Руджьеру, который *туда вслед*
По темной лесной тропинке *за великаном*
Вслед за великаном и красавицей *попадают*
Выбежал из чащи на широкий луг, *и Руджьер,*
Тот же, там же (чтоб не солгать)
Где невдолге проскакал и Роланд.
Великан—в ворота,
Руджьер— неотступно по пятам,

- 18 Вбежал за порог,
Смотрит—двор, видит—дивные палаты,
Но ни великана, ни дамы,
Сколько взор ни скользит по сторонам.
Он бежит по палатам вверх и вниз—
Ни следа желанной,
Ни приметы, куда пропал
Тот мгновенный злодей с нею в объятьях.
- 19 Дважды, трижды, и пять, и шесть
Раз обходит он горницы и светлицы,
И опять по тем же местам,
И на лестницах ищет, и под лестницами;
Выбегает, не в окрестной ли она
Чаще? — но тот же голос,
Кликавший Роланда, кличет и его,
И он снова в тех же хоромах.
- 20 Тот же голос, тот же лик,
Что Роланду являлся Анджеликою,
Для Руджьера—его Дордонская
Дама, в чьем- плену он сам не свой;
И Градассу, и всякому,
Кто в путях своих попал в тот дворец,
Мнится в нем
Та, кому какая всех желаннее.
- 21 А была это новая неведомая
Чара, деянная Каренским Атлантом,
Чтобы сладкой мукой этого труда
Оберечь Руджьера,
Стороною пустив грозящее
Смертью юноше веянье светил:
Ни булатный замок, ни Альцина
Не спасли, и это — третий ков.
- 22 И не только Руджьера, а и всех,
Чья славней гремела доблесть по Франции,
Залучал Атлант в свою волшбу,
Чтоб от их руки не погиб любимец.
А чтоб в долгом привале
Не томиться им голодом и жаждою,
Был его чертог
Полон всем вволю рыцарям и дамам.
- 23 А теперь воротимся к Анджелике,
У которой тот чудотворный перстень,
Что во рту скрывает от взоров,
А на пальце охраняет от чар.
Как нашла она в горном гроте
Лошадь, снесь и все, что было надобно,
Вспала ей в ум охота
Снова в Индию, в милые места,
- и Анджелика.*

- 24 И взять для дороги спутником
Сакрипанта или графа Роланда —
Не с того, что один милей другого,
Страсть в обоих равно не по ней,
А с того, что на пути — большой Левант,
В нем — без счету городов и замков,
Нужен спутник, надобен вожатый,
А верней двух сказанных не найти.
- 25 Долго она странствуя, искала
След и признак того или другого,
И по городам и слободам,
И по дебрям, и по разным дорогам;
Наконец, привела ее судьбина
В самый тот дворец, где граф Роланд,
Сакрипант, Феррагус, Руджьер, Градасс
и прочие
Впутаны в Атлантову чародейную сеть.
- 26 Она входит, а волхв ее не видит,
Она ищет, хранимая кольцом,
И глядит, как Роланд и Сакрипант
Сами ищут ее, напрасно мыкаясь,
И как тешится над ними Атлант
Собственным ее мнимым образом.
Которого же взять? —
Долго думает, и все не решится:
- 27 Все не знает, который лучше —
Граф Роланд или гордый царь Черкесии?
Роланд отважней
Защитит в опасных переходах,
Но такой ей слуга сильней хозяина,
И его потом не осадить:
Когда станет он ей не надобен,
Как унять его или как услатить во Францию?
- 28 А черкеса она и с поднебесья
Спустит наземь, только захотеть.
По такой-то она причине
Прочит его себе охраною,
Вынимает изо рта кольцо,
Пелена спадает с глаз Сакрипанта, —
Но она хотела предстать наедине,
А тут приключились и Роланд и Феррагус.
- 29 А тут приключились Роланд и Феррагус,
Оба одинаково
Вверх и вниз, внутри и вокруг
По дворцу искавшие свою богиню.
Все втроем подбегают к даме,
Никакие им чары не помеха,
Потому что на персте ее — перстень,
Отвечающий наваждения Атланта.
- Анджеллика
ускользает
с помощью
перстня,
за ней —
три рыцаря.*

- 30 Двое из воителей
В панцирях были и шлемах,
Не слагая их ни днем, ни ночью,
Сколько там ни минуло ночей и дней:
Такова привычка,
Это им не тяжелей любого платья.
Только третий, Феррагус, был в такой же
бронь,
Но без шлема:
- 31 Не хотел он шлема, кроме шлема,
Какой снял Роланд с Троянова Альмонта,
И поклялся о том он в день,
Как искал в тщетной глупи шлем Аргалия. >
Во дворце он обок был с Роландом,
Но ни разу не занес на него руку —
Так уж здесь велось,
Что нельзя было узнать в этих стенах,
- 32 Так уж был чарован дворец,
Что и встретившись, не признать друг друга.
Крепкий панцирь, меч в руке, щит у локтя —
Так в нем дневали и ночевали.
Кони витязей — седло на спине,
Узда у луки — наготове
В стойле стояли у ворот
При яслях, полных овса и сена.
- 33 Потому и не мог Атлант
Помешать нашим трем воителям
Вмиг в седло и вскачь за черноокою,
Златовласою, розоволанитною
Их красавицею, а она во весь опор
Прочь от них, потому что нимало
Ей не в радость трое влюбленных сразу:
Иное дело — по очереди.
- 34 И вот, отскакав довольно,
Чтоб не стало страха
Злых коварств
От хитрого чародея —
Вновь кладет она меж розовых губ
То кольцо, выручающее из бед,
И скрывается из глаз
Изумленно онемелых витязей.
- 35 Хоть и было у нее в мыслях
Взять Роланда или Сакрипанта
Спутником возврата
В Галафроново восточное царство,
Но теперь они оба ей постылы,
Мигом новое у нее на уме —
Ни тот, ни другой ей не надобен,
За обоих сослужит службу перстень.

- 36 Рыцари, растерянные,
 Тупо рыщут взглядом меж деревьями,—
 Как ловчий пес,
 Потеряв на травле зайца или лиса,
 Что нырнул в нору,
 Или в ров, или в густой кустарник.—
 А задорная Анджелика смеется,
 Видя вид их и невидима сама.
- 37 Одна была дорога в лесу,
 И подумали рыцари,
 Что по ней умчалась красавица вперед—
 Больше ведь было некуда!
 Роланд—в опор, Феррагус не медлит,
 Сакрипант в обе шпоры гонит коня,
 А девица подтягивает узду
 И вполспеха едет за ними следом.
- 38 Доскакали они дотуда,
 Где дорога расходится в тропы;
 Начали оглядывать траву,
 Нет ли где следов;
 И тогда-то Феррагус, пред всеми *Роланд*
 Гордецами всех времен пальмоносец *и Феррагус*
 первенства, *вступают*
 Не по-доброму обернувшись к спутникам, *в бой;*
 Крикнул им: «Вы куда?»
- 39 Прочь назад или ищите другой дороги,
 А не то лежать вам здесь покойниками!
 Не хочу попутчиков
 Ни в любви, ни в погоне за моей дамой!»
 А Роланд на то черкесу: «Будь мы бабы,
 Самые дешевые и трусливые
 Изо всех кудельных шерстопрях,—
 Он и то не сыскал бы слов обиднее!»
- 40 А потом Феррагусу: «Звериная
 Твоя морда! Не случись ты без шлема—
 Мигом бы ты узнал,
 Ладно ты молвил или неладно».
 А испанец ему: «Какое
 Тебе дело до моего дела?
 И без шлема, один на вас двоих,
 Докажу я, что ладно, что неладно».
- 41 «Слушай! — говорит Роланд черкесу,—
 Ради меня—уступи ему твой шлем,
 И тогда поплатится этот бешеный,
 Потому что бешеней не было и нет!»
 Отвечает черкес: «Будь так,
 То не он, а я бы вышел бешеным!
 Если хочешь—дай ему свой,
 А уж я не хуже расправлюсь с сумасбродом».

- 42 Феррагус им: «Несмысленные! Разве,
Будь мне нужен шлем,
Разве я давно бы
Не сорвал с вас ваших же шишаков?
Но я даже приоткрою вам сказ:
Я без шлема, и буду без шлема
По обету, покуда не добуду
Тот, который на паладине Роланде!»
- 43 Граф смеется:
«С непокрытою головою
Хочешь ты пустить того Роланда,
Который сам
Так пустил Альмонта при Аспрамонте?
Да явись он, ты дрожал бы до пят,
И не то, что шлем,—
Сам бы отдал ему все свое оружие!»
- 44 А нахвалыщик: «И не раз и не два
Таково я припирал Роланда,
Что не только шлем,
Но и все бы взял его доспехи;
А не взял потому,
Что не всякая мысль приходит впору:
Прежде не хотел, теперь хочу,
И возьму, и это мне нипочем».
- 45 Тут рвется Роландово терпенье,
И кричит он: «Подлец и лжец,
Где, когда
Ты меня осиливал оружием?
Не вдали, а здесь
Я—тот рыцарь, над которым ты хвалишься!
Переведаемся же: кто возьмет,
Ты—мой шлем, или я—твои доспехи?»
- 46 А заранее перевеса мне не надобно!»
И снимает шлем,«
И на ветку его вешает бука,
И выхватывает из ножен Дурандаль.
Феррагус, не дрогнувши духом,
Меч наголо, а сам в такую стать,
Чтоб клинком и вскинутым щитом
Оберечь непокрытую голову.
- 47 Начинают поединщики
Выкруживать коней, выгибаться в седлах;
Метят сталью в сталь,
Где складка в броне, где тоньше.
Не бывало на свете двух других,
Столь способных сразиться и померяться:
Вровень силой, вровень пылом;
Вот и бьются, а ни один не ранен.

- 48 Государь мой, вы, верно, помните:
Феррагус заколдован по всей коже,
Кроме места, где утробная привязь
Первым соком вскаривала младенца;
С той поры и до самого гроба,
Где он лег под черною землей,
Семь каленых ему пластин
Закрывали уязвимое средоточие.
- 49 Заколдован был и англандский князь —
Весь, кроме малой части:
Лишь подошвы были открыты ране,
И о них была его оборона;
Всем же телом (коли молвить правду),
Они тверже камня диаманта.
Вот какие сошлись богатыри,
Что броня им не в нужду, а в украсу.
- 50 Свирепеет ярая битва,
Страшно и трепетно смотреть.
Феррагус лезвием и острием,
Что ни взмах, то в цель и без промаха;
Меч Роланда в кольчугу и броню
Рубит, бьет, рвет, дробит и рушит;
Анджелика незримою зрительницею
Любопытствует над ними одна,—
- 51 Потому что черкесский царь,
Полагая, что она — впереди,
Как увидел Роланда с Феррагусом
В боевой их задержке, сам не медлил,
А пустился тою тропой,
Где он чаял настичь красавицу.
Потому-то дочь Галафрона
Двум бойцам одна была очевидицею.
- 52 И хоть было ей и страшно и трепетно,
Но глядела она во все глаза,
Как грозила гибель
И тому от этого, и этому от того.
А была она любознательна,
И захотелось ей унести тот самый шлем:
Не надолго, а чтобы посмотреть —
Что тогда станут делать единоборцы?
- 53 Потом она отдаст его графу,
Но сперва потешится себе вволю.
Вот сняла она шлем, скрыла на грудь,
Посмотрела еще раз на бьющихся,
И уходит без единого слова,
И ушла уже далеко,
А ни тот, ни другой и не заметили —
Столько пламенело в них ярости.

*тем
временем
Анджелика
похищает
шлем
Роланда,*

- 54 Первым оглянулся Феррагус,
Отшатнулся от Роланда и молвил:
«Ну, вышли мы дураками:
Обошел нас тот, что был третий!
За что мы бьемся,
Если он уже унес наш шлем?»
Роланд замер, смотрит, шлема нет,
И вдвойне он вспыхивает гневом.
- 55 Граф не розно мыслит с Феррагусом,
Что похитил шлем их прежний спутник.
Отпускает он поводя,
Пришпоривает бок Златоузды,
Феррагус летит вслед противнику,
И вдвоем доскакав -
Дотуда, где завиделся на траве
Свежий след и черкеса и красавицы,
- 56 Повернули они: граф налево,
Где долина, куда ушел черкес,
Феррагус—к горам,
Куда тропку протоптала Анджелика.
А она между тем доехала
До тенистой поляны над источником,
Такой доброй, что никто прохожий
lf Не минует, не став и не испив.
- 57 Приближается Анджелика к чистой влаге,
Не чая никого встретить,
Сокровенная священным кольцом,
Не страшась недоброго случая;
Ступает на травный берег,
Вешает шлем на крутую ветвь
И глядит, где получше мурава,
Чтоб на выпас привязать кобылицу.
- 58 Но тут по ее пятам
Скачет к источнику испанский богатырь;
Как увидела его Анджелика —
Мигом прочь из глаз и шпоры в бок,
Только шлема, что упал на траву,
Не успела подхватить: не дотянулась.
Басурман, ликуя,
Прямо к Анджелике во весь опор, ^-
- 59 А ее уж и нет —
Вмиг незрима, как сон по пробужденью.
Рыщет он за нею по зарослям,
Но бессилен бедный взор ее высмотреть.
Вот, кляня Терваганта с Магометом
И все их вероучительство,
Возвращается Феррагус к ручью
И глядит: на траве — Роландов шлем.

*и его
захватывает
Феррагус.*

- 66 Но довольно об Анджелике,
У меня есть предметы поважнее:
Не хочу я тратить моих строчек
Ни на Феррагуса, ни на Сакрипанта;
Англандский граф
Вновь зовет меня поведать прежде прочих
Тяготы свои и томления
В том желанье, которому не сбыться.
- 67 Чтобы ехать неузнанным,
В первом же он попутном городе
Новый себе вздел на чело
Хохлатый шлем,
Крепкий, нет ли, ему все равно:
Таково он надежно заколдован.
Им покрывшись, он длит свой поиск
Днем и ночью, в ливень и в зной
- А Роланд
встречает
два
мавритан-
ских войска*
- 68 Был час, когда Феб вздымает из волн
Колесничных коней под брызги росы,
И Заря рассыпает по восходу небес
Алые цветы и желтые цветы,
И звезды, покидая ночной хоровод,
Кроют очи в туманящий покров,—
Когда в пути, невдали от Парижа,
Вновь Роланд проблистал своею доблестью.
- 69 Встретились ему два конных полчища:
, Пред одним—Манилард, седой сарацин,
Царь Нигриции, вдавне рьян и пылок,
Ныне—крепче не силою, а советом;
Над другим—стяг
Тремизенского царя,
А он в маврах слывет отменным витязем,
И зовут его знающие: Альзирд.
- 70 Зимовали они ту зиму
Обок прочих басурманских сил
Кто у города, кто подальше,
Кто по слободам, кто при замках,
Ибо царь Аграмант немало тщетных дней
Положил на парижскую осаду,
А теперь порешил быть приступу,
Потому что больше не было пути.
- 71 Воинство его неисчетно:
Кроме тех, которые при нем,
И которые пришли из Испании
Под Марсилиеву державную хоругвь,
Он набрал наемный люд и по Франции,
Потому что от Парижа до Роны
И по самую Гасконь вся земля,
Кроме нескольких крепостей,—вся под ним.

- 72 И едва прорезали дрожащие
Ручейки теплой влагой холодный лед,
И луга оделись новой травой,
И нежною листвою—деревя,
Скликнул царь Аграмант
Всех, кто шел за его удачею,
Чтобы сделать смотр своим оружным
И тем выправить ратные дела.
- 73 Для того-то царь Трэмизена
И спешил к нему с царем Нигриции,
Чтоб доспеть к расчету ••
Всех полков, какой плох, какой хорош.
И тогда-то (как было вам рассказано)
Перестиг им дорогу граф Роланд
В неотступном своем поиске
Той, что держит его узами любви.
- 74 Как увидел Альзирд героя,
Доблестью не знающего равных,
Челом гордого, обликом такого,
Что и бог войны ему не под рост,—
Замер, глядя на знатную осанку,
Ярый лик, сверкающий взор,
Взял он в толк, какой пред ним воитель,
Но не в пору всхотел его испытать.
- 75 Молод был Альзирд и заносчив,
Что хвален за отвагу и силу,—
Шпорит он коня к поединку,
Только лучше бы остался в строю:
Сшиблись двое,
И он пал, и в сердце—англандское копье,
И скакун его в страхе мчится прочь,
Уж не чуя правящего повода.
- 76 Крик мгновенный и страшный *и побивает*
Вспыхнул в воздух со всех сторон, *их.*
Как увидели: юноша во прахе,
И ключом бьет красная кровь.
С ревом рвутся к графу передние,
Вперебой, кто с копьем, кто с мечом,
А несчетные задние пернатыми дротами
Рушат бурю на рыцарственный цвет.
- 77 С каким шумом щетинистое стадо
Разбегается по холму или полю,
Если волк из черной пещеры
Или с гор спустившийся медведь
Схватит зубом малого кабаненка,
А тот плачется хрюканьем и визгом,—
Так крича, напирала нехристи
На Роланда: «Смерть ему! смерть!»

- 78 Копья, стрелы, клинки грохочут градом
И по панцирю, и по щиту,
Кто разит дубиною сзади,
Кто грозит ему в грудь, кто в бок;
Но в чьем сердце не жилось страха,
Тот глядит на весь оружный сброд
Все равно, как в темной овчарне
Глядит волк, считая овец.
- 79 В руке — меч, как молния,
Столько сарацинов положивший на веку;
А сколько под ним падает новых —
Кто попробует счесть, тому не счесть.
Красной кровью льется дорога,
Не вмещающая столько мертвецов,
Потому что ни щит, ни шлем
Не защита, когда рушится Дурандаль,
- 80 И ни хлопчатый халат, и ни чалма,
В сто обвивов обвивающая лбы;
Летят в воздух крики и стоны,
Летят срубленные руки, плечи, головы;
По полю гарцует грозная Смерть,
У которой много лиц, и все страшные,
И думает: «Меч в руке Роланда
Стоит больше, чем сто моих серпов».
- 81 Удар спешит за ударом,
Толпище рассыпается в бегство:
Как навалились враз
Множеством задавить одного,
Так теперь никто не задержится
Помочь друг другу в общей беде —
Кто несется со всех ног, кто со всех шпор,
И некогда искать, где получше.
- 82 Объезжает побоище Доблесть,
Держа Зеркало всех морщин души,
Но никто на себя не смотрит, —
Только старец, которому годы
Высосали силы, но не мужество,
Видит: лучше смерть, чем срам побега.
Это был король Нигриции,
Он и встал на Роланда с копьём вперевес.
- 83 Но разбилося копьё о навершье щита,
А граф ни на шаг:
У него на лету обнаженный меч,
Он бьет Маниларда с ходу,
И благо тому, что злая сталь
У Роланда в руке нагнулась книзу —
Удар на удар не приходится, —
Но и то Манилард выбит из стремян,

- 84 Вышиблен из седельного выгиба.
А Роланд и не оглянется,
Рубит, режет, сечет, бьет вражью, рать,
Каждый его чует за плечами:
Как по воздуху, где просторно,
Разлетаются от сокола скворцы,
Так в рассеявшемся полчище
Кто бежит, а кто лежит, а кто валится.
- 85 Ни души живой в пустом поле—
Прячет рыцарь окровавленный клинок,
А куда поворотить, не удумает,
Хоть и все места кругом знакомы:
Не дается в ум,
Взять направо или взять налево,
Он устал идти не по тому пути
И ловить Анджелику там, где нет ее.
- Продолжая
путь,*
- 86 От расспроса к расспросу
Правя ход по лесам и по лугам,
Он сошел с пути, как сходят с ума,
И прибился к горному подножию,
Где глядит и видит: сквозь ночь
В скальных щелях плещется дальний свет.
Пробирается граф к скале
Посмотреть, не там ли Анджелика.
- 87 Как по низкой гуще можжевельника
Или по открытому жнивью
Ловит ловчий робкого зайца
Поперек борозд, без пути,
От тернового к терновому кусту,
Наугад, не сыщется ли спрятавшийся,—
Так Роланд в трудах
По следам надежды шел за дамою.
- 88 Он спешил навстречу тому лучу,
И приспел туда, где сквозь дебрь
Пробивался он из горной расселины,
За которой скрывался емкий грот.
Как заслон и тын,
Заплелись пред входом колкие поросли,
Укрывая тех, кто в пещере,
От пыталелей раззора и обид.
- он приходит
в пещеру
Изабеллы.*
- 89 Днем пещеры не видно,
Только ночью выдает ее свет.
Угадывает Роланд,
Но хотел бы дознаться повернее.
Привязавши Златоузду у подступа,
Он неслышно движется к прибежищу
И сквозь сетку веток входит в устье,
Не ища о себе оповестителя.

- 90 Сходит он по долгим ступеням в склеп,
Где живые похоронены души.
Скала была просторная,
Выдолбленный резчиком, выгнулся свод,
Доставало даже белого света,—
Хоть и скуден вход,
Но светило окно,
По правую прорубленное руку.
- 91 А у очага, посреди подземелья,
Дама сидела, прекрасная лицом,
Было ей немногим за пятнадцать лет,
Это граф увидел первым взглядом.
Такова была она красавица,
Что лесная дебрь казалась, как рай,
Хоть в очах и стояли слезы,
Верный знак страждущей души.
- 92 С ней была старуха, они ссорились,
Как то водится у женского пола;
Но как встал пред ними граф—
Смолкли вмиг пререканья и перекоры.
Положил Роланд привет по-ученому—
Перед дамами он всегда учтив;
А они, встав с мест,
Благосклонно ему ответствовали.
- 93 Видит он, помутились они в лице,
Как услышали нечаянный голос,
И увидели под своею сенью
Такого грозного и одетого в латы.
Спрашивает Роланд: кто
Тот невежа, обидчик, злодей, варвар,
Который в подземном склепе
Схоронил такую светлую красоту?
- 94 С трудом красавица повела ответ,
Перехватываясь жаркими рыданиями,
И прерывисты были нежные звуки,
Излетавшие из ее перлов и кораллов
Меж тем, как слезы,
Струясь, терялись между лилий и роз.
Извольте же о том послушать другую
Песню, государь мой, а этой—конец.

- 6 Мой отец в Байонне праздновал праздник,
 Было это двенадцать месяцев назад.
 Собирались к славному турниру
 В нашу землю храбрецы из всех земель.
 Но меж ними (Любовь ли мне то открыла,
 Или доблесть являет себя сама)
 Лишь один пришелся по моей хвале —
 Князь Зербин, сын короля шотландского.
- 7 Как увидела я в бранной потехе *как она*
 Чудо его рыцарственности, — *полюбила*
 Обняла меня любовь, и не чаявши, *Зербина,*
 Стала я себе сама не своя. ,
 На беду меня ведет та любовь,
 Но сладко думать,
 Что вложила я душу
 В знатнейшее и лучшее, что видывал свет
- 8 Красотою и доблестью
 Был Зербин отличен меж всех ристателей.
 Зрима была его любовь и вероимна,
 И не меньше пламенна, как моя.
 Обоюдному тому пламени
 Отыскался меж нами и посредник,
 Когда были мы наружно в разлуке,
 Но навек неразлучимы душой.
- 9 По скончании празднования
 Воротился мой Зербин в свою Шотландию.
 Если ведома вам любовь, то ведома
 И тоска моя о нем как ночью, так днем;
 И не меньшее, знала я,
 Опаляло пламя душу и в Зербине.
 Не было преград его желанью —
 Только и искал он, как быть ему со мной.
- 10 А как были мы разной веры,
 Он — Христовой, я — Магометовой,
 И не мог он просить меня у отца моего,
 То и порешил меня взять увозом.
 Был в моем щедром отеческом краю
 Между морем и зелеными нивами
 Сад на берегу,
 Озиравший круг холмов и большое море.
- 11 Здесь он и задумал
 Связать то, что возбраняла нам вера,
 И довел до меня, каким порядком
 Положить начало нашему счастью.
 Здесь при Святой Марте укрыл он *как тот*
 С верными воинами тайную ладью *поручил*
 Под началом Одорика Бискайского, *Одорику ее*
 Славного бойца на суше и на море. *похитить,*

- 12 Сам он быть не мог,
Потому что дряхлый его отец
Побудил его на помощь королю Франции,
И поставил он Одорика вместо себя,
Почитая его меж вернейших своих друзей
Самым верным и самым другом.
Так бы оно и стало,
Будь дружба всегда ответом на добро.
- 13 В условленный срок для похищения
Привел Одорик оружную ладью,
И настал тот желанный день,
Когда вышла я в сад, чтоб быть застигнутой.
В ночь пред тем
С храбрецами, привычными к мечу и к веслу,
Всплыл рекою Одорик до ближнего города
И прокрался тайно в мой сад.
- 14 Не успел народ всполошиться,
Как была уж я на смоленной ладье,
Слуги, безоружные, с голыми руками,
Иные бежали, иные пали,
Иные схвачены в тот же плен.
Так простилась я с родною землею —
В несказанной радости
Вскоре насладиться милым моим Зербином.
- 15 Но едва мы миновали Монгию,
Как ударил нам влево ветер с моря,
Помутивши воздух, вспенивши зыбь,
Взбив вал до небес;
А навстречу встает дыханье с суши
Все сильнее и крепче с каждым часом,
До того сильней и крепче,
Что невмочь перекидывать паруса.
- 16 Скручены паруса, повалены мачты,
Сорваны снасти,—мало!
Видим мы: безудержно
Мчит корабль на скалы, что пред Роцеллой,
И не будь над нами божией милости,
Быть бы нам разбитым о берег:
Мы неслись в злом вихре быстрее,
Чем стрела с тетивы.
- 17 Видит бискаец беду,
Прибирает ненадежное средство:
Спускает челн,
Сходит сам и приказывает мне.
И еще сошли двое,— и сошли бы
Все, кабы допустили их первые;
Но те выставили мечи, обрубил канат,
И вот мы одни в открытом море.

- 18 Невредимыми вынесло на берег
Нас, которые были в том челне,
А прочие сгнули на проломленной ладье
В хищном море со всем, что с ними было.
И простерла я благодарящие руки
К вечной Благости, к бесконечной Любви,
Из ярости моря
Вызволившей меня увидеть Зербина.
- 19 Были у меня в ладье и платья
И камня, и чего только не было,
Но в чайне о Зербине
Мне не жалко их было в пучинной пасти.
Не было, где мы вышли,
Ни тропинки топтанной, ни приюта,
А крутая гора, и ей бичуют
Ветры—хвойный лоб, и море — взножье.
- 20 Здесь-то *как Одорик
сам покусился
на нее*
Беспощадный тиран Любовь,
Вечно вероломный, вечно
Мнущий в выворот каждый добрый умысел,
Обернул коварно и безжалостно
Благо — в зло, и утеху мою — в скорбь,—
Ибо тот, кому вверил Зербин себя и меня,
Вспылал страстью, и угасла верность:
- 21 Меж морских ли еще трудов
Возжелал он, но не решился выказать,
На пустынном ли берегу
Взыграла его досужая охота,—
Но не медля ни часа,
Захотел он утолить свою жадность,
А сперва для того почел он надобным
Из двух пльвших с нами удалить одного.
- 22 Это был шотландец, именем Альмоний,
Верностью Зербину отменней всех;
«Вот совершенный воин!» —
Молвил князь, вручая его Одорику.
Одорик сказал Альмонию: срам,
Если я вступлю в Роцеллу пешею;
И просил, чтобы он пошел вперед
И привел мне хоть какую лошадь.
- 23 Ничего не заподозрив,
Тотчас Альмоний пустился в путь
К городу, который был за лесом
И от моря милях в шести.
А второму спутнику
Одорик сам открыл свой черный умысел —
То ли думав в нем найти пособника,
То ли просто не сумев его услать.

- 24 Звали того Кореб,
Родом он был из Бильбао,
С детских лет
Взрос он в Одориковом доме,
И отважился изменник
Поделиться с ним злодейскою думою,
Полагая, что и тот
Чести предпочтет угоду другу.
- 25 Но был Кореб рыцарствен и вежествен,
Слушал и негодовал;
Крикнув он Одорику «Изменник!»,
Словом и делом встал на взмышленное зло.
Гнев вскипел великий в обоих,
Явили его нагие клинки;
А я, взвидев сталь,
В перепуге бросилась в чашу леса.
- 26 Одорик был воин из воинов —
В несколько он взмахов
Бросил наземь Кореба замертво
И помчался по моим пятам.
Мнится мне, сама страсть
Настигающие дала ему крылья,
И внушила ему мольбы и пени,
Чтоб смягчилась я его полюбить.
- 27 Тщетно!
Я решила умереть, чем уступить.
Все пени, все мольбы, все угрозы
Испытавши понапрасну, он ринулся
Напролом силой,—
И без пользы было мне поминать
О Зербиновой на него надежде
И как я сама ему доверилась.
- 28 Видя, что просьбы мои впустую,
Помощи—ниоткуда,
А Одорик все жаднее и грубее,
Как изголодавшийся медведь,—
Билась я руками и ногами,
Защищалась кусом и царапаньем,
Рвала бороду, полосовала щеки
И кричала криками до небес.
- 29 Случай ли,
Крики ли мои, слышные за версту,
Обычай ли был, чтоб сбегаться к берегу,
Когда ломится и тонет у берега корабль,—
Но тут вижу я на горе толпище,
И спускается оно к морю и к нам,
И бискаец, его заметя,
Бросил натиск и ударился в бег.
- и как отбили
ее разбойники.*

- 30 От злодея толпа была мне выручкою,
Но по слову пословицы
Из огня я попала в полымя.
Благо, сударь,
Что ни я не дошла до такой беды,
Ни они до такого злонамеренья,
Чтобы сделать надо мною насилье;
Но и то не с добра и не к лучшему,
- 31, Ибо если оставлено мне девичество —
То лишь с тем, чтоб дорожке меня продать.
Восемь месяцев прошло, пошел девятый,
Как я заживо здесь погребена,
И уже ни мой Зербин не спасет меня,
Потому что слышала я и то,
Что нашелся на меня торговец,
Чтоб свезти меня для султана в Левант.»
- 32 Так рассказывала нежная девица,
Вздохами и стонами
Разрывая ангельскую свою речь,
Так что тронулись бы змеи и тигры,
Оживляла ли она угасшую боль,
Живую ли унимала муку,—
Но вдруг вваливаются в пещеру
Двадцать ратных, кто с пикою, а кто
с саблею,
- 33 Впереди — один, с беспощадным лицом,
Черный глаз смотрит зло и косо,
А другого глаза нет—его выхлестнул удар,
Пересекший ему и нос и челюсть.
Видит он, что в пещере
Сидит перед девицею рыцарь,
И оборотясь к своим, восклицает:
«Ну! силок не ставлен, а птичка в сетке!»
- Роланд
расправляется
с разбой-
никами*
- 34 И к графу: «Редкое дело!
Подходящий ты малый и пришел
в самый раз:
Сам ли догадавшись,
Узнавши ли от кого,
Что давно я хотел такие доспехи
И такой отменный черный плащ!
Впрямь ты впору
По самой той моей надобе!»
- 35 Быстро вскочив, мрачно усмехнувшись,
Говорит негодяю граф:
«Что ж, продам я тебе оружие,
Только хватит ли у купца на расчет?»
Разом к очагу,
Вырвал головню, всю в огне и дыме,

- И сотряс, и размахнулся, и мерзавца
В самое уметил переносье.
- 36 Вспыхнули брови справа и слева,
А слева даже и хуже —
Выжглось
Последнее, чем он видел белый свет;
Но таков удар, что мало и этого,
И ослепшая душа
Летит туда, где ее с подобными
Надзирает Хирон в кипящей крови.
- 37 Был в пещере широкий стол,
Толщиной в две пяди, о четырех углах,
На толстом столбе, кое-как обтесанном,—
За ним сиживал злодей и весь его люд.
Не натуживаясь,
Как гибкий испанец с легким копьём,
Ухватил Роланд и швырнул громадину
Туда, где теснился оружный сброд.
- 38 Кому грудь, кому живот, кому голову,
Кому ноги раздавило, кому руки,—
Одни мертвые, другие калеки,
А кто легче отделался, тот в бег со всех ног.
Так тяжкий камень,
Рухнувши на змеиный выводок,
Выползший понежиться под вешнее
солнышко,
Дробит вдребезги головы, давит ребра
и хребты,
- 39 Расточает неисчетные бедствия —
Кто мертв, кто кургуз,
Кто не в силах двинуться
И беспомощным туловом клубится
в узлы,
А кому повезло,
Тот скользит в траве за межу и далее.
Вот каков был удар —
И не диво, потому что Роландов.
- 40 Немногие уцелели —
По Турпинову счету, ровно семеро;
Все стремглав врассыпную —
Но витязь уже у выхода,
Берет их заживо,
Вяжет им руки за спину
Годной веревкою,
Отыскавшейся в том лесном дому,
- 41 Выволакивает из грота
Под тенистую старую рябину,

- 47 Видя Брадаманта, что волшебница,
 Столько странствовав, воротилась одна,—
 Побледнела, помертвела,
 Подкосились задрожавшие ноги;
 Но с доброй фея улыбкою
 К ней подходит, отвевая страх
 И вселяя бодрость
 Ясным взором благого вестника.
- 48 «Не печалься,—говорит,— о Руджьере,
 Он жив, он здрав, он верен любви,
 Но он узник
 В узах вечного твоего врага.
 Если хочешь его добыть —
 Скорей в седло и за мной,
 И я открою,
 Как вернуть тебе Руджьера на волю».
- 49 И она поведала
 Атлантовы колдовские ковы,
 Как прекрасный Брадамантин лик
 Он явил в плену у злого великана
 И завлек им Руджьера в зачарованный
 Тот дворец, а потом исчез,
 И как тою же уловкою
 Держит дам и рыцарей в тех стенах:
- вызволить
 Руджьера
 у Атланта.*
- 50 Каждому чародей
 Мечет в очи то, что всех дороже,—
 Даму, друга, оруженосца, спутника:
 Ведь желанье желанью рознь.
 Ведь они и рыщут по дворцу,
 Трудов много, а плодов мало,
 Но такая в них надежда и жажда
 Отыскать свое, что им не уйти.
- 57 «Как придешь ты,— молвила Мелисса,—
 К этим заповедным покоям,
 Там увидишь, ждет тебя чародей,
 А всем видом он будет, как Руджьер,
 И тебе он явит злым наваждением,
 Будто чья-то теснит его сила,
 Чтобы ты к нему бросилась на помощь
 И со всеми оказалась в плену.
- 52 Вот затем, чтобы ты не поддалась
 На обман, в который впали столь многие,
 То и знай, что ежели увидишь
 Лик Руджьера, взывающий о помощи,
 Ты не верь, а шагни вперед
 И презренную вырви жизнь из видимого!
 Не Руджьер умрет,
 А злодей, от которого ты бедствуешь.

- 53 Знаю: трудно
Умертвить того, кто как Руджьер;
Но не верь глазам: это чары
Ослепят их на то, что пред тобой.
Скрепись же,
Не меняйся умом, как вступишь в лес:
Коль оставишь волхва в живых —
Не видать тебе твоего Руджьера».
- 54 Доблестная красавица,
Взявшись с духом умертвить кознодея,
Вмиг к мечу и латам и вслед
За Мелиссой, которой верит.
И Мелисса по нивам и дубравам
Немеренными спешит с нею перегонами,
А докучный путь
Скрашивает доброю беседою
- 55 И всего охотней
Повторяет ей вновь и вновь,
Какие от нее и Руджьера
Великие взойдут князья-полубоги.
Словно все ей были открыты
Таинства небожителей,
Предрекала Мелисса
Грядущее многих поколений.
- 56 «Хранительница моя и водительница,—
Говорит волшебнице героиня,—
Вот уж много лет, как ты мне явила
Стольких дивных мужей от моей поросли;
Ободри меня и о дамах,
Будет ли которой от моего корня
Место в красоте и в достоинстве?»
А провидица ей учтиво в ответ:
- 57 «Встанут от тебя целомудрые дамы,
Матери государей и больших королей,
Опоры и возродительницы
Славных домов и сильных владычеств,
В покрывалах своих не меньше достойные
Высочайших хвал, чем в оружии мужи,
Благочестием, веледушием, разумением
И воздержностью несравненно великой.
- 58 Поведать о каждой,
Кто снищет славу для рода твоего,
Мне невмочь, потому что ни единой
Я не вижу в нем доступной умолчанию;
Разве вырвать двух и трех из тысячи,
Чтоб у речи был конец?
Для чего промолчала ты у Мерлина?
Там ры ты их увидела воочию.

*По пути она
рассказыва-
ет Брада-
манте о зна-
менитых да-
мах в ее по-
томстве*

- 59 Выйдет из твоего рода
Та подруга благородных искусств,
О которой не сказать, что в ней лучше,
Светлая ли краса, мудрая ли скромность:
Это Изабелла, благодарная душой,
Ее светом просияет дневно и ночью
Край над Минцием, которому имя
По вещи Манто, чьему сыну имя Окн.
- 60 Здесь в блистательном станет она споре
С достославным своим супругом:
Кто выше чтит добродетель,
Кто шире раскрыл душу для вежества?
Если скажет он, как при Таро и Форново
Шел на галлов для вольности Италии,
То она отзовется: Пенелопа славою
Не уступит Улиссу, потому что чиста —
- 61 Много в малом сказано мной похвал,
Но гораздо более не сказано
Из того, что открыл в те дни
Мне Мерлин из полого камня;
А направь я парус в это море —
Плыть бы мне далее, чем Тифию!
Что даруют людям бог и добродетель, —
Все в ней будет лучшее.
- 62 Будет ей сестрой Беатриса,
Именем блаженная и блаженная сутью,
Ибо не только всю жизнь
Прикоснется к пределу счастья,
Но взведет к нему и супруга,
Единогое меж имущими князьями,
А когда она покинет мир —
Рухнет вдовый в разверзнутые невзгоды:
- 63 Сфорца, Мор, змеиный стяг Висконти
Будут при ней грозой света
От скифских снегов до Красных зыбей,
От Инда до Столпов твоего Моря,
А без нее —
Впадет в рабство инсубрийское царство
К великой беде для всей Италии, —
И что было умом, то станет случаем.
- 64 Будут у нее и соименницы,
Но родятся раньше на много лет,
И одна осенит святые кудри
Многоплодным венцом Паннонии,
А другая, отрекшись от земного,
В авзонийском крае
Причтется к божественному лику
И почтется обетами и ладаном.

- 65 Умолчу о прочих,
Ибо слишком долог был бы перечень,
Хоть и каждая достойна
Светлой песни геройственной трубы.
Все, о ком мой помысел,—
Будь то Бланка, Лукреция, Констанция,—
Воцарятся в лучших италийских домах
Матерями и возродительницами.
- 66 Истинно, пред всеми твой род
Знатен будет славными женами —
И о дочерях говорю
И о честно повенчанных супругах.
Чтобы знать тебе и о том,
Что поведал о них Мерлин
Не затем ли, чтоб тебе я переведала,—
Рада я молвить о них слово.
- 67 Первою назову я Рикарду,
Доблести пример и добродетели,
С юности вдову—
Такова немилость судьбины к лучшим.
Сыновей своих, обездоленных царством,
Увидит она в стране изгнания,
Юных, в недружеской власти,—
Но страданью будет щедрое возмездие.
- 68 И не умолчу о королеве
Славного арагонского корня,
Кому равной ни в мудрости, ни в тихости
Не бывало в хвалах римлян и греков.
Пред всеми взлюбила ее судьба:
Божиею милостью
Изберется она родить прекрасных
Альфонса, Ипполита, Изабеллу;
- 69 Имя ей Леонора,
Лучшему привою на твоём стволе.
Но найду ль слова
О второй ее невестке и преемнице?
Это Лукреция из рода Борджий,
Чья краса, добродетель, честь и счастье
День ото дня возрастут,
Словно юный побег на плодной почве.
- 70 Олово пред серебром, медь пред золотом,
Полевой пред розою мак,
Бледная ива пред зеленым лавром,
Пред бесценным самоцветом краше-
ный страз —
Такова будет всякая
Перед тою, кого славлю до рождения
За великий ум, за единственную красу
И за все достохвальные превосходства.

- 71 А меж теми достохвальностями,
 Что почтутся в ней и вживе и вмертве,
 Высшее —
 Царский нрав, от нее дарованный
 Геркулесу и иным ее сынам:
 В нем исток несчетных наград,
 Ниспадающих на их латы и мантии —
 В свежем сосуде всякий долог аромат.
- 72 Не смолчу я и о ее невестке,
 О той французской Ренате,
 Отец которой—двенадцатый Людовик,
 Мать которой—краса Бретани:
 Все лучшее во всех женщинах
 Всех времен, пока движутся светила,
 Огонь жжет, вода холодит,—
 В той Ренате сведется воедино.
- 73 Но поведывать о саксонской Альде,
 О графине Челанской,
 О Бланке Марии Каталонской,
 О дочери сицилийского короля,
 О красавице Липпе из Болоньи
 Мне невмочь:
 Начни я им поименную славу —
 Й безбрежно будет море моей ладье».
- 74 Перебравши в своей привольной повести
 Столько порослей от грядущего ствола,
 Вновь и вновь Мелисса повторила,
 Как попал Руджьер в волшебный дворец,
 И умолкла —
 Ибо близились чародейские места,
 И она не хотела далее,
 Чтоб не взвидеться злобному волхву.
- 75 В тысячный раз
 Повторивши героине свой наказ,
 Исчезает волшебница,—
 и вот,
 В малой миле по прямой тропе
 Видит всадница милый облик Руджьера,
 А над ним двух свирепых великанов,
 И они его теснят,
 И уже он на волос от гибели.
- 76 Как увидела воительница, что в беде
 Тот, кто всеми чертами—ее милый,
 Вмиг забыты благие помыслы,
 Вмиг доверье обернулось тревогой:
 Вдруг есть внезапная тайная причина,
 Что Мелисса невзлюбила Руджьера
 И в неведомом коварстве
 Хочет ему смерти от возлюбленных рук?

Но Брадаманта забывает наставления и попадает в плен в Атланту.

- 77 Думает: «Не это ли мой Руджьер —
Вечно в сердце, а ныне пред очами?
Мне ли его не увидеть, не узнать?
А не мне, так кому же?
Отчего мне верить
Не своим глазам, а чужим словам,
Если мое сердце и без взгляда
Знает, он вдали или здесь?»
- 78 Думает и слышит:
Голос ее Руджьера зовет на помощь;
И видит:
Витязь шпорит коня, отпустив узду,
А великан с великаном
По пятам за ним в яростной погоне.
Дева вскачь и вслед по всем путям,
А пути—к очарованным хоромам.
- 79 И едва она на порог,
Как сомкнулось над ней общее наваждение:
Ищет она друга
И внутри, и вокруг, впрямь, вкривь, вверх,
вниз,
Дневно, ночью, -
Таково над нею чародеянье,
Что видит Руджьера, говорит с Руджьером,
А друг друга им не узнать.
- 80 Но оставим ее, и не печальтесь,
Что она в колдовском плену:
Будет срок, и я их вызволю,
И ее, и ее Руджьера.
Но от смены яств живет вкус —
Так и мой рассказ,
Чем он тут и там разнообразнее,
Тем верней не наскучит слуху.
- 57 Тку я большую ткань,
Много в ней мне надобно нитей.
Будьте же благосклонны услышать,
Как мавры,
Встав из станов, предстали всеоружно
Королю Аграманту, на страх золотым
лилиям
Скликнувшему к великому смотру
Весь свой люд, чтобы его перечесть:
- 82 Недочет был и в конных и в пеших,
И немалый;
Недочет в вождах, и в самых лучших —
Испанских, ливийских, эфиопских;
- Тем
временем
Аграмант
объявляет
смотр
сарацинам.*

В безначальном разброде
 Были полчища и целые племена;
 Вот затем и свелись полки на смотр,
 Чтобы в каждом стал и вождь и порядок.

- 83 А на смену павшим
 В сечах и жарких поединках
 Новый набор учинили короли,
 Один в Африке, а другой в Испании,
 Поверстали пришлых по полкам
 Под начало новым начальникам,—
 Но и смотр и чин
 Отложу я, господин мой, до новой
 песни.

ПЕСНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

- 1 В несчетных схватках, в жестоких *Вступление.*
 сечах
 Франции, Африки, Испании
 Без числа пало павших
 В снедь стервятнику, ворону и волку.
 Хуже было франкам,
 Потому что не за ними осталось поле,—
 Но горше горевали сарацины,
 Стольких потеряв князей и баронов:
- 2 Таково кровавы были победы,
 Что и не в отраду.
 И ежели, о неодолимый Альфонс,
 Мне позволится равнять древнее и
 новое,—
 То припомню я
 Ту победу, тот венец твоих подвигов,
 От которой навеки полон слез
 Взор Равенны,
- 3 Где дрогнули пикардийцы и моринцы,
 Подались аквитанцы и нормандцы,—
 Но ты ринул свои знамена
 Вперехват побеждающей Кастилии,
 А с тобой — ретивое юношество,
 Доблестью снискавшее в этот день
 Твой знатный дар —
 Золотые рукояти и шпоры.

Все могучи, все в крепких латах,
И меж них Балинверн,
Мальгарин, Мальзарис и Моргант,
В общей участи на общей чужбине:
Потерявших уделы,
Их собрал ко двору король Марсилий.

- 16 Там великий королевский бастард
Фоликон Альмерийский,
Дориконт, Баварт, Ларгалиф, Аналард,
Архидант, вельможный в Сагунте,
Удалой Лангиран и Ламирант,
Малагур, догадливый на хитрости,—
И еще, и еще, и о которых
Будет сказ, когда приспееет время.
- 17 Как прошли перед королем Аграмантом
В блеске смотра испанские полки,—
Является в поле со своими
Царь Орана, видом исполин;
И вторая рать, скорбная о Мартасине,
Мертвом от Брадамантиных рук,—
Горько воинству,
Что король гарамантов пал от женщины;
- 18 И третья рать—из Мармонды,
Потеряв в Гаскони своего Аргоста;
Надобен над ней новый вождь,
Как и над второю и над четвертою.
Мало у Аграманта воевод,
Но недолго он думает:
Избирает и шлет полкам
Буральда, Ормида и третьего—Аргания
- 19 Во главе либиканских дружин,
Льющих слезы о черном Дудринассе.
Тингитанцев ведет Брунель,
Хмурый ликом, понурый взором,
Ибо с самой той поры,
Как в лесу пред скальным замком Атланта
Вырвала Брадаманта у него кольцо,—
Пала на него царская опала,
- 20 И не заступись
Феррагусов брат Изольер,
Сам нашедший его в путях под деревом,—
Быть бы ему повешену.
Многими молимый, смягчился Аграмант
Над уже захлестнутым удавкою,
Отпустил, но с клятвой:
По первой вине—не уйти ему от петли;

- 21 С тем и шел Брунель,
Сумрачен и поникнув,
А за ним — Фарурант, а с Фарурантом —
Мавританские конные и пешие,
А за тем — Либаний, новый царь,
Ставший над людной Константиною,
Когда отдал ему владыка
Скипетр и венец Пинадора.
- 22 С гесперийцами — Соридан,
Дорилон за собою вел Сеуту,
Пулиан — насамонов,
С аммонийцами поспешил Агрикальт,
При феццанцах — Малабуферс,
Финадурр — перед строем ратных
Из Канарии и Марокко,
А Баластр — от царя Тардокко.
- 23 Полк из Мулги, полк из Арзиллы,
При одном — его прежний вождь,
При другом — уже нет, и государь
Назначает им верного Коринея;
А над альмансильцами,
Где царил Танфирион, стал Каик,
А Гетулию принял Римедонт,
А народ из Коски — Балифронт;
- 24 Вот племя Волги —
Его царь — Кларинд, а был Мирибальд;
Вот Баливерс, который
Хочет слыть самым буйным во всей орде;
И не знаю, есть ли
Под чьим знаменем в целом стане
Лучше рать, чем у короля Собрина,
Самого умного сарацина.
- 25 Над приморцами, которых Гвалькотт
Вел на битвы, теперь поставлен
Родомонт, король Алджира и Сарзы,
С новым полчищем конных и пеших:
Когда солнце плыло в туманах
Под Кентавром и ярим Козерогом,
Выслал за ним в Африку Аграмант,
И тому три дня, как он явился.
- 26 Не было в басурманском стане
Ни могучее его, ни отважнее:
Ни пред кем, как пред ним,
Не дрожали парижские ворота,
Даже пред Марсилием, даже пред
Аграмантом
С их несчетной свитой:

- Но таит свою мысль
Оттого ль, что не верит никому,
Оттого ли, что опаслив,
Как бы кто не перебил добычу.
- 33 Спрашивает он вестника, каков
Был наряд на том паладине?
Тот в ответ: «Черный плащ,
Черный щит и без гребня шлем».
Так оно и было: вы ведь помните,
Был Роланд не при щите в четыре
четверти,
Потому что, темный душой,
Он хотел быть темным и по виду.
- 34 Марсилий Мандрикарду
Дал гнедого с карим отливом,
Ноги черные, грива черная,
От фризской кобылицы и испанского
жеребца.
Мандрикард в седле,
Грудь в железе, и вскачь вперед,
И клянется, что не воротится,
Пока черного не отыщет витязя.
- 35 А ему навстречу в перепуге
Ускользнувшие бегут от Роланда,
Кто в слезах о сыне, кто о брате,
На глазах у них погибших злою гибелью.
В бледных лицах,
Как резцом, врезан страх и стыд—
Бредут и все не опомнятся,
Без кровинки в лицах, без слов, без чувств.
- 36 Скачет рыцарь дальше, и недолге
Видит страшное,
Видит: правду
О той сече рассказывали африканскому
царю.
Справа мертвые, слева мертвые,
Он им мерит раны своею пядью
И странной завистью
Досадует на того, кто их так побил.
- 37 Как волк, как пес,
Подоспев последним к павшему волу,
Видит лишь костяк и рога с копытами,
А туша—у стервятников в клювах и
когтях,
И он праздно глядит на безмясый
череп,—
Так и наш злобный витязь в смертном поле
С завистью в груди, с хулой на губах,
Что не в пору он к такому пиру.

- 38 Рыщет он день, рыщет полтора,
 Всех пытая о черном рыцаре,—
 Как вдруг видит: тенистый луг,
 А вокруг кольцом большая река,
 Узкий вход
 Меж излучиною и излучиною —
 Как на Тибре,
 Где русло изгибается в Отриколи.
- 39 Как он въехал, глядит, на том лугу
 Толпа рыцарей, и все при оружии.
 Спрашивает басурман:
 Кто, на что их собрал такую ратью?
 Отвечает ему начальник, видя
 По властной его повадке
 И по сбруе в золоте и камнях,
 Что знатнейший перед ним паладин:
- 40 «От гранадского нашего короля
 Званы мы в свиту его дочери —
 Она выдана за властителя Сарзы,
 Хоть о том еще неведомо молве.
 Как умолкнет под вечер
 Та цикада, которую ты слышишь,
 Мы с девицей выступим к испанскому стану,
 А теперь она спит».
- 41 Мандрикарду все и всё нипочем —
 Хочет испытать,
 Каковы они защитники
 Даме, которой ставлены служить?
 Говорит: «Я слышал, она красавица,
 Но угодно мне это знать заведомо:
 Отведите же меня к ней или ее ко мне,
 Да быстрее: мне недосуг».
- 42 «Чванный ты глупец»,—
 Говорит гранадец, но тут и смолк:
 Грянул в него татарин
 И пронзил копьем наперевес.
 Вдребезги стальной доспех,
 Мертвецу не встать из-под удара;
 А Мандрикард опять за копье,
 Больше при нем оружия нету—
- 43 Ни клинка, ни палицы,
 Потому что, Гекторово стяжав,
 Не нашел он при уборе его меча
 И поклялся, а клялся он не всуе,
 Что иного клинка не возьмет в ладонь,
 Нежели вырвав у Роланда
 Дурандаль, которою был горд Альмонт,
 А теперь Роланд, а некогда Гектор.

*Вместо
 этого он
 у своих же
 отбивает
 Доралису*

- 44 В бранной ярости
Шел татарин один на всех
С криком: «Кто мне поперек пути?» —
И вперед, с копьем наудар.
Кто хватается за пику, кто за меч,
Все вдруг, все со всех сторон,
А тот крушит,
Покуда копьё не пополам.
- 45 Копьё пополам —
Он хватает в две руки обломок
И он валит направо и налево
Столько, сколько ни на какой войне.
Как Самсон
С челюстью в руке на филистимлян,
Так он бьет щиты, дробит шлемы,
Разом рушит и всадника и коня.
- 46 А те рвутся на собственную погибель,
Один падает, набегает другой —
Не страшно умереть,
А стыдно умереть низкой смертью,
Чтобы милую жизнь
Выбило из них ломаное древко,
Чтобы небывало их вымолотило
Скопом, как лягушек или змей.
- 47 Но как взяли они в толк,
Что срам ли, не срам ли, а смерть одна,—
Две уж трети лежали мертвые,
А третья треть разбежалась, кто куда.
Лютый сарацин ломит вслед,
Словно это они его ограбили,
Чтоб никто из смятенного толпища
Не ушел живым.
- 48 Как на высохшем шуршащие болоте
Камыши, как на сжатой ниве
Солома под ветром и огнем
Из-под рук умелого земледельца,
Когда пламя бежит по бороздам
И ширится, и шумит, и пышет,—
Так бессильны рассыпанные
Против жгучей ярости Мандрикарда.
- 49 А увидев, что дорога открыта,
И ни одного защитника перед ним,
Вот он едет по траве, куда протоптано
И откуда слышится плач,
Чтоб увидеть, точно ли в той принцессе
Красота равна славе о красоте?
Так, переступая между трупами,
Посуху он входит в луку реки.

- 50 Видит: Доралиса
 (Таково было имя той красавицы)
 На зеленом лугу, склонясь о ясеневый ствол,
 Страждет:
 Слезы живым ручьем
 Струятся на прекрасную грудь,
 А в светлом лице —
 Боль за ближних и страх за себя.
- 51 Взвидев витязя в крови, злого, мрачного,—
 Пуще страх:
 Крик ввысь
 Режет воздух ужасом о себе и своих —
 Потому что, кроме свитных рыцарей,
 Были с нею няньки доброго детства,
 Старцы, и дамы, и девицы
 Самые красивые в Гранаде.
- 52 Видя Мандрикард
 Лик, которому сравнимых нет в Испании,
 Даже в плаче (а то ли в смехе?)
 Завлекающий зрячих в неминуемую сеть,—
 Сам не чает, жив он или в раю,
 И не хочет иной себе награды,
 Чем дань пленнице в плен,
 Лишь не знает, как оно вернее.
- 53 Нимало он не желает
 Дать ей волю плодом своих трудов,
 Хоть она, рыдая, как рыдают
 Женщины, являет тоску и скорбь,—
 Нет: чтобы плач стал смехом,
 Он ее забирает с собою,
 Велит сесть на белую лошадку
 И сворачивает с ее пути на свой. *и увозит ее
с собой.*
- 54 Дамы, девицы, старцы, сколько ни было
 Спутников при ней из Гранады,—
 Всех он милостиво уволил,
 Всем сказал: «Довольно ей и меня —
 Я надзорщик, я хозяин, я служитель
 На всякую потребу. С богом, и прочь!»
 Нечего делать:
 Слезно вздыхая, они и разошлись,
- 55 Толкуя меж собою: «Какое
 Будет горе отцу,
 Какой гнев, какая боль нареченному,
 И какая встанет грозная месть!
 Ах, зачем в столь тревожный час;
 Пока свеж здесь след похитителя,
 Некому заступиться
 За блистательную кровь Стордилана!»

- 56 Рад татарин добыче
Доблести своей и удачи,
И за черным рыцарем
Едет уж не так тороплив,
Едет, но неспешно и вольготно,
С одною думою о привале,
Где бы стало пригожее место,
Чтобы выдохнуть любовный пожар.
- 57 Утешает он Доралису,
У которой в слезах и лик и взор,
Измышляет и одно и другое,
Будто слава ее взманила его давно,
Будто царство, будто отечество,
Громким именем превысившее всех,
Он покинул не для Франции с Испанией,
А для светлых только ее ланит.
- 58 «Ежели любят за любовь —
Я влюблен и любви достоин;
Ежели за знать —
Кто знатнее Агриканова сына?
Ежели за богатства — кто богаче?
Владением уступлю я только богу.
Если же за доблесть — то не нынче ли
Оказал я доблесть во имя любви?»
- 59 Таковые и подобные
Подговоры шептала ему Любовь,
И текли они сладостным целением
Сердцу девы, раненному испугом:
Унимается сперва страх, потом скорбь,
Цепенящая ее душу,
И уже терпеливее
К новому влюбленному склоняет она слух,
- 60 И уже учтивее и любезнее
Благосклонность в ее отказах,
И уже не удерживает она
Взор от взора, вспыхнувшего приязнью;
И, бывалый под стрелами Амора,
Уж не чаает, а чувствует Мандрикард,
Что заведомо
Не затяжен будет ропот красавицы.
- 61 Радостен и счастлив,
Веселясь утешным сопутствием,
Видит рыцарь, что солнце вползакате
И холодная
Клонит ночь все живое на покой;
Уторапливает конскую рысь,
И вот слышит дудки и свирели,
И глядит, дымятся избы и хижины.

- 62 Это были пастушьи логова,
 Некрасивы, зато уютны.
 Стадный пастырь
 С честью принял и девицу и рыцаря,
 Не обидевши ни малым неучтивством,—
 Ибо вежественных душ
 Сколько в замках и сколько в городах,
 Столько и меж сеном и соломою.
- 63 А что было наставшей ночью
 С Доралисою и Агрикановым сыном,
 Доподлинно я не знаю,—
 Пусть же каждый думает как думается.
 Полагаю, что они столковались,
 Потому что встали довольные,
 И молвила Доралиса спасибо
 Оказавшему им честь пастуху.
- 64 Переход к переходу,
 Добрались они так до большой реки,
 Тихо лившейся в широкое море:
 Глядишь и не знаешь, течет или не течет,—
 Так чиста и прозрачна,
 Что сквозит в нее взгляд до самого дна.
 А на берегу была роща, а в роще
 Под свежеею тенью—два рыцаря и дама.
- 65 Но высокое мое воображение
 Не велит идти по единому пути,
 А велит туда, где на Францию
 Воздвигает шум и крик мавританская
 рать
 Вкруг шатра, где сын царя Трояна
 Пышет вражеством на святую державу,
 И тщеславится буйный Родомонт
 Сжечь Париж и смечь святыни Рима.
- Тем
 временем
 Аграмант
 готовится
 к приступу,*
- 66 Донеслось до Аграманта,
 Что уж Англия переспела через пролив;
 Скликнул он Марсилию
 И старца Собрина и всех вождей,
 И решились они
 Снарядиться на Париж великим приступом,
 Ибо если не прежде той подмоги,
 То не взять им Парижа никогда.
- 67 Боевые лестницы без числа и счета
 Сносятся и свозятся со всех концов,
 Доски, бревна, брусья, прутья
 Ивняка, что надобен и на это, и на то,
 Мостки, лодки,—
 А над всем больше всех Аграмант велит,

С многими мольбами и обетами
Во благо и славу свою и своих.

И не празден был молитвенный жар:
Добрый гений его, лучший из ангелов,
Принял те мольбы и расширил крылья
И вознесся поведать о том Спасителю.

*Бог
посылает
ему
в помощь
архангела
Михаила.*

74 И без счету в тот миг было ко Господу
Таких вестников с такими мольбами,
И святые райские души
С умиленьем в ликах,
Внемля им, стремили взоры к Вечной
Любви,
Общее являя желанье,
Да услышится праведная мольба
Христиан, воззывающих о спасении.

75 И неизреченная Благодать,
Верными вовеки не молимая вотще,
Возведя благие взоры, простерла
Мановение длани к архангелу Михаилу:
«Ступай,—молвит,— к христианскому
воинству
На берегу Пикардии свернувшему паруса,
И препроводи к стенам Парижа,
Чтоб о том не ведал враждебный стан.

76 Но прежде того, нашед Безмолвие,
Объяви мою волю быть ему с тобой,
Ибо наилучше оно
Предусмотрит все предусмотримое.
После же того последуй
В те места, где житействует Распря,
И да, взяв кресало и трут,
Возожжет оно пожар во стане мавров,

77 И меж самыми в них могучими
Таковы посеет споры и ссоры,
Чтобы грянули они друг на друга,
И кто пал, а кто в плен, а кто ранен,
А кто гневен и прочь из стана,
И нимало бы в них пособства их царю».
Горнему глаголу покорен, Божий
Крылоносец, слова не молвя, прочь;

78 Где плеснет крылом —
Тучи в клочья, сияет небо;
Золотой над мчащимся
Блещет круг, как перун в ночи;
Мчит и мыслит:
Где вернее найти
Бессловесное—
То, к которому первые его слова?.

- 79 Где свычней ему, где свойственной?
И сходится мыслями
К тем обителям,
Где бытуют иноки и каноники,
Где на речь—запрет,
Лишь псалмы, лишь еда, лишь сон,
Лишь Безмолвие,
И имя его—на каждой стене.
- 80 С этою он верою
Шире бьет золотыми крыльями,
Чтоб предстали его очам
И Мир, и Покой, и Благодать.
Но тщетны чаяния:
За обительными затворами
Нет Безмолвия: говорят ему, что было,
Но осталось лишь именем на бумаге.
- 81 И ни Благости, ни Покоя, ни Смирения,
Ни Мира пред ним, ни Любви:
Они были, но были встарь,
А их выжили Обжорство, Алчность, Гнев,
И Гордыня, и Зависть, и Леность,
И Жестокость. Архангел изумлен;
Озирает буйные толпища
И вдруг видит меж ними—Распрю.
- 82 К этой Распре вслед за Безмолвием
Было у него слово от Вечного Отца;
Эту Распрю он чаял быть в Аверне,
Где искать ее меж погибших душ;
А она хоть и в аду, но в ином:
Меж заутренею, обеднею и вечернею.
Верить ли? Дивится архангел,
Что не долог путь, а рукой подать.
- 83 Платье на ней стоцветное,
Все в разрезах без меры и без счету;
То они сомкнутся, то раскроются,
Как ступит стопа и как венет ветер;
Кудри у нее—золотые и серебряные,
Русые и черные, и все не в лад;
Иные в прядях, иные в косах,
Разметаны по плечам, раскинуты по груди.
- 84 В руках и за пазухою—
Грамоты, справки, свитки, выписки,
Предписания, решения, указы,
На всех подписи, при всех печати,
От которых страшно
Малым людям в городах за свое добро;
А кругом, слева, справа, сзади, спереди—
Ябедники, крючкотворы и писцы.

*Тот находит
в монасты-
рях Распрю,*

- 85 Подзывает ее Архистратиг,
Велит стать меж сарацинских богатырей
И зажечь в них брань
На памятную погибель.
А потом вопрошает о Безмолвии:
Не встречалось ли,
Пока Распря, сея огонь на огонь,
Шла по свету из урочища в урочище?
- 86 Отвечает Распря:
«Ни в каких его не помню местах,
Хоть и часто слыхивала,
Что отменно это тонкая тварь.
Но Ложь, моя соплеменница,
Важивалась с ним не единожды,
И не скажет ли она чего нового?»
И поднявши палец: «Вот она, Ложь!»
- 87 Ликом кроткая, платьем честная,
Взором скромная, поступью степенная,
Речью благоподобно смиренная,
Как архангел, молвивший: Аве! —
Такова была Ложь, во всех уродствах
Скрытая под долгими одеждами,
А под ними
Потаен был отравленный кинжал.
- 88 Вопрошает Архистратиг, *а Безмолвие*
На каких путях искать ему Безмолвия? *— среди*
Ложь в ответ: «В былое доброе время *злодеев.*
Обреталось оно меж добродетелей
В братии Бенедикта и кармельского Илии,
Пока были те обители внове,
И немало цвело средь учительных бесед
В Пифагоровы времена и Архитовы.
- 89 Но как те философы и святые,
По прямому его ведшие пути,
Миновали, то из добрых обычаев
Вверглось оно в злодейства —
Повелось по ночам
То с любовниками, а то с разбойниками,
Долго видано с Предательством,
А давеча было и с Убийством;
- 90 С тайными оно монетчиками
Пряталось в черных ямах,
С места в место, от спутников
к спутникам,—
Только случай и даст его сыскать.
Но есть для тебя надежда:
В полночь
Предстань в дом Сна:
Там ему спится, там его найдешь».

- 91 Лживы речи у Лжи,
Но тут они похожи на правду,
И поверил им архангел, и тотчас
Крылья вширь и вон из монастырей.
Мерит полет,
Расчисляет срок к своей цели —
К жилью Сна
(А его он знал), где спит Безмолвие. *Пещера
Сна.*
- 92 Есть в Аравии светлая долина,
Вдалеке от городов и от сел,
Вся в тени двух гор,
В гущах древних сосен и мощных буков.
Там напрасен солнечный день:
Не пробить лучам
Яркий путь меж сплетшихся ветвей;
А в земле раскрывается пещера.
- 93 В черном подлеске
Емкий грот раздвинул скалу,
Лоб которой,
Вьясь, загородил неотвязный плющ.
Тяжкий Сон опочил под этой сенью;
Справа — Праздность, тучная и томная;
Слева — Леность
Сидит, и невмочь ей ни встать, ни в путь;
- 94 На пороге — Забытье,
Никого не признает, никого не впустит,
Ничего не услышит, ни о чем не скажет,
Всех обумет, никому не уйти;
А на страже бродит Безмолвие,
Черный плащ, подошвы на войлоке,
И кого ни завидит издали, —
Мановением знак: не подступись.
- 95 Наклонясь ей к слуху,
Тихим зовом молвит ангел: «Божья воля —
Быть тебе вождем на Париж
Ринальду с полками в подмогу государю,
И так тихо, чтоб ни один
Сарацин не услышал выкрика,
И так быстро, чтобы Молва
Не пред ними неслась, а вслед их следу».
- 96 Безмолвие в ответ — *Архангел
и Безмолвие
ведут
Ринальда
в Париж.*
Лишь поклон чела, и ни слова,
И покорно вслед,
И в один перелет — на пикардийском
взморье
Двигнулись фаланги архангелом,
Стал им малым немалый путь,
И в единый День они в Париже:
Сбылось чудо, а никто не знал.

- 97 Витало Безмолвие кругами,
И что ни круг,
Сводом высило над полками тучу,
А кругом был солнечный день;
И такова была густа эта туча,
Что не внять вовне ни рогов, ни труб.
Так оно прошло сквозь язычников,
Непостижную клубя слепоту и глухоту.
- 98 А пока Ринальд шел и вел,
Въяве движим от руки архангела,
И так тихо, что ни единый шаг
Не услышался в сарацинском стане,—
Грянул Аграмант *Наступает*
Пешим полчищем на парижские слободы *день*
Под грозимые стены, через рвы — *приступа.*
Чтоб свершить в этот день все свершимое
- 99 Кто сумел бы счесть
В этот день войско, вставшее на Карла,
Тот сказал бы, сколько стволов
На косматом хребте Апеннин,
Сколько волн в бушующий час
Бьет в изножье маврского Атласа,
И во сколько зраков
Смотрит полночь на тайности любовников!
- 100 Дрогнули колокола
Дробным боем смятенного набата,
Вскинулись в храмах
Руки к небу и губы в крике;
Будь для божьего взора золото
Так же взманчиво, как для скверных нас,—
Каждому в святом сонме
Золотая воздвиглась бы статуя на земле.
- 101 Плачутся праведные старцы,
Зачем дожили до такого горя;
Блаженными славят павших
Святым прахом в землю в давние годы.
А юные удалцы,
Не гадая, кому жить, кому нет,
Презирая зрелые разумы,
Отовсюду спешат к раскатам стен—
- 102 Бароны и паладины,
Короли, князья, графы, маркграфы, рыцари,
Здесь и пришлые,
На смерть готовые за Христа и свою честь.
Чтоб ударить на басурман,
Просят государя опустить им мост;
Радуетс державный их пылу,
Но на вылазку им не дозволил.

- 103 Он велит им быть по должным местам,
Чтобы нехристям не было прохода —
Инда и немногих довольно,
Инда неостанет и полка.
Кому велено, готовят огонь,
А где надобно, ставят камнеметы.
Карл повсюду, и нигде не мешкает,
Всем он в помощь, всем в оборону.
- 104 А стоит Париж средь большого поля,
В средоточье Франции, в самом сердце,
И течет по нему река,
Входит в стены и выходит из стен.
Есть на той реке остров,
Лучшая и вернейшая твердыня,
А по двум берегам—два предместья,
Каждое от берега до стены и рва.
- 105 Стена выгнулась на многие версты,
И немало в ней мест для приступа,
Но не хочет Аграмант расточать войска,
И становится за рекою,
Чтоб ударить разом
С запада,
Ибо там за ним до самой Испании
Все покорны и земли и города.
- 106 А навстречу ему великий Карл
Вкруг стены выводит крепь за крепью:
Что ни холм — окоп, за окопом — прокоп,
А в окопе — крытая кровля.
Где входит Сена в стены, где выходит из
стен,—
Тяжкие протягиваются цепи.
Где опасней место,
Там и больше государю забот.
- 707 Зорче Аргуса сын Пипина
Видит, где ударит Аграмант,—
Что ни измыслит сарацин,
На всякий замысел наготове отпор.
А в поле стоит Марсилиий,
А за ним в оружии вся Испания,
С ним Феррагус, Изольер, Серпентин,
С ним Фальзирон, Балугант и Грандоний,
- 108 А по левую руку, по-над берегом,
С ним Сабрин, Пулиан, Дардинель,
С ним оранский король,
Исполин в шесть локтей от темени до пят;
Ах, зачем не столь я
Быстр пером, как они—мечом!
Ибо здесь и Родомонт, горд и гневен,
Весь — нетерпенье, хула и крик.

- 109   Как на дойницы пастухов,
 Как на сладкие остатки пира
 С гулким гудом налетают жужжащие
 Мухи в докучный зной;
 Как скворцы на тычины,
 Красные, от зрелых гроздьев,—
 Так, взметнув до звезд гик и крик
 Понеслись на приступ ярые мавры.
- Начинается
приступ.*
- ПО**   А на них со стен Христова воинство
 Клинком, пикой, топором, камнем,
пламенем
 Бьет без страха, держит стены,
 И ничто им вражеская спесь:
 Где собьют одного, убьют другого —
 Смел на смену третий и четвертый.
 Рушатся сарадины в ров,
 А на них градом раны и удары.
- 111   Бьет сталь, давят глыбы,
 Цельные обваливаются зубцы,
 Вывороченные каменья из стен,
 Кровли башен, балки помостов;
 Плещет кипящая вода,
 Жар и пар ее варварам невмочь,
 Ливнем она неодолимым
 В щели шлемов вжигается и слепит,
- 112   Железо ее не злей;
 А еще и тучею взвивается известь,
 А еще и пышут горшки
 Смолой, маслом, серою, скипидаром;
 Обручи с огненными ободьями
 Не ждут часа, катятся с раската
 Яростными гривами вразноей,
 Жгучими венцами венчая мавров.
- 113   А царь Сарзы
 Ринул на приступ вторую рать—
 С ним Буральд, с ним Ормид,
 Гарамантский один, другой Мармондский,
 С ним Кларинд, и с ним Соридан,
 Не в отлучке и властелин Сеуты,
 Король Коски, король Марокко,
 Каждый зная цену своей доблести.
- Подвиги
Родомонта.*
- 114   Знамя над Родомонтом червонное,
 Распростерт на знамени лев,
 Ярой пастью
 Приемлющий от красавицы укрощающую
узду.
 Лев—это он,
 А смиряющая его дама—

- Самая та прекрасная Доралиса,
Гранадского дочь Стордилана,
- 115 Которую у него уже похитил
Мандрикард — я сказал, когда и где;
Любил ее Родомонт
Больше царства, больше божьего света,
Для нее блистал вежеством и доблестью,
А не знал, что она под чужой силой.
Знал бы — давно бы он
Сделал то, что невольно он и сделает.
- 116 Разом вздыбилась тысяча лестниц,
По два воина на каждую ступень,
Средний кверху колет верхнего,
А его неволит снизу нижний;
Кто из пыла, а кто из страха,
Каждый ломит в бой,
А кто медлит, того алджирский
Лютый Родомонт или ранит или убьет.
- 117 Каждый меж огня и обвала
Рвется ввысь, на гребень стены;
Но иные высматривают, где бы
Легче путь и подступней ход,
И только Родомонт,
Гнушается безопасностью,
И когда на устах в злой час отчаянья •
У других мольба, у него — хула.
- 118 Облегла его крепкою броней
Драконья чешуйчатая шкура;
Ею одевал грудь и плечи
Его пращур, зиждитель Вавилона,
Мнивший вырвать власть над звездной
твердью,
Выгнав бога из золотого чертога;
И на тот же выковал он умысел
Шлем и щит и несравненный клинок.
- 119 Родомонт не меньше Немврода,
Яростен, горделив, неукротим;
Будь для смертных дорога в небо,
Он и мига бы не дрогнул перед восходом.
Он не медлит, где крепче, где не крепче
Стены, и мельчит ли брод во рву—
Он бегом, он летом
По горло в воде прорывается через хлябь;
- 120 Мокрый, в иле,
Мчит в огонь, под камни, стрелы, бревна—
Так кабан
В камышах болотной нашей Малей

Грудью, лбом, **КЪКОМ**
 Ломит путь свой, куда ни повернет.
 Вскинул сарацин над собою
 Щит и не боится ни стен, ни бога.

- 121 Только он из воды—
 И уже он на том помосте,
 Где за зубьями охранной стены
 Во всю ширь толпятся франкские рати.
 Тут-то потрещать черепам,
 Тут-то быть гуменцам шире монашьях:
 Летят в воздух руки и головы,
 Красные потоки рушатся в ров
- 122 Щит— прочь, в руки— меч,
 Пред мечом— голландский Арнольф
 Из тех мест, где Рейн
 Ниспадает в соляной затон,—
 И нет злополучному защиты,
 Слово сере под ожогом огня:
 Падает в смертной корче,
 Раскроенный от темени по грудь.
- 123 Под одним ударом рушатся
 Ансельм, Альдрад, и Спинелл, и Пранд:
 Места мало, людям тесно,
 Что ни взмах, то и пир клинку.
 Двумя осиротела Фландрия,
 Двумя—нормандское племя;
 А уже и майнцкий Оргетт
 Разрублен по грудь и с груди по живот;
- 124 Летят с гребня Андронон и Москин
 В водный ров: один—иерей,
 А другому нет бога, кроме Бахуса,
 Перед ним враз пустели бочки,
 А воды он боялся,
 Как змеиной крови и яда;
 Вот он тонет и об одном горюет,
 Что пришлось умирать в воде.
- 125 Взрублен надвое прованский Людовик,
 Пронзен в грудь Арнальд из Тулузы;
 Оберт, Клавдий, Гуг и Дионисий,
 Все из Тура, испускают кровь и дух;
 А за ними четверо из Парижа,
 Гвальтьер, Саталлон, Одон и Амбальд,
 И иные многие, и для всех
 Не упомяну я имена и родины.
- 126 Напирает толпа за Родомонтом
 По всем всходам, во всех местах.
 Больше нет им от парижан отпора—
 Первая оборона не оберегла.
- Идет бой
 за второй
 ров и вал.*

- Но и то знают защитники,
Что врагу еще не шуточен бой,
Потому что за первую стеною
Зиял ров, а за ним второй оплот.
- 127 Отбегают они, отбиваются они
Снизу вверх, и все та же в них отвага,
А уж новый строй на новый бой
Нависает с внутренней кручи,
Грядой копий и градом стрел
Так ударив в басурманское полчище,
Что врагу бы и не выстоять,
Кабы не был с ним Улианов Родомонт.
- 128 Иных он бодрит, иных он бранит
И всех через силу гонит наперед,
А кто поворотит к бегству,
Того бьет инда в лоб, а инда в грудь,
Теснит, толкает,
За плечо, за горло, за хохол,
И стольких швыряет с кручи,
Что уже им тесен полый ров.
- 129 А пока спускается,
Пока рушится полчище в опасную глубь,
А оттуда всходнями
Сияются вылезти на второй раскат,—
Король Сарзы,
Как на крыльях,
Вскинул мощное тело в тяжелых латах
И одним скачком перелетел через ров.
- 130 Тридцать футов было в том рву —
Он над ними взмелся, как борзая,
А на том краю
И не лязгнул, как войлок тих по войлоку;
И пошел крушить влево и вправо,
Дробя железные латы,
Словно оловянные скорлупы —
Таков клинок, такова рука!
- 131 Но тогда-то наши витязи,
В полой пропасти затаившие подвох,
Снесши хворост, вязанка иа вязанку,
Все в смоле,
Ни единым прутиком не наружу,
Хоть легли они по двум стенам рва
С темной глуби и до верхнего поровня,
А меж ними—несчетные черепья
- 132 С серою ли, с маслом ли, с селитрою ли,
С иною ли огненной снедью,—
Тогда-то, сказал я, наши витязи,
Чтоб не впрок сарацинам

Было рваться из рва по лестницам
 В бешеном пылу на второй раскат,
 Как слышали знак с урочных звонниц,
 Запалили пальники и тут и там.

- 133 Пыхнули пламена единым пламенем,
 Полонили ров от берега до берега,
 Выметнулись ввысь,
 Осушая влагу лунного лона,
 Облаком всклубился темный дым,
 Затмевая солнце и белый день,
 Треск пошел за треском,
 Множась в гром, грозный и зловещий;
- 134 Дикое созвучие, страшный лад
 Вопля, воя, скрежета, крика
 Бедных смертников,
 Гибнущих во рву от вины вождя,
 В странное сливались согласие
 С гордым гулом убийственного огня...
 Но полно, господин мой, полно:
 Хрипнет горло, нужно отдохнуть.

ПЕСНЬ ПЯТНАДЦАТАЯ

- 1 Победа всегда прекрасна,
 От уменя ль она или от случая,
 Но чем больше крови,
 Тем меньше победоносному лавров;
 И та лишь вековечна слава,
 Божеских достойная честей,
 Когда вождь сбережет свои дружины,
 А врага повергнет под пяту. *Вступление.*
- 2 Такова, государь, ваша победа,
 Когда Льва, свирепого по морям,
 Распростершего мощь свою вдоль По
 От устья до нашего Франколина,
 Вы взнуздали так, что львиный рык
 Нам не в страх, когда вы над нами.
 Вот пример для всех, кто победен:
 Враг погиб, свои спасены.
- 3 А язычнику это не далось —
 Дерзкий на беду, спнул он ратных
 В ров, где пламя мгновенное и жадное
 Всех пожрало, никого не обошло. *Войско
 Родомонта -
 пожжено,*

Стольких тел
 Не вместил бы ров,
 Но огонь изгрыз, изглодал их в прах,
 И тогда сыскалось место для каждого.

- 4 Одиннадцать тысяч и двадцать восемь
 Выжрало жаркое жерло;
 Не было на то их воли,
 А воля была немудрого вождя.
 В блеске, в треске
 Гибли они в челюстях пламени,
 И лишь винный в их погибели
 Миновал мучения — Родомонт,
- 5 Дивным перестигнув скачком
 К закопному вражескому склону,
 А сойди он с прочими в пропасть,
 Тут бы приступу его и конец.
 Обернулся на адский дол,
 Видит пламя, плещущее ввысь,
 Слышит крик и стон своего люда
 И рычит в небеса буйную хулу.
- 6 А в тот час король Аграмант
 Двинул рати на градские ворота:
 Знав, какая на другом рубеже
 Злая брань пылает столькими мертвыми,
 Чаял он, что здесь
 Безохранно негаданное место.
 А при нем — Бамбираг, король Арзиллы,
 Баливерс, всех пороков первый друг,
- 7 Кориней из Мульги, изобильный
 Прусион, царь Блаженных островов,
 И Малабуферс
 Из Феццана, где бескрайнее лето,
 И другие князья, и третьи,
 В крепких латах, бывалые в войне,
 А еще того больше — оробелых и
 бездоспешных,
 Чьему сердцу мало и тысячи щитов.
- 8 Но иное предвиделось,
 А иное увиделось сарацинскому вождю:
 Был у тех ворот
 Сам державный Карл, и с паладинами —
 Соломон и Оджьер-Датчанин,
 Два Гвидона, два Анджелина,
 И баварский князь, и Ганелон,
 И Оттон, Берленгьер, Авин и Аволий,
- 9 И без счета меньших
 Французов, ломбардцев, немцев,

*а войско
 Аграманта
 встречено
 Карлом.*

- 15 Это рог с небывалым звоном:
Где ни грянет, все перед ним вспять,—
Нет такого храброго сердца,
Чтоб, услышав, не обратиться в бег.
Вихрь ли, гром ли, земной ли трус —
Все они ничто перед гулким.
И тысячу крат благодарствуя,
Феино напутствие принимает Астольф.
- 16 От пристани, из тихих затонов, *и плывет*
С добрым ветром прямо в корму, *на запад.*
Вдоль обильных весей и людных градов
Ароматной Индии плывет пловец
Мимо россыпей островов налево
И направо, пока не видит
Того берега Апостола Фомы,
От которого кормщик берет к северу.
- 17 Бок в бок Золотого Херсонеса,
Доль в доль драгоценных побережий
Славные суда по большой воде
Вновь и вновь видят в море пену Ганга,
Видят, как узится пучина
' Между Коморином и Тапробаною,
Доплывают до Кочина, а тут
И конец индийским пределам.
- 18 Так скользя Астольф по волнам
Меж надежными и верными спутницами,
Хочет знать и спрашивает Андронику:
Из закатных стран
В эти зорные моря заплывал ли
Хоть какой челн на веслах и под парусом?
И мыслимо ли вплавь
Доспешить от Индии до бриттов и франков?
- 19 Отвечает Андроника: «Знай, * *Ему проро-*
В океанском лежит земля объятии, *чествуют*
И волна сливается с волной *о Новом*
От кипящих морей до ледовитых; *Свете*
Но как эфиопская Африка
Разбежалась вширь далеко на юг,
То иные и молвили,
Что на тех местах от Нептуна запрет.
- 20 Оттого-то ни с индийского Востока
Не пытаются к европейским берегам,
Ни в Европе мореплавателю
Не надежен достигнуть наших мест:
Земная гряда препоною
Нудит вспять и этих и тех,
Дальностью убеждая верить,
Будто пояс ее обомкнул весь круглый мир.

- 21 Но в круженье лет
 Прозираю я: от крайнего Запада
 Новые плывут аргонавты,
 Проторяя путь, неведомый днесь.
 Вот иные, огибая Африку,
 Правят вдоль чернокожих берегов
 И минуют тот рубеж, от которого
 Возвращает к нам солнце зимний Козерог,
- 22 Чтоб в конце большого пути
 Им раскинулись смежные моря,
 А потом берега и острова,
 Где индийцы, и арабы, и персы.
 Вот иные, налево и направо
 Оставляя Геркулесовы труды,
 Чертят круглый путь вслед за солнцем
 И находят новый край и новый свет.
- 23 Вижу: святой крест, вижу: кесарский
 Стяг взнесен на зеленом берегу;
 Вижу: избраны иные блюсти суда,
 А иные покорять большие страны;
 Вижу: от десятков бегут тысячи, вижу:
 Заиндийские царства пали пред Арагоном
 И вожди государя Карла Пятого
 Где ни ступят, там и торжество.
- 24 Божья на то воля —
 Быть тому пути скрыту
 И досель, и отсель, пока шестое
 И седьмое не минет столетие;
 А явиться в пору,
 Когда спрянет мир в одну державу
 Под державцем мудрейшим и праведнейшим
 Со времен capitoлийского Августа.
- 25 От австрийской и арагонской крови
 По левую руку Рейна
 Встанет властный, доблестями превыше
 Всех доблестей писанных и петых.
 Это он восставит Астрею
 Из смерти в жизнь, из гонения на трон,
 И с нею отринутые миром,
 Под его рукой воскреснут добродетели.
- 26 По таким заслугам вышняя Благодать
 Возвеличит его диадемою
 Не над тою лишь державою, над которою
 Были Август, Траян, Марк и Север,
 Но над всеми окраинами света,
 Где ни солнца, ни смен времени,
 Чтобы стало под этим властелином
 Едино стадо, един пастырь.

*и о Карле V
 с его пол-
 ководами.*

- 27 А чтоб легче одержали верх
В вечном небе писанные уставы,
Даст ему вышнее Провидение
Необорных вождей на морях и сушах.
Вот Эрнанд Кортес,
Повергший под кесарские указы
Столь восточные города и царства,
Что и нам они неведомы в Индии;
- 28 Вот Проспер Колонна, вот маркиз
Пескары, а вот за ними следом
Юный из Васта, кем милая Италия
Дорого станет франкским лилеям.
Вот я вижу:
Третьим он рвется к лавровому венцу —
Как скакун, последний от черты,
Настигает, опережает. И вот он—первый.
- 29 Этот юный—имя ему Альфонс —
Таков доблестью, таков верностью
Даже в сильные свои годы,
Счет которым не сверх двадцати и шести,
Что доверит государь ему воинство,
Зная:
Сохранив его, сохранит он все,
И весь мир ему склонится покорствовать.
- 30 Как этими возвеличит он вождями
Державу на сухих ее путях,
Так и в море, которое замкнулось
Меж Европой и солнечною Африкою,
В каждой будет он победен войне,
Пока друг ему—Андрей Дориа,
Дориа, кем станет безопасно
Ваше море от разбойных хищников.
- 31 Не такая хвала довлеет
И Помпею, смирителю пиратов,
Ибо не были вровень те пираты
Силе царства, сильнейшего в веках;
Этот же—исцелит большое море
Лишь своим умом и своей десницею,
Но от Кальпы до Нила
Дрогнут берега пред громким именем.
- 32 Вижу, как, храним
Верностью названного и флотом,
В им раскрытые врата Италии
Вступает венчаться Карл.
Вижу: простертую награду
Не себе герой приемлет, но согражданам,
Вымолив для города вольность,
Где иной бы подмял его под власть.

- 33 Не славней ли такой труд д*я отечества
Всех побед
Древнего Юлия в Галлии, Фессалии,
Африке, Испании и вашей земле?
Ни Октавий, ни ратный его соперник
Столькой не снискали бы хвалы,
Ибо меркнет слава,
Когда возносится сила на отечество.
- 34 Кто отчизну из вольности ввергнет
в рабство,—
Краснеть тому от стыда,
И не сметь тому вскинуть очи,
Слыша имя Андрея Дориа!
Вот, я вижу: сугубится награда,
И сверх блага, общего с соотчичами,
Карл ему дарует тот обильный край,
Из какого стал норманн велик в Сицилиях.
- 35 И не только к нему, военачальному,
Блещет щедростью веледушный государь,
Но и к всем, чья кровь
Не скудела на кесарские подвиги.
Верного одарить
Городом или краем
Ему радостней, чтущему достойных,
Чем умножиться царствами и державствами».
- 36 Таково гласила о победах
Через много грядущих лет
Новому Карлу от его вождей
Андроника пред британским наследником,
А меж тем на восходные ветры
Налагала и отпускала удила,
И меняла попутный на попутный,
И взвевала то слабей, то вольней.
- 37 Вот уже Персидское море
Простирается им в великую ширь,
Вот они в немногие дни
Приплывают в залив Святых Волхвов,
К пристани кормою
Ходкие приваливают корабли —
А отселе, без страха пред Альциною,
Держит вдаль Астольф по сухому пути.
- 38 Много он полей, много рощ,
Много долов и много минует гор,
Где не раз темной ночью и белым днем
Налетают наездники в упор и в догон;
Видит львов, ядовитых видит змей,
И иные на тропе его хищники;
Но у губ быстр рог —
И в трепете встречные врассыпную.
- Он дости-
гает Египта,*

- 39 По Счастливой едет он Аравии,
 Дышащей фимиамом и миррою,
 Где приют себе избрала
 Птица Феникс, единственная в свете;
 Вот пред ним и Красные волны,
 Божьей волею в месть сынов Израиля
 Поглотившие Фараона с его воинством;
 А отселе путь его в Град Героев.
- 40 Вдоль Траянова он скачет протока,
 Под седлом его конь не знает равных,
 Так он легок выступом и выбегом,
 Что под ним ни песок не в сыпь,
 Ни трава не смята, ни снег не сбит,
 Над волной летит, не смочив копыт,
 Так он стелется, что не в мочь ему вслед
 Ни стреле, ни ветру, ни молнии.
- 41 Имя коню—Рабикан,
 Он ходил когда-то под Аргалием,
 А рожден от огня и ветра,
 А напитан не овсом, а чистым воздухом.
 Скачет рыцарь на Рабикане верхом
 По Траянову берегу к Нилу,
 И еще не доскакал он до устья,
 Как вдруг видит: плывет к нему кораблик,
- 42 На корме кораблика—отшельник,
 Белая до пояса борода,
 Зовет он к себе паладина,
 Кличет его издали: «Сын мой,
 Если жизнь тебе не надоела,
 Если смерть принять не охота,
 То плыви со мною на ту сторону,
 А на этом пути тебе погибель.
- где живет
 людоед
 Калигорант.*
- 43 Не проедешь ты шести верст,
 Как заедешь на лютую засаду,
 А в засаде—злой великан,
 Семь локтей от темени до пят.
 От него уйти
 Нет надежды ни конному, ни пешему:
 Он кому вгрызется в горло, с кого сдерет
 кожу,
 Тех разорвет на части, этих сглотнет живьем.
- 44 У злодея жестокая забава—
 Выплел он умелую сеть
 И раскинул невдали от пещеры,
 Пыльным притаив ее песком—
 Кто не знает, тот не заметит,
 Какова она тонка и крепка.
 Кто ни мимо, на того он с криком,
 Тот шарахнется, и мигом в плену.

- 45 А терзатель с хохотом
Тащит запутавшихся в свой дом,
Будь то рыцарь, будь то девица,
Будь то подлый или большой человек.
Сгложет мясо, высосет кровь и мозг,
А кости разметет по безлюдью;
Где ни взглянь, человечьи кожи —
Страшное убранство его жилья.
- 46 Сверни, сынок, свороти, сынок,
И спокойно правь до самого моря!»
А паладин бестрепетно отвечает:
«Спасибо, отец, за добрый совет,
Но такая забота об опасности
Мне не в честь, а честь дороже жизни.
Не трать слов:
Не сверну, а поеду прямо к логову!
- 47 Отступив, спасу я жизнь, но не честь,
И такое спасенье — хуже смерти;
А не отступив — что встречу худшее?
Лягу мертвым с прежними мертвыми!
Но быть может, Господь меня направит,
Ляжет враг, а я выйду жив
И открою этот путь многим тысячам —
Значит, больше мне выгод, чем невыгод!
- 48 Взмерь-ка разность, смерть ли одному,
Избавление ли многому множеству?»
Говорит отшельник: «С богом, сын мой,
И да будет бдителем над тобой
Страж небес, Михаил Архангел!»
И благословил в простоте души.
Астольф правит по Нильскому берегу,
Сам в надежде не на меч, а на рог.
- 49 Видит: между водью и топью
По песку бежит узкая тропа,
А в конце — одинокий дом, как замок,
И кругом — ни души человеческой;
Лишь со всех сторон пригвождены
Руки, ноги, головы бедных путников —
Ни окна в стене, ни зубца на стене,
Из которого не смотрело бы мертвое.
- 50 Как охотник в Альпах,
Одолев большую беду,
Прибывает на ворота медвежью
Злую лапу, толстый череп, шкуру
в космах, —
Так казал нещадный людоед
Тех отважных, кому пришлось с ним
встретиться.

А вокруг без счету белые кости,
И в канавах по край людская кровь.

- 51 На пороге — Калигорант:
Так зовут кровожадного, который
Дом свой трупами украшает
Как иные—пурпуром и златом.
Завидев герцога,
Он кипит ликованием,
Ибо вот уже два месяца и третий,
Как ни всадника не было на тропе
- Астольф
одолевает
его*
- 52 Он стремглав бросается
Через топь в камышевую темь —
Забежать врасплах
И ударить витязю в заплечье,
А потом залучить его в тенета,
Затаенные под песком,
Как всех прочих, кого злая судьбина
Наводила на этот путь.
- 53 Усмотрев нападчика,
Натянул паладин узду,
Стережась, не ступить бы в сеть,
О которой его сведомил добрый старец,
А рог — в рот,
И рог гремит безобманно:
Дрогнул исполин
И вспять со всех ног без удержки.
- 54 Трубит Астольф, но следит Астольф —
Все ему мерцает ловчая снасть;
А людогуб бежит, не глядя, куда —
Ни духа в груди, ни света в очах,
И от непроглядного ужаса
В неминуемую свою западает западню,
Схлестывается сеть,
Он в узлах, и он на земле.
- 55 Взвидевши рухнувшую тушу,
Без опаски, меч из ножен,
Набегает британец отомстить
За несчетные губленные души, —
Но глядит и видит: беспомощного убить
Слыло бы не доблестью, а подлостью,
Коли он по рукам, ногам и горлу
Непошевелимыми сужен узами.
- 56 Эти узы выковал Вулкан
Тоньше тонких, но такую выковкою,
Что ни малого не разъять звена, '
Суетно усилиясь.

- Этими он узами оковал
Из единой ревности
Марса и Венеру, по рукам и ногам
Приточив их к преступному их ложу.
- 57 А потом у ковщика эту сеть
Скрал Меркурий, чтобы пленить Хлориду,
Хлориду, которая Авроре
Мчится вслед перед солнечным лучом
И из гнутых складок
Сеет лилии, розы и фиалки.
На лету подстерег ее Меркурий,
И не без улова стала сеть,
- 58 А была та ловля,
Где в семь уст эфиопский льется Нил.
А потом та сеть
На века легла в Каноп во храм Анубиса,
А три тысячи лет спустя
Переял святыню Калигорант,
Выхватил нечестивец сеть,
Пожег город и разорил капище.
- 59 Эту сеть и раскинул он в песке,
Чтоб не минуть бы ее некоторому
Из травимых, а кто ее хоть тронет,
Тот уже не вызовет ни рук, ни ног.
Отымает Астольф от сети цепь,
Вяжет скованному руки за спину,
Грудь и локти оставляет в путах,
Чтоб не вырвался, и велит ему: «Встань!»
- 60 От лодыжных избавленный узлов,
Встал злодей безропотно, как девушка.
И решил Астольф повести его напоказ
По городам, и селам, и замкам,
А ту сеть,
Тоньше коей не ковано под молотом,—
Чтоб он нес на себе, как пленник,
В триумфальной ведущийся черede,—
- 61 И чтоб нес он и шлем, и щит,
Как слуга по пятам за хозяином.
С тем и в путь; и куда ни ступит,
Все ликуют, что дорога свободна.
Едет Астольф дальше и видит
Пред собою мемфисские гробницы,
Мемфисские знаменитые пирамиды,
А на том берегу—многолюдный Каир
- 62 Народ толпится
Посмотреть на укрощенного великана;
«Статочно ли,— толкует,—
Такой маленький, а взял такого большого!»

*и приводит
в Каир.*

Теснятся справа и слева,
 Не дают ни проехать, ни пройти,
 Дивуются, рукоплещут
 И славят за небывалую доблесть.

- 63 А Каир был не так еще велик,
 Как о нем рассказывают нынче,
 Что улиц в нем восемнадцать тысяч,
 И то не вместить всего народу,
 А дома в нем по три жилья,
 И то многие спят под чистым небом,
 А султан живет в большом замке,
 Ни богаче нет, ни прекраснее,
- 64 И при нем пятнадцать тысяч ближних,
 Все — Христовы вероотступники,
 Все с женами, и с детьми, и с конями,
 И все под одною кровлею.
 Собирается Астольф посмотреть,
 Где и как льется Нил у Дамиэтты
 В соленую заводь, потому что
 Слышал он: и там нет людям ходу,

- 65 Оттого что над самым нильским устьем
 Стоит башня, а в ней разбойник,
 Гроза всех и сельских и путников
 Оттуда до самого Каира:
 Никто супротив него не выстоит,
 Нет на него (молвят) погибели:
 Сто тысяч на нем ран,
 А все из него душа не вынется.

*Он
 встречает
 колдуна
 Оррилла,*

- 66 Вот чтобы изведать, не можно ли
 Перерезать Парке нить его дней,
 Отправляется Астольф на Оррилла
 (Так он звался) к самой Дамиэтте,
 А оттуда—к Нильскому устью,
 На берегу которого — башня,
 Где живет заколдованный, родившись
 От феи и нечистого духа.
- 67 Глядь, а здесь уже рубятся и бьются
 Два наездника и Оррилл;
 Наседает один на двух,
 Так, что те едва отбиваются,
 Хотя битвенная их слава
 Целому ведома свету:
 Это — Оливьеровы два сына,
 Белый Грифон и черный Аквидант.

- 68 Правда, что колдун вышел к бою
 С большою себе подмогою:

С хищным зверем,
Который лишь в тех местах и водится:
Живет в Ниле, живет на берегу,
А кормится человеческими туловами
Плавающих и путешествующих,
Которые не остереглись и которым
не повезло.

- 69 Зверь, уж мертвый
От двух братьев, лежал на том песке,
А они рубили Оррилла,
А Орриллу от них хоть бы что:
Сколько ни рублен, ни разу не гублен,
Можно рубить, а нельзя убить.
Отсечешь ему руку или ногу,
А он ее приставит—и как к воску воск.
- 70 До зубов раскроит его Грифон,
По грудь—Аквилант,
А колдун лишь **смеется** под ударами,
И обидно им, что **втуне** их труд.
Кто видел живое **серебро**,
У алхимиков **зовомое Меркурием**,
Как разбрызнется оно и вновь сольется,
Тот **припомни** это на мой сказ.
- 71 Как ссекут ему голову — Оррилл слезет,
И бредет за ней, пока не добредет,
И подымет за нос или за волосы,
И на место, а она и прирастет.
Отрубил ему Грифон голову, забросил
В самую середину Нила,
А Оррилл туда, и вплавь, как рыба,
И назад, и голова на плечах.
- 72 Две красавицы в знатных одеяньях,
Одна в черном, другая в белом —
Из-за них-то и затеялась сеча —
Стояли и смотрели на удальцов.
Это были две добрые феи,
Воскормившие Оливьеровых сынов
Когда их, младенцев,
Две большие птицы с кривыми клювами
- 73 Унесли в чужие края
Далеко от их матери-Гисмонды,—
Но зачем мне тратить слова
На всеведомое повествование,
Хоть и сбился в нем былой
повествователь,
И назвал их отцом не их отца?
Вот теперь оба юных и бились
В битве, предуказанной им феями.

- 74 А уже закатывался день
 За далекие острова Блаженных,
 И уже застилали зримость сумраки
 Под неверною и невнятною луной,
 И воротился Оррилл в свою твердыню,
 Ибо сестры, и черная и белая,
 Положили предел тому сражению
 До поры, пока вновь настанет солнце.
- 75 Тут Астольф, давно угадав *помогает*
 По чертам, а пуще по метким взмахам *против него*
 И Грифона и Аквиланта, *Трифону*
 Был не горд и не медлен их приветствовать; *и Аквиланту*
 А они, увидав в поводе
 Великана у щита со знаком парда
 (Рыцарь парда — так звали Астольфа),
 Отвечали ему с не меньшим вежеством.
- 76 Дамы приглашают к отдохновению
 Поединщиков в ближний свой чертог;
 Их встречают в полупути
 Девицы и факельные слуги;
 Кони сданы конюшим,
 Брони не дают спин,
 И в цветущем саду накрывается пир
 Возле светлого свежего источника.
- 77 А дикого великана приковали
 Двойною толстою цепью
 К зеленому вековому дубу,
 Что не вырвать никаким рывом,
 И приставили десять сторожей,
 Чтоб и ночью не мог он высвободиться
 И напасть, и наделать бед
 Спящим беспечным и беспомощным.
- 78 Богатое было угощение,
 Но не им дорожился пир,
 А уветливой умною беседою
 Об Оррилле и его чудесах:
 Как подумать, не сон ли это —
 Подберет с земли руку или голову,
 И приставит, и она прирастет,
 И опять он в бой, еще свирепее.
- 79 Но Астольф уже прочел в своей книге,
 Где наказы против всех чародейств,
 Что не вынуть из злодея душу,
 Пока цел у того заветный волос;
 А как вырвать тот волос или усечь,
 То колдун в тот же миг и ляжет мертв.
 Так-то было писано в книге,
 Да не писано, как тот волос угадать.

- 80 Но радуется Астольф,
Словно он стяжал уже лавр победы:
Чаёт немногими ударами
Вырвать черноюдею и волос и жизнь.
Бремя такого дела
На свои он испрашивает плечи:
Ежели допустят его до битвы
Братья-рыцари, то Оррилле конец.
- 81 И охотно уступают братья-рыцари,
Полагая, что тщетен этот труд.
Вот вышла в небо Аврора,
А из замка в поле—Оррилл,
А на Оррилла — британский герцог:
Один с палицей, а другой с клинком.
Тысяча у Астольфа ударов,
Хоть один да отлучит дух от тела.
- 82 То отрубится кулак при дубине,
То отвалится рука с кулаком,
То Астольф рванет поперек по панцирю,
То отхватит обрубок за обрубком.
Но Оррилл как нагнется, как подымет,
Что отрублено, и снова он цел.
Искроши его хоть на сто кусков,
Миг, и глядь, он опять цел и сросшийся.
- 83 Но вот тысячный вскинулся удар,
Улучил меж плечом и челюстью,
Снес голову с плеч,
Снес шлем с головы,—
И не ждет Астольф, пока соперник спешится,
А хватает голову за космы,
И враз в седло, и вскачь вдоль реки,
Чтоб кровавую не отбил обезглавленный.
- 84 Не поймет растерянный, что и как^
Бредет, шарит в пыли свою голову;
Но заслышав, что это всадник
Мчится в лес, унося ее с собою,—
Тотчас сам к коню,
И в седло, и в погоню, и без отдыха,
И хотел бы крикнуть: «Постой! назад!»—
Но молчит: его рот в руках у герцога.
- 85 Радуется, пятками о бока,
Мчит, отпустив поводья,
Но ему еще немалое поле
До Рабикана, дивного скакуна.
А меж тем Астольф по его космам
Рыщет пальцами от бровей к загривку,
Ищет торопливо,
Где тот волос, в котором все бессмертие?

*и снимает
Оррилле
голову
и волосы.*

- 92 Испросили Грифон и Аквилант
Отпущения каждый у своей дамы,
И невмочь тем было противиться,
Хоть и ныло сердце об удальцах.
Сели втроем на коней
И пустились вправо, рассудивши
Поклониться прежде святым местам,
А потом уже тронуться во Францию.
- 93 Было можно бы взять и влево,
Где дорога ровнее и утешнее
И по самому лежит морскому берегу,
Но они взяли вправо, в дичь и глушь,
Потому что так недалею ближе
До святого града Святой Земли.
По пути была вода и конские травы,
А более того—ничего.
- 94 Для такой дороги
Снарядили они себе все надобное
И взвалили на шею великану,
Потому что он и башню бы снес.
А в конце пути, трудном и опасном,
Вот взошли они на гору, и открылась
Та Святая Земля, где кровию
Грех наш омыла всевышняя Любовь.
- 95 У самого входа в город *и гостят*
Их встречает неизвестный им юноша— *там у*
Сансонет из Мекки, *Сансонета.*
Свеж годами, но зрел умом,
Славен доблестью, славен рыцарственностью,
Чтим народом;
Ко Христу обратил его сам Роланд
И своею рукою привел к крещению.
- 96 Здесь он замышлял
Встать оплотом на калифа Египетского
И воздвигнуть вокруг лобной Голгофы
Стену в круг на две тысячи шагов.
Он приветил их,
Неложною просиявши любовью,
И ввел в город и в вольные покои
Королевских своих палат.
- 97 В подданной ему земле
Право правил он от державы Карла
В дар ему приводит Астольф
Исполинственно могучую тушу,
За десятерых
Вьючных способную верблюдов,
А в другой ему дар при великане—
Сеть, в которую ловлен великан.

- 98 Сансонет в отдарок дает герцогу
Знатные ножны для его меча
И две шпоры, правую и левую,
Золотой прихват, золотой укол,—
Самого-де того Святого Воина,
Что змия сразил, а царевну спас.
Взявши Яффу, взял их в Яффе
Сансонет со многой иной добычею.
- 99 Исповедав грехи свои в обители,
Доброю благоухающей славою,
По всем таинствам Христовых страстей
Обошли паломники храм за храмом —
Храм за храмом, ныне, увы, скверные
Маврами, на позор Христовым верным!
Вся Европа в войне, повсюду бьются,
Но не там, где оно всего нужней!
- 100 Но меж тем как набожные
Стлались духом в покаянном чине,
Вдруг приходит из греческой земли
Дальний странник, ведомый Грифону,
С тяжкими вестями и язвющими,
Всем желаньям его и умыслам поперек.
И так-то полыхнуло в нем сердце,
Что уж стало ему не до молитв.
- Здесь Грифон
узнает
об измене
своей
Оригиллы*
- 101 Такая была беда,
Что любил рыцарь даму Оригиллу,
Пред которою ни одна из тысячи
Не нашлась бы краше лицом и станом,
Но такую уж злую и коварную,
Что по градам и весям,
По большой земле и морским островам
Век искав, не сыскать другой подобной.
- 102 В Константиновом Цареграде
Он оставил ее в жаркой горячке,
Уповая, что воротясь,
Обретет ее краше и любовнее;
А теперь услышал,
Что она в Антиохии с новым милым,
Потому-де, что более не в силе
В цвете юности спать совсем одна.
- 103 С этих скорбных пор нет Грифону
Роздыха от вздохов ни в ночь, ни в день:
Что другим в радость,
То ему только душу бередит.
Вспомни всяк, кто сведался с Амором,
Какова калена его стрела!
А всего тяжелее молодцу,
Что нельзя и признаться в своей беде,

104 Потому что за ту любовь
 Старший брат его, умный Аквилант,
 Тысячу корил его раз,
 Чтоб исторгнуть из юношеского сердца
 Злейшую из злейших на белом свете,—
 Такою она ему виделась,
 И он клял, а Грифон ее оправдывал,
 Ибо всяк всегда рад себя обманывать.

105 И вот положил он,
 Не сказываясь Аквиланту,
 Одиночкою dospеть в Антиохию
 И похитить похитившую его сердце,
 А умычнику ее
 Так отмстить, чтобы век об этом помнилось.
 Что и как из этого вышло,—
 Расскажу я вам в следующей песни.

*и едет ей
 навстречу.*

ПЕСНЬ ШЕСТНАДЦАТАЯ

Тяжелы любовные муки—
 Я ли их не изведал!
 Столько их сошлось надо мною,
 Что послушайте бывалого страдальца.
 Говорил я и говорю,
 На бумаге говорю и вживе —
 Есть в них малая боль и есть отчаянная
 боль —

Вступление.

Верьте правде!

Говорил я, говорю и буду:
 Кто попался в достойную сеть —
 То хоть будь его дама уклончива,
 Хоть вовсе к нему холодна,
 Хоть минуй его всякая награда
 За потрату времени и труда,
 Хоть он вымучься, хоть умри, а не
 плачь:
 Его сердце—на возвышенном жертвен-
 нике.

Но пусть плачет тот,
 Кто стал раб пустых очей и витых
 кудрей,
 За которыми — коварное сердце,
 А в нем мало света и много мути.

Рвется бедный прочь, но, как раненый
олень,
 Где ни мечется, а стрела все в ране:
 И сам себе в стыд, и страсть ему
в стыд,
 Ни сказаться в недуге и ни выздо-
роветь.

- 4 Так и юный Грифон— *Грифон
в Сирии*
 Все он видит, а ничего не поделает:
 Видит, что не по добру он вверил
 Свое сердце неверной,—
 Но дурная повадка пуще разума,
 А воля пред страстью прах.
 Будь она сто раз вероломней и злей,
 Он не волен пойти за нею в поиски.
- 5 Вот на том и перервался мой сказ,
 Что он вышел из города тайным образом,
 Не посмев ни слова молвить брату,
 Столько слышавши его тщетных укоров;
 И налево, в галилейскую Раму,
 Где дорога ровнее и плавнее
 За неделю довела его до Дамаска,
 А оттуда прямой путь к Антиохии.
- 6 А у Дамаска навстречу ему тот самый *встречает
Оригиллу
с Мартаном.*
 Рыцарь, с кем слюбилась Оригилла,—
 И впрямь,
 Зло со злом сошлось в них, как цветок
к стеблю:
 Оба непостоянны сердцем,
 Оба вероломны изменами,
 И оба на чужую беду
 Черный нрав скрывают светлым вежеством.
- 7 Ехал, говорю я, тот рыцарь
 На могучем коне с великою пышностью,
 А при нем коварная Оригилла
 В синем платье, вышитом золотом,
 И за ним прислужники,
 Со щитом один, другой со шлемом,
 Потому что хотел он в лучшем виде
 В тот Дамаск предстать на турнир:
- 8 Славный посулил справить праздник
 О ту пору дамасский король,
 И с того-то издали и изблизи
 Соезжались витязи в небывалой красе.
 Как завидела Грифона распутница —
 Дрогнула, страшась срама и беды,
 Потому что понимала: ее новый
 Пред ним нипочем не устоит.

- 9 Но и в трепете
Изошренная дерзкою душой,
Строит она лик, возвышает она голос,
Чтоб ни малой метой не метить страх,
И сверяется хитростью с любовником,
И вперед, с ликованием в лике,
Обняла объятьем Грифона
И повисла на шее, припаи и не отпав.
- 10 А потом, в слезах,
В словах нежность, в движеньях страсть,
Молвила: «Господин мой, это ли
Награда той, кому ты—как бог?
Год без тебя, и второй без тебя,
А в тебе—ни боли?
Если б только ждала я и ждала,
Я не дождалась бы живою.
- Она выдает
любовника
за брата.*
- 11 Как уехал ты в Никозию
Ко большому двору на большой турнир,
А меня покинул в злой горячке,
И была я ни жива, ни мертва,
И ждала тебя назад, а услышала,
Что ты в Сирии, то стало мне таково,
Что, не зная попасть тебе вслед,
Чуть я в сердце не врезала клинок,—
- 12 Но судьбина обернулась ко мне милостива
Вдвое против нещедрого тебя—
И послала мне родного моего брата,
Чтоб в пути сюда он берег мою честь;
И теперь посылает драгоценную
Эту встречу, дарит меня тобою!
А промедли она хоть малость—
И в тоске о тебе я устала бы дышать».
- 13 И вела она, и вила
Свою кознь, хитроумнее лисицы,
Так сведя обиды,
Что Грифон же и вышел виноват,
И он верит, что мнимый ее родич—
Плоть и кровь от единого отца,
И обман ее мнится святою правдою,
Словно от Иоанна и Луки.
- 14 Ни худого он слова
Той, в которой неверность пуще прелести,
Ни жестокой мести
Для того, кто ее любодей,—
И то благо, ежели не всеми
Он виновен винами, что в ее устах.
И как истинному брату,
Раскрывает он объятья ее спутнику,

- 75 Скачет с ним к воротам Дамаска
И слушает от него по дороге,
Что за славный собирает сбор
Блистательный повелитель Сирии:
Всякий и любой,
Будь Христова, будь иного закона,
Пока празднуется праздник,
Безопасен и в городе и в пригороде.
- 16 Но не столь мне дорого дослеживать
Все измены лживой Оригиллы,
Потому что у нее на счету
Не один ею обманутый, а тысяча,—
Нет, не столь, чтобы я не воротился
К тем изглоданным огненными осыпями
Двумстам тысячам, а может, и более,
От которых Парижу беда и страх.
- 17 Я прервал себя там, где покушался
Аграмант на ворота, что над сушею,
Мнивши их найти нехранимыми,
А охраны там было, как нигде:
Там сам Карл,
Там первейшие ратные вожди
Анджельер, два Анжелина, два Гвидона,
Берлинджьер, Оттон, Авин и Аволий.
- 18 Рать на рать,
Та пред Карлом, эта пред Аграмантом
Рвется отличиться, служа свой долг
Ради славы иль ради громкой прибыли.
Но не столько в нехристях подвигов,
Чтоб затмить их большой урон,
Ибо трупы лежат над трупами
Для живых уроком безумной дерзости.
- 19 Стрелы со стен —
Градом во врагов,
Крик от нас и от них
В ужас бросает небеса,—
Но и Карл и Аграмант пусть помедлят
Ибо ныне мне петь о Родомонте,
Африканском Марсе, который
В гущу города ворвался грозой.
- 20 Помните ли вы, государь мой,
О том безоглядном сарацине,
Который, меж валом и стеною
Бросивши своих соратных
На поживу прозорливому пламени,—
Черное зрелище! —
Одним взмахом, как о том поведано,
Влетел в город чрез обомкнувший рев?

*Тем
временем
под Парижем*

*Родомонт
свирепствует
на городских
стенах.*

- 21 Как узнали того свирепого
По небывалой драконовой броне
Старые и слабые,
К бранным откликам простирающие слух,—
Крик, плач, вопль, стук рук
Возлетает в небесные светила:
Кого носят ноги,
Бежит прочь, кроясь в храмы и дома,
- 22 Но немногих допустил до укрова
Круговой размах злого меча
В басурманской могучей деснице —
Тому ноги с пят, тому голову с плеч,
Одного—насквозь,
Другого — надвое, с темени до пупа;
Скольких бьет, скольких ранит, скольких гонит,
И всех в спину, и никого в лицо.
- 23 Как на робкий скот
Тигр в гирканских горах или над Гангом,
Как на козочек и овечек — волк
Под горою, поправшею Тифея,
Так ударил нещадный сарацин —
Не скажу: на пеший строй, ни на конный,
А скажу: на черную толпу
Тех, кому бы, не родившись, вымереть.
- 24 Скольких колет, скольких рубит, скольких
режет,
А никто ему в лицо и не вздымет взор.
Так по толпной улице,
Так до моста Михаила Архангела
Круговым клинком пролагал себе путь
В грозном беге ярый Родомонт.
Он не смотрит, кто раб, кто барин,
Не жалеет, кто праведен, кто грешен,
- 25 Не в пощаду священнику священство,
Не спасет младенца невинность,
Юную не оберегут девицу
Ясные очи и алые ланиты,
Бьет и гонит он старейшего старца:
Пуще доблести в нехристе неистовство —
Нет разбору
Ни чину, ни полу, ни возрасту.
- 26 Нечестивый царь и вождь нечестивых,
Не залить ему пыл людскою кровью —
Он огнем встает на дома,
Жжет хоромы и погранные храмы,
А хоромы в те времена,
Кто не знает, были все деревянные,
И не диво,—ведь и нынче в Париже
Что ни пять домов, то три из дерева.

- 27 Жжет огонь всё вокруг,
Но и этого мало большому гневу:
Мавр трясет голыми руками
Стены, и в обвал рушатся кровли,—
Верьте, государь:
Не гремело таких бомбард и в Падуе,
Чтобы так крушить,
Как с единого тряса — Родомонт.
- 28 В этот час, когда злочестивец
Воевал Париж мечом и огнем,
Грянь в наружную стену Аграмант —
ргал бы день последним Христову граду.
Но не грянул: его перестиг
Паладин, приспевший из заморья
С воинствами британскими и шотландскими,
Предводимый ангелом и Безмолвием.
- 29 Ибо так угодно было Господу:
Покамест Родомонт
Полыхал прорывом и пожаром,—
Подступил к стенам заморскими ратями
Цвет Клермонта, герой Ринальд:
В трех часах пути навел он мост
И зашел крутым заходом слева —
Против варваров не помеха и река.
- 30 Отрядил он шесть тысяч пеших лучников
Под высоким знаменем Одоарда,
Отрядил две тысячи конных в плащах
С удалым Ариманом впереди
И назначил им прямую тропу
От побережий Пикардийского моря
До ворот Мартина и Дионисия,
Чтоб оттоле помочь Парижу.
- 31 С ними двинул он тою дорогою
И телеги и прочий скарб,
А сам оружно и людно
Пошел поверху, выгибая путь,
При челнах, снастях и настилах через Сену.
Переведши всех до единого,
Жжет мосты
И полками строит бриттов и скоттов.
- 32 Но сперва с князьями и воеводами
Встав Ринальд на высоком берегу,
Чтоб для всех на большой равнине
Быть бы ему видиму и слышиму,
Говорит он так:
«Государи мои,
Вскинем благодарные длани к Господу,
Что он свел вас в кратком труде
Все народы перевысить честною славою!

*Но является
Ринальд
с британской
помощью,*

- 33 Сбив осаду с этих ворот,
 Вы спасете двух государей:
 И вашего короля, которого
 Вам хранить от неволи и от смерти,
 И славнейшего меж державцев,
 В божьем мире раскидывавших двор,
 А при нем — королей, князей, графов,
герцогов
 И вельмож и рыцарей из многих стран. *говорит
речь
к войску*
- 34 Оттого-то, вызволивши Париж,
 Вы возвыситесь хвалою не только
 В парижанах, которые мнутесь
 Страхом и тоскою не о себе,
 А о женах и детях,
 Общую грозимых судьбиною,
 И о девах, святых затворницах,
 Чтобы их соблюлся благой обет,—
- 35 Вызволивши, говорю я, Париж,
 Вы возвыситесь хвалою не только
 В парижанах и не только в окрестных
 Землях, но во всем крещеном мире,
 Ибо края такого нет,
 Чтобы не имел в Париже пришлого:
 Победите—и вас
 Воспрославит не единая Франция!
- 36 В старину, кто спас гражданина,
 Тот венчался честным венцом,—
 Какова же будет почесть достойна
 Тех, кто спас несметных и несчисленных?
 Ежели же святое и славное
 Рухнет дело от малодушной тщеты,—
 То не мните быть безопасны
 Ни в зарейнской земле, ни в заальпийской,
- 37 Ни в иной, где только ни чтится
 Искупитель, за нас приявший крест:
 И от вашего не отвратят королевства
 Ни сильная даль, ни морская глубь
 Мавров, которые умели
 Одолеть Геркулесовы столпы
 И которые из нашего края
 Пощадят ли ваши острова?
- 38 Но коли ни честь, ни корысть
 Не вспояшут вас на битвенный подвиг,
 То еще есть долг
 Поборать друг за друга Христовым воинам.
 А что враг пред вами расточится,—
 Да не будет ни в ком трудного страха,

Ибо вижу я: нет в них ни бывалости,
Ни оружия, ни духа, ни сил».

- 39 Таковыми и иными подобными
Вспламенив речами Ринальд
Свычно и звучно
Боевую душу в вождях и войске,
Словно шпорил коня, что и сам стлался в лет, *и направляет*
Как то молвится по пословице. *полки.*
А скончавши речь,
Двинул он дружины под знаменами:
- 40 Без шума, без гомона
Тронулись полки тремя отрядами:
Первая у реки
Честь Зербину сразиться с басурманами;
По полю в обход
Пущены ирландские выходцы;
А британцев, пеших и конных,
Ставит вождь в середину при Ланкастере.
- 41 Каждому указавши путь,
Скачет паладин вдоль реки,
Упредив Зербина
И со всею Зербиновой дружиною.
Первым dospешил он до мест,
Где король Собрин и король Оранский
В полверсте от иберийских соратников
По сю руку сторожили поля.
- 42 Столько шедши Христово воинство
В верной и надежной сени
При Архистратиге и Безмолвии,
Более не в силах молчать
И, завидевши врага,—
Крик в высь, трубы в гром,
Шум до звезд,
И мороз по костям у сарацинов.
- 43 Ринальд шпорит коня перед передними, *Первые*
У него копье наперевес, *подвиги*
Все шотландцы за ним на перелет стрелы, *Ринальда.*
Ни малая заминка не в мочь ему:
Как взметный вихрь,
За собой клубящий грозную бурю,
Вымчал удалец,
Горяча Баярда.
- 44 Перед франкским витязем
Помутились мавры тревогою,
Зримо дрогнули
Копья в дланях, бедра в седлах, ноги в
стремени;

- Лишь один не бледен,
Не признав Ринальда, король Пулиан:
Он летит на него в опор,
Сам не зная, каково это круто,—
- 45 Стиснувшись в седле,
Весь вобравшись в напор копья,
Отпустив поводья и врезав шпоры,
Он бросает коня вперед,
А ему навстречу
Сын Амона—не сын ли Марса?—
Непритворный в славе
Конеборной ловкости и доблести.
- 46 Вровень грянули грозные удары,
В два забрала вметив два острия,
Но не вровень была сталь и удаль:
Один скачет, прям, другой простерся, мертв.
Много есть примет истой доблести,
И не в том лишь она, чтоб играть копьем;
Но и к доблести надобна удача,
А без удачи удаль не встанет в счет.
- 47 Витязь вновь с копьем,
Перед ним — Оранский король,
А в нем сердце убогое и малое,
Но широкая кость и тучная плоть.
Славный был удар, хоть записывай,
Поразивший его в самый низ щита:
Не хвалите и не хулите—
Снизу кверху выше не уметиться.
- 48 Не сдержат щиту копья,
Хоть в щите сталь с лица, а пальма с исподу;
Не сдержат в царе души,
Не по брюху малой и трепетной.
Конь,
Ждавший быть под всадником весь долгий день,
Благодарен конским сердцем Ринальду,
Что свалил с него жаркую тяготу.
- 49 Сломлено копье;
Поворачивает Ринальд скакуна
На лету, как крылатого,
И — туда, где теснее вражий строй:
Под кровавым клинком его Фусберты
Что ни сталь, то как хрупкое стекло —
Никаким не сдержат закалом меч,
Жадный живого мяса.
- 50 Но не часто сталь, не часто каленую
Чует рубящий, руша взруб,
А то медный щит, то дубовый щит,
То стеганный кафтан, то витой тюрбан,—

Так не диво,
Что Ринальд крушит и крошит,
А враги перед мечом его стелются,
Как трава под косою и сев под бурюю.

- 51 Полегла уже та первая рать,—
Как идет Зербин с передовым полком,
Сам впереди,
Копье вперевес,
А за стягом — люд,
Каждый яр, как вождь:
Так львы, так волки
Рушатся на овчье стадо.
- Войска
сходятся.*
- 52 Как приблизились,
Каждый—шпоры в конский бок,
И вмиг
Было поле меж войсками—и нет его.
Ни в какой игре того не видано —
Шотландцы лишь бьют,
А мавры лишь мрут,
Словно вышли на казнь, а не на сечу.
- 53 Что ни язычник — то лед,
Что ни шотландец — то пламень.
Каждая разящая длань
Мнится маврам Ринальдовою дланью.
Тут не ждет король Собрин зова к помощи,
А торопит вперед вторую рать,
Крепче первой
И вождем, и оружием, и доблестью:
- 54 Лучшая она в бранной Африке,
Хоть сама по себе еще не клад.
Тотчас тронул и третью рать,
Послабее и снастью и бывалостью,
Дардинель, сияющий шлемом,
Грудью в латах и станом в чешуях.
А последней, за Изольером,
Шла четвертая рать — и, по мне, сильнее всех.
- 55 Чуть завидев и чуть слышав
Что повел свою Наварру Изольер,—
Славный маррский герцог Трасон,
О великих ликуя подвигах,
Скликает
Верных витязей к битвенной хвале,
А за ним — и Ариодант,
Новозванный герцог Альбанский.
- 56 Трубы, бубны, варварские дудки,
Сгрудясь в гуле,
Слились с свистом тетив и всех пращей;
Скрип машинных жил, снастей, колес,

- С криком, воем, воплем, плачем, стоном,
Отгрянувшись от крутого неба,
Стали громом, громче, чем гром
Водопадного Нила над пустынею.
- 57 Смертный ливень обложил небеса,
Сея стрелы отселе и оттоле;
Темной тучей восходит ввысь
Тяжкий дух, знейный пот, взбитый прах;
То один подастся строй, то другой,
Кто в бег, кто в гон,
А кто, смяв врага,
Сам на мертвом падает мертвый.
- 58 Дрогнет ли дружина, уставши,—
Вмиг другая друзьям на смену.
Ратный ряд все гуще—
Теснит конный, теснится пеший.
Попранный прах стал красен:
По зелени— алая плащаница.
Где желтели и лазорились цветики—
Там людские трупы и конские.
- 59 Дивен Зербин—
Не бывало в столь юном столькой доблести: *Подвиги*
Бьет, крошит, ничтожит *Зербина.*
Вражьи рати и направо и налево.
А за ним со своими новозванными
Блещет напоказ Ариодант,
И пред ним в изумленном трепете
Вся Наварра и вся Кастилия.
- 60 Два бастарда былого Арагонского
Короля Калабруна, Хелинд и Мосх,
И сам-третий, славный меж отважными,
Барселонский Каламидор,—
Вскачь вперед от своих полков
За венцом повадной победы,
Обольстились обойти Зербина
И в оба бока пронзают его коня.
- 61 Рухнул взятый на три копыя
Конь,— а всадник вмиг снова на ноги,
И грозитя взором
Отомстить, кто свалил его жеребца.
Первым он не чающего Мосха,
Что навис, метясь снять седло,
Достигает острием под ребро,
И тот рушится, белый и холодный.
- 62 Взвидевши Хелинд,
Что остался он братом без брата,
Яро мчит затоптать Зербина,
Но Зербин скакуна его за узду,

- И с копыт, и тому уже не встать,
И не знать ни овса, ни сена,
Потому что Зербинов взмах таков,
Что и дух вон из коня и из конника. 1^
- 63 На такой удар Каламидор
Хвать за повод и стремглав прочь,
А Зербин ударяет изо всех сил
Вслед ему и кричит: «Стой, злодей!»
Не донесся удар до убегающего
Лишь на малость,
А донесся до конского крестца
И свалил Каламидорова скакуна.
- 64 Тот с седла и спасается вползь,
Но и то ему не уйти:
Налетев, Трасон
По нему проходит тяжким скоком.
А к Зербину в густой толпе врагов
Поспешает Ариодант
И Лурканий и присные их рыцари,
Чтобы витязю вновь воссесть верхом.
- 65 Ходит по кругу меч Ариоданта,
А каков он—знают Арталих и Марган,
А еще того лучше—Этеарх и Казимир,
Сведавшись с крутой его десницею:
Двое ранены и бегут,
Двое—на траве и без дыхания.
А Лурканий красует свою мощь,
Ранит, давит, рубит и губит.
- 66 Но не думайте, государь мой,
Что в полях бито меньше, чем у берега,
Что отстали боевые знамена,
Взвитые вслед доброму Ланкастеру.
Те дружины грянули на испанство,
Бились долго, а взять никто не мог,
Потому что вровень неленивы
Те и эти воины и вожди.
- 67 Впереди там Ольдрад и Фтерамонт,
Герцог Йоркский и герцог Глостерский,
С ними граф Варвикский Рикард
И отважный Генрих, герцог Кларенс;
А перед ними—Маталист, Фоликон,
Бариконд и все их приспешные;
Первый держит Альмерию, второй
Гранаду, а третий—Майорку.
- 68 Вровень длилась ярая битва,
Ни к кому не клонился перевес:
Кто нахлынет, тот и отхлынет,
Как колосья под майским ветерком

*Подвиги
англичан.*

Таковыми ли ваши храмы
 Изукрашены должны быть добычами?
 Что за честь, что за слава—покинуть
 Королевича в поле и без коня!»

- 81 Он хватает у щитоносца копье
 И с тяжелым налетает на ближнего
 Прусиона, короля Альваракки,
 И тот сшиблен, мертв, и простерт.
 Агрикальт и Бамбираг пали трупами,
 Соридан с жестокой раной чуть жив:
 И ему не быть бы живому,
 Будь покрепче у Ринальда копье.
- 82 Копье сломлено — блещет меч,
 Пред мечом — Серпентин из Стеллы,
 У него заговоренные латы,
 Но удар — и оглушенный упал.
 И уже вокруг шотландского вождя
 Разомкнулось пространное место,
 Чтобы он взмогился без помехи
 На любого коня без седока.
- 83 И во-время он в седле,—
 Миг спустя это было бы не просто,
 Ибо здесь уж король Аграмант
 С Дардинелем, Баластром и Собрином;
 Но Зербин — верхом,
 И кружа клинком,
 Ниссылает души за душами
 Повестить в аду, каково здесь житье.
- 84 А отважный Ринальд, для которого
 Лучший враг—тот, что всех страшней,
 Изострился на Аграманта,
 Аграманта, царя-богатыря,
 В ком одном война грозна, как в целой тысяче;
 Вот он шпорит, вот он летит,
 И разит, и небывалым ударом
 Повергает и царя и коня...
- 85 Но меж тем, как здесь в лютой сече
 Взбились ненависть, ярость, гнев,—
 Родомонт в Париже
 Рубит люд, рушит храмы, жжет дома,
 А великий Карл далеко,
 Он не видит об этом и не слышит,
 Он встречает у городских ворот
 Одоарда и Аримана с британцами.
- 86 Вдруг к нему стремглав щитоносец,
 Лицом белый, ни вздоха в горле:
 «Горе, государь мой, горе!» —
 Все твердит и не умеет начать,—

*Тем
 временем
 Карл
 узнает, что
 Родомонт
 в Париже.*

«Нынче гибель Риму и миру, нынче
Отступился от верных господь Христос,
Нынче небо ринуло демона,
Чтобы жизни не стало в твоём граде!

- 87 Сатана (ибо кто иной?)
Бедный город крушит и рушит:
Обернись—и увидишь красный
Дым клубами над хищным пламенем,
И услышишь вопль во всю высь,
И поверишь, что раб твой молвил правду:
Враг один, один мечом и пламенем
Губит град и расточает люд!»
- 88 Как иной сперва слышит шум,
А потом колокольный бой,
А потом лишь взвидит всевидный
Огонь над собственным домом и двором,—
Так Карл
Слышит злую весть, вздымает взор •
И велит своим лучшим и сильнейшим
Устремиться туда, где крик и шум.
- 89 Лучших рыцарей, лучших ратников
Он скликает лучшую часть
И ведет их знамена к площади,
Где безумствует басурман.
Все слышнее шум, все виднее
Лихоборцем разметанные тела,—
Но полно! а кто желает,
Тот дослушай в следующий сказ.

ПЕСНЬ СЕМНАДЦАТАЯ

- 1 Божий промысел
На греховную нашу неумность
Размеряя суд по нечестию,
Возвышает над нами царствовать
Зверонравных неистовцев,
Дав им дух и силу к злодеяниям.
Так наедались Марий и Сулла,
Два Нерона и лютый Гай,
- 2 Худший Флавий и худший Антонин,
Так взнесен из самой черной черни
До престольного сана Максимин,
Так и древле явлены

Вступление.

Креонт в Фивах, Мезенций в Тусках,
Жирной кровью напитавшие пажити,
Так и предана была Италия,
Лангобардам, готам и гуннам.

3 Что сказать об Аттиле? что о диком
Эцелине? что о ста других,—
Как не то, что за бескрайние кривды
Мы им брошены на муки и казнь?
И не только встарь,
А и ныне тому явны примеры,
Когда мы, паршивое стадо,
Стали паствою свирепых волков,

4 А им все мало голода, мало
Места в брюхе для такой поживы,
И они из заторных пуш
Кличут к нам волков еще прожорливей.
Тразименские безгробные трупы,
Канны, Треббия—ныне все ничто
Перед тучными грудями на взбрежьях
Адды, Меллы, Ронко и Тарро.

Такова нам нынче воля Всевышнего —
Принять казнь от худших и недостой-
нейших

За сугубо и трегубо несчетные
Наши черные и позорные нечестия.
А настанет время—и мы,
Верно, грянем на их пределы,
Если сами станем светлей,
А они прейдут в грехах Божью меру.

Верно, так и в те времена
Помутилась мирскою необузданностью
Божья светлость, что брошена земля
На поток, раззор и срам турку и мавру;
Но напастнее всех невзгод
На нас пало Родомонтово неистовство,
И уже поведал я: Карл,
Внявши вести, пошел ему навстречу.

*Карл
нападает
на
Родомонта.*

7 Идет, видит: порублен люд,
Пожжены дворцы, храмы в прахе,
По путям развал и запустение,
Век не ведано столь кровавых бед.
«Куда мчитесь, куда, малодушные?
Иль не в толк вам собственный урон?
Уронив так подло ваш город,
На чужбине ли сыскать вам убежище?»

8 Один бранник,
Крепко замкнутый в ваших стенах,

И его-то невредимым вы отпустите,
Порубившего всех до одного?»
Так воскликнул
Гневный Карл, не стерпев столького срама,
И спешит к большому дворцу,
Где язычник губит его верных.

- 9 Чающего помощи
Много здесь побилось народа,
Потому что стены были крепкие,
И припасы—для долгих оборон.
А пред ними — Родомонт во всю площадь,
Весь нещадность, весь гордыня и гнев,
И одною рукою мечет пламень,
А другою вращает булат.
- 10 В высокие ворота королевской палаты
Он бьет, и повсюду—гул.
С вышних крыш на него валят зубцы и башни,
И уже не мнят себя в живых.
Никому не жаль древних кровель,
Дерево ли, камень ли — все одно:
Золоченые балки, столбы и плиты,
Отрада праотцев, утеха отцов.
- // Алджирский царь у ворот
Блещет сталью шлема и тулова,
Как змей из черного заполза,
Совлекшись ветхого вретища,
Облекшись свежей красою,
Вновь юн, вновь мощен,
Пышут очи, вьются три жала,
И ползет, и вся тварь с дороги прочь. *
- 12 Камни, зубья, балки, своды, плиты
Градом рущатся с выси на врага,
Но неймется кровавой длани
Бить, рубить и дробить воротный вход;
И уже в нем брешь,
И уже он видит и виден
Взорам лиц, стеснившихся в дворе,
И на каждом—смертная бледность.
- 13 Слышатся с вышних крыш
Клики и вопли жен,
Они в муке бьют себя в грудь,
Они мечутся, белые и в тоске,
Припадают к дверям и к ложам,
К ложам, ждущим чужих гостей;
Такова была та беда,
Когда грянул к ним Карл с баронами.
- 14 Говорит король своим сильным,
Столько раз выручавшим его в беде:

«Это вы ли со мной били
Аголанта у Аспрамонта,
Это вы ли его порубили,
И Альмонта, и Трояна, и сто их тысяч,
А теперь без сил, и вам страшен
Сей единый из их полка и племени?

15 Отчего не видно
Прежней крепости в нынешних десницах?
Пусть почует ваш пыл тот пес,
Тот пес, пожиратель правых!
Веледушному смерть—ничто,
Вскоре ль, вдолге ль, а лишь бы с честью;
А где вы со мною,
Там я верю всегда быть победителем.»

16 Кончив слово, шпорит коня
И, копьё вперевес, на сарацина,
А за ним в опор,
Как один, Оливьер, Оджьер и Найм,
И Авин, и Аволий,
И Отон, и Берлингьер, неразлучники,
Все на Родомонта, все разят его
В грудь, в лоб, в бок.

17 Но полно, государь мой, полно
Петь про злобу и считать мертвецов:
Не хочу более ни слова
О враге, что так лих, а пуще лют!
Не пора ль вернуться, где оставлен
У Дамасских ворот Грифон,
А при нем—лукавая Оригилла, а при
ней-
Мнимый брат ее и сущий любовник?

*Тем
временем
Трифон,
Оригилла
и Мартан
приезжают
в Дамаск.*

18 Обильнейший, многолюднейший
И по целому Леванту прекраснейший,
Славен город Дамаск, до которого
От Святой Земли—неделя пути.
Он лежит на плодной равнине,
Весной в цвете, а летом в жатве,
Под холмом, который приемлет
Первый луч рассветной зари.

19 Две реки, кристальными струями
Разливаясь по несчетным каналам,
Орошают бескрайние сады,
Вечно свежие листвию и цветом.
Говорят, там течет по мельным мельницам
Не вода, а померанцевый сок,
И по всем заулкам и выулкам,
Что ни дом, то из дверей аромат.

- 20 Главная дамасская улица
 Вся в коврах веселого цвета,
 На земле и на всех стенах —
 Ветви, листья и душистые травы,
 Что ни дверь и что ни окно —
 Отовсюду шитье и узорочье,
 Но пышней того ткани и камня
 Знатных платий прекрасных дам. ^
- 21 В какой ни заглянешь двор,
 Там празднично утешные пляски,
 По улицам разъезжает люд
 На конях с чепраками и попонами,
 А в большом дворце ярче всех
 Повелитель и князя и бароны,
 Все в золоте, в алмазах и в перлах
 Из индийских и эритрейских вод.
- 22 Вот едет Грифон с приспешными,
 Вот дивятся они по сторонам,
 А навстречу им здешний рыцарь,
 И зовет заезжих в свой дом
 И с таким принимает свичным вежеством,
 Что ни малой ни в чем у них нужды:
 Кони в стойла, гости в мыльню,
 А из мыльни в приветный пир.
- 23 И поведывает приимец,
 Что дамасский государь Норандин
 Созывает все рыцарское звание
 Из своей и чужой земли
 На великий турнир, которому
 Быть на площади завтра поутру;
 И чей дух не уступит виду,
 Тот теперь им здесь и блесни.
- 24 Не затем сюда приехал Грифон,
 Но на этот зов он не отказчик,
 Потому что всегда он рад
 Оказать свою рыцарскую доблесть.
 Об одном лишь он дознается:
 По какому случаю праздник?
 Каждогодний ли он или впервые
 Царь пытается, каковы его витязи?
- 25 Отвечает ему хозяин:
 «Таков праздник будет каждый четвертый
 Месяц, но пока это первый
 И доселе подобных не бывало.
 Это память о том, что наш король
 Спасся в этот день от жестокой
 Смерти, которая грозила
 Повсечасно четыре страшных месяца.
- Им рас-
 сказывают,
 как король
 Норандин с
 Люциною*

- 26 Но чтоб молвить об этом по порядку^
То наш царь, а зовут его Норандин,
Много лет пылал рыцарственным сердцем
О прекраснейшей и прелестнейшей из дам,
О принцессе острова Кипра,
И добился, и отпраздновал свадьбу,
И пустился с нею и свитою
Через море в свою добрую Сирию.
- 27 Но когда мы шли под вздутым парусом
По неверным карпафийским зыбям,
Вдруг такая грянула буря,
Что смутила даже старого кормчего.
Грозный вал три дня и три ночи
Нас носил по морским околицам,
И вот вынес, изможденных, к берегу
Меж светлых ручьев и зеленых дубрав.
- 28 Радостно в древесной сени
Воздвигаются шатры, веют пологи,
Возжигаются огни, на огнях
Жарят снедь, на коврах готовят трапезу,
А король наш пускается в окрестные
Долы и укромные рощи
В лов оленей и серн и ланей,
А двое слуг несут за ним лук.
- 29 Как мы ждем, привольно раскинувшись,
Государева возвращения с лова,
Вдруг глядим, а на нас несется берегом
Чудо-юдо, страшно сказать.
Боже вас храни, добрый рыцарь,
Увидать такое юдо воочию —
Лучше знать о нем понаслышке,
Чем представить его перед собой.
- 30 Ни в какой охват оно вширь,
Ни в какую оно ровень — ввысь,
Под бровями торчат два рога
Цвета диких мяс, вместо глаз.
Бежит оно к нам по берегу —
Словно рушится большая гора.
Два клыка из пасти, как у вепря.
Долог нос, пена гнилью кроет грудь.
- 31 Оно мчится и водит хоботом,
Как ищейка, напав на след.
Как завидели мы его, так и обмерли
И бежать, куда шпорит страх.
Мало радости, что он слеп —
Одним нюхом
Зорче он, чем иной чутьем и зрением,
И без крыльев от него не упасть.
- попали
на остров
злого
чудища;*

- 32 Кто куда, но ничто не в прок,
Потому что враг быстрее ветра.
Было сорок, а вряд ли десять
Вплавь dospели до корабля.
Чудо-юдо хватъ одних подмышку,
А других за пазуху и на грудь,
А третьих сует в суму,
По-пастушьи висячую у пояса,—
- 33 И несет он нас в свою царь-пещеру,
Над приливом долбленную в скале,
Всю из мрамора, и такого белого,
Как бумажный неисписанный лист;
А в пещере была хозяйка,
Удрученная и печальная лицом,
А при ней—дамы и девицы,
Разных лет, кто пригожи, а кто нет.
- 34 Возле самого этого вертепа
Был на горном темени другой,
Столь же емкий,
Где стояло у чудовища стадо.
Было стадо такое, что не счесть,
И он пас его зимою и летом,
В срок впуская, в срок выпуская,
Не из нужды, а пуще для потехи.
- 35 А кормился он лучше человеческим
Мясом: не успел он войти,
Как троих из наших товарищей
Он живьем сунул в пасть и проглотил.
Потом к стойлу, отваливает камень,
Стадо — вон, а нас—под затвор,
И уходит, поигрывая в волынку,
Со скотиною в сытные места.
- 36 А меж тем государь воротился
К берегу и видит беду:
Ни души, ни звука,
Пусто в кушах, в шатрах и под листвою.
Он не знает, на кого и думать,
Он в тревоге скачет к самому морю
И глядит: его моряки
Уж в отчале и втягивают якорь.
- 37 Чуть завидев государя на взморье,
Они тотчас шлют за ним челн;
Но едва Норандин услышал,
Каково он обездолен от чудища,—
Он без дальних слов прочь от берега
И в погоню, неведомо куда:
Жизнь не в жизнь ему без милой Люцины—
Он вернет ее или он умрет.

- 38 Где в береговом песке
Свежие метятся следы,
Туда мчит он в любовном гневе
И вот всходит к самой той скале,
Где в несвычном страхе
Мы томимся ожиданием чудища,
В каждом звуке слыша,
Что голодный вернулся нас пожрать.
- 39 Не оставила короля удача: *по совету*
Вместо чудища в гроте лишь жена. *чудищевой*
«Прочь, несчастный!—кричит она,— *жены*
спасайся,
Пока юдище не пришло тебя съесть!» —
«Съесть ли, нет ли,— король в ответ,—
Быть ли, сгинуть ли, одна мне беда:
Я пришел сюда не ошибкою,
А смерть принять за возлюбленную мою».
- 40 И он спрашивает: кого
Похватало юдище на взморье?
И перее всех — о милой Люцине:
Она мертвая или она в плену?
Отвечает добрая дама:
«Не печалься, она жива,
И останется жива, потому что
Это юдо женщин не ест.
- 41 А уликою тому — я сама
И все дамы, которые со мною:
Ни к которой юдо не худо,
Пока мы ни шагу за порог.
Но кто вздумает убежать —
Той непримиримая кара:
Ввергнет в цепи, зароет заживо,
Или выставит нагую под зной.
- 42 Как он нынче приволок этих пленных,
То не рознил мужчин и дам,
А в ближний вертеп
Побросал их, как были, без разбора.
Он чутьем различает пол от пола,—
Стало, женщинам нечего бояться,
Но мужчины — другое дело: в день
Две-три пары пожрут жадной глоткою.
- 43 Вызволить ту, что здесь,
Никакого не дам тебе совета;
Радуйся, что она жива,
И что будет жива, к добру ли, к худу ли.
Но спасайся сам, ради Спасителя,
Чтоб тебя не учуял людоед!
Как он входит и носом водит,
То и мышь не утаится в щели».

- 44 Отвечает царь: нипочем
 Не уйдет он, не видевши Люцины,
 Лучше ему сгинуть при ней,
 Чем томиться живым и одиноким!
 Видит дама, никакие слова
 Не отвадят его от твердой воли,
 И хочет ему помочь
 От всего ума и доброхотства.
- 45 Были у них в дому
 Туши коз, козлов, овец и баранов
 В снедь хозяйке и свитным дамам,
 А их шкуры свисали с потолка.
 И сказала хозяйка королю
 У большого козла из потрохов
 Набрать сала и натереть все тело,
 Чтоб в козлином запахе спрятать свой
- 46 А как пошла от него душная вонь,
 Тяжкий дых злопашного козлища,
 Подает она косматую шкуру
 И велит в нее залезть с головой,
 Встать на все четыре,
 И в такой-то его личине
 Повела она его к той скале,
 За которой сокрыта его любезная.
- 47 Покоряется Норандин
 И при устье заглыбленной пещеры
 Ждет, томясь, вечерней зари,
 Чтобы вдаться в загон со всей скотиною.
 И вот слышит: завольнила волынка,
 Зазывая в горный приют
 С росных трав
 Гонимое стадо лютым стадником.
- 48 Верно, дрогнуло сердце в храбреце,
 Как слышалось приближение юда,
 И обличье, бросающее в ужас,
 Нависло над приступом вертепа.
 Но любовь сильнее, чем страх,
 Ибо зримо, сколь она непритворна.
 Вот подходит юдо, глыбу в сторону,
 Стадо входит, с ним Норандин.
- 49 Вдвинув паству и заваливши устье,
 Юдо—к нам,
 Всех обнюхал, а двух хватает
 И вгрызается в их сырую плоть.
 Ах, как вспомню его рвущие клычья,
 До сих пор меня кидает в дрожь и пот!
 Вот ушел людоед; король из козьей
 Шкуры прочь и бросается к жене.

*Норандин,
 надевши
 козью
 шкуру,*

- 50 А она
Вместо радости и утехи — в стон и боль,
Ибо видит: здесь ему и погибнуть,
А ее от гибели не спасти.
«В столькой моей беде,—
Говорит она,— одна была радость,
Что когда умкнуло меня чудище,
То со мною не было тебя,
- 51 И хоть горько мне и хоть тяжко
Быть вготове покинуть свет,
Но одно было благо —
Горевать, как и всем, лишь о себе.
А теперь, едва ты вошел —
Горше мне моей твоя погибель», —
И так далее, больше удручаясь
Норандиновой долею, чем своей.
- 52 «Я пришел,— в ответ ей король,—
Чтоб спасти тебя и с тобою всех,
А коли нет, так лучше погибнуть,
Чем жить во тьме без тебя, мой свет.
Как сюда я вошел, так и отсюда
Выйду, а со мною и вы,
Ежели, как я, душой не дрогнете
Облечь тело в животный смрад».
- 53 Он поведывает уловку . *выручает*
Юдовой жены против юдина, чутья, *из плена*
И зовет одеться в козьи шкуры, *своих*
Чтоб злодей не ущупал нас на выходе. *спутников,*
Никто не стал поперек;
И вот, сколько нас мужчин и сколько *женщин,*
Столько мы взрезали козлов,
Выбирая подряхлей и позловоннее,
- 54 Умастились от темени до пят
Густым салом козьих утроб
И оделись включенными шкурами.
А уже из золотого подворья
Вышел день, и по первому лучу
Всходит пастух к пещере,
Дунул в гудкие дудки
И выкликает стадо на пастбище.
- 55 Пятернею загородивши выход,
Чтоб со стадом не выскользнули пленники,
Пропускал он в щель
Всех, чьи спины в шерсти или в щетине.
Чужеходным следом
В космах шкур тянемся и мы,
И никому помехи от чудища,
Пока в страхе не подошла Люцина.

- 56 Тем ли она пахучим салом
 Погнушалась умаститься так, как мы,
 Поступью ль была плавней и медленней,
 Чем скотина, какой хотела быть,
 Юдова ли длань на крестце
 Вынудила из нее крик испуга,
 Кудри ль не в меру пали длинно,—
 Я не знаю, но она была узнана.
- и только
 Люцина
 остается
 в неволе,*
- 57 Все мы, каждый сам о себе,
 Не закидывали взора на ближнего;
 Только я на крик
 Обернулся и вижу: сорвав шкуру,
 Юдо гнало царицу снова в заперть;
 Мы же—прочь, и за диким пастухом
 Бродим в стаде, пластаясь в козьих кожах,
 По зеленым луговинам меж всхолмьями.
- 58 А когда, во весь рост разлегшись в тень,
 Захрапело хоботное чудище,—
 Кто пустился к морю, кто в горы,
 И один не пустился Норандин.
 В неизбывной своей любви
 Хочет он с тем же стадом в тот же грот
 И принять там смерть,
 Коль не выдастся верная подруга.
- 59 Ибо впрямь, увидевши, как за входом
 Лишь она осталась в плену,
 В буре горя едва он сам не бросился
 В ненасытную чудищеву пасть
 И уже стоял под самым хоботом,
 На размол жестоким жерновам,—
 Но сдержала его надежда
 ' Все же вызволить милую из узилища.
- 60 Пришел вечер, пригнало чудище
 Скот к пещере, смотрит, а нас нет,
 И кричит, голодное,
 Что Люцина одна всему виной,
 И велит ее выставить в оковах
 По край жизни на крутую скалу.
 Видит царь, как она за него страждет,
 И крушится, и только что не мертв.
- 61 Поутру и повечеру,
 С стадом в поле и с стадом в стойло,
 Смотрит ввысь горестный влюбленный,
 Как подруга мучится и плачет,
 А она ему жалостным лицом
 Дает знак скрыться, скрыться ради Бога:
 Здесь опасно,
 А помочь он бессилен.

- 62 Людоедова жена тоже просит
Короля бежать, и тоже тщетно:
Нет ему пути от Люцины,
И его постоянству нет конца.
В том служенье Любви и Верности
Велико было его испытание,
Пока случаем к той круче не привелись
Агриканов Мандрикард и царь Градасс.
- 63 Славная их отвага
Умыслом, а пуще удачею
Вызволила светлую Люцину;
И—на взморье, а там ее отец,
И они ему вручают спасенную,
А был ранний час,
И король Норандин
Еще медлил в стойле между жвачными
- пока ее
не спасают
Мандрикард
и Градасс.*
- 64 Белый день отомкнул ему затвор,
Он увидел, что нет его красавицы,
И услышал, как было дело
(Все сказала людоедова жена),
И преблагодарно молит Господа,
Чтоб она, исторгшись из бедствий,
Обрелась в достижном краю
Его слову, клинку или золоту.
- 65 А потом с плосконосом стадом
Вновь спешит на пастбищный луг
И, ликуя, ждет, пока юдище
Н« уснет в тени на траве;
И—бежать, весь день и всю ночь,
Чтоб завериться от юдова плена,
И в Атталии всходит на корабль,
И уж вот три месяца, как он в Сирии.
- 66 А свою прекрасную королеву
Он послал разыскивать в Кипр и Родос,
В Африку, в Египет и в Турцию,
Но сыскал ее лишь третьего дня:
Ибо третьего дня из Никозии
Пришла грамотка, что она жива,
И с отцом, и на Кипре, хоть и долгие
Были ветры паруснику их в лоб.
- 67 И на радостях о счастливой вести
Огласил король неслыханный праздник,
И чтоб каждый четвертый месяц
Быть такому снова и снова
Для утешной памяти о том,
Как, бродивши четыре полных месяца
В козых космах меж юдиных стад,
В этот день он нашел свое спасение.

- 68 Что сказал я, то видел я воочию
Или слышал от самого короля,
Все иды и все календы
Прострадавшего от горя до радости;
А кто станет насказывать иное,
Тому молвите: лучше бы молчал». —
Вот таков от хозяина Грифону
Был рассказ, отчего такое празднество.
- 69 За долгою об этом беседою
Препровели рыцари немалую ночь
И пришли к тому, что король
Великую изъявил любовь и верность.
А восстав от трапезы,
Разошлись почивать по сладким ложницам.
А поутру, светлому и яркому,
Пробудились они шумом веселья.
- 70 Били бубны, дули трубы,
Шли и вели город на площадь,
Гул и отгул неся над улицами
От копыт, колес и голосов.
И тогда Грифон надел свои светлые
Латы, каких ни у кого,
Закаленные непробойным закалом
Белой феи ворожащею рукой;
- 71 И злонравный антиохиец —
Тоже в сталь, тоже в путь,
А радушный хозяин им вручил
Копья, мощные, как узлистые палицы,
И собрал небеззнатных спутников,
И с роднёю выехал сам,
А за ними — отборные в служении
Конные и пешие щитоносцы.
- 72 Выехали на площадь, стали в стороне,
Не спешив выставляя себя на зрелище,
И глядят, как Марсовы витязи
Чередой едут на праздничную брань,
И как каждый несет цвета,
Или роспись щита, или знак на шлеме,
Какова к нему его дама,
И приветна ее любовь или нет.
- 73 А латы и шлемы в Сирии
О ту пору были таковы, как у нас, —
Полагаю, от соседственной смежности
С теми франками, чья долгая власть
Осеньяла ту Святую Землю,
Где Всесильный явился во плоти,
И которую нынешняя суетность
Выдала в хулу себе поганым псам.

*В Дамаске
по этому
случаю
устроен
турнир.*

*(Отступление
о крестовом
походе.)*

- 74 Там, где взять бы копьё на удар
И нести вперед святую веру,—
Там и то немного, что в вере,
Робкою утробою брошено в раззор.
Вы, испанские мужи, вы, французские,
Вы, швейцарские, обратите взор,
Вы, германские, к иному захвату,—
А у нас и так Христова земля.
- 75 Вы, христианнейшими,
Вы, католическими величающие себя,
Зачем льете кровь Христовых верных,
Зачем хотите честное добро?
Отчего не отбит Ерусалим,
Преданный от вас христоредателям?
Отчего под нечистым турком
Лучший выдел мира, Царьград?
- 76 Ты, Испания, не тебе ль обид
Больше было не в нас, а в ближней Африке?
Но ты бросила початую славу,
Чтоб трудить свою мощь над убожеством.
А ты, хмельная Италия,
Всех зловонных скопище пороков,
Ты спишь, и тебе не в тягость
Быть рабою былых твоих рабов?
- 77 Если ты, швейцарец, от голода
Сшед в Ломбардию из горных нор,
Ищешь здесь, кто даст тебе хлеба
Или смертью вызволит из невзгод,—
То взгляни, вот казна Большого Турка,
Изгони его в Азию, изгони
Хоть из Греции, и вот тебе сытость,
А коли смерть, то достойная смерть.
- 78 Что тебе говорю, то повторю
И германскому твоему соседу:
Там — богатства римского Константина,
Ибо лучшее он взял, и лишь худшее — дал;
Там Пактол и золотой Герм,
Там Мигдония, Лидия, и там
Препрославленный край обетованный:
Вы шагнете, и перед вами — он.
- 79 Ты, великий Лев, над которым
Святой гнет небесных ключей,
Если длань твоя — на кудрях Италии,—
Не оставь ее, спящую, спать!
Ты — над паствою, у тебя от Господа —
Жезл, а имя — от царя зверей:
Грянь же в рыке, простри же руки,
Оборони свое стадо от волков!

Друг с другом, как враг с врагом,
Но по царскому знаку—мигом вроссыпь.

- 86 А несмысль-антиохиец,
По прозванию Пуганый Мартан,
Словно обок с Грифоном
Впав в Трифонову силу,
Вызывается на Марсову брань,
Но вначале—со стороны
Ждет, чтоб докипела лихая сеча,
Заварясь меж двух поединщиков.
- Мартан
выступает
с позором.*
- 87 Селевкийский князь,
Из восьми единый избранных,
Бившись в эту пору с Омбруном,
Так уметил ему посередь лица,
Что убил.
И все о павшем плакали,
Потому что слыл он добрым рыцарем
И любезнейшим в этой стороне.
- 88 От такого зрелища
Приступил к Мартану великий страх:
Вновь почувась в собственном нраве,
Ищет он уйти от схожей участи.
Но при нем — блюдуший Грифон,
И он нудит неумеренного нахвалыцика
Двинуться на двинувшегося витязя,
Как нудят пса по волчьим пятам,
- 89 И пес летит в десяти шагах,
И вдруг встал, и в лай,
Взвидев грозно скрежещущую пасть
И глаза, извергающие пламень.
Так-то пред лицом всего двора
И всего удалого рыцарства
Дрогнул робкий Мартан
И рванул узду и морду вправо.
- 90 Бремя стыдной вины
Он свалил бы на коня:
Но мечом он дал такую обмолвку,
Что ее и Демосфен бы не выправил.
Ему страшен каждый удар,
Словно латы на нем — бумажные,
И уже он бросил строй и бежит,
А народ вокруг поля хохочет.
- 91 Все в крик, все в стук,
А Мартан,
Как травленный волк,
Со всех ног попевает в прежний угол.

Стоит Грифон,
 Как запятнанный срамом товарища,
 И чем здесь стоять,
 Он охотней стоял бы в печи огненной.

*За это
 Грифон
 побеждает
 целых
 восьмерых,*

- 92 Пышет сердце, пышет лицо,
 Словно весь позор на нем едином,
 И томит его, что народ
 И его клеймит такую же мерою.
 Нынче его доблесть
 Должна полыхнуть, как факел,
 Ибо сбейся он хоть на палец —
 Злому взгляду привидится на сажень.
- 93 Но Грифон не привык сбиваться сталью:
 Древко к бедру,
 Шпоры в конский бок,
 Подскакал, копьё — на удар,
 И разит сидонского герцога
 Тот — с седла.
 Все кругом привстали с мест:
 Всего ждали, но этого не ждали.
- 94 Поворачивает Грифон
 И копьё свое, целое и крепкое,
 Ломит в три разлома о щит
 Барона Лаодикейского.
 Трижды чуть не рухнув и четырежды,
 Тот откинулся на конский крестец,
 Но спрямился, меч наголо,
 И пустил коня в упор Грифону.
- 95 Видя его в седле,
 И что схватке еще не конец,
 Говорит Грифон: «Копья не стало —
 Станет трех ударов меча!»
 И как с громного неба,
 Рушится удар тому на шелом,
 И другой, и третий,
 И уже ошеломленный на земле.
- 96 Были там два апамейских брата,
 Свычные в турнирных победах,
 Тирс и Коримб, — и обоих
 Ниспроверг Оливьеров сын.
 Один выметен из седла,
 На другого удачлив меч, —
 И уже для судящих несомненно,
 Что герой турнира — новый гость.
- 97 Но въезжает на поле Салинтерн,
 Государев палатный и конюший,

- Управитель над всем королевством
И отменный рукоборец в бою.
Не стерпев уступить награду
На такой потехе пришлецу,
Он схватил копье
И с пугающим криком — на Грифона.
- 98 А Грифон — с ответным копьем,
Из десятка выбрав самое лучшее,
И без промаха метит в щит,
И прошло копье Сквозь сталь и грудь,
И, жестокое, меж ребром и ребром,
И на пядь прорезалось за спиною.
Опечален король, а люди рады:
Не любили Салинтерна — был он скуп.
- 99 Расскакался Грифон и ссаживает
Двух дамасских, Эрмофила и Кармонда;
Первый ставлен водить полки,
А второй началовать над флотом.
Первый выбит, и седло его пусто;
Второй рухнул, придавленный конем,
Не выстоявшим
Пред могучим Трифоновым ударом.
- 100 Остается сильнейший всех семи — *и даже*
Селевкийский герцог, *самого*
Мощный дланью, *сильного.*
Чудо-панцирем и славным конем.
Два бойца в два копыя
Ударяют друг друга прямо в шлемы;
Но Грифонов удар сильней,
И язычник вышиблен из стремени.
- 101 Древки в сторону, бранный пыл
Тешится нагими клинками,
И рубает басурману Грифон
Такой взмах, что впору по наковальне.
На глазах разлетелись сталь и кость
Лучшего меж тысяч щитов,
И не будь на враге достойные латы,—
Быть в разрубе его бедру.
- 102 В тот же миг селевкийский паладин
Так разит Грифона в створ забрала,
Что взломал бы и достал бы, не будь
На том шлеме заговорные чары.
Таково закален доспех,
Что разбить его — тщетная забота;
А Грифон разит и разит,
И броня на сопернике — в пробоинах.
- 103 Кто глядит, тот видит:
Грифон — сильней, селевкиец—слабей;

И сложил бы он басурманскую голову,
 Не вели сам король борцам разъехаться.
 Вот по слову державного Норандина
 Выезжает стража разнять борьбу,
 Одного правят вправо, другого влево,
 И все плещут мудрости короля.

- 104 А те восьмеро удалых, которые,
 Вызвав всех, полегли перед одним,
 По неладной такой борьбе
 Друг за другом тянутся с побоища;
 А иные, на них вышедшие,
 Остаются стоять без супротивников,
 Потому что со всеми восьмерыми
 Перебил им битву один Грифон.
- 105 Недолгое было воеваньё —
 Отпразднован праздник за единый час.
 И тогда король Норандин,
 Чтоб не кончиться потехе до вечера,
 Сшед с помоста в чистое поле,
 Делит надвое латный сонм
 Знатных к знатным, доблестных к
 доблестным,
 И заводит новую игру.
- 106 А Грифон воротился на постой,
 Опаляясь гневом,
 Ибо пуще своей победы
 Был ему Мартанов позор.
 Отстранить нависшие укоры
 Размыкает Мартан лживые губы,
 А обманщица, блудная и лукавая,
 Заступает его, сколь было сил.
- 107 Поверив ли, не поверив ли,
 Но не спорит витязь с их уловками,
 А решает тотчас и тайно
 Сняться с места, чтоб не было бы худа,
 Потому что явись Мартан
 В людном месте, и быть большому шуму.
 Так по улице узкой и кривой
 Вышли они за ворота на дорогу.
- 108 Но конь ли устал, Грифон ли устал,
 Сон ли навис ему на очи,
 А не минули они и двух миль,
 Как свернул он в первую таверну,
 Снял шлем, снял латы,
 Приказал разнуздать коней,
 Заперся в опочивальной каморке
 И в постель, в чем мать родила

*Они уёзжа-
ют из Да-
маска.*

109 Не успел он склонить голову—
 Слиплись веки, и свалил его сон:
 Ни один сурок, ни полчок
 Так не спит, как спалось Грифону.
 А меж тем Оригилла и Мартан
 Вышли в сад, что при той таверне,
 И такую затеяли кознь,
 Что вовек не всходила в ум человеческий.

*Мартан
 похищает
 доспехи
 у спящего
 Грифона*

110 Порешил Мартан умыкнуть
 Платье, латы и коня Трифонова,
 И предстать королю, как тот,
 Кто явил на турнире столько подвигов.
 Сдуманно—сделано: и взял он
 Латы, щит, пернатый шлем и плащ,
 И коня белей молока,
 И отменное Грифоново платье.

111 С щитоносцами своими и красавицею
 Он въезжает в еще людную площадь
 В самый час, когда у бойцов
 Отсверкали мечи, отставились копья,
 И когда повелел король
 Сыскать рыцаря под белыми перьями,
 В белом плаще и на белом скакуне—
 Победителя, чье имя неведомо,—

112 Под чужим покровом,
 Как осел в львиной шкуре,
 Вышел званный на жданный зов
 В Грифоново место.
 Добрый царь встает ему навстречу,
 Обымает, лобзает, сажает рядом
 И не знает конца хвалам и почестям,
 Чтобы подвиг гремел во всякий слух.

*и выдает
 себя
 за победи-
 теля
 турнира.*

113 Золотым возглашают звоном
 Победителя торжественного дня;
 Громкий крик несет над народом
 Недостойное имя;
 Король едет с ним конь о конь
 От турнирной площади ко дворцу
 И такую осыпает его милостью,
 Словно он—Геркулес или Марс.

114 Ложница знатная и пышная
 Ждет виновника в царственном доме;
 Оригилле—смежная честь:
 К ней приставлены и дамы и рыцари.
 Но пора нам оборотиться к Грифону,
 Что без страха об измене друзей
 Заснул, спал
 И проснулся о заполуенном часе.

- 115 Встал он, видит, что время позднее,
И бежит оттуда, где спал,
Туда, где оставил вероломную
С мнимым братом и свитным людом.
Глядь — ни их, ни наряда, ни доспехов;
И вот всходит в его ум подозрение;
И еще оно крепче
Оттого, что кругом — Мартаново добро
- 116 А гостиник ему и говорит,
Что тот спутник, надев белые латы,
И с дамою, и со свитою
Уж давно как воротились в Дамаск.
Тут-то начинает Грифон
Видеть след, затмеваемый Амором,
И с великою понимает досадою,
Что с подругой был любовник, а не брат.
- 117 В горе о своем неразумии,
Что, услышавши от странника правду,
Предпочел он верить речам
Той, кем многожды был уже обманут,
Он не знает, как ему отомстить,
Ищет казни беглому недругу
И решает на свою голову
Взять у низкого доспех и коня.
- 118 Чем надеть тот позорный панцирь,
Вскинуть тот посрамленный щит,
Принять шлем с осмеянным знаком,
Он охотней бы шел наг и безоружен;
Но слабей разумение, чем желание
Настичь блудную и ее дружка.
Подошел он к городу в пору,
Когда с час осталось белого света;
- 119 Встал он у ворот, а налево
Блещет замок над самыми воротами,
Не твердыня, не оплот против приступа,
А привольный многохоромный дворец.
В том дворце под пышным наметом
Король, князя и вельможи
Меж прекраснейших дам всей Сирии
В роскоши и радости пировали пир.
- 120 На высоком возносилась утесе
Пирная палата из-за градной стены,
Вдаль и вширь
Озирая доли и дороги.
И явьясь Грифон у ворот
В том доспехе позора и подлости,
Волею прихотливого случая
Был увиден королем и двором.

*Трифон,
проснувшись,
надевает
доспехи
Мартана
и пресле-
дует его.*

121 В чьих он знаках, тем он и кажется,—
И хохочут над ним дамы и рыцари,
И с улыбкою король Норандин
Вопрошает злосердного Мартана,
Сидящего одесную
И с подругой себе подстать:
«Кто он, этот трус,
Небрегущий всерыцарскою доблестью?»

*Его
принимают
за хозяина
доспехов,*

122 Как он мог после столького позора
Здесь явить свой клейменный лоб?
В диво мне,— молвит государь,—
Что в отменном вашем военравьи
Вы такого избрали спутника,
Что презренной не видывал Левант!
Не иначе, как чтобы рядом
Ярче стал ваш собственный блеск!

123 Но клянусь вековечными богами:
Если бы не вы —
Я бы отдал его на поругание
Меж иных, таких же, как он,
И запомнил бы он по гроб,
Каково я гнушаюсь мерзкой подлостью.
Коли он ушел неврежден —
Это потому, что был он с вами».

124 А Мартан, сосуд всех пороков,
Отвечает ему: «Государь,
Сам я его не ведаю,
Встретил я его на Антиохийской дороге,
Показался он мне по виду
Достойным делить мой путь,
А его дел я не видел и не слышал
До худого, что нынче поутру;

125 И оно мне таково обидно,
Что ему я, малодушному, в казнь
Был готов на такую шутку,
Что вовек он не взялся бы за булат;
Но сдержало меня почтение
Не к нему, а к вам и вашему царству;
О себе же скажу одно:
Ни на час не хочу его в товарищи,

126 Ибо срам его — и на мне,
И душе моей будет вечным бременем,
Если он, осквернитель рыцарства,
Невредим уйдет из этих мест.
Чем отпускать его с миром,
Вам бы вздернуть его на стенном зубце,—
Славно это будет и по-царски,
В погляденье и урок всем негодникам».

- 127 Оригилла без сговору
Спешит в помощь Мартановым словам;
А король в ответ:
«Не таков его грех, чтоб прямо в петлю;
Но хочу я за его вину,
Чтоб еще раз'стался он нам потехою!»
И зовет барона,
И дает барону повеление.
- 128 Собирает барон оружных, *схватывают*
Сходит к входу,
Расставляет своих по тишине
И достерегает Грифона.
Как он въехал меж двух мостов,—
Все врасплох на него и хватъ без бою,
А потом — в темницу до зари
С посмеянием и поношением.
- 129 Но как только над древним лоном
Солнце вскинуло золотые кудри,
С горных склонов сгоняя тени,
А вершины озаряя светом,
Как злодей Мартан
В страхе, что Грифон добьется правды,
И вина обрушится на виновного,
Отдал честь королю — и восвояси,
- 130 Обелясь достойными причинами,
Что не будет он зрителем на зрелище;
А король за чужую победу
Сверх награды дарит его дарами
И большую пишет ему грамоту,
Где велится ему всякая честь.
Пусть себе едет —
Обещаю вам: скоро он поплатится.
- 131 А Грифона выволокли на площадь *и выводят*
В самый многолюдный позор, *на по-*
Сорвали с него шлем и панцирь, *смеяние.*
Оставили в куртке до пупа,
Притащили к мясным рядам,
Взвалили на высокую телегу,
А ее тянули еле-еле
Две коровы, чуть живые с голода.
- 132 Свитою срамной колесницы
Шли старухи и поганые шлюхи,
То одна, то другая держит вожжи,
И все с хулою на язвящих губах;
А мальчишки, не щадя сил,
Поверх брани, поносной и обидной,
Впрямь забили бы его камнями,
Не сдержи их те, кто поумней.

- 133 Доспех обманного вида,
 Причина злополучного плена,
 Привязанный к заднику телеги,
 Поделом тащился в грязи.
 Встали перед судным помостом
 И выкрикнули в очи и в уши
 Сказ о чужом бесчестье
 Голосом трубного крикуна.
- 134 И дальше, всем напоказ,
 Перед храмами, перед домами, перед
кузнями,
 И не было худших хул,
 Чем злобились над его головою.
 Наконец, вываливает народ
 За город из ворот,
 Чтоб выгнать его и выпроводить,
 А кто он — всем невдомек.
- 135 Но едва ему выпростали из желез Он высво-
 Ноги, и высвободили руки, бождается...
 Как он хватить тот щит
 И тот меч, скрежетавший за телегою,
 А на него — никого.
 Вздорный люд без мечей и без копий...
 Но что вышло — о том новая песня,
 А этой, государь мой, конец.

ПЕСНЬ ВОСЕМНАДЦАТАЯ

- 1 Веледушный мой повелитель, Вступление.
 Вам всегда и за все — моя хвала,
 Хоть от слов моих нескладных и
неловких,
 Вашей славе — только урон.
 Но превыше иных доброт
 Об одной мое пение и сердце:
 К каждому ваш милостив слух,
 Но не просто склонить его к доверию.
- 2 Винят ли тебе кого заочно —
 Ты сам ему ищешь оправдания
 Или, заложив одно ухо,
 Ждешь, чтоб сам он предстал себе
помочь.

Никого не судишь,
 Не увидев и не услышав,—
 Лучше выждешь день, месяц, год,
 Чем спешить крутым приговором.

- 3   Будь таков Норандин, как ты,—
 Век Грифону не дельвать бы сделанного!
 А теперь—за тобою честь и благо,
 А на нем, как смоль, бесславящее пятно,
 Ибо много погубил он своих,
 Когда странный от ярости Грифон
 В десять взмахов
 Тридцать душ положил вокруг телеги.   *...и побивает
 много
 народа.*
- 4   Остальные от страху кто куда,
 По дорогам, по бездорожьям,
 Вспять в ворота
 И вповал друг о друга на порог.
 А Грифон, не тратя угроз,
 Не зная пощады,
 В месть за срам
 Мечет меч по немощному толпищу.
- 5   У кого проворнее прыть,
 Первыми доспев до ворот,
 В мыслях о себе, а не о товарищах,
 Вскидывают мост,
 А другие, в слезах и с смертью в лицах,
 Мчатся вроссыпь и ни взгляда назад,
 И от всех повсюду великий
 Крик, шум, вой.
- 6   А лихой Грифон
 Хвать двоих в той толпе, которая
 На погибель брошена у моста,
 И одного — головою о камень,
 А другого поперек тулова
 И с размаху через стену прямо в город:
 Рушится он с неба на площадь,
 Видят люди, и мороз по костям.
- 7   Робким страшно, что рыцарь в ярости
 Сам взлетит над стеною—и на них.
 Подступи к Дамаску султан —
 И то не было бы громче тревоги:
 Бегут люди, машут мечи,
 С высоты вопят муэдзины,
 Барабаны с трубами бьют в слух,
 И небо раскатывается эхом.
- 8   Но что из этого вышло,
 Я домолвлю в следующий раз,

А теперь мне пора к славному Карлу,
 Как он рвется на Родомонта,
 Погубителя крещеного люда,
 А при нем (я уже их называл)
 Оливьер, и Найм, и Большой Датчанин,
 Авин, Аволий, Отон, Берлингьер.

*Тем
 временем
 Карл
 нападает
 на Родомон-
 та.*

9 Восемь копий восьми паладинов
 Ударяют, и на все был отпор—
 Тверда чешуя,
 Скорлупой облегла сердце мавра.
 Как прямится челн,
 Когда кормщик спустит снасть перед бурей,
 Так выстоял Родомонт,
 Где бы дрогнула каменная гора.

10 Раньер, Рикард, Гвидон, Соломон,
 Верный Турпин и неверный Ганелон,
 Анджолин, Анджольер, Угетт, Ивон,
 Марк и Матвей от святого Михаила
 И все восьмеро вышеназванных,—
 Крепким кругом обстали басурмана,
 А меж них—Ариман и Одоард,
 Только что приспевшие из Британии.

11 Не так кипит ветер в Альпах
 Перед башней на скальной круче,
 Когда ярый аквилон или австр
 Гнет в ущельях ясени и ели,—
 Как кипит сарацин
 Гордым гневом и жаждой крови.
 И как слиты молния и гром,
 Так в язычнике—ненависть и мщенье.

12 Бьет он в голову ближайшему,
 А ближайший был Дордонский Угетт,
 И хоть шлем на нем лучшего закала,
 Пал несчастный, раскрыт до зубов.
 Тотчас сам
 Слышит злобный в свой панцирь град
 ударов,
 Но они—как игла для наковальни:
 Так он вкован в драконью чешую.

13 Брошены валы,
 Обезлюдел город—
 Всем народом рвется Карл на площадь:
 Здесь он надобнее.
 Нет иного людям спасения—
 Льется в площадь толпа из всех заулков,
 И у каждого жар в груди, булат в руках:
 Так пылают души зовом Карла.

*Стекается
 народ.*

- 14 .   Как в оградный затвор
 К взятой в лове бывалой львице
 На потеху черни
 Заточают неистового быка,—
 Ее львеныши,
 Глядя на невиданные рога,
 И как с ревом он мечется по песку,
 Жмутся в угол в смятении и страхе;
- 15   Но когда свирепая мать
 Ринется жадным зубом в бычье ухо,—
 То и дети взыграют на подмогу,
 Кто в хребет, кто в чрево,
 Чтобы кровью обагровился рот.
 Так сбегается люд на басурманина,
 Изблизы, издали, из окон, с крыш
 Сея ливень тучей стрел и дротов.
- 16   Конных и пеших
 В тесноте не счесть,
 Сброд из улиц
 Нарастает, как пчельный рой;
 Безоружных, праздных,
 Всех бы порубил в капусту,
 Но и мавру в давке
 Станет руоки на двадцать дней.
- 17   Такова игра ему несручна:
 Вошел, он не ведает, как выйти.
 Больше тысячи окровавило землю,
 А толпе не в убыль,
 А толпа набухает бранным духом,
 И видит Родомонт:
 Не уйди он теперь, пока цел и полон сил,—
 Скоро станет поздно.
- 18   Обращает он грозный взор,
 Видит: нет исхода ни впредь, ни вспять,
 Но уж он проторит себе путь,
 Положив без счету супротивников.
 И сотряси разительный булат,
 Мчится обуянный
 На британскую выставшую рать,
 Одоардову рать и Ариманову.
- 19   Кто видел, как на зрелищной площади
 Меж кипящим людом со всех сторон
 Дикий бык,
 Круглый день травимый псами и
копьями,
 Вдруг прорвет ограду, и народ
 Врассыпную, и уж кто-то вздет на
роге,—

Тот и знай, что еще страшней в порыве
Африканский был Родомонт.

Двадцать тел пополам
Двадцать голов с плеч,
Что ни удар, то смерть,—
Так садовник сечет ветви и лозы.
Весь в крови,
Рассыпая руки, ноги, плечи, головы,
Где ни ступит ярый басурман,
Там ему и дорога.

*Родомонт
прорывается
из города.*

- 21 Покидает он площадь
Без приметы страха на лице,
Но взыска думою,
На каком пути безопасней след.
Так достиг он того берега,
Где под островом льется Сена из стен;
А ратные люди и нератные
Теснят по пятам, и покою ему нет.
- 22 Как в Нумидии, как в Массилии
Царь зверей,
Перед ловчими отступая в дебрь,
Медлен, грозен и воочию царствен,—
Так, не низок духом и делом,
Дикой чащей копий, мечей и дротов
Долгими ступал шагами к берегу
Родомонт.
- 23 Трижды и четырежды гнев
Гнал его с набережья в город,
Красил кровью меч,
Сотни тел валил вправо и влево,—
Но рассудок пересилил ярость
Не смердеть ко Всевышнему трупам,
Взять лучший путь из большой беды,—
И вот с кручи он бросается в воду.
- 24 Он бросается в воду
В тяжких латах, как в пловчих пузырях:
Не рождала ты, Африка, подобного,
Ни Антеем гордясь, ни Аннибалом!
Переплыл и терзается оглядкою,
Ибо цел за его спиною
Этот город, что он прошел насквозь,
И не выжег, и не сравнял с прахом.
- Гложет его гнев и гордыня
Вновь вернуться на прежний след,
И он стонет из недр души,
Что не уйдет, не спалив и не порушив.
Но глядит сквозь ярость,—а там
Вдоль реки уже спешит к нему тот,

Кто умерит пыл и умедлит гнев";
А каков он, о том начну я издали.

- 26 Я начну с того, как гордой Распре
Повелел архистратиг Михаил
Аграмантовых сильнейших и лучших
Возжечь к брани и лютому раздору.
Тот же час она покинула иноков,
За себя им оставивши Обман
Соблюдать огонь вражды меж братьями
До верховного своего возврата.
- Тем
временем
Распря,
спеша
к сарацинам,*
- 27 Ас собою в путь
Взяла Распря прислужную Гордыню,
И как жили все в одном покое,
То не надобно было и розыска.
Выступила Гордыня,
Но и за себя оставила в обители
На немногие отлучные дни —
Лицемерие.
- 28 Вышла неумолимая Распря
С Гордынею в назначенный путь,
И на том пути
К сарацинскому стану
Неутешную встретили они Ревность,
А при той был карлик пигмей,
Вестник владыке Сарзы
От его прекрасной Доралисы. *И*
- 29 Как досталась Доралиса Мандрикарду
(Я уже рассказывал, где и как),
Она тайно поверилась карлику,
Чтобы тот повестил о ней царя,
А уж царь не пребудет празден,
И блеснет невиданными подвигами,
Чтоб отбить и отмстить
Переятую свою невесту похитчиком.
- приносит
к Родомонту
весть
о Доралисе
и Мандри-
карде.*
- 30 Повстречавши того карлика Ревность
И узнавши, зачем он держит путь,
Присоседалась она к нему подорожницею,
Рассудив, что без дела ей не быть.
И Распря была им рада,
А пуще, когда уведала,
Куда и зачем их странствие,—
Это было ей к думе и с руки.
- 31 Завиделось ей поссорить
Родомонта с Агрикановым сыном:
Для других придут другие поводы,
А для этих двух —лучше не найти.

Вот она и повелась вслед за карликом
К Парижу, в сарацинские когти,
И приспели они к берегу о ту пору,
Когда злобный выплывал из волны.

- 32 Как признал Родомонт
Посланника своей дамы,—
Гаснет гнев, всходит ясность на чело,
И отвага блещет в груди.
В чаянии всякого рассказа,
Кроме лишь повести обид,
Он светло вопрошает карлика:
«С чем шлет тебя наша госпожа?»
- 33 А карлик ему в ответ:
«Не назвать госпожою рабствующую!
Повстречался нам вчера некий всадник,
И отбил ее, и увез»,—
С этим словом вернулась в душу рыцаря
Ревность, хладная, как змея,
А карлик себе рассказывает,
Как тот всех побил один и взял красавицу.
- 34 А Распря берет кресало,
Ударяет кресалом о кремень,
Гордыня ей держит трут,
Вмиг встал огонь,—
И в пожаре сарацинова душа:
Он хрипит и кипит, не зная, где он,
И на страшном его лице —
Вызов небу и всем стихиям.
- 35 Как тигрица к нежданно опустелому
Сходит логову, ходит вокруг,
Ищет детищ,
И поймет, наконец, что похищены,
И таков в ней безумен ярый гнев,
Что ни горы, ни реки, ни ночь, ни град,
Ни бескрайний бег
Не помеха преследующей ненависти,—
- 36 Так и сарацин,
Исковеркан страстью,
Обернулся к карлику, крикнул: «В путь!» —
И ни слова ближним,
И не ждет ни коня, ни колесницы,
Быстр, как ящер вперевбег через зной.
Нет коня, но коня он отобьет
(Так решил он) у первого поперечного.
- 37 А уж Распря слышит этот помысл
И усмешливо глядит на Гордыню
И молвит, что ужо ему будет
Конь, с которым не обратиться раздоров,

*Родомонт
бросается
на поиски
их.*

И уже она знает, где;
 А иным коням
 Не бывать на всей его дороге.
 Будь, что будет; а я теперь — о Карле.

- 38   Когда минул Родомонт,
             Карл утишил окрест пожар
 Разобрал народ по дружинам,
 Иных выставил, где слабей оплот,
 А с иными шагнул на басурманов,
 Чтобы шахом выиграть игру.
 Каждому полку—свои ворота,
 От святого Германа до святого Виктора,
- Тогда Карл
 выводит
 войско на
 вылазку.*
- 39   А у врат святого Марцелла,
 Где широкое и ровное поле,
 Там встать и ждать,
 Вскинув стяг для общего сбора.
 Здесь и быть резне,
 Да такой, чтобы вовек не запомнилась:
 Такой дух он вдунув дружинам,
 Двинул должных к бою на данный знак.
- 40   А меж тем король Аграмант,
 Вновь в седле, хоть и ссаженный ударом,
 Жарко бился упор в упор
 С паладином прекрасной Изабеллы,
 А с Лурканием рубился Собрин,
 А Ринальд, лицом к лицу с целым полчищем,
 Доблестью своей и удачею
 Разит, рушит, крушит и гонит вспять.
- 41   Такова-то была битва в тот час,
 Когда Карл ударяет с тыла,
 Где король Марсилиий под стяг
 Собрал цвет испанского рыцарства.
 Грянул Карл удалым своим народом,
 Конным в крыльях, пешим внутри,
 И на трубы его и бубны
 Раскатился отзвук из края в край.
- 42   Дрогнули сарацины—
 Быть бы
 Им гонимым, побитым и размыканным,
 Чтобы ввек не ссилиться в бой,—
 Но пред ними Фальзирон и Грандоний,
 Два когда-то жестокие врага,
 Балигант, лютый Серпантин
 И Феррагус, а на устах его — выкрик:
- 43   «Удальцы мои, соратники, братья!
 Ни шагу вспять —
 Тщетен вражий труд,
 Если каждый тверд в своем долге.

Сколько чести и сколько прибыли
 Нынче вам являет победа;
 Сколько срама и крайнего урона
 Побежденному на веки веков!»

44 А в руках его —тяжкое копье,
 А удар того копья —в Берлингьера:
 Бился Берлингьер с Ларгалифом
 И уже рассек тому шлем.
 Выбит Берлингьер из седла,
 За ним восьмеро рушатся под клинком:
 Что ни взмах —
 То и витязь простерт в пыли.

45 На другом просторе поля Ринальд
 Бьет врагов превыше счета и сметы.
 Никакой пред ним не выстоит строй—
 Где ни явится, сразу пусто.
 Бранный жар, что в Зербине, что в Лурканий
 Таково горит, что век о нем петь:
 Перед этим рухнул Баластр,
 Перед тем сложил голову Финадур,—

46 Первый воеводствовал Альзербою,
 Над которою прежде был Тардок,
 А второй предводил дружины
 Из Марокко, Замора и Саффы.
 «Неужели,—спросите вы меня,—
 Ни единый в Африке рыцарь
 Не проверен ни копьём, ни клинком?»
 Тише, тише: всем славным будет слава.

47 Не забудем: есть Зумарский король,
 Благородный Дардинель, сын Альмонта,
 От копья его мирфордский Уберт,
 Горный Элий и Дольфин, дубравный Клавдий,
 От меча его станфордский Ансельм,
 И Раймонд, и Пинамонт из Лондона
 Пали оземь (а уж кто был сильней!)—
 Два без чувств, один ранен, четверо насмерть.

*Подвиги
 Дардинеля.*

48 Но каким ни сверкнет он подвигом —
 Все ему не сдержать своих людей,
 Чтобы выстоять супротив христиан,—
 Наши меньше, но наши крепче,
 Наши свычней играть мечом
 И проворней в ратной потехе.
 Вот язычники вспять и в бег,
 Марокко, Сеута, Зумара и Канара,

49 А быстрее того—Альзерба,
 И на них-то вперехват — Дардинель,

- Кротким словом и едким словом
 Подымая им отвагу в сердцах:
 «Памятен ли в верных Альмонт,—
 Это нынче пришла пора увидеть
 По тому, как меня, его сына,
 Бросите вы в гибели или нет.
- 50 Заклинаю вас юным моим цветом,
 Поручкой ваших надежд:
 Удержитесь, не рвитесь лечь под меч,
 Обесплодить милую Африку!
 Если мы не плечом к плечу—
 Все пути непрохожи для рассыпанных:
 Горы выше стен, море глубже рвов
 Отсекли вам путь возвращения.
- 51 Не красней ли смерть,
 Чем позор и казнь от Христовых псов?
 Тверже, верные, во имя Всесильного,—
 В этом ваше всё!
 А ваш недруг не бессмертнее вас—
 Две руки, одна душа, одна жизнь!»
 Так воскликнув, юный храбрец
 Рушит насмерть графа Атлонского.
- 52 Вспыхнула памятью Альмонта
 Бегучая африканская рать,
 Вспомнила, что вернее к защите
 Руки в битве, чем ноги в бегу.
 Был Гильельм из Бервика
 Головой выше всех британцев,
 А стал вровень, под клинком Дардинеля;
 С Аримана Корнваллийского летит
 голова—
- 53 Пал мертв Ариман на вздолье;
 Мчит ему в помочь брат-^
 Дардинель раскроил его на-полы
 От плечей до разлучья ног;
 Вздет копьем барон Богий из Вергалла,
 И обету его конец,
 Что сулился он к жене из похода
 Быть в полгода, коли будет жив.
- 54 Глядит храбрый Дардинель, а вблизи
 Лурканий опрокинул Доркина,
 Пронзив в шею, и сокрушает- Гарда,
 Разломив ему череп до зубов,
 И бежит от Луркания Алфей,
 Алфей, милый Дардинелю больше жизни,
 Но поздно: разит его в затылок
 Гордый витязь, и удар—наповал.
- Дардинель
 убивает
 Лурканию.*

- 55 Дардинель с копьем на удар
Мчится мстить, молясь Магомету:
Если свалит он Луркания намертво —
Украшать его панцирю мечеть.
И пришпорив по полю вперерез,
Бьет в бок,
И копые выходит напробой,
И приспешники обирают павшего.
- 56 Надобно ль говорить
В какой муке был брат Ариодант?
Он рвется своей рукой
Дардинелеву душу извергнуть в ад,
Но толпа не дает ему доступа
Вкруг его меча и вкруг басурманова.
Он хочеть мстить,
Он мечом торит себе путь,
- 57 Бьет, сечет, рубит, валит, режет, гонит
Всех, кто стал ему поперек,
А навстречу Дардинель
Той же жажде ищет упоения,
Но и ей помехою ратный люд,
Но и его порывания тщетны.
Так один крушит мавров, а другой
Губит франков, британцев и шотландцев.
- 58 Судьба им положила между
Не достичь в ту пору друг друга,
Ибо каждому своя участь,
И уже знатнейшая нависла рука.
То Ринальд на своем пути,
Чтоб сразить, и сраженному не встать.
То Ринальд, и ведет его судьба
К громкой чести низвергнуть Дардинеля.
- 59 Но довольно уже поведано
О тех бранях в закатной стороне,
И пора мне воротиться к Грифону
В его пылком гневе и яркой злобе,
Неслышанный сея страх,
Крушащему мятущийся люд.
На тот шум выходит царь Норандин,
А за ним—полк в тысячу латных:
- 60 Со своими латными Норандин,
Видя, как бегут безоружные,
Подошел к воротам в боевом строю,
Приказал распахнуть ворота настежь.
А уже Грифон разогнал
Чернь, в которой ни ума, ни сердца,
И вздел на себя доспех,
Сколь ни мерзкий, но берегущий тело.

*Тем
временем
Трифон*

- 61 Был храм за крепкой стеной,
Обвиваемый копаным каналом,
На канале единый мост,
На мосту неокружимый стал Грифон.
Густой полк выезжает из ворот
С грозным криком,
А отважный ни с места,
И ни страха в его лице.
- 62 Видит он знаменную их хоругвь
Ближе, ближе, бросается навстречу,
Бьет, как в бойне, вправо и влево
Двоеручной сталью,
И опять на мост,
Не на долгий час,
Но чтоб вновь вперед и вновь обратно,
Страшным следом метя свой путь.
- 63 Впредь ли он, вспять ли он,
Пешие и конные—в прах;
Но враги на него вновь строй за строем,
И борьба все злее и злей. <
Как прибой, они со всех сторон,
И тревожно Грифону, не затопят ли.
Он поранен в плечо и в левое бедро,
И уже в груди ре стало духу.
- 64 Но доблестным доблесть в помощь—
Тронут доблестью король Норандин:
Приспел к неведомой смуте,
Видит он несметные трупы,
Видит раны, достойные десницы
Троянского Гектора, и видит,
Что недостаточно от него обижен
Рыцарь, несравненный из несравненных.
- 65 Подъезжает ближе и зрит
Погубителя столького народа,
Гору страшных тел,
Ров с кровью пуще воды,
И мнится ему на том мосту
Древний Коклес, един в отпор всей Туеции,
И велит он ради чести и выгоды
Войску прочь, а оно и радо прочь.
- 66 Вскинув безоружную руку,
Древний знак дружества и мира,
Говорит он Грифону: «Промолчу ли,
Как досадно и криво и оплошно
От малого ума и от злого
Подстреканья впал я в вину—
На подлейшего затеяв из рыцарей,
На лучшего посягнул?
- за
безоружными
избивает
оружных.*
- Король
Норандин
просит
его о мире.*

- 67 И хоть честию подвига твоего
Ты покрыл и сгладил,
Пересилил и перевысил
Весь позор от нашего невежества,
Но и от меня
Нынче быть тебе удоволену
По знанию моему и владению
Золотом ли, городом ли, замком ли.
- 68 Проси половину королевства —
И тотчас она твоя,
Ибо дань твоей гордой доблести
Есть и выше — моя душа!
Дай же мне руку в руку
В залог вечной и верной любви!»
И сошел с коня
И простер к Грифону десницу.
- Они
заключают
дружбу.*
- 69 Видя гнев на милость
В королевском смененный мановении,
Отлагает Грифон и сталь и злобу
И склонясь, припадает к королю.
Король видит две кровавые раны,
Тотчас кличет целебного лекаря
И велит отнести с великой бережью
Победителя во дворцовый покой.
- 70 Там и были дни житья для пораненного,
Пока вновь он не облекся в доспех.
Там его я и оставив,
пушусь
В Палестину, к его брату и Астольфу,
Которые с самых пор,
Как покинул Грифон святые стены,
Ищут его окрест Солима
И в близких и в далеких местах.
- Аквилант,
выехав
искать
Грифона,*
- 71 Ни тому, ни другому невдогад,
Что с Грифоном случилось;
Но случился им разговор
С тем паломником греческой земли,
И услышалось о той Оригилле,
Что она держит путь в Антиохию
С новым другом из этих мест,
Обуявшись к нему неожиданным пламенем.
- 72 Спрашивает Аквилант: а о том
Вестно ли от странника Грифону?
И услышав, что вестно, понял всё —
И куда и для чего он отъехал.
Несомнительно, что пустился он за ней
В самую Антиохию,
Чтобы вырвать ее из супротивных рук
И отмстить достопамятною мезтью.

- 73 На такое дело
Аквилант не отпустит брата без себя:
Надевает он доспех ему вслед,
А герцогу Астольфу наказывает
Ни во Францию не спешить, ни в Британию,
Пока вновь он, Аквилант, не будет здесь,
А сам — в Яффу, и на корабль,
Ибо морем путь и ближе и лучше.
- 74 А над морем дул южный австр,
Таково попутный плывущему,
Что завтра же увидел он Тир,
А потом Саффет,
Миновал и Зибелет и Берит,
И оставив Кипр по левую руку,
Взял от Триполи на Тортосу и Лицу,
И уже перед ним Александретта.
- 75 Верткую отсюда ладью
Оборачивает кормчий к восходу,
Чтобы всплыть в текущий Оронт,
Выждал время и входит в устье.
Скидывает Аквилант сходни,
Сел, оружный, на гордого коня
И вверх по реке вдоль берега
До самых Антиохийских ворот.
- 76 А в Антиохии он слышит,
Что Мартан и с ним Оригилла
Минули в Дамаск
К знатному королевскому турниру.
Устремляется он за ними,
Угадавши, что брат на их следах,
И тотчас из Антиохии прочь,
Но на сей раз не по морю, а по суху.
- 77 Путь его — по Лидии, по Лариссе,
Мимо пышного и обильного Алеппо;
И здесь-то явил Господь
Милость к добрым и казнь порочным
За час езды до Мамуги
Повстречался Аквиланту Мартан,
Напоказ красуясь
Недолжною наградою за турнир.
- 78 Поначалу Аквиланту подумалось,
Что злодей Мартан—его брат:
Обманули его светлые латы
И плащ, как неталый снег.
Радостно он выкрикнул: «О!»,
Но сменился в лице и в слове,
Рассмотрев с подскока,
Что пред ним—не тот.

*встречает
Мартана
и Оригиллу*

- 79 Уподозрив, не коварством ли спутницы
Убил Грифона Мартан,
Он кричит:
«Несомненный ты злодей и изменник,
Отвечай, откуда твой Доспех
И твой конь, моего носивший брата"?
Жив он или мертв,
Коли ты по нем конный и оружный?»
- 80 Услыхав Оригилла гневный окрик,
Бросила коня наубег,
Но быстрее того Аквилант
Удержал ее волею и неволею.
А Мартан перед грозным витязем,
Столь внезапно его взявшим в полон,
Задрожал, как бледный* лист на ветру,
И не знал, что помолвить и поделать.
- 81 Аквилант гремит и сверкает,
Его меч—у Мартановой гортани,
Он грозит, что не сносить
Головы ни Мартану, ни Оригилле,
Ежели не вскажется все, как есть.
И Мартан, слотнув, .>•
Примеряется, как бы обелиться,
И заводит так:
- 82 «Это, сударь, моя сестра,
Роду знатного и доброго,
Но обиду от вашего брата
В неподобное ввергнутая житье.
А как стало сие мне в бесчестье,
То, не зная управиться усилием
С столь могучим мужем, я умыслил
Залучить ее исхищрением ума.
- 83 Вызнав, что ей любо и самой
Воротиться к донравной жизни,
Мы сошлись, что когда Грифон уснет,
Она выскользнет неслышно и тайно.
Так и случилось; а чтобы он погонею
Не расткал нам затеянную ткаль,
Он оставлен пеш и бездоспешен,
А мы—прочь, и вот пред вами здесь».
- 84 Таковым исхищрением ума
Впору бы Мартану гордиться,
Ибо сплел он складно и не во вред
Про коня, доспех и Грифона,
Но он так уж хотел себя оправить,
Что пустился на негодную ложь—
Всё бы ладно, кабы не то,
Будто Оригилла ему сестрица.

- 85 Ибо Аквилант,
Понаслышавшийся в Антиохии,
Что она ему сущая любовница,
С ярым криком «Лжешь, негодяй!»
Так хватил его стальным кулаком,
Что два зуба вбил ему в глотку
И без дальних слов
Вяжет руки ему за спину вервием,
*и берет их
в плен.*
- 86 А за ним, как она ни отмаливалась,
Оригилле,—
И ведет их по городам и весям
До самого до славною Дамаска,
Он и тысячу тысяч миль
Передлил бы такое поношение,
Чтоб добраться до брата и ему
Головою их выдать на расправу.
- 87 Вот, со всем их добром и всею свитою
Приезжает рыцарь в Дамаск,
А уж там
Плещет крыльями Грифонова слава:
Стар и млад, у всех на устах
Тот игрец копьём,
Обездоленный в турнирной чести
Лживым выказом своего сопутника.
- 88 Всем противен злодей Мартан —
Все его узнали, кажут пальцами,
«Вот,—говорят,—тот вор:
Другим подвиги, а ему слава!
Вот чьим срамом
Опозорена отменная доблесть!
И не та ли при нем вероломная
Погубительница добрых, вспомогательница
злым?
- 89 Впрямь,—говорят,—в обоих
Точью в точь одна порода в масть!»
И кипят, и вопят, и неистовствуют:
«В петлю, на костер, под топор!»
Теснится толпа глазеть,
Все бегом на улицы, на площади;
И доходит весть до царя,
И милей ему, чем второе царство,
- 90 Стремглав, как был,
Без доспешной свиты справа и слева,
Он торопится встретить и приветить
Отомстителя дорогому Грифону.
С весельем в лице
Он ведет Аквиланта во дворец,
*Аквилант
в Дамаске
находит
брата,*

А двух пленных, по витязеву слову,
Заточает в подземелье большой башни.

91 Потом всходят они в ту ложницу,
Где пораненный простерся Грифон,
Увидевший брата и зардевшийся,
Догадавшись, что скрытое раскрыто.
И потешившись Аквилант о том и этом,
Стали оба судить, каким
Справедливым карам
Обречь злобников, залученных в плен?

92 Тысячи терзательных казней
Прочат им король и Аквилант,
Но Грифон, не смея
За единую просить Оригиллу,
Умоляет помиловать обоих,
И многое молвил, и достиг:
Решено Мартана выдать палачу,
И чтоб сечь его, да не до смерти,

*а Мартана
наказывают
розгами.*

93 И связать его, да не меж цветов и трав,
И под розги на целый день;
Оригиллу же оставить в плену
До возврата королевы Люпины,
И ее-то разумным рассуждением
Будь ей мера легка или горька.
Здесь прокоротал Аквилант
Дни, покуда Грифон не взял оружие;

94 А меж тем король Норандин,
Научась бедою уму и мере,
Не умел избыть
Горестного душевного раскаяния,
Что уроном и обидою
Оскорбил достойного всякой чести,
И вседневной томился и всенощною
Думой: как перед ним себя оправить?

*Норандин
объявляет
новый
турнир.*

95 И решил, что пред городом и людом,
Винным в столь великом бесчестье,
Он, как лучшему из витязей
Достойнейший из владык,
Воздаст славную ту мзду,
Что отторг обманчивый изменник;
И велит повестить по всему краю
Через месяц новый знатный турнир,—

96 Таковой отменной пышности,
Какова пристала истому царю.
Быстрокрылая Слава эту весть
Мчит по Сирии, мчит по Финикии
До Святой Земли,
Где дослышал ее добрый Астольф

- И с наместным тамошним владетелем
Порешил, что без них турниру не быть.
- 97 А наместный тамошний Сансонет
Был воистину именит отвагою:
Он крещен был от самого Роланда,
А от Карла ставлен владеть Святой Землей.
С ним и снарядился Астольф
В пресловутый край,
Ибо пела молва во всякий слух,
Что в Дамаске будет славная потеха.
- 98 И держа свой путь
Переходами малыми и неспешными,
Чтоб без устали
Предъявиться к бою в урочный день,
Вот встречаются они на перекрестье
Всадника по платью и стати,—
Но то был не всадник, а всадница,
Несравненная в битвенном пылу.
- 99 Имя ей Марфиза,
А отвага ее такова,
Что с мечом она выходила на Роланда,
И Ринальд перед нею бывал в поту.
Днем и ночью она в оружии
Рыскала по долам и горам,
Не встретит ли странствующего рыцаря,
Чтоб помериться и прославиться на века?
- 100 Увидевши Сансонета и Астольфа
В крепких латах невдали пред собой,
Угадала она сильных поединщиков,
Ибо оба немалы и в рост и в ширь,
И, желая попытать свою мощь,
Тронула на них скакуна,
Как вдруг изблужи
Ей узнался британский паладин.
- 101 Ей припомнилось, как хорош
Был тот витязь при ней в Катае,
И окликнув она его по имени,
Скинула перчатку, вскинула забрало
И спешит принять его в объятья,
Хоть всегда й надменна и горда.
И не меньше приветен был Астольф
Пред такую необычливою девою.
- 102 Поспросились они, куда чей путь,
И когда Астольф отвечивал первый,
Что в Дамаск,
Куда лучших латников и мечников
Скликнул король Сирии
Оказать свою рыцарскую доблесть,
- Астольф
и Сансонет
едут
на турнир*
- и встречаются
Марфизу,
сестру
Руджьера.*

То Марфиза, всегда пылая к подвигам,
Объявила: «Хочу там быть, как вы».

- 103 Отменно такой соратнице
Рад и Астольф и Сансонет,
И приехали они в Дамаск
В канун праздника,
И до часу, когда Заря
Встала с ложа дряхлого супруга,
Ночевали в градском предместьях
Слаще, чем в царевом дворце. *
- 104 А как новое тресветлое солнце
Разметало блещущие лучи,
Двое витязей и третья красавица,
Вздев оружие, выслали гонцов,
И гонцы им доносят,
Что над местом яркой игры
Уж воссел король Норандин
Посмотреть, как ломаются бук и ясень.'
- 105 Тут они, не мешкая,— в город,
И по главной улице, и на площадь,
Где уже стоят строй на строй
Рыцари отборной породы,
Дождаясь королевского мановения.
А наградою были в этот день
Меч и палица в изрядном уборе
И скакун, не постыдный королю.
- 106 Норандин был тверд на уме,
Что как давеча, так и нынче
Двух турниров лучшая честь
Сбережется для белого Грифона.
Чтоб воздать достойную дань
Храбрецу нескудеющею дланью,
Он умножил прежний доспех
Скакуном, и мечом, и палицею.
- 107 Тот доспех, по прежней игре
Должный всепобедному Грифону
И не впрок
Переятый у него самозванцем,
Ставлен был царем на виду,
Опоясан разубранным мечом,
А при седле скакуна висела палица,—
Две награды единому Грифону.
- 108 Но такое государево намерение
Вдруг препнула отважная воительница,
Меж Астольфом и добрым Сансонетом
В этот миг представшая пред бойцов.
Увидавши названный доспех,
Тотчас она его признала,

*На турнире
Марфиза
узнает
в награде
свое оружие*

- Ибо она сама
И носила его и дорожила им.
- 109 А оставила она его средь дороги
Оттого лишь, что был он ей в помеху
Гнавшейся отбить свой верный меч
За Брунелем, которому бы в петлю.
Но смолчу,
Чтобы дважды одно не пересказывать,—
Нам довольно знать, что вот так
Пред Марфизой сверкнул ее доспех,
- ПО И довольно понимать, что теперь,
Угадавши его по верным признакам,
Ни за что
Не оставит она его ненадетым.
А уж так ли, не так ли его взять,—
Некогда ей думать;
Подлетает к столбу, и хватъ,
И к седлу, без малого зазренья,
- 111 Так спеша, что иное—к седлу,
А иное валится оземь.
Оскорблен король
И единым взором взметает бурю.
Невтерпеж народу обида,
Мечет месть к мечу и копыю,
Никому не в память, какво обошлось
На недавнего наброситься рыцаря.
- 112 Ни дитя, резвясь по вешним цветам,
Лазоревым, алым, желтым,
Ни красавица, к музыке и пляске
Разодевшись, не радуется так,
Как в лязге бронь и ржанье коней,
Меж бьющих копий и жалящих стрел,
Где льется кровь и сеется смерть,
Рада ратовать мощная Марфиза.
- и захватывает его,
разогнав толпу.*
- 113 Она шпорит коня, клонит копье,
Мчится на ропшущую чернь,
Метит в грудь, метит в горло,
Чуть заденет—и наповал,
Чуть взмахнет—
И не сносить головы,
Тот пронзен, а этот подкошен,
Кто без правой руки, а кто без левой.
- 114 А лихой Астольф и могучий Сансонет,
С нею вздевшие кольчуги и брони,
Хоть не с тем пришли,
Но завидевши вскипевшую рать,
Опустили решетки на лицо,
Опустили копья острием в подлый люд,

- И пошли рубить,
Пресекая в толпе себе просеку.
- 115 А приезжее рыцарство из чуждых стран
Для потешных битв,
Вдруг увидев, что потеха—кровава
И нешуточно бешенствуют мечи,
Но не все догадываясь,
Какова была царская обида
И на что вознеистовствовал народ,
Стоит праздно, сомнясь недоумением.
- 116 И одни хотят в подмогу толпе
(В чем они невольно раскаются),
А иные, холодные к тем и этим,
Озираются, не проще ли прочь,
А иные, самые разумные,
Узды в руки, и смотрят, кто кого;
А меж них—и Грифон и Аквилант,
Первыми представшие к состязанью.
- 117 Но как взвидели они, какво
Пышут кровью царицы очи,
Как услышали от ближних и дальних,
Из чего вскипел такой мятеж,
Как почел Грифон, что обида
Королю и ему—одно,
Так устали они свои копья
И как молния ударили мстить.
- 118 А навстречу им—Астольф,
А под шпорами его—Рабикан,
А в руке—чародейное копьё,
Пред которым ни храброму не выстоять.
Он уметил—и Грифон пал в прах,
Он задел
Лишь крайний обод щита—
И Аквилант распростерся без движения.
- 119 И пред Сансонетом
Вмиг пустеют седла лучших рыцарей,
И народ в смятенье ищет выхода,
И гремит на малодушных король.
А Марфиза
О двух шлемах и о двух панцирях,
Видя, что все ей кажут спину,
Победительницей возвращается на постой.
- 120 А за нею—Астольф и Сансонет,
И втроем—к городским воротам;
Народ перед ними—врассыпную,
И вот встали они к бою на мосту.

*Марфиза
с друзьями
узнает
Грифона
с друзьями.*

Между тем Аквилант и Грифон,
Стыдясь пасть с одного удара,
Опускают лица
И не смеют предстать пред Норандином,

- 121 А скорей в седло
И пришпорили по пятам за обидчиками.
А за ними—король с своими присными,
Все готовые на месть или смерть;
Праздный люд вопит: «Так их, так их!»,
А сам одаль, и ждет, кто кого.
Доскакал Грифон до самого моста,
Где стояли трое наперевес,
- 122 И глядит, и узнает Астольфа:
Тот же щит,
Тот же конь и тот же панцирь,
Как в тот день, когда он сразил Оррилла.
Там, на площади, в бранный час
Не узнал его Грифон и не приметил,
А тут видит, и шлет ему привет,
И пытается, а кто его соратник,
- 123 И зачем они сорвали с шеста
Тот доспех, в поношенье государю?
Отвечает британский паладин
О друзьях своих нелживую правду,
А про доспех, откуда вся свара,
Он и сам-де не знает ничего,
Но Марфиза была им спутницею,
Вот они и ударили ей помочь.
- 124 Так-то к ним стоящим и толкующим
Подоспел Аквилант,
С ближних слов угадал собеседника
И был лют, а сразу стал добр.
Подоспели и Норандиновы спутники,
Но приблизиться не спешат,
А приметивши, что они беседуют,
Стали одаль и напрягли слух.
- 125 А заслышав, что меж ними Марфиза,
Всех на свете слыvuщая сильней,
Мчит гонец в опор
Повестить короля Норандина:
Если хочет он уберечь свою знать —
Пусть спешит исхитить из смертной ярости,
Ибо взявший наградную броню
Есть никто, как воистину Марфиза.
- 126 Слышит Норандин это имя,
Грозное целому Леванту,
Вчуже
Дыбившее волосы храбрым,

*Король
примиряется
с Марфизой.*

- Видит: прав гонец,
Что спасенье—в едином поспешении,
И сменивших гнев на страх
Отзывает своих друзей;
- 127 А меж этим и сыны Оливьера
С Сансонетом и с британским герцогом
Умолив Марфизу,
Полагают грань жестокому спору.
Подъезжает Марфиза к королю,
Гордо молвит: «Сударь, мне невнятно,
Отчего ты назначил за победу
Оружие, которое не твое?
- 128 Доспех этот — мой,
На армянской оставленный дороге,
Чтобы мне способней настичь
Обидчика одного и похитчика.
А доказчиком мне—мой знак:
Если ты его знаешь, то узнаешь»,—
И кажет чеканенный на панцире
Натрое разбитый венец.
- 129 «Истинно,*—ответствует король,—
Нам поднес его торжник из Армении;
Ваш ли, нет ли,
Но единым он словом стал бы ваш.
Нынче же он стал Трифонов,
Но Грифон таковой мне друг,
Что заведомо доброхотно
В дар для вас вернет его мне.
- 130 А доказчиком мне и заручителем
Никакой не надобен знак,
А довольно вашего слова,—
Ибо что есть тверже?
Доблесть, высших достойная наград,
Заверяет, что ваше—это ваше;
Будь же так, и спору конец,
А Грифон не останется без должного».
- 131 Грифону не дорог доспех,
А дорого удовлетворить короля —
Говорит ой: «Быть вам угодным—
Это лучший мне дар за дар».
А Марфиза ему любезно отвечает:
«В этом всё, и большего не ищу»,—
И склоняет принять от нее латы,
И столь лестного он дара не отверг.
- 132 Мирно и любовно
Воротились они в город, а там
Вновь и пир, и турнир, а на турнире
Честь и славу стяжал Сансонет,

- Ибо ни Астольф, ни два брата,
 Ни Марфиза, лучшая между них,
 Не искали славы,
 А оставили другу и товарищу.
- 133 Так и восемь они, так и десять они дней
 Ликовали при праздничном Норандине,
 Но томила им душу
 Любовь к Франции, слишком брошенной давно. *Пятеро
 друзей
 собираются
 во Францию,*
 Вот испрашивают они ухода,
 И Марфиза сам-пятая при них,
 Давно имея охоту
 И с французскими померяться паладинами,
- 134 Чтоб узнать воочью,
 В меру ли они своей молве?
 Сансонет над Святой Землей
 Оставляет по себе местодержца,
 И единым они пятеро взводом,
 Каковому нет в свете равномошных,
 Простясь с государем Норандином,
 Держат путь к Триполи и к морю,
- 135 А там перед ними каравельный корабль,
 На Востоке груженный для Запада;
 Старый кормчий—из тосканской Луны;
 Порядились, взошли, ввели коней.
 Ясный сулит им окоем
 Добрую надолго погоду,
 Воздух чист, вздуты ветром паруса,
 И они отваливают от берега.
- 136 Первую оказал им пристань *останавли-
 ваются
 на Кипре,*
 Святой остров богини любви,—
 Но таким дышал берег тяжким воздухом,
 Что мерли люди и меркла сталь;
 А причиной—Констанцское болото,
 Чьим соседством едким и душным
 Так обидела Фамагусту природа,
 Благодатная к прочему Кипру.
- 137 Тяжкий болотный дух
 Не дает им долгого приюта,—
 Распростерши они крылья пред Бореем,
 Правят вправо вокруг большого Кипра,
 А у Пафоса сбрасывают сходни
 И скорей
 Кто на торг, а кто любоваться
 Сладострастными долами любви.
- 138 Там на час пути от побережия
 Плавно всходит пологий милый холм,
 Полный лавров, миртов, кедров, померанцев
 И иных сладчайших деревьев,

Там тимьян, и майоран, и шафран, и розы,
и лилии
Льют благоухающую волну,
С благовонных всхолмий
Каждым веяньем всеую в моря;

139 Из светлого ключа струи вьющегося ручья
Живительно орошают взморье;
Воистину здесь
Любезно быть ласковой Венере.
Что ни дама, что ни девица
Здесь милей, чем в любой земле,
И богинию угодою
Страстен старец и пламенен юнец.

140 Здесь услышали гости вновь
О Люцине и о чудище-юдище,
И какой она готовит в Никозии
Знатный поезд воротится в Дамаск.
Между тем корабельщик, справив торг,
Ловит парусом подорожный ветер,
Встягивает якорь
И кладет на запад ладейный клюв.

141 Парус накость подсеверному ветру,
Вышли плователи в открытую глубь,
Как вдруг вставший южный,
До полудня ласковый и смиренный,
К сумеркам все суровее и злей
Взмел валами хлябь,
Грянул гром, и взъярились молнии,
И как в клочья рвануло небо пламенем

*а потом
попадают
в бурю.*

142 Темным парусом выстелилась мгла,
Не видать ни солнца, ни звезд,
Ревет снизу море, сверху небо
И со всех сторон — ураган,
В сто бичей
Хлещут черный дождь и белый град,
И все ниже
Ночь накатывается на лютые волны.

143 Поневоле кажут пловцы,
Каковы они учены плаванью, —
Иной свистом
Назначает, кому что делать,
Иной ташит якорь из якорника,
Тот при спуске, а тот хорош при снасти,
Кто у мачты, кто у кормила,
Кто груженный разбирает настил.

144 Злей и злей кромешная ночь
Пуще ада;

Держит кормчий в раскинутое море,
Там-де Выносимей валы,—
Подставляет бивень
Взмахам волн и ударам ветра,
А надежда его на то, что к свету
Смилостивится гневливая судьба.

145 А судьба не милостивится,
А судьба все круче с рассветом дня,
Ежели и был рассвет:
Всюду темь, хоть считай часы по счету.
Раздирает надежду страх;
Горький кормщик вверяет судно буре,
Подставляет корму волне
И скользит без ветрила в злые зыби.

146 Так судьба, терзая пловцов,
Не дает покоя и сухоборцам
При Париже, где рубятся и бьются
Сарацины и британская рать.
Здесь (уже сказал я) Ринальд
Налетает, всекается, топчет, гонит
И с Баярда, своего скакуна,
Ударяет на удальца Дардинеля.

*Между тем
под
Парижем*

147 Четвереный щит,
Гордый знак Альмонтова сына,
Видит он и мыслит: храбрец,
Кто посмел щитом равняться с Роландом!
Скачет ближе, смотрит, и впрямь
Вкруг того уже гора перебитых;
И кричит он: «А ну, пока не выросла,
Худую траву да из поля вон!»

148 Как взглянул паладин —
Все шарахнулись прочь с его дороги:
Такова честь хваленому клинку,
От Христова ли воина, от нехрестя ли
Он глядит на единого Дардинеля,
Прорубается по его пятам
И кричит: «Мальчишка,
Не к добру тебе дался этот щит:

*Ринальд
убивает
Дардинеля.*

149 Подожди, я попытаю,
Крепок ли твой красный и белый,
Устоит ли он, четвертной,
Предо мной и подавно пред Роландом?»
А Дардинель в ответ:
«Что держу я, то смогу и оберечь —
В честь мне, а не в пропасть
Эта отчая красно-белая росчетверть!

150 Пусть мальчишка, а я не побегу
И щита не брошу:

Если вырвешь, то только с жизнью,
 Но я верю, что Бог — он за меня.
 Будь, как сужено, а мною никто
 Не взбранит моего славного рода!»
 Так он крикнув, с клинком в руке
 Мчится на Монтальбанского рыцаря.

151 Кровь от сердца мавров
 В хладном отхлынула страхе,
 Когда взвиделся им воздвигшийся
 Ринальд на их короля,
 Ярый, словно лев
 На бычка, еще не знавшего телки.
 Первым ударил сарацин,
 Но невмочь ему просечь шлем Мамбрина.

152 Рассмеялся Ринальд: «Теперь смотри,
 А не метче ли я в тебя умечу?»
 Повод в роспуск, шпоры в конский бок,
 И с такой ударяет его силой,
 С такой силой, что грянув в грудь,
 Острие возникло за спиною.
 Вырвал сталь, льется кровь, летит душа,
 И скользит с седла холодное тело.

153 Как под плужным сошником красноцвет,
 Умирая, вянет,
 Как в саду склоняет голову мак,
 Угнетенный ливнем,
 Так сбегает румянец молодых ланит,
 Дардинель отходит,
 Он отходит, а с ним —
 Пыл и храбрость его споспешников.

154 Как вода в запруде
 Спряжена стоит людским умением,
 А когда вдруг прорвется запеть,
 С грохотом низвергается в разлив, —
 Так мавры, которым удержью
 Дардинелева отвага была в сердцах,
 Видя его павшего,
 Мчатся врозь, не разбирая дорог.

*Сарацины
 обращаются
 в бегство.*

155 Кто бежит, тот пускай бежит;
 Кто оглянется, тому Ринальд не спустит.
 Не уступит Ринальду Ариодант —
 Где проскачет, там просечет просеку.
 Разит Зербин, разит Леонет,
 Оба вперебой, и пышут подвигами.
 И вершат свое дело Карл, Турпин,
 Оджьер, Оливьер, Гвидон и Соломон.

156 Быть бы басурманам,
 Что не видеть им своей Басурманин,

Кабы им не встал опорой мудрый
Царь Испании с теми, кто при нем.
Рассудив он, что лучше убыль,
Чем потеря и сразу и всего,
Положил он отступить и сберечь,
Чем стоять и быть виной гибели:

157 Обращивает знамена
В старый стан, за ров и за тын,
А при нем — Стордилан, и андалузский,
И, с дружиною, португальский король.
И он шлет к Варварийскому сподвижнику,
Чтоб искал спасти, что под силу:
Сохрани он себя и стан —
И то в такой день не мало.

158 Тот король, почитав себя погибшим
И не чаяв видеть свою Бизерту,
Ибо никогда до сей поры
Не была к нему судьба столь нещадна,
Счастлив знать, что второй при нем,
Марсилий,
Спас дружину и держит стан;
И велит он заворотить полки
И трубить всем сбор к отступлению.

159 Но ни трубный зов, ни бубенный бой.
Не по слуху битым и гонимым —¹
Такова в них робость и подлость,
Что и в Сене готовы утонуть.
Аграмант, чтоб сбрести разброд,
И Собрин объезжают поле боя,
И каждый достойный вождь
Вслед за ними напрягается к лагерю.

160 Но ни царь, ни Собрин, ни который вождь
Ни просьбою, ни тщанием, ни угрозою
Не умели хоть бы каждого третьего
Воротить к покидаемым знаменам.
Два из трех — или гиблые, или беглые,
А кто спасся, и тот не без беды:
Иной ранен сзади, иной — спереди,
И все сплошь измождены и без сил;

161 И все — пуганные погонею
По самый вал и по самый тын, —
Да и тут не бывать бы им в спокойствии,
Как ни крепок стан,
Ибо встретясь лицом к лицу с удачею,
Карл умел ухватить ее хохол.
Но ниспала черная ночь,
Всё унявши и всех утишивши:

*Ночь
спасает
разбитых.*

- 162 Верно, сам ее убыстрил Господь,
Сжался над своими творениями,—
Кровь волной лилась по полям,
И дороги были, как реки,
Восемьдесят тысяч
Полегло под сталью меча,
Мужики и волки вышли из логовищ
Обирать и грызть мертвецов.
- 163 Карл не отвернул своих войск,
Он поставил их станом против стана,
Сжал врагов в охват,
Взвил костры к кострам по всей окрестности.
Сарацины не дремлют пред грозой,
Роют рвы, крепят крепки, сыплют насыпи,
Держат стражу, правят дозоры,
И никто во всю ночь не сденет панциря.
- 164 И во всю ту ночь
По тревожному сарацинскому табору
Были вздохи, стенания и слезы,
Но таимые и сдавленные в груди.
Иной плакал об отце или друге,
Павшем в сече, а иной о себе,
О томящей нужде, болящей ране,
О невзгодах, которые впереди.
- 165 А было меж мавров двое
Из невидного толомитского рода,
И они достойны сказания
Как образчик истинной любви.
Имена им—Клоридан и Медор,
И они во взгодах и невзгодах
Верно любили Дардинеля,
С ним приспевши из заморья во Францию,
- Клоридан
и Медор*
- 166 Клоридан повседневный был охотник,
Крепкий, гибкий;
У Медора юность
Светилась на розовых ланитах,
И во всем том нашественном народе
Не было пригожей лица:
Очи черные, кудри золотые,
Как у ангела в Господнем раю.
- 167 Стояли они меж стражею
На валу, охраняющем шатры.
А уж ночь в полпутье
Озирала небеса сонным взором.
И тогда заговоривши, Медор
Не смолчал о вожде и господине
Дардинеле, сыне Альмонта,
Павшем в поле плачевно и безгробно.

- 168 Молвил он товарищу: «Клоридан,
Нет мне слов
Горевать о вожде, который пал
В снедь презренному ворону и волку.
Как я вспомню, каков он ко мне хорош,
То и жизнь
Для его пожертвовав чести,
Я воздам ему лишь малую дань.
- 169 Вспало мне в ум пойти
И найти его в поле, безмогильного:
Бог попустит мне миновать
Неуслышанным смолкшую осаду;
Если же мне писана в небесах
Гибель,—ты останешься и расскажешь.
Пусть судьба поперечит подвигу,
Но не скроет для славы честь и мысль».
- 770 Дивно Клоридану, что в юном
Столько сердца, верности и любви.
Увещает, движимый дружбою,
Что безумен и тщетен его порыв,
Но напрасно: такая боль
Ни утехи не знает, ни помехи.
Порешил Медор умереть
Иль быть Дардинелю упокоенным.
- 777 Видя, что его не сломить,
Говорит Клоридан: «И я с тобою,
Я с тобою на достохвальный подвиг,
Я с тобою на красную смерть.
В радость ли
Доживать мне без милого Медора?
Лучше пасть с тобой от меча,
Чем, лишась тебя, от черного горя».
- 772 Так решившись,
Оставляют на валу они сместников
И вперед, за колья и рвы,
И уже они в нашем сонном стане.
Спят шатры, погасли костры,
О враге никто не тревожится.
Люди — навзничь меж возов и щитов,
Сонные и пьяные по уши.
- 173 Встал на месте Клоридан, говорит:
«Не минуем доброго случая:
Кто сгубил начального моего,
Тех я вправе ли упускать невредимыми?
Стань, Медор, на стражу,
Зорок и чуток,
А уж мой булат
Торную проложит нам дорогу».
- выходят
похоронить
Дардинеля.*
- Они
избивают
слящих
франков,*

- 174 Так сказал, и едва сказав,
Входит в сень многоумного Алфея,
Звездознатца, волхва и врачевателя,
Только год, как при Карловом дворе.
Не на пользу ему пришлось
Ведовство, обольстив прямым обманом:
Предсказал он себе в избытке лет
Опочить на лоне милой супруги,
- 175 А теперь потаенный сарацин
Вогнал меч ему под самое горло,
А за ним — еще четверым,
В негаданности не вымолвившим слова;
Кто они, — Турпин не рассказывает,
Дознаваться стало бы слишком долго,
Но сам-пятый был Монкальерский Палидон,
Безмятежно спавший с конями рядом.
- 176 Идут дальше, там бедный Грилл
Примостился головой на бочонок, —
Это он, его осушив,
Чаял сна бестревожного и сладкого,
Но не снес под мечом головы:
Хлещет кровь, хлещет хмель,
И трезвеет тело, и снова
Грезит пить, но с Клориданом невмочь.
- 177 Возле Грилла — грек и германец,
Андропон и Конрад,
За полночь коротавшие ночь
То над чашею, то над зернью, —
Благо бы не смыкать им век,
Пока солнце не воспрянет из-за Инда!
Но не введом людям завтрашний день,
А не то и рок бы им не страшен.
- 178 Как насытый лев в скотный хлев,
Изнурясь от гложущего голода,
Грянет бить, рвать, жрать и терзать
Стадо, бессильное перед сильным, —
Так крутой сарацин
Сонных нас бездушит в смертной бойне,
И у Медора не туп клинок,
Но гнушается он незнатной крови.
- 179 Он у полога Лабретского герцога,
У которого в объятиях дама,
Плоть в плоть,
Ни просвета между кожей и кожей, —
И ссекает две жизни в один взмах.
Счастливые! не завидно ли:
Как обнявшись были их тела,
Так обнявшись взлетели души к Господу.

- 180 Он разит Ардалика и Малинда,
Фландрских княжичей, в этот самый день
Пожалованных от царственного Карла
Рыцарством и лилиями в герб,
Ибо воротились они из сечи
С алыми клинками по рукоять.
Им обещаны уголья во Фризии,
Но не быть тому, а виною — Медор.
- 181 Близятся тайные клинки
К тем шатрам, что вокруг Карлова шатра
Карловы раскинули паладины,
Каждый в очередь неся при них стражу;
Но в пору отринули булат
Сарацины от безбожной резьи,
В стольком сонме
Не надеясь всех найти непробудными.
- 182 Хоть и много там можно б взять,
Рады были, выйдя живыми,
И пошли, где верней была тропа,
Клоридан, а за ним его товарищ.
Вышли в поле, а там в кровавой топи *находят*
Груды копий, луков, щитов, мечей, *тело*
А меж них царь и мал, богат и скуден, *Дардинеля,*
Трупы мертвых, туши коней.
- 183 Таково смешались тела
По простору страшного поля,
Что померкла бы в ищущих надежда
Изыскаться до свету дня,
Ежели бы Медоровыми молитвами
Из-за туч не пронзился рог луны.
Простер благоговейные взоры
Медор ввысь и молвил такое слово:
- 184 «О, благая богиня,
От старинных реченная Триликою,
Ибо в небе, на земле и в преисподней
Многовидна ты в ясной красоте,
Ты, по дебрям стремящаяся гоном
За следами хищных и чудищ,
Окажи меж столькими моего короля,
Вживе славного в святых твоих ловлях!»
- 185 И по вере ли его, по мольбе ли,
Но Луна разомкнула тучи,
Светлая, как будто нагая
Шла она к устам Эндимиона,
И открылся под луною Париж,
Оба стана, и холм, и дол,
И два дальних взгорья, Лери и Мартр,
Одно слева, другое справа.

- 186 Заиграл осиянный блеск,
Где лежал поверженный сын Альмонта,
И узнавши красно-белую росчетверть,
Приближается Медор к милому господину,
Омывает лицо его слезами
В два ручья из-под горьких век
Так нежно и так любовно,
Что и ветер, услышав бы, не дышал.
- 187 Но утишен был тот плач и не слышен,
Ибо плакавший не искал заметаться:
Он не жизнь берег
И готовно бы постылую отдал,
Но страшился, что не сделает дела,
Для которого покинули стан.
Взят убитый король друзьями на плечи,
Разделившись тяжестью между взявшими,
- 188 И под милым бременем
Оба в путь, уторапливая шаг.
А уж светлый царь
Звезды гнал с высот и тень с низин,
Когда князь Зербин, *но их*
Чья высокая доблесть не вмещала сна, *застигает*
Ночь ристав по следам язычников, *Зербин*
На заре вернулся к Карлову стану, *с воинами.*
- 189 А при нем—его сопутные рыцари;
И завидевши они двух товарищей,
Устремились вслед,
Соревнуя о славе и добыче.
«Бросим, брат,— кричит Клоридан,—
Бросим бремя и бросимся наутек:
Не дело —
Двум живым погибать за мертвого».
- 190 И бросает бремя,
Думав, будто бросит и друг;
Но Медор, которому вождь дороже,
Подстает под брошенного один.
Клоридан бежит
И не знает, что следом нет Медора:
Кабы знал—
Лучше умер бы тысячью смертей.
- 191 А Зербиновы всадники, затеяв
Или взять беглецов, или убить,
Рассыпаются по окрестности
Поперек всем дорогам на уход,
И за ними — вождь,
Всех охотнее к той охоте,
Ибо видит по страху убегающих,
Что они из вражьих дружин.

192 А поблизости был старинный лес,
 Сплетший ветви, сгустивший тени,
 Где свились и спутались узкие
 Тропы, топтанные только зверьми;
 Там-то, под дружескою сенью,
 Чаяли два друга найти приют,—
 Но кто любит такие мои песни,
 Тот дослушай их в следующий раз.

ПЕСНЬ ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

1 г" Кто высок в колесе Фортуны,
 Тот не знает, любим он или нет:
 Истинные друзья и неистинные
 Одинаковые твердят ему слова.
 А как сменится счастье на беду,
 Так отхлынет льстящийся сброд,
 И останется только сильный сердцем,
 И его любовь — по смерть и за смерть.

Вступление.

Вот большой человек в придворности,
 А вот малый, на которого не глядят;
 Но будь сердце наружу, как лицо,
 Вмиг была бы их судьбе перемена —
 Малого господин бы вознес,
 А большого смешал бы с низкой
 чернью.

Так воротимся же к Медору, и в жизни
 И в смерти верному пред своим королем.

Искал он, юный, спасенья
 На дубравных путаных тропах,
 Но тяжкая ноша на плечах
 Не давала ему хода и выхода.
 Край неведом, а путь неверен,
 Он блуждает в колющем терновнике,
 А его легкоплечий товарищ
 Далеко уже впереди.

*Клоридан
 и Медор
 бьются
 с преследо-
 вателями.*

Клоридану уже и не слышен
 Шум и крик погони; но вдруг
 Он глядит, а Медора нет,
 И как сердце выпало из груди.
 «Ах,— восклицает,— ах,
 Как я мог забыть тебя и себя
 До того, что вот, я один,
 И не знаю, где ты и когда ты!»

- 5 Так воскликнул и по кривой
Прочь дороге из лукавой дебри,
И пришел, откуда пошел,
И спешит вдогон собственной погибели.
Слышит ржание, слышит крики,
Слышит вражий грозящий голос,
Слышит, наконец, Медора, и видит:
Он один и пеш, а конные вокруг.
- 6 Конные вокруг, их целая сотня,
Над ними Зербин, он кричит: «Бери живым!»
Бедный юноша, как челнок на стане,
Мечется, ищет, где спастись,
Прячется за дуб, вяз, бук, ясьень,
А все с милою ношею на плечах.
Наконец, полагает ее наземь,
А сам ходит вокруг лицом к врагу.
- 7 Так медведица,
В скальном логове поднятая ловчими,
Вставши над детенышами,
Рвется ревом меж любовью и яростью:
Злость и лютость ее зовут
Окровавить клычья и когти,
А любовь
Укрощает оглядкою на приплодышей.
- 8 Клоридан не ведает, как помочь,
Хочет смерти рядом с товарищем,
Но не прежде он отдаст жизнь за смерть,
Чем отымет у многих и у многих.
Вот он вскинул стрелу на лук
И, невидимый, таково уметил,
Что первый между шотландцами
Пал из седла с пронзенной головой.
- 9 Остальные озираются,
Откуда к ним смертельная трость,
А уже вторая вослед,
И второй ложится вровень первому,—
В торопи кричавшего и пытавшего,
Чей лук, чья стрела,
Настигает острие прямо в горло,
В полуслове оборвав его крик.
- 10 Невмочь за своих Зербину:
В яром гневе
Скачет к Медору,
«Поплатишься!»—кричит,
Золотые кудри
Сильной ухватывает рукою;
Но взглянул в его светлое лицо,
И вошла в него жалость и пощада.

- 11 А юноша молит:
«Рыцарь,
Заклинаю тебя твоим богом,—
Не прети мне хоронить короля!
Большей мне милости не надо,
Жить не жажду,
Дай мне жизни лишь по тот конец,
Где зарю моего господина!
- Медор
ранен,
Клоридан
убит.*
- 12 Ежели, как фивский злой Креонт,
Хочешь ты питать волков и коршунов,—
Брось им в корм меня,
Но дай скрыть от них Альмонтова сына!»
Так стenal Медор,
И слова его тронули бы гору:
Всколыхнулся любовью и жалостью
Князь Зербин.
- 13 А в тот миг который-то злобный рыцарь,
Позабыв уважать вождя,
Замахнул копьe
И в невинную грудь разит молящего.
Падает пораженный юноша,
Кровь в испуге отхлынула от щек,
Зербин чает его убитым,
И такое злодейство ему невстерпеть.
- 14 С болью и негодуя,
Воскликает он: «Жди себе поделом!»
И с недоброю думою поворачивает
На того, кто осмелил злой удар;
Но тот вмиг
Прочь и вскачь, пока цел.
А увидя простертого Медора,
Клоридан выносятся из кустов,
- 15 Бросил лук, вращает булат,
Разъяренный, в гуще ненавистных,
И не мести он ищет впору гневу,
А лишь ловит смерть.
И он видит, как от стольких клинков
Закраснелась мурава его кровью,
И он, чуя, как лишается сил,
Распростерся близ милого Медора.
- 16 Мчат шотландцы вослед вождю
По высокой чаще к высокой мести,
Оставляя двух павших сарацинов:
Один мертв, другой еле жив.
Долго юный лежал Медор,
Истекая кровью из тяжелой раны,
И тут был бы конец,
Не приспей нечаянная спасительница.

- 17 Подъезжает к нему девица *Анджелика*
 В смиренной пастушеской одежде, *находит*
 Но прекрасная ликом, царственная осанкой, *Медора*
 Благородная каждым мановением.
 Я так долго о ней вам не поведывал,
 Что не всякому впору ее узнать;
 А была это сама Анжелика,
 Дочь Китайского великого хана.
- 18 Как вернулось к ней то кольцо,
 Коим обездолил ее Брунель,—
 Таковым надмилась она мнением,
 Что глядит на всех с высокого высока.
 И едет одна, и гнушается она
 Даже самыми славнейшими спутниками;
 И ей стыдно припомнить, что в любви
 При ней были Роланд и Сакрипант,
- 19 А еще того ей досаднее
 Благосклонство быломu тому Ринальду,
 Ибо-де невместно
 Опускать столь низко милостный взор.
 Но не снеси такой от нее обиды,
 Бог Любви
 Со стрелюю на тетиве
 Сторожил ее над телом Медора.
- 20 И увидевши Анжелика юношу,
 В тяжелой ране предчующего смерть,
 Но не о своей судьбе томящегося,
 А о том, что король не погребен,
 Чувствует: небывалая
 Входит нежность в непривычную грудь;
 И смягчилось ее крутое сердце,
 И вдвойне—услышав его рассказ.
- 21 Входит ей на память индийское *и исцеляет*
 Первоучное врачество, *...* *его.*
 Ибо сказывают, что в Индии
 Оно знатно и в славе и в чести,
 И не в книгах писано,
 А из уст идет к сыну от отца,—
 И вот хочет она травными соками
 Напитать его цвет до зрелых лет.
- 22 И припомнилась ей, мимо едучи,
 На цветном лугу всеотменная трава—
 Диктаман ли трава, панацея ли трава,
 Но такая,
 Что спекает кровь и свеает боль,
 И тяжкая рана с ней не тяжкая.
 Невдали сыскав ее и сорвав ее,
 Возвращается она туда, где Медор.

- 23 А навстречу—пастух,
Проезжавший верхом по той дубраве
Вслед за телкой, которая отбилась
И два дня не ворачивалась в хлев.
Привела его царевна туда,
Где Медорова сила исходила кровью,
И земля насквозь в той крови,
И вот-вот он испустит дух.
- 24 Сходит Анджелика с своей лошади
И велит сойти пастуху,
Растирает траву между камнями,
Точит сок на белые свои руки,
И вливает его в рану, и влагою
Орошает грудь, и живот, и стан;
И такая в той влаге власть,
Что застыла кровь и вернулась сила.
- 25 И вернулась сила, да так,
Что садится он на пастушью лошадь,
Но не прежде в путь,
Чем предав земле милого господина,
И рядом с ним—Клоридана,
А потом он готов, куда она.
А она, волнуемая жалостью,
С ним осталась под кровом пастуха,
- 26 И пока Медор не встал, исцеленный,
Не хотела прочь: такова
В ней возшла и жалость и нежность
Над простертым юношей на траве.
А как взвидела его прелесть и вежество,
Вгрызлось в сердце ей тайное жало,
Вгрызлось тайное жало, как кресало,
И любовный запольхал пожар.
- 27 Жил гостеприимец-пастух
С доброю женою и сыновьями
В лесной хижине меж двух гор,
Свежесложенной, красивой и крепкой.
Там-то красавицыной заботой
Исцелилась Медорова рана,
Но еще того скорее и шире
Вскрылась рана у нее самой в сердце:
- 28 Широкая рана и глубокая
От незримой взору стрелы,
Испущенной окрыленным лучником
Из Медоровых очей и кудрей.
Жжет ее неминуемое пламя,
Но ее все мысли не о себе,
А о том лишь, как оживить
Винного в той страде ее и муке.

*Анджелика
влюблена
в Медора.*

- 35 День и ночь в дому и в саду
 Все она рядом с милым:
 Поутру и повечеру
 Они бродят по зеленым приречьям,
 В полдень укрывает их грот,
 Кроткий и уютный, как тот
 Верный сторож в памятное ненастье
 Нежных таинств Энея и Дидоны.
- 36 А вдоль тех сладострастных троп
 Где ни встал прямой ствол над ясною
 влагою,
 Где ни лег податливый валун,
 Она ладит булавку или нож,
 Чтобы в тысяче и тысяче мест
 И под небом и на хижинных бревнах
 Выплелись, как вязь, имена ,
 Медора и Анджелики.
- 37 А когда порассудилось красавице,
 Что уже им в досталь этих мест,
 То взгадала она вновь в Китайскую Индию,
 Чтоб Медора венчать на свое царство.
 Было у нее золотое запястье
 В самоцветной красе каменьев,
 Дар любви от графа Роланда,
 Ей носимый долго и несъемлемо,—
- 38 Подарила его фея Моргана
 Зилианту, озерному своему пленнику,
 А тот, воротясь к отцу
 Помощью и доблестью Роланда,
 Отдал его графу, а Роланд,
 Быв влюблен, принял знатное обручье,
 Чтоб поднести от своей любви
 Анджелике, достолюбезной владычице.
- 39 И не столько по приязни к Роланду,
 Сколько за красу и роскошество
 Дорожила им красавица так,
 Как никоей иной меж драгоценностей;
 И не знаю уж, каким она чудом
 Сберегла его на том слезном острове,
 Где безжалостно лютый люд
 Ее бросил на пожранье чудищу.
- 40 А как было ей нечем наградить
 Доброго пастуха с его пастушкой
 За служительную их верность
 Во всю пору жития в том пристанище,—
 То сняла она обручье с руки
 И вручила им от доброго сердца,
 А сама пустилась с другом ко взгориям
 Что меж франкскою землею и испанскою.
- Они
 отправля-
 ются
 далее
 в Китай.*

- 47 Третий день все злей
Рвет вихрь, бьет вал,
Тот снес в щепь переднюю мачту,
Этот смыл кормило и кормщика;
Кто не в трепете,
У того, знать, каменная грудь,
Крепче стали: сама Марфиза
Не таила, что извела страх.
- 48 Всяк сулится Господу в паломники
На Синай, в Галисию, в Рим,
И к Эттинской Богоматери,
И к Святому Гробу, и мало ли куда.
А корабль измучен,
То он канет, то прынет ввысь;
И к последнему его облегчению
Рубит кормчий мачту под главным парусом.
- 49 Мешки, ящики и всякую тяжесть
Мечут в море с носа и с кормы,
Пустошат кладовые и запасники,
Знатный груз — в пасть алчущих волн;
Те к насосам, и вон из корабля
Хлещут вредное море в море;
Эти в трюм, где удары волн
Размыкают щелями доски.
- 50 Четыре трудных, четыре страдных *спасаются*
Перемучась дня, *из бури*
Им и сгинуть бы в торжестве пучины,
Будь хоть малость крепче морская злость;
Но взмаячил надеждою затишья
Вожделенный светоч святого Эльма,
Вспыхнув на подпарусе на носу,
Ибо не было ему ни мачты, ни реи.
- 51 Пред светлым пламенем
Пали на колени плывущие,
Влажным взором, трепетным зовом
Умоляя о неволнуемом пути.
Не зная удержу
Смолкла ярость,
Стихла моряна, стих береговик,
f И один владычит ветер из Ливии.
- 52 Он владычит великой властью,
Он из черных губ
Так вздувает взвороженную зыбь,
Что нагон теченья
Мчит быстрее схваченный челн,
Чем крылатый летит скиталец коршун;
И пугается кормчий, что умчит его на край
Света, или разобьет, или утопит.

53 Но у дельного кормчего на все есть снасть:
Он велит спустить загребные буи,
Травит с кормы канат,
И корабль забирает втрое медленнее.
Таковым-то умыслом,
А того паче знаменьем огней
Погибавшее судно спасено
И спокойно бежит в большое море.

54 Подплывают к сирийскому Лайязу,
Видят город на берегу залива,—
Так он близко,
Что видны две башни у входа в гавань.
Но увидев такое, корабельщик
Помертвел лицом,
Оттого что не хотел он к той пристани
И не мог повернуть обратно в глубь.

*и приплыва-
ют к берегу
амазонок.*

55 Он не мог повернуть обратно в глубь,
Оттого что не было мачт и рей,
Оттого что брусья и доски
Взбухли, сбиты и сшатаны волной.
А та пристань была как смерть
Или как неволя до гроба,
Ибо всяк на беду туда попавший
Становился или мертв или раб.

56 А остаться ни назад, ни вперед —
Тоже страшно, потому что туземцы
Могут ринуть боевые ладьи
На корабль, слишком слабый плыть или
биться.
В таком-то корабельщическом сомнении
Вопрошает его британский князь,
Отчего он не знает, что делать,
И не смеет бросить причал?

57 Отвечает ему корабельщик:
«Это берег смертоносных женщин,
У которых древний закон —
Всех пришельцев казнить или неволить;
А спастись дано лишь тому,
Кто побьет в одном бою десять витязей,
А потом в едину ночь десять девушек
Удоволит радостями любви.

58 Если соборет он первую борьбу,
А во второй приключится с ним осечка,—
Тут ему и смерть, а товарищам —
Рыхлить борозды и пасти волов.
Если сладит он с обоими подвигами —
Будет его спутникам воля,
А ему—отнюдь: он останется в плену
И возьмет себе десять жен по выбору».

- 59 С хохотом слушает Астольф
 О таком затайном обычае.
 Подошли на смех Сансонет,
 И Марфиза, и Грифон с Аквилантом;
 Повторяет им корабельщик,
 Отчего он не хочет приставать:
 «Лучше,— говорит,— захлебнусь
 В море, чем склонюсь в ярмо невольника!»
- 60 Как начальник—так и матросы,
 И за ними остальные пловцы;
 Но Марфиза с товарищами перечат,
 Им надежней не море, а земля,
 Путь по разъяренным хлябям ;
 Хуже им ста тысяч мечей,—
 Оттого им и страх не в страх г
 Там, где можно померяться оружием.
- 61 Шумно рвутся паладины вперед,
 А отважней всех — англичанин,
 Потому что знает: лишь грянь он в рог,
 И во всей округе никто не выстоит.
 Одни призывают к пристани,
 Другие—прочь, между всеми—спор;
 Наконец, сильнейшие
 Приневоливают корабельщика к берегу.
- 62 А меж этим, глядь,
 Чуть заметив их из хищного города,
 Поспешает галера с лучшими
 Гребцами и бывалыми кормчими
 Прямо к бедному,
 Где не знают, что делать, кораблю,—
 Захлестнуть с кормы его бивень
 И выгрести из опасного моря.
- 63 Подтянувшись на том канате к пристани —
 Не под парусом, а за веслами,
 Ибо вихрем сорвана снасть,
 Что ловила ветер справа и слева,—
 Облачаются витязи в железные
 Панцири, опоясывают мечи,
 Трепетным корабельщикам
 Подавая отвагою надежду.
- 64 Лукоморьем выгибался залив,
 На четыре мили обходом,
 А по входу шестьсот шагов,
 Башня справа и башня слева,—
 Ниоткуда не опасна им бездна,
 Ежели не прямо с полудня.
 А над бухтою, вскат над вскатом,
 Встает город, как круговой театр.

*Их корабль
 в плену.*

- 65 Чуть явился в виду корабль,
О котором весть уже в разлете,—
Как обстали пристань шесть тысяч
Ратниц с луками, в боевых уборах,
А по горловине
Бухты, от скалы до скалы
Вытянули цепь вперерез побегу
Наготове снащенные ладьи.
- 66 Старейшина, престарелая,
Как Сивилла, как Гекторова мать,
Выкликает корабельщика к спросу,
Что милее им, жизни ли решиться,
Или им милей доживать
Под ярмом по здешнему уставу?
В выбор — одно из двух:
Смерть и плен.
- 67 Продолжает старая: «Но ежели
Между вами будет такой храбрец,
Чтобы выйти на десять наших
И побить их в смертном бою,
А потом в единую ночь
Стать супругом десяти девицам,—
Он останется и будет нам князь,
А вы, прочие, в путь, куда хотите.
- 68 А кто хочет остаться, тот останься,
Но условившись:
Чтобы жить ему на свободе,
Пусть возьмет себе десять жен.
Если же не соспорит ваш поборник
На одном скаку с десятью,
Или не осилит второго подвига,—
Ему гроб, а вам неволя по гроб».**
- 69 Думала старуха, что в рыцарях
Встанет страх, а встал бранный пыл:
Каждый мнит себя разителем,
Каковому оба подвига по плечу.
И Марфиза кипит, как все,
Хоть вторая затея ей несручна;
Все равно: в чем откажет пол,
Даст клинок, и она полна удачи.
- 70 Корабелыщиковым голосом
Оглашает сговоренный ответ:
Есть такой паладин,
Что за всех дерзнет и в бой и на ложе!
Нет преграды, и кормчий правит к берегу,
Пал причал петлею вокруг бревна,
Сходни спущены, и герои в латах
Важно сходят с конями под уздцы.

*Им предлага-
ют бой
одному на
десятерых.*

- 71 Они шествуют через город,
Они видят: гордые дамы,
Опоясавшись, гарцуют по улицам,
В ратных латах блещут на площадях.
Здесь мужчинам
Нет ни панцирей, ни мечей, ни шпор,
Кроме сказанных десяти бойцов,
К обычайному призванных ратоборству.
- 72 Остальным — иголка, станок, челнок,
И веретено, и чесалка,
И платье до пят,
Женское, нежащее и медлящее;
А иных содержат в цепях
Пахать пашню и смотреть за скотиною.
Малолюден мужской пол —
Едва сотня их на женскую тысячу.
- 73 Собираясь наши витязи
Метнуть жребий, кому из них за всех
Положить десяток на ратном поле
И иной десяток на ином,
Не считали в счет храбрую Марфизу,
Полагая, что ей бы и несродно
Выступать на ночной турнир,
Не имея победного удобства,—
- 74 Но она желала метать со всеми,
И метнувшись, жребий пал на нее.
Говорит она: «Прежде должна я пасть,
А потом и вам впасть в неволю,—
Но клянусь мечом
(И простерла руку к мечу на поясе):
Рассеку я им вражеские умыслы,
Словно Гордиев узел—Александр.
- 75 Не хочу, чтобы во веки веков
Этот край был смертным для странников!»
Так сказала, и никто из друзей
Не умел ее отбить от затей.
Оставляют они на ее долю
Умереть или вызволить своих,
А она, уже в кольчуге и панцире,
Направляется к битвенному поприщу.
- 76 Был луг на высокой ровности,
И ступенями—скамьи со всех сторон:
Для турниров, для боевых ристаний,
Для звериных травль и прочей потехи,
И ограда о четырех медных вратах;
И туда-то
Стекшиеся толпами воительницы
Призывают Марфизу войти.

*Марфиза
принимает
вызов,*

- 77 Въехала Марфиза,
А под ней—серый в яблоках жеребец,
Малая головка, нравный взгляд,
Чудо-статя, горделивая выступка.
Больше всех, легче всех, удалей всех
Между тысяч под дамасскими седлами,
Избран, убран и отдан в дар
Он Марфизе от короля Норандина.
- 78 Въехала Марфиза
В полуденные ворота,
Не успела встать —
Слышит: грянули и раскатились трубы,
И глядит: в арктические ворота
Едут на нее десять встречников,
А меж ними первый
Силой стоит девяти остальных.
- 79 Едет он на рослом коне:
Кроме лба и левой задней бабки,
Ни единого белого пятна,
С головы до пят вороной, как ворон.
А под цвет коню—и цвет конника:
В ясный знак,
Что как светлое поперечно темному,
Так утеха—скорбной его душе.
- 80 Трубы вструбили к бою,
Десять рыцарей устави копя,
Лишь гнушается черный рыцарь —
Отстранился и не рвется на брань.
Лучше ему общий закон
Преступить, чем собственное вежество:
Застыл одаль и зорко смотрит,
Как соткнутся девять копий с одним.
- 81 Жеребец легким дробным выбегом
Вымчал им навстречу Марфизу;
У нее копьё вперевес,
Четверым силачам едва под силу,
Между многих самое крепкое,
Нарочито взятое с корабля.
Вся она, как огонь,—
Тысяча побелела лиц, тысяча дрогнула
сердец.
- 82 Первому прободает грудь,
Латному, легко, как безлатному:
Через щит, толстый и окованный,
Через бронь, кольчугу и ткань
Вошло острие и вышло
На четыре пяди из-за плеч;
Таковым пригвоздив его ударом,
Прочь его и вскачь на остальных.
- побивает
девять
рыцарей,*

- 83 Грянула на второго,
 Прянула на третьего —
 Рухнувших опрокинула навзничь,
 Разом вон из седла и из живых:
 Таково крута была схватка,
 Плоть в плоть, дух в дух;
 Как бомбардные ядра конный строй,
 Так крушит супротивников Марфиза.
- 84 Над ней—в щепях
 Копье за копьем,
 А ей—ничто,
 Как стене от мяча:
 На ней доспех
 Тверд невпрокол,
 " Кованный в кузне ада,
 Каленый в воде Аверна.
- 85 Доскакав до края,
 Поворотив коня
 На выживших шестерых,
 Рубит и губит, в крови по рукоять,
 Кого в шею, кого в плечо,
 А кого пропоясавши так,
 Что скользят в траву грудь и руки,
 А живот и ноги сидят в седле:
- 86 Так всекся меч
 Меж ребер и бедер,
 Что сидит полтела,
 Как обетный дар,
 Чей из воска, а чей серебряный,
 Приносимый ближним людом и
 дальним
 В божью церковь
 За свершенье молитвенных желаний.
- 87 Недруг в бегство, она за ним,
 Настигает его на полупоприше
 И кроит ему голову и шею
 Так, что уж ни лекарю не сшить.
 Полегли все девять,
 Кто убит, кто без сил,
 И ему заведомо не восстать
 К новой сече.
- 88 А меж тем в стороне
 Был недвижим десятый, введший девять,
 Полагая недостойным рыцаря
 Силой стольких смять одного.
 Но увидев, как от единой руки
 Пал весь взвод,
 Тронул он бронного коня,
 Чтобы вежество не мнилось немужеством.
- отвергает
 перемирие
 с вождем их,
 Гвидоном,*

- 95 Сотни сот соперников
Ссаживала смаху Марфиза с конских спин,
А сама — ни разу,
И вот, пришлось.
Небывалостью
Застывает она оцепенев;
Небывалостью поражен и черный
Рыцарь, тоже несвычайный падать в пыль.
- 96 Чуть коснувшись праха,
Оба вмиг на ногах и снова в бой.
Бешен меч колоть и рубить,
Быстр отбой щитом, клинком, уклоном.
То празден удар, то непразден удар,
Свищет воздух, звон до небес:
Знать, у витязей крепче наковален
Щит, шлем, бронь.
- 97 Тяжела рука у девицы,
А не меньше того — у рыцаря.
Мера мере вровень:
Сколько каждый даст, столько примет.
Кому любо взглянуть на двух отважных,
Не ищи других,
Не ищи, кто метче и проворнее—
Быть, как они, никому невмочь.
- 98 Смотрят женщины, смотрят воительницы,
Как удар разит на удар,
И ни малого в бьющихся не видя
Неможенья сил,
Величают их могучими меж могучих
Паладинов от моря и до моря,
Ибо кабы не мощь,
Им бы пасть не от ран, а от усталости.
- 99 Говорит в душе своей Марфиза:
«Благо мне, что он стоял в стороне,—
Будь он меж дружиною,
Верно, мне бы не быть живой,
Коли здесь один на один
Я едва его перестаиваю».
Говорит,
А клинок в руке ходит и ходит.
- 100 «Благо мне,—говорит в душе соперник,—
Что мой враг не пожелал раздохнуть:
Мне далась оборона от усталого,
Потрудившегося в бою,—
А кабы до новой зари
Он набрался бы сил, то каково бы?
То и счастье,
Что не внял он на мой увет».

- 101 До вечерней тьмы
 Ни один не вышел лучше другого —
 А как канул свет,
 Не с руки поединок поединщикам.
 Стала ночь, и воительной красавице
 Первый молвит учтивый паладин:
 «Как нам быть, коли недобрая ночь
 Застигает нас равными в удаче?»
- и лишь ночь
 прерывает
 их бой.*
- 102 Мне за лучшее видится дожить
 Твою жизнь до утреннего рассвета,
 Потому что дольше малой ночи
 Не дано мне продлить твои дни.
 А что краток срок,
 Ты вмений не мне,
 А вмений неключимому закону
 Стороны, где владычит женский пол.
- 103 Ведомо Всеведущему,
 Как мне больно за тебя и твоих —
 Так останься ж у меня, и с соратниками:
 Больше нет вам уютных мест,
 Потому что на тебя уже кипит
 Скоп всех вдов, чьи мужья сегодня пали,
 А у каждого было павшего
 Десять жен.
- 104 Девяносто женщин
 Жаждают мстить за нынешнее вдовство;
 Ежели не вступишь ко мне под кров —
 Сей же ночью жди на себя приступа».
 Отвечает Марфиза: «Предложенное —
приемлю,
 Веря,
 Что не меньше ты добр и прям,
 Чем силен рукою и пылок духом.
- 105 Не тужи, что недолгая мне жизнь —
 Как бы не встужить тебе о собственной!
 Весело ли было, рубясь,
 Повстречать не слабейшего соперника?
 Длиться ли нашей битве, двоиться ли,
 Под ночным ли, под дневным ли светилом,
 По-любому будь,
 Как тебе угодно, а я вготове».
- 106 Так отсрочен бой,
 Пока утро не встанет из-за Ганга,
 И никто не знал,
 Кто сильнее из двух отменных воинов.
 Тотчас идет гостеприимец
 К Аквиланту, Грифону и споспешникам,
 И зовет до нового дня
 Разделить с ним его жилье и время.

- 4 Так воротимся к Марфизе. Она,
 Гостя учтивейшего из рыцарей,
 Не противилась молвить о себе,
 Чтобы он ответил такой же вестью.
 Так она спешит к его имени,
 Что не тратит слов:
 «Я — Марфиза», — и этого довольно,
 Остальное у каждого на слуху.
- 5 Собеседнику
 Дольше нужно вступление к себе,
 И он молвит: «Моей породы
 Имя быстро всходит на язык,
 Ибо от Испании и от Франции
 До Индийского зноя и Понтийских снегов
 Знатен Клермонтский род:
 Из него возрос убивший Альмонта,
- 6 Из него — сокрушивший Кларизеля,
 И Мамбрина, и его королевство;
 И от этого-то племени
 Над Эвксинским над многоустным Истром
 Родила меня мать князю Амону,
 Когда был он там в странственцом пути.
 Вот уж год, как ее я покинул, слезную,
 И пустился во Францию искать своих,
- 7 Но поплыв, не доплыл:
 Южный Нот перевихрил меня бурею,
 И я здесь уже десять месяцев,
 Считанных по дням и по часам.
 А зовусь я Лесной Гвидон,
 Но не много за мной славы и подвигов:
 Здесь я победил по уставу
 Аргилона Мелибейского с его десятью,
- 8 Здесь свершил иной подвиг над девицами,
 И теперь в моей сласти десять жен,
 По избранью моему самых лучших
 И прекрасных в этой стороне.
 Власть моя — над ними и надо всеми,
 Ибо мне вручен правительный скипетр,
 Как вручится он всякому, кто свалит
 Волей счастья десять противоборцев».
- 9 Спрашивают рыцари у Гвидона,
 Для чего здесь так мало мужского пола,
 И зачем он покорствует женскому,
 Вопреки обычаям всех земель?
 Отвечает Гвидон: «Не раз
 Здесь я слышал, отчего так случилось.
 И как слышал, так и перескажу,
 Ежели такое вам в угоду.
- Гвидон
 рассказывает
 путнику,*
- откуда
 пошло госу-
 дарство ама-
 зонки,*

- 10 Когда греки воротились от Трои
На двадцатое лето (потому что
Десять лет тянулась война,
Десять лет перечили злые ветры),
То нашли, что их греческие жены,
Избывая разлучное томление,
Взяли милыми молодых молодцов,
Чтобы не простыли постели;
- 11 И нашли, что в домах, куда ни глянь,
Всё чужие дети; и если
Жен они простили, потому
Что и впрямь не житье им было впроголодь,
То приبلудных тех сыновей
Положили прогнать на божью волю,
Потому что не хотели отцы
Своей тратой вскармливать неродимых.
- 12 Малолетних бросили умирать,
Коли матери их не утаили;
А кто в возрасте,
Те ватагами пошли, кто куда;
Кто мечом добывает себе жизнь,
Кто взялся за науки и художества,
Кто к двору, кто к сохе, кто к стаду,
На угад Фортунина колеса.
- 13 А был меж тех изгнанников юный
Сын кровавой царицы Клитемнестры—
Восемнадцать лет, свеж, как лилия
И как роза, не знавшая шипов.
Он взошел на битвенный корабль
И поплыл по разбойную добычу,
А при нем сто ровесных молодцов,
Первоизбранных меж целою Грециею.
- 14 Критяне о ту пору,
Беспощадного выгнав Идомедея,
Снаряжали новую власть
И к тому искали оружной силы.
Призывают они за лестную плату
Фаланта (так звали юношу)
Со всею его дружиною
К охранению города Диктеи.
- как Фалант
с друзьями
увез и
покинул
критянок,
- 75 Было в Крите сто городов,
А Диктея всех краше и привольнее,
Красуясь милыми дамами,
Веселясь забавами от зари до зари.
И как было там в обычае
Привечать чужеземцев ласкою,
Так и эти, еще бы немного,
Здесь бы стали своими во всех домах.

- 16 Все они и молодцы и красавцы,
Лучший цвет собрал Фалант со всей
Греции,—
Так не диво, что взвидевши их, дамы
Изронили сердце из груди;
А как были они вдобавок
И на ложе удалые ристатели,
То в немного дней
Стали так любимы, как никто нигде.
- 17 Но покончилась миром
Та война, к которой взят Фалант,
Перестало идти жалование,
Молодцам не стало пути,
Собрались они прочь из того края,
И тут встал по Криту великий плач
С таковыми терзательными стенаниями,
Словно вмиг осиротели все женщины.
- 18 Многожды быв прошен остаться
Каждый юноша каждою дамою,
Ни единый не пожелал; и тогда
Дамы сами пустились вслед возлюбленных,
Бросив братьев, отцов и чад,
Взявши золото, камня и жемчуги.
В столь великой это делалось тайне,
Что не ведал никоторый критский муж
- 19 Выбрал вождь к отплытью такой
Добрый час и попутный ветер,
Что как вспрынулся Крит о злой утрате,
То уже они были далеки.
Благой случай
Их приваял к этому побережью,
Чтобы здесь по безлюдной безопасности
Усладиться похищенным плодом.
- 20 Десять здесь стояли они дней,
Полных власть любострастными утехами;
Но как в юных водится,
Пресыщенью скука ступает вслед,
И куется сговор
Вызволиться из-под женского бремени,
Ибо тяжелейшая душе казнь —
Опостылевшая женщина.
- 21 Жадны хватать и хитить,
А нещедры тратить,
Они поняли, что для стольких наложниц
Им не копья надобны и не луки,
И вот — бросили они злополучных
И уплыли со всеми их роскошествами

К апулийским приморьям, где, по
слышности,
 Основали славный Тарент.

А те женщины,
 Вдруг увидевшись преданы любовниками,
 Так взнялись, что днями дневали,
 Цепеня, как каменные, на берегу;
 Но поняв от стольких
 Слез и криков малый себе прок,
 Раскидывают они умом,
 Как помочь себе в столь великом бедствии.

*как за это
 они стали
 убивать
 мужчин,*

- 23 Выставляя, что кому судится,
 Говорят одни: вернуться на Крит,
 Ибо лучше предать себя суровым
 В суд отцам и в расправу мужьям,
 Чем снестись горем и голодом
 На пустых берегах и в диких дебрях.
 Говорят другие: скорей
 Утопиться бы в море, чем такое:
- 24 Скорей по миру бы пойти
 Нищими, невольницами, блудницами,
 Чем отдать себя в казнь,
 Веденную таковою виною.
 И схожее, и подобное
 Говорили несчастные, все круче и больней;
 Но вот встала меж ними Оронтея
 Из породы державного Миноса —
- 25 Самая юная, самая прекрасная,
 Самая умная, и грешная меньше всех:
 Девкою предалась она Фаланту
 И для милого бросила отца.
 Ликом и словом
 Изъявив гневнопламенное сердце,
 Сокрушила она чужие речи,
 А сказавши, сделала по своей.
- 26 Недостаточно ей мнилось бежать
 Из земли, где угоды плодovиты,
 Воздух свеж, прозрачны потоки,
 В рощах тень, на равнинах ни холма,
 А у берега — пристани и устья
 Для прибежища тем, кого беда
 Из Египта или из Африки
 Занесет с припасами для житья.
- Здесь оставшись, отсюда мстить
 Положила она мужскому полу,
 Чтобы каждый корабль, который
 Ни прибьется для укрытья от бурь,

Брать, бить, жечь,
 Ни душе не уделяя пощады.
 Так молвлено, так становлено,
 Стал закон, и по закону живут.

28 Лишь почувется непогодная смута—
 Все в оружии спешат на прибой,
 Беспощадная Оронтея впереди,
 Дав закон, взяв власть,
 И в налет на прибитые суда
 Ударяют разбоем и пожаром,
 Ни единого не щадя,
 Чтоб не шла молва по западу и востоку.

29 Так не год и не два
 Они жили войной мужскому полу,
 Но удумали наконец,
 Что гнались за собственной бедой,
 Что коли не станет перемены
 И не высется юный приплод,
 Быть закону тщетну и праздну,
 А их царству увянуть, не продлясь

*как потом
 пощадит
 десятерых,*

30 И тогда, укротив суровость,
 Выбрали они за четыре года
 Из привеянных витязей ко взморью
 Десять самых лихих и удалых,
 Чтобы выдержать славный бой
 Против ста в любовной потехе,
 Потому что красавиц было сто,
 И на каждый'десяток по супругу.

31 Многие не снесли головы,
 Не умевши выстоять испытание,
 Но десять, которые преуспели,
 Поделили с женами сласть и власть.
 И взята была с них присяга,
 Что коли новых прибьет сюда мужчин,
 То в свой черед и нещадно
 Их казнить острием и лезвием.

32 Но как стали жены тяжелеть и родить,
 То закрался страх,
 Что пойдут мужские приплоды,
 А на них потом управы не найти,
 И возьмется тогда в мужские руки
 Столь лелеянный государственный чин;
 И вот стали они, покуда мир,
 Отстранять своих будущих мятежников.

33 Чтоб не сдаться мужскому полу,
 Предписал устрашительный закон

Быть у матери лишь единому сыну,
А всем прочим — рабство, изгнание или
смерть.
Рассылают сыновей, кто куда,
А рассыльщикам велят на обмен,
Ежели сумеют — добыть женщин,
А ежели нет, то хоть чего-нибудь.

- 34 Кабы дело не в том, чтоб выжить,
Не оставили бы и одного они сына, —
Так-то кроток и так-то добр
Злой закон к своим пуще пришлых!
А над пришлыми все прежняя казнь,
Изменясь лишь в том,
Что не сплошь, а по черед
Губят их владычные женщины.
- 35 Десять ли, двадцать ли их схватят —
Всех подряд в темницу, а потом
По единому в день
Их выводят по жребью на гибель
В страшный храм, воздвигнутый Оронтею,
Где вознесся алтарь Возмездью;
А один из десяти своих
Правит черный долг — разит жертву.
- 36 Через много лет
На смертельные эти берега
Взошел юноша, именем Эльбаний,
Ветвь Алкида, славный в бою.
Ни о чем он не догадываясь,
Как предстал, так взят
И под строгую стражею брошен в башню,
Где уж многие ждали, когда их рок.
- 37 А лицом он хорош и мил,
Светел нравом и обычаем,
И речами так ласкательно нежен,
Что зачаровался бы василиск.
Оттого-то разом
Донесли о нем как о диве
До царевны Александры, чья мать —
Оронтея, дряхлая, но здоровая.
- 38 Оронтея была жива и здорова,
А иные первосельницы давно в гробах,
Но уже народилось вдесятеро
Молодых, во славу и силу жен,
И на каждые десять наковален
Лишь по молоту, да и то не всегда,
И по-прежнему десять витязей
Не добром дожидали приншецов.

*как
Александра
полюбила
Эльбания,*

- 39 В жажде Александра узнать
Юношу, о котором столько славы,
Трудную вымалывает у матери
Волю видеть Эльбания и слышать;
А услышавши, не может уйти —
Ее сердце с ним, и терзается,
Она в узах, она без сил,
Она пленница собственного пленника.
- 40 «Ежели,— молвит ей Эльбаний,—
Не забыто в этой стороне
Милосердие,
Как повсюду, где солнце рыщет светом,
То во имя вашей светлой красоты,
Воззывающей к любви сердца лучших,
Заклинаю: подарите мне жизнь,
И она отныне будет ваша.
- 41 Если же и впрямь здесь нет
В человеческих сердцах человечности,
То не жизни у вас молю,
Ибо ведаю, мольбы эти праздны,
А о том, чтобы умереть, как рыцарю,
Храброму ли, худому ли, но с мечом в руках,
А не как подсудному смертнику
Иль скоту под жертвенным топором!»
- 42 Благородная Александра,
Состраданием увлажняя взор,
Отвечает юноше: «Пусть
Нет земли суровее и жесточе,
Но и здесь,
Знай, не каждая женщина — Медея,
А хотя бы и было так,—
Я себя отделяю быть иною.
- 43 Пусть воистину в прошлом и у меня
Повсездешняя злоба и неистовство,
Я на то отвечу, что некого
Было мне доселе жалеть;
Но душой, как тигр,
Но сердцем, как кремень,
Я была бы, когда бы я не тронулась
Твоей доблестью, красотой и вежеством.
- 44 И как верно, что нет страшней
Здесь казни на чужестранцев,
Так и то, что пошла бы я на смерть,
Чтобы выкупить тебя к милой жизни.
Но здесь нет тех сил,
Чтобы стать твоей вольною подмогою;
И хоть будь мольба твоя о малом,
Трудно здесь услышать ей: да.

- 45 Но увидим: вдруг
 Я добьюсь тебе схватки вместо казни;
 Только не было бы тебе
 В этой долгой гибели пущей муки». —
 А Эльбаний ей отвечает так:
 «Дай мне встать на десятерых —
 И в груди моей станет духа
 Вырвать жизнь, сокрушив любой булат».
- 46 Только вздохом
 Откликается ему Александра,
 И уходит, и несет в своем сердце
 Тысячу неисцельных ран любви. *как она*
 И у матери она просит позволения *выпросила*
 Быть бы живу храброму паладину, *для него*
 Если явит он столько доблести, *изменения*
 Что один сокрушит десятерых. *закона,*
- 47 Собирает царица Оронтея
 Свой совет и заводит речь:
 «Только лучший
 Нужен нам блюсти берега и пристани,
 А на лучшего надобно испытание,
 Чтобы знать, кого взять, кого прочь,
 И не вышло бы к нашему ущербу,
 Что худой царит, а храбрый погиб.
- 48 Не угодно ли вам, как мне,
 Положить, чтобы каждый рыцарь,
 Заневоленный судьбою в наш край,
 Прежде, нежели упасть под закляние,
 Доброхотно мог
 Встать один на бой с десятью,
 И коли выпадает ему одоление —
 Принять стражу и власть над нашим
 берегом?
- 49 Говорю так, потому что наш узник
 Сам зовется один на десятерых;
 Если дастся ему победа —
 Видит бог, достойнее его нет;
 Если же он пышет лишь попусту,
 То и примет заслуженную казнь». —
 И на том Оронтея умолкает,
 А единая из старейшин ей в ответ:
- 50 «Водимся мы с мужчинами
 Не с того, что они нам надобны
 Наши оберегать берега —
 Не в том причина,
 Ибо вдосталь для того в нас самих
 И ума и пыла.
 Ах, если бы
 Мы и множиться умели без них!

- 57 • А когда наступила ночь,
Вышел наг и один на десять девушек
И таков оказал пред ними пыл,
Что преуспел в испытанье всего сонмища.
Умиленная,
Приняла его Оронтея вместо сына,
И дала ему в жены Александру
И еще девять жертв ночного подвига,
- 58 И оставила его с Александрюю,
Давшей имя нашей земле,
Быть наследником и блюсти устав
При себе и при всех своих потомках:
Кого бросит недобрая звезда
Занести стопу на здешний берег,
Тому выбор: или в жертву под нож,
Или в подвиг на десять супротивников.
- 59 Если днем он одолеет мужей—
Будут ночью предлежать ему жены;
А коли и здесь
Улыбнется ему победа —
Быть ему над воительницами вождем,
Брать ему за себя десятерых
И царить, покуда сильнейший
Не придет и отымет ему жизнь.
- 60 Так две тысячи *как царей*
Лет здесь властвует безбожный закон, *стали*
В редкий день здесь злополучные *избирать*
Путники не гибнут на алтаре, *в поединках*
А коли кто вызовется вслед
Эльбанию на десять поединщиков,—
То немногий не гибнет в первом же подвиге,
А второго не выстоит и из тысячи один.
- 61 Приключалось порой и так,
Что на оба сыскивался победитель;
Таков был Аргилон,
Но недолго царил он со своим десятком —
Злыми ветрами пригнанный сюда,
Я смежил ему очи вечным сном.
Ах, лучше бы
Пал я с ним, чем терпеть мне здешний срам!
- 62 Игры, смехи, любовные улады, *и как он,*
Милые любому в осьмнадцать лет, *Гвидон,*
Пурпур, золото, *томится*
Сан, превысший в этом краю, *на царстве.*
Видит бог, не в сласть,
Коли отнята вольная воля:
Пуще мне несносного рабства,
Что не можно сняться и уйти.

- 63 Видеть тлимым
 Лучший цвет лучших лет меж праздных
 нег —
 Вечно жжет и гложет мне душу,
 Отымая ей все земные радости.
 Слава моей крови
 Ходит по миру, гремит до небес;
 Верно бы и я стал ей дольщиком,
 Будь я обок с братьями по отцу.
- 64 Обидно мне, что судьба
 В столь презренное ввергла меня рабство,
 Как коня в загон,
 Если глаз в нем слеп, или шаг в нем хром,
 Или чем иным он не годен
 Быть в броне для достойных дел,—
 И, не чая избыть такого сраму,
 Лучше бы мне смерть!»
- 65 Кончил повесть,
 Проклиная Гвидон позорный день,
 Ему давший одоление на царство
 Над мужами и вслед тому над женами.
 Вслухливо стоял Астольф,
 Не открывшись, покуда не уверился,
 Что доподлинно сей Гвидон—
 Сын Амона, его единородного.
- 66 А потом и говорит: «Я английский
 Князь Астольф, и двоюродный тебе,—
 И обнявши, облобызал,
 Проливаяючи любовные слезы.—
 Милый родич,
 Никакой материнский знак на шее
 Не покажет ярче, что ты—из наших,
 v Чем твоя отвага с мечом в руке.»
- 67 Рад бы ради родича
 Ликовать о встрече Гвидон,
 Но не здесь бы ему его увидеть,
 И отселе на лице его—скорбь.
 Ему ведомо: останься он жив —
 И Астольфу завтра стать невольником;
 А избавить Астольфа — лишь погибнувши.
 Одному спасенье—другому смерть.
- 68 Ему больно: одолей он в бою —
 И друзья его брата станут узниками;
 И больнее: хоть погибни он сам,
 А ему из неволи их не вызволить,
 Ибо даже выручи их Марфиза,
 Ей потом против новых пришлецов
 Одной без него не выстоять,
 И тогда ей — гибель, а им — ярмо.

*Астольф
 признает
 в Гвидоне
 родича.*

- 69 А не меньше того Твидонов
 Свежий возраст, вежество и доблесть
 Нежностью и жалостью
 Так коснулись Марфизиной души,
 Что спасти друзей Гвидоновой смертью —
 Ей самой как смерть;
 И коли нельзя пощадить его,
 Она лучше бы с ним погибла сама.
- 70 Говорит она Гвидону: «Ступай
 Вместе с нами, и прорубимся силою». *Марфиза*
 «Брось надежду,— отвечает Гвидон,— *предлагает*
 Победы или погибни со мною.» *ему*
 А Марфиза: «Ни разу я не дрогнула *спасаться*
 Грять смертью на всякого, кто рожден, *вместе.*
 И нет мне пути вернее,
 Чем тот, где вождем мне меч.
- 77 А тебя я изведала в поле чести
 И с тобою дерзну везде;
 Слушай:
     как сойдется назавтра здешний люд
 И взмостится по скамьям над оградой,
 Так ударим на них справа, и слева,
 Пусть сразятся, бегут или падут,
 И тела их будь снедью псам и воронам,
 А дома — огню».
- 72 Ей Гвидон: «Я с тобою рядом
 Рад в бой, рад в смерть,
 Чтоб хоть малую справить месть,
 Ибо нам живым отсель не выйти:
 Здесь на площади десять тысяч
 Ратгаш, и столько же блюдут
 Пристань, скалу и стену,
 И ни единая тропа не пуста».
- 73 А Марфиза: «Будь их больше, чем Ксеркс
 Вел на роковую брань,
 Будь их больше, чем мятежных душ,
 Павших с неба на вековечный их срам,—
 Если ты со мной,
 Если ты хотя бы не с ними,—
 Им не выжить предо мною и дня».
 И тогда Гвидон: «Я знаю путь:
- 74 Ежели не он — *Гвидон*
 Никакие нас иные не выведут. *придумывает способ.*
 Только женскому здесь дозволено полу
 Из ворот ступать на береговой песок;
 А для этого надобно вручиться
 Верности единой из моих жен,
 Чья изведенная мною не раз
 Не нуждается любовь в испытаниях.

- 75 Ей желанно не менее, как мне,
Вызволяться из рабства
И уйти за мною туда,
Где не в нужду делить меня с совместницами.
Пока ночь слепа,
Уготовит она фелуку или саэтту,
Чтобы ваши моряки, представ к пристани,
Тотчас бы под парус, и в путь.
- 76 А вы все, гости моего крова,
Рыцари, купцы, пловцы,
Как единый взвод,
Все за мною вслед,
Наготове, если кто поперек,
Грудью проложить себе дорогу.
Только так, положась на меч,
Чаю изойти из смертного города».
- 77 «Как почтешь, так нас и веди,—
Говорит Марфиза,—
А себе не боюсь я никакой беды:
Право, легче бы
Всех скосить мне по стогнам и по улицам,
Чем явить себя в беге или страхе.
Только днем и только клинком—
Все иное мне в позор и бесчестие.
- 78 Предстань я сюда как женщина,
Был бы мне от женщин почет и честь,
Доброхотное приятие,
И, быть может, стала бы я меж первых;
Но пришедши сюда с друзьями,
Не желаю им быть предпочтена:
То недостаточно,
Чтобы мне быть в воле, а им в неволе».
- 79 Этими и иными словами
Изъявила Марфиза, что одна
Верность спутникам в грозной невзгоде,
Где ее отвага—для них беда,
Воздержала ее грянуть на вражью рать
Приступом, памятным и для правнуков,—
А искать безопаснейшего пути
Оставляет она Гвидону.
- 80 В ту же ночь Гвидон,
Обратясь к вернейшей своей Алерии
(Так звалась жена его), с малых слов
В ней обрел готовность к его желаниям;
И снастит она ладью,
И слагает в ней свое драгоценнейшее,
А гласит, что намерилась поутру
Выйти вплавь по разбойную добычу.

81 Она сносит в покой дворца
Мечи, копья, щиты и панцири,
Чтоб взяли в оружие
Полуголые из волн пловцы и купцы.
И уже они в броне,
Кто спит, кто бдит,
Кто досужен, кто нет, но все высматривая,
Когда встанет им солнечный восток.

82 С хмурого лица земли
Не снялись еще черные покровы,
С круговых небесных борозд
Не сошел ликаонийский сошник,
Когда женское полчище, охочее
До развязки, хлынуло на посмотри,
Словно пчелы, теснящиеся к скважине
Вешним роем взвить нового царя.

*Утром
друзья
вступают
в бой.*

83 Дунули трубы, грянули барабаны,
Рев рогов раскатился до небес,—
Это звал народ победителя
На недовоеванную брань.
Предстают, сверкая оружием,
Астольф, Грифон, Аквилант,
И Гвидон, и Сансонет, и Марфиза,
И все прочие, кто пеш, кто верхом,

84 От дворца до взморья и пристани
Путь их—через площадь,
Ни короче, ни длинней не пройти,—
Так сказал Гвидон;
Много им примолвивши в ободрение,
Сходит он с крыльца
И без шуму на площадь, в люд,
А за ним—не менее сотни.

85 Уторапливая друзей,
Он идет к выпускным воротам,
Но вокруг—толпа,
Все в доспехах, все рвутся ратовать,
А как взвидели они его с пленниками
И как вздумали, что это побег,—
Луки в руки
И к воротам, ему наперехват.

86 Гвидон, лихие с ним рыцари,
А всех пуще— отважная Марфиза
Не ленивы вращать мечи,
Не податливы на отпор,
Но такая над ними туча стрел
В лоб и в бок
Бьется ливнем, ранящим и смертным,
Что им страшно урона и бесчестия.

- 87 Благо, что калёны их панцири —
 А не то бы еще страшней!
 Но уж рухнул скакун под Сансонетом,
 Но уж и Марфиза сечется впешь,—
 И тогда-то сказал Астольф:
 «Ждать ли рогу иной поры?
 Где бессилен меч —
 Не открою ли я рогом дорогу?»
- 88 И привычной подмогою в беде — *Астольф*
 Рог в рот, *трубит*
 Страшный гул ударяет в дух, *в волшебный*
 Словно дрогнули земь и твердь, *рог.*
 А сердца таковым сдавились ужасом,
 Что народ, чуть жив, врассыпную,
 Плещет с площади, сбившись вниз,
 И уже перед выходом ни стражницы.
- 89 Так в расплохе
 Мечутся из окон, крушатся с крыш
 Домочадцы,
 Увидавшись со всех сторон в огне,
 Смалу росшем, пока темнил им томные
 Вежды сон,—
 Так, не помня жизни и смерти,
 Всё бегут, чуть заслыша грозный гуд.
- 90 Вправо, влево, вверх, вниз
 Бьются толпы, бушуя о выходе,
 Тысячи у каждых ворот
 Громоздятся грудями друг на друга,
 Кто задавлен намертво,
 Кто припластан у окон и оград,
 Поковерканы руки, ноги, головы,
 Кто и жив, тому уж не встать.
- 91 Плач, крик
 Встал ввысь от смятенного крушения—
 Где дохнет роковой рог,
 Там—трепет, поспешище и бегство.
 Добро бы таково обездушен *В страхе*
 С подлым сердцем черный народ— *бегут*
 То не диво, *не только*
 Что трусливые зайцы вечно пуганы,— *враги, но*
и друзья.
- 92 Но кто бы узнал
 Гордый дух и Марфизы, и Гвидона,
 И двоих Оливьеровых сынов,
 С юных лет не пятнавших своей породы?
 Сотни тысяч слыли им в ничто,
 А теперь и они смелись без памяти,
 Словно кролики, словно боязливые
 Голуби под громом грозы.

- 93 Так-то мощен чародейный рог
Над дружными, как над вражными,—
И бегут Сансонет, Гвидон и братья,
С захолонувшей Марфизою впереди.
Бегут, но не убегут,
Чтобы гудом не било в уши,—
А британский герцог за ними
Трубя, что есть мочи.
- 94 Разбегаются обитательницы
К морю, в горы, в лес под черную сень;
Та и в десять дней не сыщет сил
Обернуться лбом навстречу гону,
Эта убегает за столько рек,
Что вовек не найдет пути обратно;
Опустели площади, дома, храмы,
В городе ни души.
- 95 А Марфиза, Гвидон, Сансонет
И два брата, бледные и трепещущие,
Бегом к берегу, а за ними бегом
Корабельные и торговые их спутники.
Там — Алерия
Меж двух башен на снащенной ладье;
Второпях все — к ней,
Весла — на воду, и парус — под ветер.
- 96 А британец по городу вкруг и поперек,
От холмов к волнам,
Пустошит все улицы —
Кто в бегах, кто прячется,
А иные в убожестве души
Кроются в темноты и нечистоты,
А иные, не зная, куда глядеть,
В воду вплавь, но оттуда уже не выплыли.
- 97 Поворачивает Астольф за товарищами,
Чаёт их увидеть на берегу,
Озирается,
Но нигде никого на пустых песках.
Вскидывает взор,
Видит дальний их бег под белым парусом
И не знает, куда же направить путь,
Коли челн отвалил и не воротится.
- 98 Оставим же его пораскинуть
Одинокого о дальних дорогах
По рубежьям нехристей и варваров,
А у тех на путников недобрый взор,—
Не беда: при нем его рог,
А каков он трубить, уже изведено.
Лучше тронемся вслед его друзьям
В их смятенном побеге через море.

- 99   Вздутые мчали паруса
 Вдаль их от кровавого побережья,
 И как вслед им уже не долетал
 Содрогающий грозный рог,
 Стал их грызть непытанный стыд,
 Пламенем пылая по лицам,
 И не смели они переглянуться:
 Очи долу, и ни слова из уст.
- 700   А кормчий правит свой путь
 Мимо Кипра, мимо Родоса, мимо
 Беглых гряд ста Эгейских островов
 И Малей, бедственной плавателям;
 Верный ветер веет в корму,
 Скрылась сзади греческая Морея,
 Обогнулась Сицилия, и вот
 Длится милый берег Италии,
- 707   Открывается Луниджанская Луна,
 Где остались домашние и дом;
 И он чалит к знакомой пристани,
 Слава Бога, что воротился живым.
 А до Франции рядятся друзья
 На корабль к другому корабельщику,
 Тотчас всходят к нему на борт,
 И невольные они уже в Марселе.
- 102   Не было тогда в Марселе
 Брадаманты, наместницы этих мест,
 А не то не преминуло бы ее вежество
 Оказать пришельцам привет и приют.
 Сходят путники с корабля,
 И Марфиза
 Здесь прощается с четырьмя паладинами,
 Чтобы странствовать наудачу и одна,
- 103   Ибо никакой-де славы
 Стольким храбрым пускаться в путь
 Вкупе: стаями стаются лишь робкие
 Лани, олени, голуби и скворцы,
 А смелый сокол, а гордый орел,
 А медведь, тигр, лев
 Рыщут врозь, и никто им не в подмогу,
 Потому что никто их не сильнее.
- 704   Ее спутники думали по-иному,
 И она удаляется одна
 По неведомой тропе через чащу,
 Ни за кем, ни с кем,
 А белый Грифон, черный Аквилант,
 Сансонет и Гвидон с его подругою
 Торным следом едут день, два, а там
 Встречный замок, учтивое пристанище.

*Марфиза
 с товарища-
 ми уплывает
 во Францию.*

*Там она
 отъезжает
 от това-
 рищей.*

*Они
 попадают
 в плен
 к Пинабелю.*

105. Учтивое, сказал я, пристанище —
Только с виду, а на деле—отнюдь,
Потому что хозяин того замка
По притворном доброхотстве и вежестве
Ночью
Их схватил среди беспечного сна
И не прежде выпустил, чем заставил
Клятвенно блюсти некий злой устав.
- 106   Но сейчас, государь, я не о них,
                  А сначала о воительной даме.
Переехав она Рону и Сону,
Подъезжает к подножью большой горы,
Ас горы—поток,
А на ререгу потока!—женщина,
Старая, усталая, в черном,
И в лице—тоска и смертный страх.
- 107   Эта самая старуха служила
                  Тем разбойникам в той пещерной горе,
                  Коиx божье казнило правосудие
                  Злою смертью от Роландовой руки,
И старуха, боясь себе беды
(А за что,—я расскажу во благовременье),
Рыщет в чащах, темных и тайных,
Чтоб ее никто не узнал.
- 108 Видом и доспехом
Не казалась Марфиза ей знакома,
И старуха не бросилась прочь,
Как от всех туземных,
А с небрежным дерзновением
Приступилась к броду и издали ждала,
Чтоб к реке подъехала воительница,
А дождавшись, выходит к ней и кланяется,
- 109 И нельзя ли, говорит, у Марфизы за седлом
Переправиться на заречный берег?
У Марфизы открытая душа —
Едет в брод и в выброд со старухою
И везет ее, не гнушаясь,
Из болотных мест до сухого пути,
А в конце тропы
Вдруг глядят, навстречу им рыцарь.
- ПО   Рыцарь в боевом седле,
                  Блещут латы, вышита попона,
                  Ехал к броду, и ехали при нем
                  Только дама и только оруженосец.
А та дама была небеспригожа,
Но сурова и надменна лицом,
- Марфиза
берет
на седло
Габрину,*
- побивает
за нее
Пинабеля*

Вся—спесь, вся — чванство,
И полетать ей был паладин.

- 111 А он был тот самый Пинабель,
Майнцкий граф,
Кем немного тому месяцев
Была сброшена в пропасть Брадаманта.
Все те вздохи, все те стоны,
Все те слезы, слепившие ему очи,
Источались о той, что нынче с ним,
А тогда была в плену чародея.
- 112 Но как волею и силою Брадаманты
Свеялся с вестимой горы
Черный замок старого кудесника,
Всех поволив, кто куда хотел,
То красавица, быв уже давно
Благосклонна к Пинабелеву вожделенью,
Воротилась к нему, и теперь
Разъезжает с ним из замка в замок.
- 113 По недоброму своему веселонравию,
Взвидевши Марфизину старуху,
Не сдержала она уст
От глумливых слов и насмешек.
Гордая иа~то Марфиза,
Не привыкши к обиде своим попутным,
Отвечает с пылом,
Что старуха краше, чем та сама,
- 114 И она красавицыному рыцарю
Докажет свое булатом,
С уговором: коли ссадит его,
То возьмет с его дамы коня и платье.
Пинабелю молчать не в честь,
Он непрочь перемеряться оружием,
Щит в руку, копье в другую
И вразбег на Марфизу, горяча коня.
- 115 А Марфиза Пинабеля в забрало
Так бьет тяжелым копьем,
Что он рушится, оглушенный, наземь
И час не подымал головы.
Победительница Марфиза
Велит даме совлечься всех одежд,
И уборов, и всего, чем блистала,
И отдать старухе, а той,
- 116 Как молоденькой,
Нарядиться и одеться с головы до пят
И воссесть в седло
На коня, ходившего под красавицею.
Вновь Марфиза в путь, старуха за ней,
Чем пышнее, тем и уродственнее;

- Едут день, и другой, и третий,
Ничего не повстречавши достопамятного;
- 117 А на четвертый день *встречает*
Видят, скачет одинокий рыцарь. *насмешника*
А тот рыцарь, кому угодно знать, *Зербина,*
Был Зербин, шотландский королевич,
Дивной красоты, славной доблести,
Но снедаемый гневом и тоскою,
Что не смог отмстить
Попретителю своего великодушия.
- 118 Тщетно из дебри в дебрь
За своим он гнался обидчиком—
Так умело тот выкруживал путь,
Так любое улучшал укрытие,
Так пособны были и лес и мгла, *****
Утреннее туманившая солнце,
Что ушел он от Зербина цел
Раньше, чем тот выдохнул гнев и ярость.
- 119 Но и в ярости,
Взвидевши старуху, Зербин
Не сдержался от смеха: уж таков
Дряхлый лик в молодом уборе.
И сказал он ехавшей обок ****>*
Марфизе: «Ай, рыцарь, ты умен
Взять такую даму, за которую
Нечего тебе бояться соперников!»
- 120 А и впрямь, как посчитать ее морщины,
Была дама—сестра самой Сивилле,
И на вид точь в точь
Ряженая обезьяна при гаере.
А теперь еще тем страшней,
Что сердита, и очи мечут молнии:
Видно, хуже нет обиды женщине
Услыхать, что стара и нехороша!
- 121 Для потехи
Изъявляет Марфиза гнев и страсть
И гласит:
«Как Бог свят,
Моя дама прекрасна, а ты невежа,
И твои слова—не от души:
Ты не хочешь признать ее красавицею,
Чтоб не выдать, каков ты трус,
- 122 Ибо разве истинный паладин,
Увидавши столь юную и взрачную
В темном лесе без mnogой свиты,
Устоял бы ее не отхватить?»
А Зербин: «Вы друг другу столь подстать,
Что такую пару грех разрознивать:

Я не так жесток,;
 Чтоб тебя обездолить: живи на* радость!

- 123 По иному переведавшись счету,
 Я бы рад показать тебе себя,
 Но за эту
 Я не слеп тебя тешить, одноборствуя.
 Хороша ли она, нехороша ли —
 Будь с тобою, а я вам не разлучник:
 Вы друг дружке ровнюшки, видит Бог:
 Как она мила, так и ты удал».
- 124 А Марфиза ему: «Хочешь, не хочешь,
 А сразиться за нее ты изволь:
 Я не потерплю,
 Чтобы муж не польстился на эти прелести!»
 А Зербин: «Зачем
 Рваться мне к опасному жребию
 Для победы, которая милей
 Побежденному пуще победителя?»
- 125 «Ежели не нравится уговор —
 Вот тебе другой, и не отделявайся
 (Говорит Марфиза): если ты
 Одолеешь, я при ней и останусь,
 Если ж я, то вручу ее тебе
 Силою! Побьемся, кому быть вольным!
 Берегись: коли ты не устоишь —
 Век бродить тебе с нею и за нею».
- 126 «Будь по-твоему»,—ей Зербин, *побивает*
 И бросает коня вразбег на схватку: *его*
 Врос в седло, тверд в стремях *и переса-*
 И без промаха *живает*
 Бьет в щит, в самый его пуп — *Шбрину*
 Тщетно! как в железную гору. *к нему.*
 А воительница разит его в шелом,
 И он валится, ошеломленный, наземь
- 127 Очень не по Зербиновой душе
 Было пасть, как не падывал ни единожды,
 Стами сот ниссаживая врагов,—
 И невмочь ему вспомниться от срама.
 Долго он лежит, распростертый,
 Но еще того ему тошней*
 Как приходит в память его обет
 Ездить впредь с неотлучною старухою.
- 128 А победоносная
 Говорит усмешливо с седла:
 «Вот тебе! чем видней ее краса,
 Тем утешнее, что она—с тобою.

Будь ее поборником за меня
И не брось на ветер верное слово:
Быть при ней водителем и хранителем,
На какую бы тропу ни взбрелось».

- 129 И не дожидаясь ответа,
Шпорит в чашу, и ее уже нет.
«Кто он?»—спрашивает старуху Зербин,
Полагая в деве доброго молодца.
А старуха и не потаила правды,
Зная в ней Зербину огонь и яд:
«Выбила тебя из седла,—
Говорит она,— юная девица:
- 130 Та девица поделом своей доблести
Носит рыцарский шлем и шит,
А явилась с Востока попытать,
Каковы во Франции паладины».
И такой обуял Зербина стыд,
Что не только он вспылал в две щеки,
Но едва и не покраснел
Всеми латами.
- 131 Всел в седло и кругом себя клянет,
Что не стало ему удержу в стремени;
А старуха злорадствует про себя
И язвит его еще досадительнее—
Поминает, что пора ему с ней
В путь; и зная Зербин свой долг,
Повесил уши,
Как побитый конь в удилах под шпорами,
- 132 И вздыхает: «Судьбина моя, судьбина,
Что за что воздаст мне твоя ладонь?
Быть со мной красавице из красавиц,
А ее уж нет,
И взамен
Чашешь ты вручить мне вот эту?
Лучше мне остаться ни с чем,
Нежели такую меняться менюю!
- 133 Та, которой не было и не будет
Равных нравом и подобных лицом,
Растерзана о морские скалы
В снедь рыбам и водным птицам,
А та, кому десять лет и двадцать
Уж пора бы кормить червей,
Жива,
Чтобы тяжче мне стали мои тягости!»
- 134 Так страдал Зербин,
Видом изъясляя и словом,

Что посылую такую стяжать добычу
 Не отрадней, чем прежней лишиться дамы
 А старуха, дотоле его не зная,
 Но услышавши такой разговор,
 Понимает, что поминает
 Он ее Галисийскую Изабеллу.

*Габрина
 дразнит
 его
 несчастьями
 Изабеллы.*

- 135 Ежели вы не позабыли,
 То старуха бежала из той пещеры,
 Где томилась в долгодневном плену
 Изабелла, Зербинова возлюбленная.
 Много раз
 Слышала старая рассказ,
 Как покинула она отчий берег,
 Билась в буре и спаслась при Роцелле;
- 136 И не раз назывался и Зербин,
 Как красив он и как пригож собою;
 И теперь услышавши паладина
 И очами вскинув в его лицо,
 Видит старая: это он,
 О котором Изабелла в пещере
 Больше тосковала, лйшась,
 Чем о собственной невольничьей участи.
- 137 И склонясь к словам
 Зербиновой боли и обиды,
 Видит старая, что юноша мнит
 Изабеллу погибшею в бурном море.
 И хоть ведала она все, как есть,
 Но чтобы не радовать рыцаря,
 А напротив, похуже удручить,
 Говорит она лишь самое досадное.
- 138 «Слушай,—говорит,—
 Мой надменный презритель и гнушатель!
 Ежели бы знал ты, что я
 Рассказать бы могла о той, которую
 Почитаешь ты не в живых,
 Ты бы обласкал меня,—но нет,
 Я молчу, хоть разорви меня в клочья.
 Стань любезней—и, может быть, скажу».
- 139 Как мордастый пес
 Бешено бросается на вора,
 Но мгновенно укрощается, брось ему
 кус
 Или вымолви заветное слово,—
 Так Зербин вмиг умилен и тих,
 Чтобы вызнать все, чего не знает
 О подруге, которой в живых не чаял,
 А старуха знала что-то лучшее.

- 140 Лъстиво он глядит ей в лицо,
Просит, умоляет, закликает
Ради бога и ради людей
Не молчать ни о добром, ни о недобром.
А упрямая старуха говорит:
«Не слышать бы тебе, что усльпишь:
Жива твоя Изабелла,
Только так, что рада бы умереть.
- 141 Ты не знаешь: немного тому дней,
Как досталась она двадцати захватчикам,
И вернись она даже в твои руки,
Суди сам, сорвешь ли ее цветок?»
Распроклятая ты старуха,
Красно лжешь и знаешь, что лжешь:
Хоть и впрямь она была у двадцати—
Ни единый не посмел ее тронуть.
- 142 Где она, спрашивает Зербин,
И когда ее видела старуха?
Но ни звука
Не извлечь ему больше из упрямицы.
То он нежные расточает слова,
То грозит перерезать ей глотку—
Тщетны и угрозы и мольбы,
Не расторгается старая уродина.
- 143 Наконец, Зербин дает отдых
Бесполезному своему языку,
Но такая в нем ревность от услышанного,
Что не сыщет сердцу места в груди:
Так он рвется о своей Изабелле,
Что пошел бы к ней сквозь огонь,
Но не может ни шагу дальше воли
Той, кому обрекла его Марфиза.
- 144 И куда она волит, туда ему и путь—
По чужим, по безлюдным тропам,
Вверх по склонам и вниз по скатам,
Но ни шагу к ней и ни взгляду на нее.
А как встало солнце спиной к полдню,
Вдруг пришел той молчбе конец,
Потому что предстал в пути-им рыцарь,
А какой—о том следующая песнь.

Он безвинно убил ее отца
 И брата, единственного на свете,
 И теперь добирается до нее,
 До последней!
 А Зербин ей: «Дама,
 Вам никто не страшен, пока" я здесь».

7 Рыцарь ближе,
 В лице его ненависть и гнев;
 «Или к бою,—
 Гласит он грозно и гордо,—
 Или брось хранимую
 Приятъ казнь поделом от моей руки!
 Если к бою, то будешь мертв: *
 Доля всех, кто прявергея неправости!»

8 Учтиво ему Зербин
 Отвечает: «Нестаточно и подло—
 Чтобы рыцарь даме
 Нес смерть;
 Если к бою, то я готов,
 Но сначала вздумай,
 Каково достойному паладину
 Женской кровью обагровить меч!»

9 Многое он молвит—тщетно.
 Так за дело! Отпрянули в два конца—
 И в опор, один на одного.
 Не так быстро
 Пышут в небо потешные огни
 Под веселый праздник,
 Как метнулись друг в друга два коня,
 Поединщик на поединщика.

*Зербин
 побивает
 Эрмонида.*

10 Эрмонид Голландский
 Умечает встречника в правый бок,
 Но невмочь его копьё на королевича — ;
 Оно в щепья о шотландский доспех. '
 А Зербинов удар был добрый удар — :
 Пробил щит, прохватил плечо,
 Вошел спереди, вышел сзади,
 И обрушился Эрмонид на траву.

11 Зербин думает, тот убит,
 Ему жаль, он спешивается, он склоняется,
 Взнял забрало с мертвенного лица,
 И тогда, как из сонного забвения,
 Павший взвел на него глаза
 И помедлив, молвил:
 «Не то горько, что ты меня сразил,
 Ибо виден в тебе цвет всего рыцарства,—

- 12 А то горько, что виною тому
Коварнейшая из женщин,
тсеНеННаН твоею знатною доблестью
Почему—невесть, но тебе не в честь.
Знал бы ты, за что я стою,—
И при каждой бы памяти печалился,
Что побил меня,
Поборая за нее.
- 13 И коль хватит духа в моей груди
(А боюсь, что нет),
Ты услышишь из моей трудной повести,
Что ее злодейству несть предела.
Был у меня брат,
Юным он из нашей Голландии
Ушел рыцарствовать
За Ираклия, императора греков.
- 14 Там он стал как друг и побратим
Знатному барону того двора,
, А у барона стоял на грани Сербии
Крепкий замок в красивейшей земле.
Звали барона Аргей,
А жена его — вот эта изменница,
И любил он ее превыше,
Чем пристало бы человеку любить.
- 15 А была она сердцем ветрена,
Как листья в сухую осень,
Когда дунет холодом по деревьям
И сорвет и разметет их красу.
Невеликий была она срок
Добровольна к мужу,
А потом похотливым своим помыслом
Возжелала брата завлечь в любовь.
- 16 Но как натиску моря
Грозная Акрокеравнская скала,
Но как буйному Борею—ствол,
Сто сменив зеленых уборов,
Вскинув голову словно выше гор,
Внедрив корни настолько же под камни, -
Так тверд брат
К всем мольбам той, в ком тлели все
пороки.
- 17 А случилось моему брату,
Духом пылкому и охочему до сеч,
Раниться в бою
Невдали от товарищева замка.
И как был он в тот замок вольно вхож
При хозяине ли, без хозяина ли,
Он укрылся туда перележать
До поры, пока исцелет рана.

*Эрмонид
расска-
зывает,*

*как Габрина
пыталась
обольстить
его брата
Филандра,*

- 18 А меж тем выпало Аргею
Отлучиться по надобным делам;
И тогда-то, как прежде, так вновь
Предъявилась страждущему злокозненная.
Но на этот раз ,
Вероносный не потерпел стрекала:
Для блюденья верности
Избирает он мейшее из зол.
- 19 Избирает он из зол одно:
Порешить старинное дружество,
Уйти вчужь,
Чтобы впредь о нём порочная и не
слыхивала.
Тяжело ему, но не тяжелей,
Чем поддаться срамной похоти
Или чем уличить пред мужем
Пуще сердца любимую жену.
- 20 И еще несильный от раны,
Облачается он в доспех,
И прочь из замка,
Твердо чая никогда не вернуться.
Но к чему? против прихоти судьбы
Не сильна никакая оборона.
Возвращается Аргей,
А жена в слезах,
- 21 Щеки красны, волосы вразброс; *как,*
Он пытается, какая ей тревога, *оклеветала*
А она умедливает ответ, *его перед*
Вновь и вновь побуждает к спросу, *Аргеем,*
А меж тем вращает в уме,
Как ей пуще выместить покинувшему,—
Не в диво
Быстросердой сменить любовь на ненависть.
- 22 «Ах,—сказала,—скрывать ли грех,
Согрешенный, государь, в твою небытность?
Утаясь от всех,
Утаюсь ли от собственной совести?
Осквернившаяся душа ,
Таковыми сдается угрызениями,
Каковыми ни строжайший казнитель
Не встерзает мне плоть, карая грех,—
- 23 Только грех ли содеянное под силою?
Но так ли, нет ли, узнай,
А потом мечом
Отрешу от нечистой плоти чистую душу,
Угаси в очах божий свет,
Ибо после столького позора
Мне не вскинуть взгляда, а коли вскину—
Не избыть стыда.

24 Твой товарищ растлил мою честь,
Силою поял мою плоть
И прочь из глаз
В верном страхе, что я не скрою сдеянного». —
Таковыми она словами
Всю ту дружбу оборотила враждой:
Аргей верит, Аргей не ждет,
Меч в длань, и мчится на месть.

25 Край ему был ведом,
И скоро настиг он брата,
Который, томимый ранюю,
Тихо ехал, ни о чем не гадая.
Настиг его в скором месте,
Наложил на него мстящую руку,
Никакие не внемлются отказы,
Аргей хочет боя один на один.

*как Аргей
побил
и заточил
Филандра,*

26 Один здрав и полон свежего гнева,
Другой слаб и привычно дружелюбен—
И недолго выстоял брат
Против друга, наставшего врагом.
Выпала доля не по Филандру
(Брата моего звали Филандр)—•
Не снес он ярого боя:
Взят в плен.

27 Но Аргей говорит: «Не дай мне Бог
Правым гневом казнить твою вину
До того, чтобы стать убийцею,—
Ибо я тебя любил и ты меня любил.
Не добром мне вышла твоя любовь,
Но да видит свет,
Что я лучше тебя и выше
В час вражды, как и в час любви.

28 Не хочу моим рукам твоей крови—
Будь иною кара!»
И велит на конское седло
Сплесть носилки из зеленых веток,
Отнести на них чуть живого брата
И замкнуть в заперта своего замка,
Невинного осудив
В вековечном томиться заточении.

29 Он не волен выйти,
А иных утеснений ему нет:
Не в цепях, не в келье,
Что велит, в том все ему послушны.
Но злодейка не устала душой
Рваться к рубежу недобрых помыслов:
У нее—ключи,
Каждый день она приходит к узнику,

- 30 Вновь и вновь покушается на брата,
И все дерзче пыл:
«Что тебе твоя верность,
Коли всем она видится изменою?
Выспренно ли твое торжество,
Жирна ли твоя добыча?
Славный же успел ты успех,
Коли всяк тебя срамит вероломцем!
- 31 Дал бы ты мне по моей воле—
Больше бы тебе и пользы и чести!
А за твердость твою, а за стойкость—
Вот тебе великая награда:
Ты в плену, и тебе не выпростаться,
Коли не смягчится кремень-душа.
Угоди мне—
Взыщешь вновь и волю и славу!»
- 32 А Филандр ей: «Нет—
Моя верность всегда одна,
Хоть будь мне мзда
Крута не под стать заслуг,
Хоть суди меня мир хуже худшего,—
Лишь бы видел мою невинность
Тот Всезрящий,
В чьей руке вековечная благодать!
- 33 Если мал Аргею мой плен—
Пусть отымет докучившую жизнь:
И что здесь не воздалось мне добром—
Верно, дастся в царствии небесном.
И когда отлетит моя душа—
Верно, сам он, мнящий меня обидчиком,
Восстрадает о содеянном зле
И оплачет утраченного верного».
- 34 Так пытала бесстыдная не раз
И не два незыблемого Филандра—
Тщетно!
НО тогда слепое ее желанье,
Не умев стяжать преступную страсть,
Рыщет глубже в застарелой порочности,
Тысячу вращает черных умыслов,
И один утверждает, как вбивши гвоздь.
- 35 Отложив она прежний свой обычай,
Не казалась полгода к нему в тюрьму,
И уж бедный надеялся Филандр,
Что угасло ее бывшее пламя.
Но судьбина благосклонствует злу—
И преступница не осталась без способа
Приснопамятною бедой
Утолить слепое ненасытство.

- 36 Был у ее мужа враг
 По прозванию барон Моранд Прекрасный,
 И когда Аргей отлучался,
 Он дерзал под самые его ворота,
 А когда Аргей был в стенах,
 Он бежал от вызова за сто верст.
 Вот, чтобы его залучить,
 Обрядился Аргей ко гробу Господню,
- как
 Пэбрина,
 попросив
 Филандра
 о защите,*
- 37 Огласил себя паломником,
 Вышел громко и у всех на виду,
 А доподлинные свои помышления
 Не открыл никому, а лишь жене.
 Сам же потемну воротился в замок
 И все ночи ночует в своем гнезде,
 А с зарею, никем не примеченный,
 В чужом виде кроется прочь
- 38 И весь долгий день
 Рыщет по окрестным урочищам,
 Дожидаясь, не явится ли к замку,
 Как велось, опрометчивый Моранд?
 Весь день — в лесах,
 А как ляжет солнце в морские волны,
 Он — к своим стенам, и там изменница
 Принимает его в тайную дверь.
- 39 Кроме той жены,
 Каждый чает его быть далеко.
 А она меж тем, улучивши
 Время, входит к брату с новою пагубой,
 И с очей ее струятся на грудь,
 Как из тучи, умышленные слезы.
 «Кто меня спасет,—говорит,—
 От конечной потери верной чести —
- 40 Чести моей и мужниной,
 Ибо будь здесь Аргей, мне б и страх
не в страх?
 Не безведом тебе Моранд: без Аргея
 Нет ему преград ни людских, ни божьих.
 Он и ломится, где мольбой,
 Где угрозою,
 Подкупив всех моих людей,   '"
 Чтобы я отдалась его желанию.
- 41 Как узнал он, что Аргей далеко
 И назад не скоро,
 Он, не ждав ни поводов, ни причин,
 Яро вторгся ко мне на двор,
 Хоть при муже моем и господине,
 Видит Бог,
 Не посмел бы он сюда
 И дрожал бы от страха за три мили.

- 42 Чего прежде искал он через вестников,
Того ныне хочет лицом к лицу,
И уж так,
Что едва мне не приключилось срама.
И кабы не льстивая моя ложь,
Будто я охотна к его охоте,—
Хищник силою
Взял бы то, на что надеется миром.
- 43 Чтобы силою не сталась беда,
Я сказала обещательное слово,
А исполнить того слова не мыслю:
Уговор из-под страха недействителен,
В этом — боль, а целенье—в тебе:
А не то порушится моя честь
И Аргеева,
О которой ты будто так ревнуешь.
- 44 А откажешь—и я тогда скажу:
Грош цена твоей хваленой верности,
И причиной, что презрел ты мои мольбы,—
Бессердечие,
А нисколько не почтение к Аргею:
Оно было для тебя только щит.
Меж тобою и мною была бы тайна—
Между ним и мною —позор на виду».
- 45 «Не надобно,—говорит Филандр,—
Для Аргея мне стольких предисловий:
Объяви мне, в чем нужда,—а я,
Каков был, таков и поныне.
Пусть он надо мною неправ—
Не виню,
А готов за него на смерть
Против рока и всего света».
- 46 А злодейка: «Нужда—угомонить
Затейщика нашего бесчестья:
Не знай страха,
У меня для этого верный путь.
Когда ночь сгустится о третьем часе,
Он придет,
Он подаст уговорный знак,
И его я впущу, никем не слышимого.
- заставила
его,
не зная,
убить Аргея,*
- 47 А тебе будь не в тягость дотерпеть
В темноте у меня в опочивальне,
Пока сденет он доспех
И достанется тебе, словно голый».
Таковой-то пагубный путь
Метила жена для мужа,
Если впрямь то была женд,
А не фурия в злобе пуше ада.

- 48 Как настала проклятая ночь,
 Она вывела брата, с мечом в руке,
 В темную свою ложницу
 Ждать злосчастливого мужа и господина.
 И как одумалось, так сбылось:
 Злоба редко когда бывает тщетною,—
 И Филандр, на Моранда вскинув меч,
 Поразил им доброго Аргея.
- 49 Шея врозь, голова прочь —
 Беззащитна непокрытая шлемом:
 Ни единым не отдарив ударом,
 Горькой смерти вкусил Аргей.
 Диво:
 Не чаявши, не гадавши,
 Убил, желая помочь,
 Друг, явившись другу хуже недруга.
- 50 Когда рухнул Аргей, неузнан,
 Возвращает брат Табрине меч
 (Габрина —
       имя той, которая рождена
 На измену всякому залученному) —
 И смолчавши о правде до поры,
 Указует она Филандру
 Со свечою в руке взглянуть на павшего,—
 И невольному злодею являет друга.
- 51 И грозит:
 Если он не сдастся ее страсти,
 Огласит она страшное деяние
 Всему свету, и скажет ли он: «нет»?
 Он умрет
 Как убийца и как изменник,
 А уж коли не мила ему жизнь,
 Пусть попомнит о своем добром имени.
- как она
 залучила
 Филандра
 в мужья,*
- 52 Полон страха, полон муки
 Застыл брат мой, внявши свою беду.
 Первый рванул его порыв
 Умертвить виновницу,
 И не подсажи ему ум,
 Что он здесь один во вражьем замке,
 Он бы и без стали в руках
 Растерзал бы зубами ее в клочья.
- 53 Как в пучине челн,
 Двамя вихрями разимый и мучимый,
 То вперед швыряемый, то назад,
 В нос, в корму,
 Из кружения своего
 Достается добычею сильнейшему,—
 Так Филандр, терзаемый меж двух дум,
 Цепенеет жестокою нерешимостью.

- 54 И поверил он голосу ума,
Что пуще смерти подлая слава,
Коли выслывет такое убийство,
А к раздумью уже отрублен срок,
Волею ли, неволею ли,
Чашу горя надобно пить до дна;
И в усталом сердце перевысил твердость
Конечный страх.
- 55 Страх бесчестья, страх лютой расплаты
Клятвенные велит ему слова,
Что исполнит он Габринину волю,
Если выйдут они целы из этих мест.
Так урвав злонравная вожделенный плод,
Покидает замок вослед Филандру;
Так Филандр возвращается в отечество,
Оставляя в Греции свой позор.
- 56 В его сердце навеки—друг,
Несмысленно убиенный
В злую прибыль преступной тоске
Прокны и неистой Медеи.
И не будь на нем жесткая узда
Клятвенных клятв,
То заведомо не жить бы Габрине;
А она жива, но ненавистна.
- 57 На лице его с тех пор—ни улыбки,
В каждом слове—мука,
Вздохами истерзана грудь,
Он—как новый Орест,
Обуянный мстящими Фуриями
Над казненной матерью и Эгисфом;
И уже неудержимая боль
Сваливает недужного на ложе.
- 58 А блудная его жена, *как она его*
Внявши, как ее второй к ней немилостей, *отравила,*
Пременяет огненную любовь
На ненависть, пышущую яростью,
И не меньше восстала страстью
На брата, чем прежде на Аргея—
Чтобы сжить
И второго супруга вслед первому.
- 59 Сыскивает она лекаря,
Злым умом пригожего для такой нужды,
Лучше знавшего изводить отравой,
Чем отлечивать снадобными зелиями,
И сулит ему дать
Превыше его просьб,
Ежели он смертным питьем
Выморит господина и благодетеля.

- 60 Видел я и видели премногие,
Как вошел злочестивец с отравою в руке,
Возвестивши, что вот питье
К совершенному исцелению брата.
Но еще не взомкнул недужный уст,
Как Габрина, движась новым умыслом,
То ли чтоб отвести подозрение,
То ли чтоб не дать, что сулила дать,
- 61 Хвать его за пясть,
Когда чаша была уже у губ,
И сказала: «Не в обиду тебе будь
Страх мой о моем столь возлюбленном:
Но чтоб верно зналось, что ты несешь
Не кривое питье, ни ядотворное,
Мне угодно:
Прежде, чем подать, испей сам».
- 62 Посуди же, рыцарь:
Что тут делать
Жалкому в смятении старику?
Нет времени выбрать лучшее:
И чтоб не подумалось худшего,
Решается он испить из чаши,
А больной, уверовав его верности,
Допивает поданную до дна.
- 63 Как ястреб, скогтив дичину,
Изготовится склевать ее всласть,
А ее и выхватит
Хищный пес, ненадежный его друг,—
Так лекарь, искатель злой поживы,
Ждал подмог, а нашел подвох.
Вот она, мзда бесстыдству!
Так да сбудется всякому стяжателю!
- 64 Сделав дело, старец спешит
Удалиться в свой жилой покоец,
Чтобы тотчас каким противотравием
Отстранить неминуемую смерть.
Но не тут-то было —
Габрина сказала ему: «нет»,
Пока влага не сварится в желудке
И не явит свою силу воочию.
- 65 Ни мольбами он, ни посулами
Не домогшись отлучки с глаз,
Видит, что пришло неизбежное,
И отчаявшись
Открывает обставшим нам
Все, как было, чтоб ей уже не скрыть.
Так лечитель
Вслед лечимым извел себя, лечившего,

- 66 И его душа отошла
 Вслед душе моего смертного брата.
 А обставшие мы,
 Внявши правде злополучного старца,
 Хватаем хищницу,
 Лютостью худшую лесных,
 И ввергаем под замок темной кельи
 Ожидать заслуженного костра...»
- 67 И хотел Эрмонид поведать далее,
 Как спаслась злодейка из той темницы,
 Но такая от раны была боль,
 Что он бледный распростерся в траве.
 И тогда два приспешных щитоносца
 Выплели носилки из толстых веток
 И на них возложили Эрмонида,
 Ибо не было ему иного пути. - *Эрмонид
 лишается
 сил.*
- 68 Зербин перед рыцарем жалеет,
 Что обидел его такую ранюю,
 Но таков уж их рыцарский устав —
 Быть защитой сопутственной даме:
 А иначе уронил бы он честь,
 Ибо клялся,
 Принимая ее под свою руку,
 Ограждать ее от всякого нападчика;
- 69 А чем иным удовлетворить рыцаря
 Он готов.
 Отвечает раненый: «Об одном
 Моя мысль: разойтись тебе с Габриною
 Прежде, чем сплетет она кознь
 На твою же беду и пагубу».
 А Габрина сидит, потупя взор,
 Потому что не просто спорить с истиною.
- 70 Отъезжает Зербин со старухою
 В урочный путь,
 Кляня ее день и ночь,
 Что ввела в обиду барону.
 А узнав от знавшего,
 Сколько в старой зла,
 Он и прежде глядел на нее с досадою
 А теперь от ненависти и, глядеть невмочь. *Зербин с
 Шбриною
 едут дальше.*
- 71 А она в ответ той ненависти
 Необорно выставляет свою,
 Злою волею не зная удержу:
 Где он ей четыре, там она ему пять.
 Черный яд вздувает ей сердце
 И рисуется на мерзком лице.
 В таковом-то они добром согласии -
 Держат путь по незапамятной чаще.

Где покинул я лихого Астольфа
На пороге его возвратного пути.

- 5 Я его покинул в жестоком крае,
Где он, грянувши в грозный рог,
Расточил нечестивый сонм
И отвел подступившую беду,
А друзья его на всех парусах
С превеликим срамом бежали за море.
Так пущусь же я по его следам.
Путь его—через Малую Армению;
- 6 Пересек он в считанные дни
Анатолию до самой до Бруссы,
А оттуда через морскую щель
Он во Фракии, едет вдоль Дуная,
Через венгров, и моравов, и чехов,—
Словно на крылатом коне,
В двадцать дней
Он уже в Франконии и за Рейном;
- 7 Сквозь Арденнский лес, мимо Ахена,
В Брабант, Фландрию, и там—на корабль;
Ветер веет с полдня на полночь,
Налегает над палубой в паруса;
Не прошло и дня—
В виду Англия, под ногою берег,
Князь в седло, и берег коня в шипы,
И не село солнце, а он в Лондоне.
- 8 Здесь уведомясь, что старый Оттон
Вот уж много месяцев под Парижем,
И знатнейшие князья и бароны
Все за ним по славным его следам,
Тотчас он решается во Францию,
Спешит к пристани на Темзе-реке,
Выплывает под вздутыми ветрилами,
И направо, к французскому Кале.
- 9 Крутой ветер слева и вкось
Вынес челн в пучинное море,
А сам крепнет сильней, сильней,
Что и кормчему с ним не сладить;
Чтоб не врыться в хлябь,
Подставляет он дующему корму,
И летит ладья меж двух суш
Не как хочется пловцу, а как можется:
- 10 Рыщет вправо, рыщет влево,
В бок, в другой, как подует случай,
И вот вымелась к берегу Руана.
Чуть ступив на милую землю,
Рыцарь скок в Рабиканово седло,
Сам в броне, у пояса меч,

*Тем
временем
Астольф
возвращается
в Англию
и Францию.*

И в дорогу, а при нем его рог,
А в нем сила пуще тысячи ратников.

И Миновавши лес,
Видит холм, под холмом источник,
А уж час, когда кроются стада
Под навесы или в полые гроты.
Одоленный тяжким зноем и жаждою,
Снял он шлем со лба,
Привязал коня, где погуще сень,
И спускается испить из студеного.

12 Но еще не смочил он губ,
Как негодник, таившийся непоодаль,
Возникает из кустов, и к коню,
Привяжь прочь, сам в седло и был таков.
Астольф слышит шум, вскинул голову,
А как взвидел таковую покражу,
Вмиг вскочил и, не пивши сыт,
Со всех ног вдогон за похитителем.

*Его
заманивают
в замок
Атланта,*

13 А разбойник не стелется в опор,
Чтобы разом с глаз—
То он в рысь, то в скачь,
То затянет удила, то отпустит.
Долго гнавши вокруг по дубраве,
Вдруг они выносятся—
туда,
Где столькие славные паладины
Были не в тюрьме, как в тюрьме.

14 Быстрее ветра
Злодей вскачь во двор;
Издали бежит за ним Астольф,
Тяжкий в шлеме, со щитом и в железе.
Добежал, а перед ним—ничего:
За чем гнался, того не стало.
Ни вора, ни Рабикана.
Водит он очами, бежит,

15 Рыщет, ищет,
В горницах, в светлицах, в покоях,
Но найти обманщика
Никаких не хватит сил,
И нигде
Быстролетного не видится Рабикана.
Вверх, вниз, внутрь, вокруг—
Тщетно он метался целый день;

16 Но измучась бегом,
Взял он в толк, что на дворце колдовство,
И тогда он хватъ за ту книжку,
Что всегда при нем,

*но он
разрушает
чары.*

- Что дала ему из Индии Логистилла
В напутный прок от всяческих чар;
Сразу глядь в оглавную роспись,
Сразу видит, в какой странице—суть,
- 17 А на той странице пространно
Писано и про чародейный дворец
И про то, как распутать путы чар,
А кудесника оставить в задачливости.
Под порогом
Сокрывался там хитротворный дух,
А поднять над ним хранительный камень —
И дворец развеется в дым.
- 18 Рвется паладин
Концом увенчать начало,
Простирает немедленно руки
Попытать, тяжел ли порог.
Видит Атлант
Свои чары на палец от погибели
И, дрожа предвидимого,
Измышляет негданную напасть.
- 19 Дьяволическими призраками
Он являет Астольфа обстающим очам —
Кому вором, кому великаном,
Кому вражьем витязем,
Каждому в том виде, в каком
Каждого он вманивал в палаты.
Всяк кипя на волхва за свой урон,
Скопом порываются к пришлому—
- 20 Руджьер, Брадаманта, Градасс, Ирольд,
Брадимарт, Прасильд и прочие многие,
В новом заблудившись бреду,
Яро ломятся к британскому герцогу.
Тут-то герцог вспомнил про рог,
Чтобы сбить их вставшую спесь,
А не грянь он себе в подмогу—
И была б ему неминуемая смерть.
- 21 Но нет:
Рог в рот, гром вокруг,
И как голуби, когда грохнет пищаль,¹
Мчатся врозь дрогнувшие рыцари,
А за ними и сам кудесник,
Спугнутый со своей берлоги,
Трепетный и бледный,
И не станет, пока не смолкнет рог.
- 22 Разбежались страж и подстражные—
Разбегаются и кони из стойл,

Не крепка никакая привязь,
 Куда пешие, туда и они.
 Во дворце—ни кошки, ни мышки,
 Словно дует в уши каждому: «Прочь!»
 Сам бы ускакал Рабикан,
 Кабы герцог не уловил его за повод.

- 23 Выгнавши волшебника,
 Воздымает Астольф с порога лещадь,
 А под ней—некий образ и иное,
 О котором невместно говорить.
 Дабы расточить колдовство,
 По слову заветной книги
 Бьет, дробит, крушит он открывшееся,
 И дворец истаивает в туман и дым.
- 24 А на золотой на цепи
 Пред Астольфом — Руджьеров скакун: *Астольф
находит
гиппогрифа.*
 Тот скакун, которого чернокнижник
 Дал тому в полет в Альцинин край,
 И которому Логистилла узду
 Зауздала на возврат во Францию
 И который от Индии до Англии
 Пролетел, держа вправо от земли,
- 25 И который (ежели вы помните)
 Был привязан к дереву за узду
 В день, когда с Руджьеровых скрылась
 глаз,
 Насмеявшись, нагая Анджелика.
 Дивно поглядеть:
 Воротился крылатый к наезднику
 И вседневно был неотлучен,
 Пока чары не рассыпались в прах. V
- 26 Нет Астольфу
 Ничего угоднее на свете,
 Нежели по сушам и по морям
 Сведывать, чего еще не сведал,
 И куда как кстати гиппогриф,
 Чтобы махом обнять все божьи страны.
 А какая на нем езда,
 Это уж ему небезведомо,
- 27 Небезведомо с тех индийских дней,
 Когда вызволила мудрая Мелисса
 Очарованного из чар
 Злочестивой, менявшей тело в дерево.
 Видел он и памятовал,
 Как буйную гиппогрифову голову
 Логистилла брала в узду,
 Наставляя в ристании Руджьера.

- 28 Вздумавши Астольф увести гиппогрифа,
Он седлает его сручным седлом,
Выбирает удила по губам,
Потому что удил лежала грудя
После всех скакунов, которые
Разбежались вскачь, сорвавшись с узд;
Не пускает его тотчас в полет
Лишь единая мысль о Рабикане.
- 29 А любил он Рабикана не праздно,
Ибо лучше коня не гуляло под копьем,
И никто иной
Не донес бы его из Индии во Францию.
Долго думавши, вот решил он так,
Что отдаст коня в дружеское дарение,
Чем оставить его посередь пути
На добычу первому мимохожему.
- 30 Стал и смотрит,
Не видать ли где лесника или ловчего —
Чтобы вел за ним Рабикана,
И пуститься, куда глаза глядят?
Ждет день, ждет ночь —
Никого:
А под утро, в тусклые сумерки,
Видит: из лесу является паладин.
- 31 Но чтобы сказ досказался до конца,
Прежде вспомним Руджьера и
Брадаманту
Как отпел тот рог,
И герои уж были далеко,
Оглянулся Руджьер и узнает
Ту, кого Атлант скрывал за чарами,
Ибо то Атлант
Не давал узнать пленной с пленным.
- 32 Смотрит Руджьер на Брадаманту,
Смотрит Брадаманта на Руджьера,
И дивятся, что ум и взор
Столько дней был туманом мнимым
марево.
Обнимает Руджьер свою красавицу,
А красавица алее роз,
И срывает он с пурпуровых уст
Первый цвет любовной утехи.
- 33 Тысячу и тысячу раз
Обоймутся — не разоймутся
Двое милых, и таково блаженны,
Что отрада рвется из груди;
Таково им больно,
Что под тем навожденным кровом
- Освобожденные
Брадаманта
и Руджьер
узнают друг
друга.*

- Не узнав друг друга,
Стольких светлых они лишились дней.
- 34 Раскрывает Брадаманта влюбленному
Все услады, пристойные целомудрой
Деве, жаждущей унять жажду милого,
Не порушив девическую честь.
Ежели-де хочет Руджьер
Не упрямой быть ей в высшем даре,
То пусть честно просит о ней Амона,
Но сперва—крестись.
- 35 А Руджьер от большой любви
Был готов не только в Христову веру,
Как отец и дед
И иные в его достойном роде,
Но готов ей в угождение тотчас
И жизнь отдать:
«Я не только в воду—пойду в огонь
(Говорит он) твоей любви ради!»
- 36 Для крещенья и почестного брака
Руджьер—в путь,
И ведет Брадаманту в Валломброзу,
Где слыла обитель
Набожная, обильная, леповидная,
И ко всякому приходящему незлобивая.
Вышли из дубравы и видят:
Сидит дама, и в лице ее скорбь.
- 37 Человечествен и вежествен
Быв Руджьер ко всем, а паче к дамам,
Как увидел светлые слезы
В три ручья по нежному лицу,
Жалостию вспыхнул и жаждою
Сведомиться, в чем ее горе;
И учтиво ее приветивши,
Вопросил, отчего она в слезах?
- Они
встречают
даму и по ее
рассказу*
- 38 А красавица, вскинув влажные взоры,
Достойнейший изъясняет ответ,
И на спрос
Повествует о всей корени своих бедствий.
«Благородный (говорит) господин,
Оттого в слезах мои щеки,
Что печальна я о некоем юноше,
В ближнем замке обреченном на казнь.
- 39 Он любил прекрасную и юную
Дочь Марсилия, испанского короля,
И что ночь, то вхаживал к ней
В женских платьях, под белым покрывалом,
Не в своем лице, не в своем голосе,
И никто о дурном и не гадал.

- Но где долог срок,
Там на всякую тайну есть дозорщик.
- 40 Узнал один, сказал двум,
Двое многим, дошло до короля,
Король шлет своего верного
Взять влюбленных в постели
(то было завчера),
Врозь
Заточает их в каменные каморы,
И едва ли не до сего заката
Примет юноша палящую казнь.
- 41 Он сгорит живым —
Я бежала, потому что невмочь
В таком неистовстве
Таковую видеть юную красоту.
Все мне радости обернутся болью,
Лишь помыслию,
Как пожжет его белое тело
Злое пламя».
- 42 Брадаманта слышит,
На душе ее гнет и скорбь,
Встрепетала она об осужденном,
Как о брате
(И не празден был ее страх,
Как о том еще поведается).
Говорит она Руджьеру: «Не нам ли
Ради страждущего преломить копье?»
- 43 И к скорбящей: «Едино прощу:
Дай нам путь в те стены,
И тогда не бойся:
Если жив он, то и будет жив».
Руджьер видит в своей владычице
Благосклонный дух и доброе рвение,
И сам горит
Вызволить юного из погибели.
- 44 Говорит он даме,
Льющей слезы, как реки: «Толк ли ждать?
Не в слезы бы, а за дело:
Скажи, где он, и веди нас к нему.
Поспеси—и мы его исторгнем
Из тысячи пик и тысячи мечей;
А не выпешишь сверх посильного —
Будет помощь не в пору, и он сгорит.»
- 45 Гордый вид, высокая речь,
Дивный пыл героя и героини
Воротили упование
Слушавшей в опустевшую грудь.
- едут
спасать
Рикардета.*

- Но не столько страшила ее даль,
Сколько перехват средь дороги,
И душа ее зыблилась,
Не тщетен ли обернется тот поход.
- 46 Наконец и вымолвила: «Путь
Есть дотоле прямой и ровный,
Чтобы в срок dospеть,
Пока злой не запылает костер.
Но для нас легла другая тропа,
Таково кривая и гнутая,
Что нам засветло не быть, а тогда
Не застать бы юношу уже мертвого.»
- 47 «Чем же быстрый путь непригож?»—
Вопрошает Руджьер, и слышит отповедь:
«В поле-де там замок понтьерских
Графов, а в том замке—улав,
И тому уставу—три дня,
Лютому и жестокому к странствующим,
А завел его злейший Пинабель,
Сын Ансельма от Высокого Берега.
- На пути
их—замок
Пинабеля,*
- 48 Ни рыцарю там, ни даме
Не пройти без урона и бесчестья:
Их щадят,
Но с того оберут латы, а с этой платье.
Не было и не бывало
Лучше во Франции паладинов,
Чем те четверо, какие там клялись
Биться по Пинабелеву уставу.
- 49 А отколе тот трехдневный обычай,
Не смолчу,
Дабы ведать вам, право или криво
Дался паладинам их присяжный обет.
Была у Пинабеля дама,
Злая и жестокая, как никто.
С нею-то он где-то однажды
Повстречал соперника и был побит.
- 50 Тот соперник, имея за седлом,
Насмех даме, старую старуху,
Сразился о ней с Пинабелем,
А тот был спесью вздут, да силой худ;
Сбил он Пинабеля, а даму свел
И проведаль, не кривы ль ее ноги:
Взял коня, снял наряд
И одел им ту дряхлую прелестницу.
- 51 Спешенная, обещенная,
Алчущая и жаждущая мзды,
Вторая по Пинабеле
Всюду, где что можно сдеять злого,

Ни денно она, ни ночью
 Не смолкала, что нет ей в жизни радости,
 Пока тот не пустит без лат и платий
 Тысячу рыцарей и тысячу дам.

- 52 А случились в тот самый день
 В его замок четверо славных витязей,
 Незадолго в нашу округу
 Из дальнейших причалившие земель,
 Доблестью боевых потех
 В наши веки не знающие подобных:
 Аквилант, Грифон, Сансонет
 И Лесной Гвидон, юнейший меж юными.
- 53 С вежественным притворством Пинабель
 Отворил пред ними названный замок,
 И отвел им почивальный покой,
 А на покое их схватил,
 и не прежде
 Выпустил, чем клятвенный взял обет:
 Год и месяц
 Здесь стоять и обирать на пути
 Всякого странствующего рыцаря,
*за которого
 сражаются
 пленные
 Грифон
 с товари-
 щами.*
- 54 А красавиц, которые при них,
 Спешивать и отбирать одеяния.
 Такова была присяжная клятва,
 Как ни скорбно, а должна блюстись.
 Доселева ни единый,
 Бившись с ними, не остался в седле,
 А побитых—без счету,
 Пущенных бесконно и безоружно.
- 55 А порядок в них таков: кому жребий—
 Бьется первым, один на одного,
 Если же соперник силен
 И сам высидит, а спорника свалит,
 Остальные
 Скопом грянут умертвить устоявшего.
 Если каждый врозь так могуч—
 Посуди же, каковы они в сборе?
- 56 И как нашему делу не с руки
 Никакая медленность и просрочность,
 То не в пору нам нынешняя брань—
 Будь ты даже победителен,
 Как сулит ваша рыцарская статья,—
 Все равно, эта схватка не на час,
 А коли умедлим мы подмогою,—
 Быть сегодня юному на костре».
- 57 А Руджьер: «Не на это мы глядим!
 Это сможем, то превозможем,

А о прочем пусть решит вышний бог,
 А не он, так Случай!
 По тому по самому поединку
 Ты увидишь, хороши ль мы помочь
 Ждущему костра
 За поведанные пустые вздоры!»

58 Девушка больше ни слова,
 И в дорогу по краткому пути.
 А как минули милую и другую,
 Видят, мост, за мостом ворота,
 Где потеря латам и платьям
 И немалое опасение для жизни.
 Чуть они завиделись — со скалы
 Дважды грянул им колокол,

*Они
 подъезжают
 к замку.*

59 А из ворот — старик,
 Второпях, на усадистом жеребце,
 И кричит: «Ни с места, —
 Здесь урочище для мытного сбора,
 А каков таков этот сбор,
 Коли вам не ведомо, то уведайте!» —
 И повел о том,
 Что за пошлина пошла от Пинабеля.

60 А потом, как приобьик прежним рыцарям,
 Говорит советные им слова:
 «Обнажите, молодцы, вашу женщину,
 Совлекитесь лат, соступите с стремян,
 И не рвитесь в свою беду
 Пред таких пред четырех поединщиков!
 Ткани, брони, кони — добро
 Наживное, а жизни не воротишь».

61 «Ни слова! — ему Руджьер. —
 Все мне ведомо, на то и пришел
 Попытать я,
 Таково ли я хорош, как душа велит?
 На пустые угрозы не отдастся
 Ни ткань, ни бронь, ни конь
 Ни мной, ни товарищем,
 Ибо он, как и я, к пустому глух.

62 Но как бог свят,
 Дай сюда тех, кто ищет конь и бронь,
 Ибо нам недосужно мешкать,
 Когда путь еще и в гору и с горы». —
 А старик: «Да вот
 Ищущий уже на мосту», —
 и впрямь,
 Выезжает к ним рыцарь, а на рыцаре
 Плащ-багрец, шитый в белые цветы.

Песнь XXII

- 63 Брадаманта
Друга умоляет о любезности
Дать ей волю ссадить противоборца,
Белым цветом украсившего плащ.
Но не домоглась —
Ей приходит быть в Руджьеровой воле,
А Руджьерова воля — ему в бой,
А подруге — смотреть из посторонья.
- 64 Спрашивает Руджьер у старика,
Кто сей первый, представший из ворот?
А старик ему: «Это Сансонет,
Узнаваемый по рдяному с белым».
Вот съезжаются, тот справа, сей слева,
Не молвя, не медля,
Уторапливая коней,
Чтоб скорей переведаться булатами.
- 65 А к сходящимся спешит из-за стен
Пинабель с премножеством пеших,
Быстрых и умелых
Обирать доспехи с битых рыцарей.
Скачут на паладина паладин,
Вскинув в дланях древки могучих копий,
Вхват две пяди, из природного дуба,
Ровной толщиной до самого острия.
- 66 Целый их десяток
Повелел обтесать из живых стволов
Сансонет в окрестной дубраве
И принес на бой для себя и для врага.
Адамант
Должен быть у рыцаря щит и панцирь,
Чтобы выстоять таковой удар.
Взял одно Руджьер, Сансонет другое.
- 67 Так булатны два острия,
Что ударь — пронзят наковальню;
Ими-то и грянули два воителя,
Сшибшись на скаку, щит в щит.
Но Руджьерову не грозен удар,
Кованому потными дьяволами,
Ибо то был щит — дар Атланта,
А каков он, о том уже я сказывал.
- 68 Сказывал уже я: тот щит
Мечет в очи зачарованный блеск
С такой силою, что только открой —
Зрячий слеп, а живой полумертв.
Оттого-то до неременной поры
Покрывал его сохраннный покров.
И к тому же (как покажет нам бой),
Был тот щит непробойный и
вседробящий.

*Рудж
побивс
Сансо*

- 69 А соперникову щиту, безыскуснейшему,
 Не по силе пришлось копьё —
 Как от молнии,
 Он расселся, и вошла в него сталь,
 И вошла в него сталь, и дошла
 До открывшейся держащей руки:
 Раненный,
 Сансонет, срамясь, летит из седла.
- 70 Первый из четверых,
 Ставленных по недоброму уставу,
 Не стяжал он латных добыч
 И повергся от встречного поединщика.
 Где смех, там слезы,
 И судьба становится поперек.
 А дозорный кличет
 Новым колоколом новых бойцов.
- 71 Пинабель меж тем *Брадаманта*
 Подъезжает конь-о-конь к Брадаманте *узнает*
 Вопросить, кто столь доблестный и смелый *Пинабеля*
 Поразитель не худшего из его людей? *и преследует*
 И по божьему правосудию *его.*
 Ради мзды по его делам
 Был он верхом на том самом коне,
 Коего умкнул он у воительницы.
- 72 Тому минуло восемь месяцев,
 Как, сбредясь в пути, Пинабель,
 Ежели вы помните,
 Уронил ее в гробницу Мерлина,
 И была бы там ей смерть,
 Кабы не крепкая ветвь да не добрая *судьба.*
 Вот тогда-то, чая ее погибшей,
 И увел злодей ее коня.
- 73 Узнает Брадаманта жеребца,
 Узнает по жеребцу злого графа,
 А как он подъехал да подал голос —
 Всмотривался в лоб
 И сама себе молвит: «Это он,
 Вероломец, таивший мне смерть и срам,—
 Ныне же тот грех
 И привел его на правую кару».
- 74 В один миг —
 В устах клич, в руках меч,
 А конем отсекает путь,
 Чтоб не выдалось убежище в замке.
 Нет надежды Пинабелю съютиться,
 Как лисе в норе,—

С криком, без оглядки,
Он бросается прочь в густую чащу.

- 75 Бледный, смятенный, жалкий,
Шпорит,
Только в бегстве уповая спастись.
А дордонская Брадаманта
По пятам, гнетет и грозит,
Шум встал, стонет лес,
А у замка никто и не услышит —
Все глаза устремлены на Руджьера.
- 76 А из тяжких ворот
Выезжают на него три новых рыцаря,
А при них — злохотная дама,
От которой тот невзгодный устав.
И у каждого из троих
Тоска в сердце и жар в лице,
Ибо всем милее смерть-, чем позор,
Что пришло напасть гурьбой на единого
- 77 Злобная и блудная
Чинница недоброго чина
Поминает им клятвенный их обет,
По которому вышел час расплаты.
А Лесной Гвидон с нею в спор:
«Если я положу его копьем моим,
То к чему мне рядом чужие?
Если ж нет—руби мне голову с плеч!»
- 78 Вторит Грифон, вторит Аквилант —
Каждый рад один на один,
А чем скопом ударить на единого —
Лучше им смерть и плен.
А женщина им: «Бесплодные
К чему слова?
Я велю вам отбить доспех у этого,
А не новый писать закон и чин!
- 79 Бывшим вам в темнице, тогда
И перечить бы, а нынче не в пору!
Вы повинны блюсти устав,
А не бить напрасными языками!»
А навстречу кричит Руджьер:
«Вот доспех, вот конь, седло, попона,
Все новехоньки, вот дамский наряд;
Если надобно — почто же вы медлите?»
- 80 Госпожа теснит,
А Руджьер выкликает и попрекает,
И насилиу
Трогаются трое, горя стыдом:

*На Руджьер-
ра нападают
Грифон
с друзьями.*

Впереди—два сына
Славного бургундского паладина,
А вослед, приотстав на тяжком топоте,
Лесной Гвидон.

- 81 Выезжает Руджьер
С тем копьем, каким снизил Сансонета,
С тем щитом, которым Атлант
Хищничал с пиренейских гнездовий,
С тем, чей блеск
Непереносим для смертной зрячести,
С тем, который в крайней беде
Крайней был Руджьеру охраною.
- Руджьер
побеждает
их волшеб-
ным щитом*
- 82 Трижды
В крайних бедах надобился тот блеск:
Раз и два, когда из царствий роскошества
Изволялся рыцарь к лучшему бытию,
В третьи же, когда меж пучин
Он оставил несытой пасть чудовища,
Должную пожрать нагую престелницу,
Столь жестокою к поборнику своему.
- 83 Трижды было так,
В прочем же тот щит покровен
Покрывалом, сподручным отстраниться
Тотчас, как нагрянет нужда.
С таковым-то нынче щитом
Предстает Руджьер, как молвлено, к полю,
Столь горяч, что три навстречные рыцари
Не ужасней ему малых детей.
- 84 Бьет Руджьер Грифона
Под забрало, по наверхью щита,
Тот качается, куда бы упасть,
И вот падает, и простерт вдалеке.
А Грифонов удар был в самый щит,
Но пришелся не впрямь, а вкось,
И как щит был гнутый и гладкий,
То всчертился вскользь на большую беду.
- 85 Треснула и лопнула ткань,
Чародейный запинаящая свет,
Пред которым ужасом всяк
Ослеплен наповал, и не уйти.
А как вырвался вперед Аквилант,
И разит, и сорвал последний клоч,—
Грянул блеск
В очи братьям и третьему, Гвидону.
- 86 Рушится кто вправо, кто влево,
Щит бьет в глаз, в ум,

- Глушит громом всякое чувство.
А Руджьер,
Не гадав, что битве конец,
Меч в ладонь, повернул коня,
Глядь, а перед ним никого: .
Все, как мертвые —
- 87 Пали конные, пали пешие,
С ними женщины,
Между ними кони
Бьют боками, как испуская дух.
Сперва дивно ему, а после видно:
Слева свесился клок с его щита,
Клок того покровного шелка,
Застилавшего свет, вину всех бед.
- 88 Повернув, Руджьер *и топит*
Ищет взором подругу и воительницу, *щит*
Поспешает в тот поприщный конец, *в колодезе.*
Где была она о начале брани,
А не нашед,
Мнит ее умчавшийся вперед
Убережь спасаемого юношу
От костра, покуда медлится бой.
- 89 Видит он между polegшими даму,
Даму, вожатую их пути,
И взнимает ее в седло, как сонную,
И в смущении отъезжает прочь,
А тем платом, что поверх ее платья,
Заслоняет свой колдовный щит,
Сокрывает пагубный блеск,
И красавица тотчас же опаматовалась.
- 90 Едет рыцарь,
От стыда румян, не вздымая взора,
Словно в каждом чуя попрек
Немногодостойною победою:
«Как себя оправить,
Как отвести срамящий укор,
Будто одоленье мое
Не по доблести, а по чернодействию?»
- 91 В таковом-то едучи размышлении,
Вдруг напал он на что искал:
В полдороге
Был колодезь, копанный в глубину,
У которого в знойный час
Собиралось отпасшееся стадо.
Говорит Руджьер: «Пора предпринять,
Чтобы ты меня, щит мой, не бесчестил:
- 92 Более тебе со мною не быть,
И обида мне от тебя—последняя!»

- 98 Но поворотивши туда,
Где Руджьер,—
Она сбилась меж холмов и долин
И напрасно изъезживала округу:
Не всхотела жестокая судьба
Навести ее на след ее милого.
Если эта повесть кому по нраву,
Тот послушай и следующую песнь.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

- 1 Не скупись на услугу ближнему: *Вступление.*
Доброе дело не без доброй mzды.
А хоть и не дастся mzда —
Все ж ни казни, ни сраму, ни урону.
Но кто губит ближнего, тому приспеет
Заплатить незабытый долг,
Ибо сказано: не сойтись горе с горой,
Но человеку человека не минуть.
- 2 Вот и видно,
Каково пришлось Пинабелю
Расплатиться за недоброе дело
Правой mzдой за неправый ум.
Господь бог,
Не терпящий невинного страдания,
Оберег девицу, и всякого обережет,
Кто воздержан от низости и мерзости.
- 3 Понапрасну полагал Пинабель
Быть ей мертвой и быть ей погребенной
И вовек уже не предстать,
Взыскупя по Пинабелевой кривде.
Отчий замок —
Даже тот не стал ему в прок
Близ Понтъерских мест, в кручах гор,
Прозываемый Высоким Берегом.
- 4 А держал тот Высокий Берег
Старый граф Ансельм, отец злодушного,
Не сыскавшего ни друга, ни приспешника,
Чтоб уйти от Клермонтских рук.
Дочь Амона
У подножия той большой горы

Без труда исторгла жалкую жизнь,
Ни слезам не внимая, ни молениям.

5 Уложивши красавица лжевитязя,
Ей самой искавшего смерть,
К милому поворотила Руджьеру,—
Но судьба становится поперек,
Подстелив такую ей тропу,
Что вела в лесную глубь и глушь,
Дикую, чужую, пустую,
А уж солнце садилось в серых сумерках

*Брадаманта
ночует
в лесу.*

6 Не имев, где промедлить ночь,
Здесь и возлегла Брадаманта
Под ветвями на мураве,
То в дремоте дожидая зари,
То следя, как плывут в небесном своде
Марс, Венера, Юпитер и Сатурн,
Но во сне и въяве
Видя в думах Руджьерово лицо.

7 Тяжким сердцем
Полные она испускала вздохи,
Мучась, что сильнее любви был гнев.
«Это гнев меня отхитил от возлюбленного:
Ах, зачем не стало мне глаз,
На лихое пустившись дело,
Оглянуться, чтобы после вернуться,
Чем лететь, не глядя и без памяти?» —

8 С таковыми словами на устах,
А еще того пущими — в сердце,
Источала она вздохи, как ветер,
Изливала слезы, как скорбный дождь.
А когда ей в очи
Долгожданный блеснул восток,
То взнуздала она пасшуюся свою лошадь
И пустилась навстречу дня.

9 По немногом выезжает она времени
На опушку, где лишь утро тому назад
Был чертог, в котором столь долго
Ее узил злоумный чародей.
И предстал ей на той поляне Астольф,
Под уздцы красуясь гиппогрифом,
Но недоумея, кому
Вверить верного своего Рабикана?

*Утром она
встречает
Астольфа.*

10 По нечаянности
Было так, что Астольф стоял без шлема,
И едва показавшись из дубравы,
Брадаманта увидела двоюродного,

Издали приметила, проворно
 Поспешила, горячо обняла,
 Назвала по имени,
 Подняла забрало и явила лицо.

- 11 Никого Астольфу не надобно,
 Чтоб оставить своего Рабикана
 На сохрану и потом на возврат,
 Лучше дочери Дордонского герцога —
 Словно сам
 Бог ее послал ему в подарок.
 Всегда он был весел ее видеть,
 А нынче всего она нужней.

- 12 Дважды и трижды
 Братскими обьявшись обьятиями,
 Постпросив с пристрастием,
 Как живется ему и ей,
 Говорит Астольф:
 «Тороплюсь я в птичьи уделы!» —
 И показывает красавице
 Своего летуна.

*Астольф
 оставляет
 ей коня
 и оружие.*

- 13 А красавице
 И не в диво видеть ширококрылого,
 Ибо не на нем ли с небес
 Налетал на нее Атлант,
 Ибо не ему ли вослед
 Устремлялась она до боли глаз,
 В день, когда умкнул он ее Руджьера
 По крутой и неслыханной стезе!

- 14 Говорит ей Астольф принять
 Рабикана, который конь быстрее,
 Чем стрела
 С тугой тетивы,
 А с конем — его крепкое оружие,
 И свезти его в Монтальбан
 И держать там, пока он не воротится,
 Ибо нынче оно ему не в прок,

- 15 Потому что к воздушному полету
 Ему надобна легкость, а не вес.
 Он берет себе шлем да рог,
 Рог, спаситель от всяческой беды,
 А Брадаманте поверяет копье
 Аргалия, сына Галафрона,
 То, которым коего ни коснись,
 Вмиг задетый валится из седла.

- 16 И вскочив Астольф на летуна,
 Медленно, медленно
 Правит ввысь, а потом рванул,
 Миг, и деве его уже не видно.

*а сам
 улетает
 на
 гиппогрифе.*

Но к добру или не к добру,
А судьба ее оттоле не выпустила,
Потому что навстречу — брат ее Алард,
И уже от него не уворотиться.

- 23 Брат ее Алард разводил
По постоям конных и пеших,
Набранных для государева войска
Новым сбором с ближних земель.
То-то между ним и сестрой
Братских ласк и лобзательных приветов!
И бок о бок они едут, беседея,
В Монтальбан.
- 24 Въехала красавица в Монтальбан,
Где родительница ее Беатриса,
Лик в слезах и сердце в тоске,
Тщетно ищет ее по целой Франции.
Но ни лобзанье уст, ни сплетенье рук
С матерью ли, с братьями ли
Не замена ей Руджьеровых ласк,
Памятно запечатленных душою.
- 25 Умышляет она послать
Не себя, так иного с быстрой вестью
В Валломброзу, чтоб уведал Руджьер,
Какова ее сдержала помеха,
И просить, если надобно просить,
Чтобы ради ее любви
Он крестился, а потом, как условлено,
Поспешил бы вести ее к венцу.
- 26 С тем же посланным
Хочет слать она Руджьеру его коня,
Нездаром ему любезнейшего,
Ибо краше по борзости и лихости
Не найти ни во стане сарацин,
Ни под сенью Главного Галла,
И лишь двое его не хуже —
Конь Баярд да конь Златоузд.
- 27 В оный день, как дерзкий Руджьер
Взвился ввысь верхом на гиппогрифе,
Он оставил Фронтин Брадаманте
(Фронтин — прозывался конь),
И она его отправила в Монтальбан,
Чтоб ему кормиться и не томиться,
Разве что недолгими выездками,
И на том бы он лоснился и тучнел.
- 28 Всех своих дам, всех своих девиц
Посадила она с собою к тканию

И на черный и белый шелк
 Вывела узор тончайшего золота,—
 И покрыла вытканным
 Сбрую и седло скакуна,
 А потом призывает наперсную свою
 Дочь кормилицы своей Каллитрефии.

*Она
 посылает
 Иппалку с
 Руджьеровым
 конем
 в Валломброзу.*

29 Тысячу она уже раз
 Поверяла ей своего Руджьера,
 И красу его, и повадку, и доблесть
 Вознося превыше богов,
 И теперь, призвав, молвит: «Ни единую
 Умней тебя и верней
 Я не приищу себе посланницею,
 Милая моя Иппалка!»

30 (Иппалка было имя наперснице).
 - Брадаманта ей приказывает: «Ступай»,
 И указывает, когда и куда,
 И о чем сказать милому повелителю —
 Не обман-де
 Попретил ей в путь к святой обители,
 Но виною тому судьба,
 А судьба сильнее человека.

31 Усадила она Иппалку на лошадь,
 Дала в руку Фронтинovy повода,
 А коли рехнется какой злодей
 Отобрать у нее подуздного,
 То его образумить одним именем,
 Чей тот конь,—
 Ибо нет на свете такого витязя,
 Чтоб не дрогнул при имени Руджьера.

32 Многие молвивши и многое
 Перемолвить Руджьеру от госпожи,
 Отпускает госпожа
 Внятливую Иппалку в немедленную дорогу.
 И поехала она долгими верстами
 По тропам, по полям, по лесам,
 И никто ей не был докучником,
 И никто не спытывал, куда ее путь.

33 Но о полдень, на спуске горы,
 На тропинке неторной и неладной
 Вдруг навстречу ей бредет Родомонт,
 Пеш, оружен, вслед малому карлику.
 Вскидывает сарацин гордый лоб
 И клянет все силы небесные,
 Что такой скакун в такой красе
 Держан дамскою рукою, а не рыцарскою.

*У той
 отбивает
 коня
 Родомонт.*

- 34 Клялся Родомонт
Первого встречного взять себе коня
Силою, и вот тот конь,
Краше и достойней, чем гадино.
Но напасть на даму он ставит в грех,
Рвется сердцем, но стоит в сомнении,
Глаз не сводит и лишь твердит:
«Ах! зачем не при нем его наездник!»
- 35 «Будь его наездник при нем,—
Отвечает Иппалка,— ты б опешился!
Наш хозяин не знает равнрго,
И уж верно он получше тебя». —
«Кто же он?— кричит сарацин,—
Кто же он, - презритель всего рыцарства?»
Та: «Руджьер». — «Коли он— Руджьер,
То беру я себе его коня,—
- 36 А уж ежели, как ты молвила,
Всех сильней он и всех храбрей,
То он сам
Пусть и взыщет за коня с меня подержное.
Я,— скажи ему,— Родомонт,
И меня легко сыскать к разделке:
Где ни стану,
Всюду зрится блеск моей доблести,
- 37 А куда ни ринусь,
Всюду след, как от божьей молнии!»
Так сказав,
Он перенимает золот повод,
И скачком — в седло;
А Иппалка в слезах, тоске и торе
И клянет Родомонта и срамит,
Но ему нипочем, и он правит в гору.
- 38 Правит в гору Родомонт вслед за карликом,
На спохват Мандрикарда и Доралисы,
А за ним,
Издали кляня и браня,— Иппалка.
    Что случилось дальше,— узнается
    После, потому что Турпин
    Здесь отходит от своего рассказа
    В то ущелье, где убит Пинабель.
- 39 Не успела Амонова дочь
Выспешить из недоброго места,
Как является с другой стороны
Принц Зербин и при нем злая старуха.
Видит: на поляне лежит
Мертвый рыцарь, неведомо какой,
Но как был Зербин учтив и добронравен,
Тронулась его душа состраданием.
- Тем
временем
Зербин
находит
убитого
Пинабеля,*

- 46 Через малый час
 В смольном свете несут печальный одр,
 И над ним еще гуще крик,
 И биение рук звучит до звезд.
 Еще горше плач, как река
 Из-под век вдоль скул,
 Но еще того черней и грозней
 Мрачный лик злополучного отца. •
- 47 Величав и важен
 Пока двигался похоронный строй
 По старинному уставу и чину,
 Столь забвенному в поздние века,—
 Из господских уст
 Пал приказ на уём народных смут:
 Быть награде,
 Кто уведомит о убийце сына.
- 48 С уст в уста и из слуха в слух
 Зашумел тот приказ по всей округе
 И дошел до неистойов старухи,
 Злейшей медведиц, лютейшей тигриц.
 И замыслила она Зербину погибель —
 По единой ли злобе,
 Для того ли, чтоб тщеславно собой явить
 Чудище, чуждое человечности,
- а Зербина
 обвиняет
 в убийстве.*
- 49 Для того ли, чтоб разжиться наградою,—
 Но приходит она к скорбному графу
 И поведши вероимную повесть,
 Говорит: убийца—Зербин,
 А из пазухи вынимает пояс,
 Вмиг знакомый несчастному отцу
 Несомненною тому уликою,
 Что коварная наветчица не лжет.
- 50 Длани ввысь,
 Граф в слезах клянется отмстить за сына,
 Подымает люд,
 Обстигает Зербинов приют,
 И Зербин, не чая себя в опасности
 И ласкаясь быть вдали врагов,
 В первом сне
 Схвачен графом за мнимую обиду,
- 51 Темной ночью в темной темнице
 Вкован в цепи, вбит в тяжкие колодки,
 И еще не пробрызнул день,
 Как звучит неправедный приговор
 Быть ему четвертовану
 На том месте, где вменен ему грех.
 Никаких дознаний:
 Так судил владетель, и в этом все.

- 52 А как сделался бел и желт и ал
 , Новый день под красавицею Авророю,
 Высыпал народ с криком «Смерть ему!
 Смерть!»
 В казнь Зербину за не Зербиново дело.
 Подлый сброд
 Валит валом, кто пеш, кто конный,
 А меж них, прикручен к скаредной кляче,—
 Очи долу, шотландский князь.
- 53 Но Господь, помогающий невинности, *Роланд*
 Верным упователям — верный страж, *выручает*
 Таковую усмотрел ему оборону, *Зербина*
 Что не быть ему у биты на той заре.
 Предстает Роланд,
 Крепкий вождь на пути спасения,
 Смотрит свыше и видит: мелкий люд
 Влечет гибнуть страждущего рыцаря.
- 54 А была при Роланде та девица,
 Изабелла, дочь галисийского короля,
 Обретенная им в лесном вертепе,
 Где томилась она в разбойном плену,
 В ярмом море
 Сокрушенный оставивши корабль,
 И которой дороже души и сердца
 Принц Зербин.
- 55 Вызволяясь Роландом из заточения,
 Спутная ему на всех путях,
 Как увидела она то людское толпище,
 Так спросила паладина, «Отколь?»
 Отвечает Роланд: «Не знаю»,—
 И оставивши ее на горе,
 Сам — в долину, видит Зербина,
 Глядь — и видно, что рыцарь хоть куда.
- 56 Приближается, вопрошает,
 С чем он взят и куда его ведут;
 Вскидывает скорбный чело,
 Внемлет, и поведывает все, как есть,
 Так правдиво,
 Что уже Роланд за него — хоть в бой.
 Явно ему о молвящем,
 Что невинен, и казнь его несправедна.
- 57 А услышавши, что вершитель суда—
 Граф Ансельм с Высокого Берега,
 Вовсе тверд Роланд, что творится ложь,
 Ибо правды за Ансельмом не водится.
 Таковы они были, враг к врагу,
 Ибо лютая свирепела рознь
 Между Майнцским домом и Клермонтским,
 На урон, на срам и на смерть.

- 64 Как увидел Зербин пред собою
Даму, столь безмерно им любимую,
Даму, мнимую быть давно
Погребенной в пучине и оплаканной,—
Словно лед влег в грудь,
Стал он полон хлада и трепета;
Но отхлынул хлад
И взгорается неистовый пламень.
- 65 Он простер бы к ней объятия, если бы
Не почтение к англандскому графу,
Ибо как не порассудить,
Что Роланд ей приходится любовником?
Отлетает радость,
Снова мечется дух из горя в горе,
Ибо видеть ее с другим
Ему горше, чем слышать ее мертвой.
- 66 А еще и того больней,
Что красавицын друг—его спаситель,
И ее у него отбить
Нелегко бы, а пуще—непочетно.
Никому
Он не отдал бы добром ту добычу,
Но для графа по рыцарственному долгу
Он готов бы и выею под пята.
- 67 Добрались они молча до ручья,
Спешившись для привала,
Снял усталый граф тяжкий шлем,
Снял Зербин,
И тогда-то узнала милая милого,
От мгновенной радости став бела,
А потом расцветши лицом,
Как цветок вслед дождю под светлым
солнышком.
- 68 Ни мига не медля, ни на что не глядя,
Бегом к дорожному, обвила его шею
И не выговорит ни звука,
Но в слезах и щеки и грудь.
И без дальних слов
Тронутый их страстью Роланд
Воочию разумеет,
Что пред ним не кто иной, как Зербин.
- 69 А возобретя дар слова
И еще не осушивши ланит,
Дева поведывает о великом вежестве,
Каков был к ней французский паладин.
И Зербин,
Для которого Изабелла больше жизни,
Припадает к Ролландовым стопам,
Как две жизни прияв в одном дарении.

- 70 Было тут меж храбрыми без числа
 Благодарствований и благоответствований,—
 Как вдруг
 Из-за темных ветвей—копытный звук,
 Оба мигом головы под забрало,
 Оба на-конь,
 И едва каждый врос в свое седло,—
 Выезжает на них рыцарь с девицею.
- Тут на них
выезжает
Мандрикард.*
- 71 Это был небезвестный Мандрикард,
 Рвавшийся Роландовым следом
 Отомстить Маниларда и Альзирда,
 Павших перед доблестным паладином.
 А отстал он
 Оттого, что залучил Доралису,
 Дубовым своим древком
 Одержав ее у ста железных ратников.
- 72 Не гадал сарацин,
 Что спешит за англандским графом,
 Но по явным виднелось ему знакам,
 Что великий то странствующий рыцарь.
 Роланда, а не Зербина
 Взмерив взглядом от темени до пят,
 Кличет он, уверившись:
 «Ты и есть, кого я взыскую!
- 73 Десять дней
 Не схожу я с твоего следа,—
 Таково меня жжет твоя молва,
 Дошумев до стана, что при Париже!
 Один спасшийся повестил о тысяче
 Стигийских гостей от твоей руки
 В том твоём побоище
 Над Нигрицией и над Тремизеном!
- 74 Я не замедлю
 Перевидеться с тобой, переведаться с тобой,
 Ибо плащ поверх твоих лат
 Мне свидетель, что это ты;
 Но и без плаща
 Ты и в сотне бы от меня не утаился:
 Твой прегордый вид вопиет, что это—
 Ты».
- 75 Отзывается Роланд: «Никому
 Не оспорить твоей великой доблести,
 Ибо столь достойная страсть
 Не гнездится в низменном сердце.
 Если хочешь ты со мной перевидеться,
 То взглянув в забрало, взгляни в лицо:
 Вот я съемлю шлем
 Ради первого твоего желания.

- 76 Ежели же, взглянув,
Не отстал ты и от второго,—
Я готов
Удоволить тебя в твоей погоне:
Посуди, таков ли я прегорд
Как лицом, так духом!»
А язычник на это: «Удоволь!
Ибо первое мое желание выполнилось».
- 77 С головы басурмана и до пят
Граф окидывает ищущим взором,
Но ни справа, ни слева, ни у седла
Ни клинка при нем не видит, ни палицы.
«Ежели обманет копье,—
Вопрошает,—то где твое оружие?»
А соперник: «Не твоя то забота—
Я и так ужасен врагу.
- 78 Мой обет—не вздевать меча, пока
Я не вырву Дурендаль у Роланда,
Оттого мне за ним на всех путях
Един сыск о многих расплатах!
А обещан был мой обет,
Когда вскинул я на эту голову
Этот шлем, венчавший доспех,
Тысячу лет назад носимый Гектором.
- 79 Всем хорош доспех, да нет меча—
Как похитился он, неведомо:
Только нынче носит его Роланд,
А Роланд—отчаянная голова,
Ибо только он мне достанься,
Вмиг простится с недоброю корыстью
И еще сочтется со мной за смерть
Славного моего отца Агрикана,—
- 80 Знать, Роланд одолел его изменою,
А иначе бы тому не бывать!»
Не смолчал Роланд:
«Лжешь,—кричит,—и лжет, кто так скажет!
Но кого ты ищешь, это—я:
Я—Роланд, и сразил его по-рыцарски!
Вот и меч, за которым ты в погоне;
Отвоюй по доблести—будет твой.
- 81 И хоть он по праву в моих руках,
Мы с тобой переведаемся по чести:
Будь он в этой битве ни твой, ни мой,
А повисни между нас на лесине!
Повезет тебе взять меня или убить меня—
И он вольно твой».
Так сказав, он споясал Дурендаль
И повесил середь поляны на дерево.

- 82 Как распрянулись боец от бойца
В половину лучного перестрела,
Как пришпорили коня на коня,
Отваживши медлящие узды,
Как уметали удар на удар
В шлем, в забрало, в зрячие щели,—
Два копыя, как лед,
Разлетелись в небо стами брызгами
- Роланд
и Мандрикард
бьются.*
- 83 Взребезги копые, вдребезги другое,
А не дрогнул паладин, не качнулся басурман:
Что осталось древка у рукояти,
С тем и в бой—
Хоть и оба свыкшись с железом,
Нынче, как мужик мужика
За межу, за кладезь,—
В драке друг друга охаживают дубьем.
- 84 С четырех ударов
И уже в рукоятях ни щепы,
А неймется раскипевшимся яростным,
Коли не с чем, так хоть на кулаки.
Трещат латы, рвутся кольчуги,
Где кто вметит, тот там и хватит:
Ни крепче клещи, ни тяжче млат
Для иной поковки не надобны.
- 85 Как в такой беде сарацину
Честью кончить неладный бой?
Грех терять любезное время,
Где удар ударившему в урон!
Грудь о грудь
Охватил Роланда татарин,
Стиснул,
Как Антея стискивал Геркулес,
- 86 Держит вперехват,
То рванет к себе, то отринет,
И таков он бешен,
Что забыл о конских браздах;
А Роланд себе на уме
И победной выгоды не выпустит—
Вытянул осторожную руку,
Хвать очелок и прочь с коня узду.
- 87 Силится соперника сарацин
Сдавить насмерть, ссадить с седла,
А Роланд сжал железные колени
И не гнется ни назад, ни вперед.
Басурмановыми напорами
Враз подпруга врозь пополам,
Рушится Роланд, а того не чует:
Сам в седле, и ноги в стремях.

- 88 Оземь грянулся граф
С грохотом, как груды оружий;
А скакун его супостата,
Чуть почувявши себя без узды,
Мчит в опор
Все круша по распутьям и беспутьям,
Глушась страхом справа и слева,
А на нем — Мандрикард.
- Мандрикарда
уносит
его конь.*
- 89 Доралиса,
Видя друга в такой опромети прочь
И не смея остаться одна,
Гонит следом свою кобылу.
Мандрикард во всю свою спесь
Бьет коня пятами и пястью,
И кричит, и грозит, и велит:
«Стой!» — а тот все быстрее и быстрее.
- 90 Все быстрее в шальном перепуге
Без оглядки
Скачет мило, и две, и три,
Пока ров не стал поперек,
А во рву ни постели, ни подстила,
И в тот ров ударились конь и конник
Кувырком,
Но ни тот, ни другой не поковеркались.
- 91 Стал конь,
Но безуздному ни пути, ни управы.
В ярости сарацин
Сотрясает его за гриву,
А красавица ему говорит:
«Сними повод с моей кобылы —
Она смиренная,
Все равно, что без узды, что в узде».
- 92 Непочетен
Мнится сарацину такой прием,
Но судьба ему приходит на выручу,
Поднеся узду не с того коня:
Предстает на его пути
Злобная Габрина,
По Зербиновом погублении
Припустившись в бегство, как волчица
от псов,—
- 93 В том же платье,
В том же молодистом уборе,
Совлеченном ей в завязтый наряд
С Пинабелевой негожей любовницы,
И на том же ее коне,
Повсеместно изрядном и отменном.
Не гадав, не чаяв,
Наезжает старая на татарина.

- 94 Разразились хохотом
Мандрикард и Стордиланова дочь,
Взвидевши у наездницы
Ни старушечье лицо, ни мартышечье.
Тут-то и рассудил сарацин
Разнуздать ее лошадь себе в прибыль;
Сдумал — сделал,
Гаркнул на безуздуую, и та—вскачь, •
- 95 Вскачь по чаще, мча на хребте
Полумертвую от страха старуху,
Через рвы, по всхолмьям, по склонам,
Впрямь, вкривь,—
    Но' нестаточно мне ее дослеживать,
    Коли надобно гласить о Роланде,
О Роланде, который, ссев с коня,
Вновь наладил сбитое седло,
- 96 Вновь верхом, начеку, и долго
Ждал, не явится ль татарин назад,
А как тот не казывался,
То решился его сыскивать сам.
Но быв доброго нрава и обычая,
Паладин не прежде пустился в путь,
Нежели учтиво и вежественно
Испросил дозволения у влюбленных.
- Роланд
расстается
с Зербинном.*
- 97 Горевал Зербин,
Проливала слезы Изабелла,
Оба рады бы с ним, но граф
Не желал их ласкового сообщества,
Ибо-де не в честь
Странственному рыцарю,
Взыскавшему неприятеля,
При себе иметь друга и пособника.
- 98 Он их просит: ежели сарацин
Не ему, а им встретится ранее,
То будь ведомо тому, что три дня
Роланд медлит для него в этой местности,
А затем
Держит путь под Карловы знамена,
Под златые лилии:
Если хочет, пусть там его и ищет.
- 99 Отвечают они ему, что охотно
И такую исполнят просьбу и всякую.
С тем и разъехались
Налево Зербин, направо Роланд.
А свой меч
Снял он с дерева и вздел на себя,
И пустил скакуна по тем тропинам,
Где вернее чаял застичь язычника.

- 100 Но как крив был путь
Бездорожного сарацинова ристания,
То ни в день, ни в два
Граф, блуждая, не встретил его следов.
А на третий день приспел он к ручью,
Изливавшему светлую струю
По простору пестроцветного луга
Под чудесными древесными сенями.
- 101 Был полдень,
Маня в тень и голого козопаса,
А Роланду в шлеме, с щитом и в латах
И подавно ехал ось непрохладно.
Он и слез,
Но неладен стался ему приют,
Крут и горек превыше сказа
В тот злосчастный и злополучный день.
- 702 Озираясь, видит Роланд под ветками
Неисчетные надписи на стволах,
И приникнув взором,
Различает руку своей богини,—
Ибо это здесь, как мною молвлено,
Невдали от пастушеского крова
Хаживала с милым Медором
Обольстительная наследница Катая.
- 103 Анжелику и Медора
Видит свитых он в ста местах в сто узлов,
И что букв в словах,
То Аморовых гвоздией в страдном сердце.
Рыщет, ищет он на тыщу ладов
Не поверить, чему невзгодно верить:
Силится удумать, что на коре
Не его, а соименная Анжелика.
- 104 Молвит: «Внятны мне ее письма,
Многажды я видывал эту руку;
Но Медор — это, верно, вымысел:
Этим зовом зовет она меня».
Таковой неверною верою
Сам себе обманщик,
Стоит Роланд
В праздном чаянье сам себя утешить.
- 105 Но в душе сомненье, как злой пожар,
Чем он пуще тушит, тем пылче пышет:
Так пичуга,
С недогляду всевши в сеть или в клей,
Тщетно плещется, и чем больше бьется,
Тем крылатая плотнее в плену.
Роланд движется к светлому источнику,
Где навесом выкрутилась скала.
- Роланд
попадает
в приют
Медора
и Анжелики.*

- 106 Цепкий плющ и раскидистые лозы
Увивали вход;
Здесь-то в те палящие полдни
Леживали блаженные любовники,
И внутри и вне
Выплетшие вязь их имен
Инде мелом, а инде углем,
Или острым ножевым оконечьем.
- 107 Пеш подходит печальный паладин,
И вступая в сень,
Видит строки, словно вчера
Чертанные Медоровою рукою.
Счастье этих мест *По надписям*
Положил влюбленный в стихи *он узнает*
Лучшим складом своей природной речи, *об их любви.*
А по-нашему гласили они так:
- 108 «Нежные травы, пестрые севы, свежие
струи,
Милые тени пещерной сени,
Где светлая Галафронова Анджелика,
Многими любимая тщетно,
Почивала на лоне моем нагая!
За дарованную вами усладу
Чем воздать мне, бедному Медору,
Как не повсечасною хвалою
- 709 И мольбою
Ко влюбленным паладинам и дамам,
Здешним и мимохожим,
Случайным и доброхотным:
Молвить травам, цветам, сеням и
струям:
Да блюдут вас солнце и месяц,
Чтобы нимфы вас охраняли
И от вас пастуший скот отгоняли!»
- 770 По-арабски
Это было писано, а Роланд
Между многих свичных наречий
По-арабски умел, как по-латыни,
Тем не раз по языческим краям
Сберегаясь от сраму и урону,—
Но напрасно,
Ибо нынче урон был пуще прибылей.
- 777 Трижды и четырежды
Он глядит в зловещие письма,
Тщетно чая прочитат в них иное,
Вновь и вновь видя прежнее и прежнее.
С каждым взглядом в страждущей груди
Льдистым стиском стискивается сердце.

Ибо стены, двери, окна в дому
 Ненавистными же пестреют начертаниями.
 Он не спрашивает, он сжимает губы,
 Он страшится, что станет яснее дня,
 Станет ярче дня
 То, что он туманил для безболия.

118 Но обман себя — не обман: -
 И не к спросу находится ответственный.
 Пожелавши пастух рассеять
 Паладинову тяготную печаль,
 Затекает сказ о двух влюбленных,
 Как он сказывал о них всем охочим,
 А охочих было немало, —
 И бездумную заводит он речь,

119 Как прекрасная Анджелика упрашивала
 Перенести в эту хижину Медора,
 Изнемогшего раною, и как
 Исцеляла его и исцелила,
 Но сама восстрадала горшею
 Раною от Амуровой стрелы,
 И такой в малой искре был пожар,
 Что металась в жару, не зная места,

120 И не помня, что она есть дочь
 Наибольшего владыки Востока,
 По крайней своей любви
 Она стала женой малого латника.
 До такого достигнувши конца,
 Пастух вынес самое то запястье,
 Каковым Анджелика при разлуке
 Отдала его уютную услугу.

121 Это стал топор,
 Махом снесший голову с плеч
 После неисчетных
 Бичеваний от палача-Амора.
 Роланд силится утаить свою боль —
 Тщетно,
 Ибо необорны
 Взрыды и всплачи из уст и глаз.

*Страдания
 Роланда.*

122 А как он остался один,
 И снялась препона его кручине, —
 Из-под век по ланитам и на грудь
 Хлынул слезный ток,
 Разлились стенания и рыдания,
 Он не сыщет места на ложе,
 Оно жестче ему камней,
 Жесточе крапивы.

- 123 А как вспало ему в тяжкую мысль,
Что на самой этой постели
С блудным другом
Почасту-де леживала изменница,—
Он шарахнулся от пуха перин,
Он взметнулся прочь,
Как дремотный мужик на мураве,
Вдруг завидя грозящую гадюку.
- 124 Ложе, дом, пастух
Таково ему сразу ненавистны,
Что, не ждав луны,
Ни Авроры, предшественницы солнца,
Он хватает оружие и коня
И в чащобу, под сплетшиеся ветви,
Где вокруг—никого, и там
Воплем, воем разверз врата страдания.
- 125 Неумны слезы, немолчны стоны,
Нет избавы ночью, ни днем,
Омерзели села, постыли дома,
Он простерт в глуши на голой земле,
Он не верит сам, что в очах
Столько слез, а в груди
Столько вздохов, и вновь и вновь
Говорит себе в разрыве рыданий:
- 126 «Нет,
То не слезы бьют из глаз, как струя:
Недостало бы горю моему слез —
Иссякли б о полуплаче!
Не сама ли то жизненная влага,
Закипев, встекает к очам,
Чтоб излить в мой последний час
Боль и жизнь?
- 127 То не вздохи
Означают мучение мое, нет:
Всюду выдоху мера вдох,
Только мне мою боль вовек не выдохнуть.
Это — ветер от крыл любви,
Раздувающей пожар в моем сердце,
Чудо-пожар,
Жгущий, не сжигая.
- 128 Я уже не я:
Роланд мертв и в землю зарыт,
Он убит неблагодарною красавицею,
Он в неверной нашел врага.
Я лишь дух Роландов,
Рыщущий в мучащем аду,
Чтобы призрак мой был урок
Всем, кто вверит душу Амору».

- 129   Всю он ночь блуждал по черному лесу,
 А как брызнул огненный день,—
 Воротила его тропа судьбы
 В сень, где врезаны Медоровы строки.
 Взвидев вновь он черты своей обиды,
 Вспыхнул,
 Весь — гнев, ярость, бешенство, ненависть.
 И — за меч.
- Роланд
 впадает
 в безумие.*
- 130   Рубит надпись, дробит скалу,
 Брызжут в небо каменные дребезги;
 Горе гроту, горе дубраве,
 Где везде—Анжелика и Медор!
 Не бывать
 Здесь прохлады ни пастуху, ни стаду:
 В гневе нет пощады ни ручью,
 Ясному и чистому,—
- 131   В светлый ток
 Летят камни, комья, комли, ветви, сучья,
 Пока с дна до пены
 Не взмелась во влаге темная муть.
 Он в поту, и дыханье занялось,
 Но все мало
 Гневному огню и гнущей ненависти:
 Павши навзничь, он дышит в небо,
- 132   Павши на траву, очи в небо,
 Изможден, недвижим,
 Не ев, не спав,
 Он лежит три восхода и три заката,
 А кручина круче и круче
 Сводит яростного с ума.
       На четвертый день
 Рвет он с плеч кольчугу и латы,
- 133   Здесь шлем, там щит,
 Одаль панцирь, а одаль и булат —
 Все его железо
 Разметалось по роще вразноброс.
 Платье — в клочья, обнажены
 Волосатая грудь, спина и чрево;
 И настало то самое неистовство,
 Что не видано и не взвидеть страшней.
- 134   В том ли буйстве, в том ли бешенстве
 Меркнет ум и меркнут пять чувств.
 Будь в руках клинок —
 Вовсе дивны бы настали дела!
 Но ни меч, ни секира, ни топор
 Столь великой моготе не надобны:
 Такова его проба сил,
 Что рывком он рвет сосну о корнях,

Но не нынче: неволя пуще охоты,
Слишком вьелось страстное
сумасбродство.

Государь мой, в допетой песне
Я поведал, как безумный Роланд
Разметал по роще доспех,
Разорвал наряд, бросил меч
И пошел корчевать дубы и сосны,
Оглашая ревом горы и гроты,
А на шум сбегаются пастухи,
За грехи их иль просто по злополучию.

*Роланд
избивает
мужиков*

5 Лишь увидели они изблизи,
Какова в рехнувшемся сила рук,—
Мигом в ужас
И бежать, врассыпную, кто куда,
А безумец вслед,
И схватив которого-то за голову,
Враз рвет с плеч,

Как, гуляя, рвут цветок или яблоко.

6 Безголового
Хвать за голень и машет им, как палицею;
Двое пасших лежали в дреме —
Уж не встать им до Страшного суда,
А кто тверд на ногах и мыслями,
Тех уж след простыл.
Но и то не уйти бы им от бешеного,
Кабы тот не перегрянул на скот.

7 Побросали пахари плуги,
Побросали мотыги и серпы,
Повлезали кто на дом, кто на церковь,—
Низок ясень, и явор им опасен,—
И оттуда замирают над тем,
Как Роланд рывком, толчком, тычком,
клыком, когтем
Рвет, глушит и губит быков да коней —
Не спастись и самому быстроногому.

Вот уж бьется в слух
Людный гул по окрестным селам,
Воют дуды, гудят рога,
А над всем колокольный звон,
И уж катится,
Вздв пращи, луки, пики, копья, вилы,
Тысяча в гору и тысяча с горы —
По-мужицки разделаться со спятившим.

9 Как под ветром полдня на белый берег
Набегает, играючи, волна,

А вторая—круче,
 А третья— во весь напор,
 И все хлеще хлещет по песку
 Полноводным валом,—
 Так растут на Роланда толпы черни,
 Прибывая с гор и с низин.

10 А он хватъ десяток, и с ног десяток,
 Кто попался, из того и дух вон:
 Тут и взвиделось попыткам,
 Что чем дальше от ярого, тем верней.
 Тщетен на него и булат—
 Крови из крепкого не выкровить:
 Такова на графе вышня я милость—
 Некрушиму быть поборнику о Христе.

И Кабы смерть брала,
 Тут бы графу и конец,
 Тут бы и внялось, каково,
 Бросив меч, да бросаться в битву.
 Но уже отпрянулось толпище,
 Увидав, что как ни бей, не убьешь;
 Роланд глядь, вокруг никого,
 И бежит к их хижинному селению.

12 А в селенье— ни мала, ни велика,
 Все, дрожа, поспрятались кто куда,
 Побросав припасы,
 Скудные по сельскому их житью.
 Но ему все равно, что хлеб, что желудь—
 Гонит голод и травит страсть
 В пасть и в пасть
 Урвать кус вареного ли, сырого ли.

13 А потом он рыскал по всей округе,
 Не щадя ни люда, ни зверья
 По лесам хватая
 Легких ланей и вертких коз,
 То и дело голой рукой
 Унимая кабана и медведя,
 Их убою
 Вновь и вновь глуша ярую утробу.

*и безумствует
 по всей
 Франции.*

14 Вправо, влево, вдаль, вблизи,
 По всей Франции,—
 и вдруг видит: мост
 Над широкою полною рекой
 С берегами крутыми и обрывистыми,
 А над тем мостом
 Башня, зримая изблизи и издали.
 Что тут случилось, дослышите потом,
 А теперь настала речь о Зербине.

- 15 Разлучась с Роландом,
Недолго Зербин помедлил
И поехал по паладинову следу,
Мерным шагом сдерживая коня.
Не прошло и часа,
Видит: едет верхом на кляче связанный
Рыцарь, а при нем с двух сторон
Двое стражей в доспехах и при оружии.
- 16 Зербин тотчас узнал подстражного,
И узнала красавица Изабелла:
Это был бискайский Одорик,
Надзиравший волком над белой агницею.
Предо всеми отличил его Зербин,
Вверив милую,
Ибо чаял быть его надежности,
Как везде, так здесь.
- 17 Но что вышло из того,
То и сказывала Зербину Изабелла,—
Как скрушила буря ладью,
Как спасся челн,
И про Одориково насильство,
И про скрытие в ведомую пещеру;
Но еще не домолвила до конца,
Как увидела своего злодея воочию.
- 18 А те двое, что были при Одорике,
Сами узнавши Изабеллу,
Угадали рядом
Ее друга и своего господина,
И тем паче, что на его щите
Писан знак его державного рода;
А подъехавши и всмотревшись, увидели:
Так оно и есть.
- 19 Вмиг с коней
И бегом, простерши руки, к Зербину,
Чтоб приветить, как наибольшего меньшие,
Преклонив колена и скинув шлем.
Вглядысь в лица,
Зербин видит бискайского Кореба
И Альмония, которых он сам
Снарядил Одорику в сопоспешники.
- 20 Говорит Альмоний: «Слава Господу,
Изабелла с вами, а потому,
Государь мой, я разумею,
Что не внове внимать вам, для чего
Этот злобный
Схвачен, связан и под моим мечом:
Чья больней обида,
Та вам и поведала весь тот сказ.

*Тем временем
Зербин
встречает
пленного
Одорика.*

*Альмоний
рассказывает.
как тот
был взят.*

- 21 Видимо, что вам ведомо,
Как коварный отослал меня с глаз,
И поруган я, и поранен Кореб,
Ставший за обидимую.
Но что случилось, как воротился я вспять,
То не видно ею и не слышано,
Чтобы статочно домолвить тебе,—
И отголе я продлю мою повесть.
- 22 Второпях набрав в городе коней,
Я стремглав устремился к морю,
Озираясь,
Где мои оставленные спутники.
Мчусь к берегу, мчусь по берегу,
Мчусь туда, где мы с ними разошлись,—
Никого,
Только свежий след на песке.   •••!./
- 23 Я за следом,
Он уводит в статную рощу;
Чуть вошел я, и слышу стон,
А за стоном—простертого Кореба.
Я пытаться его,
Где дама, где Одорик, кто обидчик;
А дознавшись, вскачь
Вверх по кручам изыскивать злодея.
- 24 Много рыскавши,
Никого не сыскавши,
Ворочаюсь к лежащему Коребу,
А под ним уже красная земля,
И промедли я,
Стал бы ему надобнее
Гроб да поп да хор,
А не лекарь и целебное ложе.
- 25 Я доправил его из лесу в город,
Положил у приятельного гостиника,
И в недолгом времени стал он здоров
Врачеством искушенного лечителя;
А потом оружно и конно
Мы пустились добывать Одорика
И настигли его при бискайском короле,
И здесь был бой.   >
- 26 Королёв ли суд,
Допустивший нас поединствовать,
Правда ли моя,
Удача ли пуще правды
Таково мне вспомогли одолеть,
Что изменник стал моим узником,
Ибо сведав король его вину,
Головою мне выдал побежденного.

- 27 Ни казнить не хотел я его, ни миловать,
 А вковал вот в эти железа,
 Чтобы твой решил приговор,
 Терпеть ли ему, умереть ли ему.
 А слыхав тебя быть при ратном Карле,
 Я пустился искать в тот стан,
 А нашел, где не чаял,
 И за то — благодарение Господу!
- 28 А еще благодарение Господу
 За то чудо, что с тобой — Изабелла,
 О которой вести,
 Я боялся, не знать тебе вовек». —
 Молча внимал Зербин,
 Не сводя очей с Одорика,
 Но не в лютости,
 А дивясь, как из дружбы возшло такое зло.
- 29 И как кончил Альмоний свою повесть,
 Смутен сердцем стоял шотландский князь,
 Не приметив причин
 Стать тому изменнику изменником.
 Наконец,
 Минув вздохом долгое дивование,
 Вопросил он пленника,
 Верно ли поведан был этот сказ.
- 30 Павши в ноги,
 Вероломный говорит: «Господин мой,
 Всяк живущий живет в грехе,
 И чем добрый отличен от недоброго,
 То лишь тем, что недобрый поражен
 И от малой бывает похоти,
 А достойный выступает на бой,
 Но пред сильным врагом и он бессилен.
- 31 Будь я ставлен оборонять твой оплот
 И по первом приступе
 Пропусти я недруга
 Без противности взвить над ним победу, —
 Ты бы прав клеймить,   , • •
 Что я трус, а подлеи того, изменник.
 Но когда б уступил я пущей силе,
 То хуле не скрыть бы заслуг и чести.
- 32 Чем враг сильней,
 Тем простимее одоленный.
 Моя верность блюлась моей защитой,
 Как та крепость в осаде со всех сторон:
 Сколько было от Всевышнего Разума
 Вложено в меня ума и духа,
 Столько я и высил, —
 Но с последним приступом пал».

*Одорик
 вымаливает
 пощаду.*

- 33 Так промолвил Одорик, а потом
Изъявил невпросказ пространно,
Сколь жестоко жгла его страсть,
Сколь крута оборола его сила.
Ежели мольба унимает гнев,
Ежели смиренье приносит плод,—
Это было здесь:
Одорик нашел, чем тронуть сердце.
- 34 Пред обидою Зербин в колебании:
Мечь или не мечь?
Видя он изменника,
Порывается порешить злодея;
Памятуя он о дружестве
Давнем между ними и слитном,
Влагой благости гасит пламень ярости,
И пощада у него на уме.
- 35 А покуда Зербин не знал,
Дать ли пленнику волю иль неволю,
Живота ли изменника лишить
Или в казни оставить его живого,—
Глядь, бежит и ржет
Та кобыла, разнузданная Мандрикардом,
А на ней старуха,
Чуть Зербина не ввергшая под топор.
- 36 Издали на дух и на звук
Подскакала кобыла к их коням
С дряхлой всадницей,
Тщетно вывшей и кликавшей помочь.
Как увидел ее Зербин—
Вскинул руки, благодаря небеса,
Что послали ему на произвол
Двух, которым он был обязан ненавистью.
- 37 Приказал Зербин ее схватить,
А сам мыслит, что с нею сделать:
Отрубить ли уши и нос
Напоказ злодеям,
То ль бросить ее труп в пищу коршунам;
Думает, передумывает,
Разные примеривает казни
И решает так.
- 38 Говорит он, оборотясь к товарищам:
«Я оставлю изменника в живых:
Негоже ему прощенье,
А негожа и злая казнь.
Пусть развяжется и живет,
Ибо грех на нем—от любви,
А где грех слагается на любовь,
Там простительно всякое прощенье.

*В наказание
Зербин
дает ему
спутницей
Габрину.*

- 39 Любовь круто крутит умы,
Крепчайшие Одорикова,
И не раз кривила на край,
Худший даже этой обиды.
Будь же Одорик прощен,
А наказан я за мою слепость —
Ибо слеп, кто доверился, не думавши,
Что где солома, там и огонь.»
- 40 А потом, посмотря на Одорика:
«Будь тебе по вине и мзда —
Чтобы целый год
Спутничать вот этой старухе.
Днем ли, ночью ли, дома ли, в пути,
А ни шагу прочь, без нее ни на миг,
И пока она жива, на тебе —
Защищать ее от всякой обиды:
- 41 По единому тебе ее слову
Выходить за нее на бранный бой,
И за этот год
Перемерить из края в край всю Францию». —
Так судил Зербин:
По вине Одорику ждаться бы смерти,
И на то развержена ему пропасть,
Избежимая лишь счастливым случаем.
- 42 Столько витязей, столько дам
Было старую предано и обижено,
Что любой при ней странствующий рыцарь
Не преминул бы вызова и схватки.
В том и казнь обоим:
Ей — за все прегрешенья прежних дней,
А ему — за неправо поборание:
Им живыми далеко не уйти.
- 43 Крепкою клятвою
Заручает Одорика Зербин
Блюсти верность, а ежели порушит
И доподлинно будет уличен,
То не внемля ему и не милоя,
Ввергнуть в злую казнь.
И на том Альмонию и Коробу
Велено вызволить узника из уз.
- 44 Неторопко
Повинуются Альмоний и Короб:
Смутительно им и больно
Отрешиться от вожденной мести.
Удаляется вероломец
С клятою старухою за седлом, —
А что дальше, у Турпина не писано,
А писано у другого сочинителя:
- Одорик
губит
Габрину
и погибает
сам.*

- 45 Пишет он (а кто — не скажу),
 Что они не проехали и дня,
 Как задумал Одорик разом выручиться,
 Попирая и уговор и клятву.
 Вскинул он Габрине петлю на шею
 И оставил висеть на ветви вяза,
 А спустя лишь год, не знаю, где,
 Был и сам повешен рукой Альмония.
- 46 А Зербин вперед, по широким
 Следам паладина Роланда,
 А чтобы не дать о себе тревоги,
 Шлет гонца к своему полку,
 Шлет Альмония с многими наказами,
 О которых долго бы говорить,
 Шлет Альмония, и при нем Кореба,
 • И остался один с своей красавицею.
- 47 Такова-то была в Зербине
 И не менее того в Изабелле
 Любовь к доблестному графу Роланду,
 Такова была охота дознать,
 Отыскал ли граф сарацина,
 Своротившего его и в крепком седле,—
 Такова была, что все три дня
 Не спешил Зербин к Карлову стану:
- 48 Все три дня, в которые граф Роланд
 Звался ждать искателя Дурендали.
 Где ни ездил граф,
 Там по той же тропе—Зербин;
 И достигнул он обок от дороги
 Той дубравы, где надписи изменницы,
 Той скалы и того ручья,
 Где теперь все в развале и раззоре.
- 49 Смотрит, видит: что-то блестит;
 Глядь, зеркало Роландова доспеха,
 А поодаль—шлем,
 Хоть не тот, что сверкал над лбом
 Альмонта;
 Слушает, слышит: где-то ржание;
 Вскинул шею на звук, а за стволами,
 Глядь, гуляет конь Златоузд,
 Щиплет травку и свесил поводья.
- 50 Зербин ищет меч Дурендаль
 И находит вырванный из влагалища,
 И находит клочья плаща,
 Во сто мест рассеянные безумцем.
 Изабелла и Зербин скорбны лицами -
 И стоят, не зная, что думать:
 Как ни взмыслят, а в ум нейдет,
 Что Роланд решился рассудка.

*Зербин
 находит
 Роландово
 оружие.*

- 51 Впору верить, что он убит,—
Но нигде ни на чем ни капли крови.
И тогда-то, глядь, а по берегу
Чуть живой, торопится к ним пастух:
Видел он с холма,
Как несчастного настигло неистовство,
Как он сбросил бронь, сторгнул ткань,
Избил люд и творил иные бедствия.
- 52 Молвит он Зербину
Вслед на спрос—неложный рассказ;
Тот дивуется, тот неимоверен,
Но воочию видит: это так.
Делать нечего: соступив он с коня,
Полон скорби, любви и жалости,
Собирает оттуда и отсюда
Разметанный Роландов доспех.
- 53 Спешившись, спешит
Изабелла в сбор тому же оружию,
Но
Вдруг является пред ними девица,
Скорбь в очах, вздох в устах,
А откуда она родом и кто она,
Ежели кто спросит, доложу:
Это Флорделиза ищет милого.
- Появляется
Флорделиза
в поисках
Брандимарта;*
- 54 Как покинул ее Брандимарт,
Тайно скрывшись из Карловой столицы,
Прождала она и шесть и восемь месяцев,
А увидя, что его нет и нет,
Вьшустилась в поиск
От моря до моря, от гор До гор,
Изыскав весь край,
Кроме лишь Атлантова прибежища.
- 55 Залучись она в замок чародея,
Тут бы и предстал Брандимарт
В том же мороке, что и Брадаманта,
Руджьер, Градасс, Феррагус и сам Роланд.
Но как громом грозного рога
Разогнал чародейщину Астольф,
Брандимарт ворртился в сврй Париж,
А Флорделиза о том еще не ведала.
- 56 Вот и говорю я: нечаянно
Повстречав Флорделиза двух друзей,
Узнает доснех, узнает
Златоузда с отпущенною уздою,
Видит беду воочию
И прискорбную слышит повесть
От того пастуха, который
Был свидетель рыцарева неистовства.

- 57 А Зербин Роландово всеоружие,
 Дособрав, гвоздит на сосну,
 А потом, чтобы его не присвоил
 Ни заезжий рыцарь, ни здешний,
 Режет краткую строчку на коре:
 «Се — оружие паладина Роланда»,
 Словно в знак: не касайся никто
 Иль готовься померяться с владетелем.
- 58 Едва кончил он похвальное дело
 И уже садился в свое седло,
 Как въезжает на ту поляну
 Рыщущий сарацин Мандрикард,
 Видит панцирь, шлем и меч на стволе,
 Спрашивает, слышит,
 И ликует, и ни мига не медлит:
 Подлетел и сорвал клинок с сосны.
- 59 И кричит: «Кто смеет перечить?
 Этот меч не с сегодня — мой:
 Где ни взял я его, а взял по праву!
 Роланд, струсив его держать,
 Притворился спятившим,
 Чтобы бросить в прах и уйти:
 Малодушию это — оправдание,
 Но захвату моему — не препона!»
- 60 А Зербин на него: «Не тронь —
 Или знай, что не так-то это просто!
 Гекторову булату
 Не по праву ты наследник, а вор!»
 И без дальних слов
 Оба доблестных сшиблись пыл о пыл.
 Гудит воздух от тысячи ударов,
 А и то еще рубятся вполплеча.
- 61 Куда грянет меч Дурендаль —
 Вмиг оттоль ускользнет Зербин, как молния:
 Вправо, влево, из уклона в уклон
 Горячит коня резвей оленя,
 И дело, —
 Потому что чуть коснись его сталь,
 И витать бы ему под теми сенями,
 Где влюбленным душам миртовый рай.
- 62 Как проворный пес,
 Взвидев вепря, отбившегося от стада,
 Кружит вокруг, налетает вбок,
 А потом как улучит да как вцепится, —
 Так Зербин,
 Ввысь ли меч, вниз ли меч,
 Огибается из отскока в отскок,
 Бьет из чести, бежит для жизни.
- появляется
 Мандрикард
 и хватает
 Роландов
 меч.*
- Зербин
 бьется с
 Мандрикардом.*

- 63 А в упор ему сарацин
Сечет сталью невпопад и впопад,
Словно свищет в равноденственный март
Ветер в Альпах сквозь ущельные дебри,
Гнет стволы головою долу
Или ломит сучья и крутит в вихре,—
Как ни вейся от ударов Зербин,
А ему не укрыться от последнего.
- 64 А ему не укрыться от разящего,
Меж клинком и щитом просекающего грудь:
Прочен панцирь,
Толст нагрудник, крепка кольчуга,
А не выстояли,
А впустили жестокое острие —
Режет рубящее
Латы и седло до самых сбруй.
- 65 Не случись тот удар в полсилы —
Быть бы принцу рассечену, как трость;
Но едва дотянувшись дожива,
Лишь по коже всполосовал клинок.
Вытянулась рана
Не в единую пядь длиной,
Засочилась по блещущему доспеху
Красным швом горячая кровь.
- 66 Таково, я видел, алая прошва
Рассекает серебристую ткань
Не под тою ли белоснежною ручкою,
От которой и сердце пополам?
Мало Зербину радости,
Что учен войне, силен и горяч,—
Ибо мощь и меч
Куда крепче у короля Татарии.
- 67 Басурманский однако взмах
Вышел круче видом, чем делом,—
Захолонуло
Сердце в Изабеллиной груди,
Но Зербин,
Польхая гневом и ненавистью,
В две руки со всей силы и отваги
Поражает нехриста в самый шлем.
- 68 Чуть не в конскую ткнулся гриву
Под крутым ударом гордый враг,
И не будь его шлем под чарою,
Не сносить бы ему черепа под мечом.
А теперь он не медлит мздой,
Не сулится до другого-де раза,—
Взвив булат над челом шелома,
Метит взмахом разъять князя по грудь.

- 69 У Зербина куда глаз, туда мысль,
Он рванул скакуна направо,
Но не так он быстр,
Чтобы щит миновал разруба:
Сверху донизу прошел вражий меч,
И рассек рукоятный ремень, и ранил
Руку,
И пробил броню, и скользнул до бедра.
- 70 Исхитряется Зербин справа, слева,
Но ему своего не взять —
Бьет по вражьи латам,
А На тех ни малой отметины.
Перевесил
Над Зербином татарский царь,
И уже на шотландце восемь ран,
Щит погублен и шлем разрублен.
- 71 Истекает кровь, излетают силы,
А Зербин не слышит,
Ибо сердцу крушенья нет,
А как сердце, так и слабое тело.
И тогда-то Зербинова Изабелла,
Бледная, припадает к Доралисе,
Заклиная ради Господа Бога
Разомкнуть отчаянных поединщиков
- 72 Сколь прекрасная, столь и вежественная,
И тревожась, какой кому конец,
Доралиса для Изабеллы рада
Склонить милого на уемный мир;
А мольбами Изабеллы изъемлется
Мстящий гнев из Зербинова сердца,—
И он едет прочь по ее угоде
И уже не посягает на меч.
- 73 Флорделиза же, видя в несохранности
Знатный меч злополучного Роланда,
Таково безмолвная страждет,
Что льет слезы и бьет себя в чело:
Она хочет, чтоб предстал Брандймарт —
Отыщись он и услышь эту весть,
И недолго
Мандрикарду хвалиться своей добычею.
- 74 И пускается Флорделиза искать
Днем и ночью своего Брандимарта,
Но чем дольше ищет, тем дальше от него,
Потому что он давно уж в Париже.
Едет всхолмьями и удожьями,
И приехала к реке, а там брод,
А у брода страждущий паладин,—
Но сначала договорим о Зербине.

*Дамы
разнимают
бойцов.*

*Флорделиза
едет дальше,*

- 75 Ему пуще всякого горя,
Что не смог он выручить Дурендаль;
Он едва усиживает в седле—
Столькой кровью истек он и истекает;
Иссякает гнев, с гневом жар,
Наступает боль,
Наступает боль и теснит,
И он чувствует, что прощается с жизнью.
- а Зербин
умирает
от раны.*
- 76 Он уже бессилён идти
И склоняется наземь у источника.
Добрая его подруга
Не найдется, что помолвить, что поделать,
А лишь видит: умрет он от беспомощья,
Потому что вблизи ни городка,
Чтобы кликнуть лекаря пособить
Ради Господа или ради, золота.
- 77 Что ей делать, как не тщетно страдать
И стенать на судьбу и злое небо?
«Горе мне!—рыдает она,— зачем
Океан не поглотил меня с парусом?»
Взведшему к ней томные очи
Горше Зербину ее горе, ,
Чем и рана,
Вмучившая в самую смерть.
- 78 «Сердце мое,— он молит,—
Будь любовна ко мне и после смерти!
Не то жаль, что меня не станет,
А что ты здесь одна и без поборника.
Приключись мой последний час
Не в угрожном месте—
Я бы умер, склонясь к тебе на грудь, •
Радостный, веселый, счастливый;
- 79 Но как нынче жестокий рок
Вырывает тебя неведомо кому,
То клянусь
Силком уст твоих, и очей, и кудрей,
Что в отчаяньи нисхожу я во тьму
Ада, где единый мне помысел
О покинувшейся тебе
Больней злейшей из преисподних казней».
- 80 Истрадавшаяся
Изабелла склоняет слезный лик
И сливает уста свои с устами
Зербина,
Блекнущими, как роза
Выцветает, несорванная, в тени;
Говорит: «Душа моя, не помысли
Без меня отлететь в последний путь—

- 81 Не знай обо мне тревоги,
Я с тобою, любовь моя, хоть в рай, хоть
в ад:
Вместе отошед,
Вместе быть нам и во вечные веки.
Лишь сомкнешь ты очи,
Как убьет меня душевная боль,
А ежели не она,
То прорубит мне грудь вот это лезвие.
- 82 И на то во мне живо упование,
Что к телам нашим смерть добрей, чем
жизнь:
Сжалится нашедший
И положит обоих в единый гроб».
И с такими она словами
Скорбными устами -
Иссякающие ловила из уст
Вздохи жизни, похищаемые смертью.
- 83 А Зербин ей бессилеющим голосом:
«Я прошу, я молю, моя богиня,
Ради той любви, для которой
Ты оставила отеческий брег,
Я велю, если вправе я велеть:
Будь жива,
Пока воля на то Господа Бога,
И храни беззабвенно великую мою любовь!
- 84 Будь жива, и верно, Господь
Охранит тебя от всяческой злобы,
Как извел тебя из вертепа
Рукой римского сенатора Роланда,
Как явил над тобой свою всемилость
И в пучине и пред хищным бискайцем;
А коли поволит твоей он гибели —
Значит, гибель есть меньшее из зол».
- 85 Таковые последние слова
Он вымолвил, но едва уже слышимо,
И скончался, как кончается светик,
Под которым уж ни воска, ни масла.
Кто расскажет,
Как терзалась юная подруга,
Взвидев навзничь в руках своих Зербиново
Побледнелое, похолоделое тело?
- 86 Забывает она себя и все на свете,
Омывает кровавое слезами,
Взрыдом
Оглашает окрест луга и рощи,
Нещадимо
Бьет и рвет ланиты и перси,
- Изабеллу
спасает
от само-
убийства
добрый
отишельник.*

- 98 Откликается Мандрикард: «Нипочем
Ты меня не вгонишь в страх, как ни сился!
Пугай баб, пугай мальчишек,
Пугай тех, кому латы невподъем,—
Только не меня,
Кому подвиг милее отдыха:
Пеший, конный, в меч, вручь, в ограде,
в поле,—
Убедись!»
- 99 Оба в гнев, в крик, в брань,
Клинки вон, загремел булатный звон,—
Словно ветер, который еле дышит,
А потом клонит клены и дубы,
, Крутит прахом черный столб до небес,
Рвет стволы, разметает хижины,
Ввергшись в море, взбивает шквал
И по рощам рушит скотские трупы.
- 100 Несравненные оба сарацина
Полны сил, в сердцах, пыл,
Сшиблись в сече, и взбился бой
Подстать дикому племени и семени:
Бьет булат в булат,
Земля в дрожь от грозного звона,
Брызжут искры ввысь, словно твердь
Вспыхнула тысячею светильников.
- 101 Крепко рубятся царь с царем,
Без вздоха, без роздыха,
Исхитряясь то в лоб, то в бок
Вскроить бронь и вспороть кольчугу.
Ни этот вспять, ни другой на пядь,
Словно не земля под ними, а золото,
Словно вал и ров
Встал оградой их тесному ристалищу.
- 102 Как из тысячи ударов удар
В две руки вбил татарин в лоб алджирцу,-
У того в глазах
Закружились вихрями искры,
Не стало сил,
Запрокинулся он на конскую спину,
И теряет стремя, и едва
Не упал из седла перед невестою.
- 103 Но как крепкий из лучшей стали
Арбалет,
Гнутый тяжелой тягою ворота,
Чем он круче и чем он туже,
Тем, отпущенный,
Злее бьет, воздавая силе силой,—
- Битва
Мандрикарда
с Родо-
монтом.*

Так же вмиг африканец снова прям
И разит за удар двойным ударом.

104 Куда бит, туда бьет
Родомонт Агриканова наследника,—
Не домогся клинок лица,
Забранного троянским забралом,
Но сотряс татарина так,
Что не взвидел тот ни дня, ни ночи;
А разящий
Вновь взъярен, бьет вразлет и метит
в голову.

105 Отшарахнувшись от свистящей стали,
Мандрикардов конь
В гибельном отскоке
Своей жизнью спас седока,
Ибо принял пополам головы
Смертный взмах, занесенный на хозяина,
А на той голове не троянская была бронь,
И приходит несчастному погибель.

106 Рухнул конь — Мандрикард встал пеш,
Вновь свеж, чертит круг булатным блеском,
Зол от вида сраженного скакуна
И как тяжким пожаром, пышет яростью.
Африканец на него вскачь,
Но татарин,
Как утес в прибое,
Стоит тверд, а вражий конь сбит с копыт.

107 Слыша мавр, что конь его пал,
Ноги вон из стремян и прочь с седла,
И стоит неколеблемо и вольно,
Равный равному поединщик.
Пуще прежнего закипает бой,
Каждый горд, каждый гневен, каждый
яростен,
И не видно тому конца,—

но тут
Приспевает прекратительный вестник.

108 Приспевает вестник от государя,
Из разосланных по франкской земле,
Чтобы скликнуть под государский стяг
Безначальных витязей и начальников,
Потому что магометанский стан
Еле держится пред золотыми лилиями,
И не подоспей подмога,
Скоро сарацинству конец.

*Вестник
Аграманта
и Доралиса
их
разнимают.*

109 Признал вестник обоих единоборцев,
И не по щитам, не по плащам,

А по блеску лезвий, по силе взмахов,
Каковы не с руки никакой руке.
Меж неистовыми встать он не смел,
Не надеясь быть в безопасности
Даже государеву вестнику,
Хоть кричи он, что он неприкасаем,—

- 110 А идет он к красавице Доралисе
И гласит, что родитель Стордилан,
И король Аграмант, и король Марсилией
С малым войском сидят в большой беде,
А поведавши, умоляет
Такой вестью замирить драчунов,
Чтоб не медлили
Во спасение сарацин от христиан.
- 111 Смело бросилась дама меж двух бьющихся
И кричит: «Во имя
Той любви, о которой бой,
Сберегите клинки для лучшей участи!
И немедля — в путь
К басурманскому нашему стану,
Ждущему в злой осаде,
То ли быть подмоге, то ли гибели!»
- 112 Вслед ей вестник с вестью
О великой сарацинской беде
Простирает грамоту от царя,
От Троянова сына к Улиенову,
И на том полагается уговор,
Что оставив два рыцаря раздор,
Будут в мире
До поры, как собьют они осаду;
- 113 Но лишь вызволят из осады свой народ,—
Тут же
Их товариществу конец,
А быть жаркой вражде и смертной сече,
Пока меч не решит их спор,
Кто достойней владеть прекрасной дамою.
Таково поклялись бойцы,
А красавица была им заручницею.
- 114 Хоть была при уговоре и Распря,
Ненавистница перемирия и мира,
И Гордыня,
Несогласная ни к какому согласью,
Но сильней против них была Любовь,
Недоступная ничьему одолению,
И ее-то стрелы
Отстранили и Гордыню и Распряю.

115 Так в угоду владычице-Любви
 Положилось меж соперников замиренье.
 Недостало им в ту пору коня,
 Ибо конь татарина пал, порубленный,
 Но случился к самой стати на прибрежной
 Мураве им Роландов Златоузд...
 Впрочем, песне уже конец,
 И я с вашего дозволения ставлю точку.

ПЕСНЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Ах, как борются в юношеских душах
 Жажда славы и страсть любви!
 То одна одолевает, то другая,
 И доселе неведомо, чья выше мощь.
 Честь и Долг
 Сильны были в сердцах обоих рыцарей,
 Отрешивших любовную вражду,
 Чтобы ринуться в помощь осаждаемым,

Вступление.

Но сильнее того была Любовь,
 Ибо без красавицына приказа
 Быть бы буйному бою
 До чьего-то победного конца,
 И напрасно бы
 Ждал подмоги ратный Аграмант.
 Знать, не вечно любовь бывает зла:
 Инда пагуба от Нее, а инда благо.

Так-то случилось, что оба сарацина,
 Недоспорив спор,
 Ехали со своею милою дамою
 Спасать мавров под городом Парижем,
 А при них тот карлик,
 По следам похитительного татарина
 Лоб в лоб
 Выведший ревнивого Родомонта.

*Мандрикард
 и Родомонт
 едут
 под Париж.*

Выезжают они на зеленый луг,
 А на том лугу, над ручьем,
 Двое в шлемах, двое без шлемов,
 Отдыхают рыцари, и с ними — красавица.
 Кто они таковы,
 Скажу после, а сперва — о Руджьере,
 О Руджьере, который у нас на памяти
 Вверг в колодезь свой чудный щит.

- 5 Не отъехал он от того колодезя
И версты, как, глядь, со всех ног
Вслед за ним—гонец,
Зватель витязей в помощь Аграманту,
И доносит тот гонец, что в беде
Сарацины от державного Карла,
И коли не будет подмоги,—
Неминучий им позор или смерть.
- 6 Разом разные мысли
Ополчились в голову Руджьера,
А довести, которая умней,
Не было ему ни места, ни времени.
И отсылает он гонца во-свояси,
А сам круто сворачивает коня
Все туда же, куда торопит дама,
Не давая ему раскинуть умом.
- 7 По тому ли по пути на закате
Приезжают они в тот край,
Где владычил средь Франции Марсилий,
Взяв войной его из-под Карловой руки.
Ни у моста, ни у ворот
Ни помехи Руджьеру, ни преграды,
Хоть немало оружного народу
Громоздилось надо рвом и у створ,—
- 8 Ибо всем была небезведома
Путеводная Руджьерова спутница,
И въезжает Руджьер в градские стены,
Не допрошенный, откуда и с чем.
Едет к площади, там горит костер,
Вкруг костра толпа свирепого люда,
А меж ними—бледный, как смерть,
Обреченный на казнь прекрасный юноша.
- 9 Как увидел Руджьер его лицо,
Все в слезах, поникшее долу,—
Мнится рыцарю:
Перед ним—лицо милой Брадаманты.
Чем он пристальней глядит в лик и облик,
Тем вернее схожесть,
И он думает: «Или я не Руджьер,
Или это—моя воительница.
- 10 Верно, пыл души
Устремил ее в помощь обреченному,
Но удача была не с ней,
И я вижу: она схвачена пленная.
Ах, зачем было ей спешить,
Не имея меня споспешником?
Но и то благодарение Господу,
Что успел я спасти ее из беды».

*Тем
временем
Руджьер*

- 11 Он хватает меч
 (Копье сломлено у былого замка),
 Он бросает коня в толпу,
 В бок и в брюхо шпора на безоружных,
 Он кружит клинок
 Кому в лоб, кому в щеку, кому в горло;
 Толпа с криком прочь, а кто не прочь,
 Тот без ног или с разрубленным черепом.
- спасает
от костра
Рикардета.*
- 12 Как над заводью в птичий сброд
 На беспечном и сытом его приволье
 Прянет кречет,
 И кого схватил, а кого скогтил,
 А вся стая кто куда, кто как смог,
 И никто уже друг дружке не дружка,—
 Такова
 Эта чернь перед доблестным Руджьером.
- 13 С непроворных
 Ссек он пять, ссек он шесть голов,
 Раскроил не меньше того по грудь,
 А до глаз и до зубов — неисчетно.
 Пусть и не было на темени шлемов,
 Но железные были колпаки;
 А и шлемы
 Сокрушил бы он столько же и так же.
- 14 Не сравнится моготой с паладином
 Ни единый воитель наших дней,
 Ни медведь, ни лев,
 Ни дубравный зверь, ни заморский,
 А лишь тряс земной или Черт Большой,
 Не гееннский, а княжеский Альфонсов,
 Господину моему в честь
 Огнем рушащий землю, море и небо.
- 15 Что ни удар, то покойник на земле,
 Что ни размах, то двое,
 А то четверо, а то пятеро,
 И уже их сотня и за сотню.
 Таков меч у его бедра,
 Что сталь ему как мягкое масло;
 А сковала этот меч Фалерина
 На погибель Роланду в садах Орканьи,
- 16 В горькую себе же досаду,
 Как тот меч порубил тот сад,—
 Сколько же порублено и погублено
 Тем мечом да в Руджьеровой руке!
 Сколько силы, сколько пыла,
 Сколько доблести было в паладине,—
 Всё он выдал, всё он выложил, всё он
 выказал,
 Чтобы вызволить свою госпожу.

- 17 Как пред гончей заячье племя,
Такова пред Руджьером чернь:
Сточисленны покойники,
Тьмочисленны беглецы.
А тем временем Руджьерова спутница
Разывает узлы на членах пленника
И спешит к безоружному с оружием:
Щит к плечу, меч в ладонь.
- 18 За обиду
Он не медлит мезтью обидчикам
И такую вскипает силою,
Что отваге его и доблести—хвала.
Лишь когда золотокодесный Феб
Нискатился в западные, пучины,
Победительный Руджьер и спасенный юнец
Покидают недружеские стены.
- 19 Только выехав из ворот
И увидев свою жизнь безопасною,
Изъявляет юноша учтиво и вежественно,
Сколь признателен он вызволителю своему,
В смертный спор
Вставшему во спасение незнакомому,
И зовет его назвать свое имя,
Чтобы знать, кому он обязан жизнью.
- Тот
оказывается
братом
Брадаманты.*
- 20 Думает Руджьер:
«Вижу я и лицо и стан и облик
Брадаманты, которую я люблю,
Но не та мне слышится сладость в голосе
И не тот благодарительный лад,
Какой ладен перед верным любовником:
Ежели она — Брадаманта,
То уж ей ли не знать, как я зовусь?»
- 21 И чтобы узнатья наверное,
Молвит он осторожные слова:
«Не безведомы вы мне,
Но где виданы, того не припамятую;
Если в вас воспоминание живей,
То и вы меня порадуите вашим именем,
Дабы знать, кого
Довелось мне уберець от пламени».
- 22 «Может статья, что вы меня и видывали,—
Отвечает тот,—но когда и где, невесть;
Я ведь тоже странствователь,
Изыскатель несвычных случаев.
Но быть может, то была мне сестра,
Тоже в латах, тоже с мечом:
Вместе мы рождены
И похожи так, что путают родичи.

- 23 Вы не первый, не второй и не третий,
 Не умея нас различить:
 Это свыше сил
 И отцовых, и братниных, и материных.
 Правда, что мои по-мужски
 Волосы стрижены и вскудрены,
 А ее была голова
 Выплетенной увита косою,—
- 24 Но с тех пор, как в некоторый день
 Приняла она рану в голову
 (Это долгий сказ!),
 И врачующий служитель Христов
 Ссек ей пряди по середине уха,—
 Рознит нас лишь имя и пол:
 Я—Рикардет, она—Брадаманта,
 Я Ринальду брат, а она—сестра.
- 25 А коли не станет вам в доuku,
 Я поведал бы вам, какая была
 Приключилась из-за такого сходства,
 Где в начале—радость, а после—скорбь». *Он рассказывает, как*
 А Руджьеру впрямь *в Брадаманту*
 Нет любезнее сказа, слаще песни, *влюбилась*
 Чем в которых память о милой, *Флордеспина,*
 И он просит спутника: «Поведайте!»
- 26 «Довелось,— тот сказал,— моей сестре *Он рассказывает, как*
 Ехать по недалнему лесу, *в Брадаманту*
 А была она незадолго ранена, *влюбилась*
 С непокрытою встретивши головою *Флордеспина,*
 Сарацинский набег,
 И врачую ту недобрую рану,
 От беды снесла красу с головы,
 И вот ехала по дубраве стриженная.
- 27 Ехавши, приспела она к ручью
 И по долгому своему утомлению
 Сходит наземь, снимает шлем,
 И ложится, и дремлет в тени на травке.
 Никакая сказка
 Не затейливей, чем такая быль,
 Ибо привелась тогда в те места
 Флордеспина, испанская охотница.
- 28 Смотрит, видит мою сестру,
 Стан в доспехе, лицо открыто,
 Рядом меч, а не бабье веретено,
 И решает, что это юный рыцарь.
 Ясный лик и мужественная стать
 Привораживают девичье сердце,
 И зовет она сестру на охоту,
 И заводит в отдаленную сень,

- 29 И уверясь, что никто не помеха
Им двоим,
То словами она, то манованиями
Изъявляет томленье своей души,
Жарким взором, пылким вздохом
Обнажает сердце, в котором рана,
То бледнеет, то вспыхивает, и даже
Подвизается целовать поцелуй.
- 30 Тут поняв сестра,
В каковом красавица заблуждении,
И не могли быть ей надобной помощью,
Трудными раздумьями тревожит ум:
«Лучше,—рассуждает она,—
Мне отринуть ложное ее мнение
И явить себя благородною дамою,
Нежели мужчиною о низкой душе».
- 31 И воистину, низменная душа,
Каменному вместиная истукану,—
У того, кто, повстречав на пути
Даму, слаще нектарного налива,
Поведет с ней речь
Свесив крылья, как сонный филин;
И учтиво поведывает сестра,
Что она родилась девицею,
- 32 Что она из Арзиллы,
Вставшей на африканском берегу,
И отмлада со щитом и копьем
Ищет славы Ипполиты и Камиллы.
Но ни малой искрою
Не угасла красавицына любовь,
Слишком поздно
Влилось снадобье в глубокую рану.
- 33 Не померкло ей милое лицо,
Милый взор, милые повадки,
Не устало пронизанное сердце
Ликовать о возлюбленных очах.
Видевши пред собою мужчину,
Она чаяла сбытности вожделений,
А помывлившись его женщиною,
Страждет, стонет и взрыдом точит слезы.
- 34 Слыша такие слезы,
Кто бы устоял от слез?
«Слыханы ли-де муки,
Говорит она,— злее, чем мои?
Чистая ли любовь, черная ли любовь,
Каждой есть постижная цель,
Роза, чтобы вырвать из шипьев,—
Лишь моим желаниям нет исхода!
- как она
страдала,*

Разодевши, однако, женским платьем,
Дабы всем было зримо, что это женщина.

- 41 Для себя от рыцарского ее облика
Никакого уже не чая прока,
И чтобы никто
Попусту не молвил дурного слова,
Помышляла еще она
Зло в душе от вида мужского платья
Видом истинного наряда
Выжечь вон.
- 42 Общее у них ночью было ложе,
Да необщий сон:
Одна спит, другая плачет и стонет,
И всеминутно жарче ее пожар.
А и тронь ее очи сон,
Этот краткий сон тяжел видениями:
Мнится ей, что бог
Изменил Брадаманту в лучший пол,
- 43 И как хворому,
В жгучей забывшемуся жажде,
Видится в прерывистой дреме
Вся когда-то им виденная влага,
Так и ей сновидные образы
Предносят увеселение желаний,
И она просыпается, тянет руки,
И опять осязает, что сон был сон.
- 44 Сколько ночью восслано молитв
К Магомету и всем богам,
Чтоб явимым чудом
Обратили подругу в сильный пол!
Но тщетно:
Небеса лишь смеялись над обетами.
Ночь прошла, и раскинул светоносные
Кудри над пучиною Феб,
- 45 День настал, покинуто ложе,
И с того Флордеспине еще больней,
Что, спеша Брадаманта от напасти,
Ей уже сказала свое «прости».
Дарит в дар Флордеспина отъезжающей
Невеликого шпанского жеребца,
Всего в золоте, и налатный плащ,
Знатно вышитый собственною иглою.
- 46 Проводив ее толику пути,
Флордеспина плачется во-свояси,

- А сестра впоспех
 Возвращается в Монтальбан еще засветло
 К вящему ликованию -
 Бедной матери и братскому нашему,
 Потому что давно не знав вестей,
 Мы уже о ней страшились, жива ли.
- 47 Шлем с чела, мы дивимся, каковы
 Стали стрижены прежние косы,
 И дивимся, видя,
 Что налатный плащ стал заморского тканья;
 А она в ответ поведывает,
 Что поведал вам и я, от начала до конца:
 И как ранена,
 И чтоб рану исцелить, сняла волосы;
- 48 И как, спавши на водном берегу,
 Повстречала прекрасную охотницу,
 Как, пленясь та мнимым ее обликом,
 Пристрастилась к ней от свитных своих;
 Не смолчала, мучима угрызениями,
 Как та плакалась
 И как приняла ее в эту ночь
 И все прочее, по самый час возврата.
- 49 А Флордеспина мне была не безведома,
 Видевшись и в нашей и в испанской земле,
 И немало жгли мою страсть
 Ее ясные очи и нежные ланиты.
 Но укрепы я тому не давал,
 Ибо страсть без надежды есть вздор и бред;
 А теперь, как вскрылась такая явь,
 Вдруг и вспыхнуло то прежнее пламя.
- 50 Мне любовь выплетает вязь надежд,
 Вязь надежд из небывалых нитей,
 Вяжет душу и кажет думе
 Путь достигнуть того, чего ишу,
 А на том пути сподручную хитрость:
 Ежели подобство мое с сестрой
 Столь и стольких ввело в обман,
 То не ввесть ли в обман и эту даму?
- 51 Отважиться? не отважиться?
 И мне кажется:
 Что к любви — то всегда и благо.
 Никого не спросясь, ни с кем не сверясь,
 Вот иду я ночью,
 Беру сестрин доспех и меч,
 Вывожу ее коня, и в дорогу,
 А до зари еще далеко.
- как
 рассказала
 о том дома*
- как он,
 Рикардет,
 выдал себя
 за Бранда-
 манту,*

- 52 Еду целую ночь (любовь—вожатый!),
Чтоб достичь до красавицы Флордеспины,
Приезжаю, а еще и солнце
Не сокрыло в океане свой свет.
Все наперегон
Со всех ног спешат с вестью к королевне,
Каждый радуясь за добрую весть
Быть обласкан и уйти не без дара.
- 53 И как ты, так все
Привечают меня за Брадаманту,
Да и видя латы и скакуна
Те, что были при вчерашней отъехавшей.
А невдолге и сама Флордеспина
Празднично и нежно
Предстает с такой радостью в лице,
Что светлее и веселее не видывано.
- 54 Белыми обымает руками,
В самые лобызает уста,—
Суди сам, не стрелою ли и не в сердце ли
Поражает меня Любовь?
Берет за руку, и вводит в покои,
И от шлема до шпор
Своеручно съемлет с меня доспех,
Никого не допустив из служителей.
- 55 А потом повелевает внести
Свои платья отменные, драгоценные,
Простирает их своею рукой, облачает меня
женой,
Златонитною сеткою кроет волосы;
Я пристойным взором вожу вокруг,
Каждым знаком являю себя дамою,
Исхищряю голос,
Чтобы он мне не сделался уликою.
- 56 Мы идем в нарочитые палаты,
Многолюдные дворянством и дамами,
Здравствуют нас великими почестями,
Что подстать царицам и вельможицам;
Посмеялся я здесь не раз,
Что иные, того не ведая,
Каков лих я под платьем молодец,
Взмеривали меня похотливыми взглядами.
- 57 Как зашла уже предпоздняя ночь,
И впустело славное их застолье,
Где отменная по времени года
Громоздилась брашная снедь,

То, не ждав моя красавица просьб
О том, ради чего мое явление,
Сама просит меня с отличным вежеством
В эту ночь возлечь рядом с ней.

- 58 Вот расходятся дамы и девицы
И отроки и все дворские чины,
И вдвоем возлегши на ложе
В свете факелов, горящих, как день,
Завожу я речь:
    «Госпожа,
Не дивитесь сему скорому возврату,
Хоть и мнилось вам
Не увидеть меня до неведомо когда.
- 59 Но сначала мой сказ об отъезде,
А о возврате — своею чередой.
Ежели бы я могла,
Здесь умедлив, утишить ваше пламя,
То не знать бы мне иного желанья,
Чем при вас и жить и умереть.
Но как стало умедленье мое вам мукой,
Рассудила я, что лучше уйти.

*сочинил
историю
чудесного
своего
превращения
в мужчину*

- 60 А судьбина меня сбила с тропы
В глухой лес под густые ветви,
И оттуда вдруг слышится мне крик,
Словно женщина кричит: «Помогите».
Поспешаю, а там светлое озеро,
И оттуда леший большим крюком
Тащит на берег нагую девицу
Не иначе, чтоб сожрать ее заживо.
- 61 Какая от меня ей помога?
Подлетаю и стальной рукой
Вынимаю душу из рыболова,
А красавица всплеснулась в волну
И гласит: «Небесследна твоя услуга—
Вдоволь
Что захочешь, то и получишь,
Ибо я—нимфа здешних чистых вод,
- 62 И в моем предивном могуществе
Все стихии всего естества:
Попроси, что в силах,
И оставь мне заботу удовлетворить.
Моей чарою месяц сходит с неба,
Воздух тверд и огонь—как лед,
И от малого моего словца
Земля двинется и застынет солнце».

- 63 Не прошу я по такому предлогу
 Ни золота, ни угодий, ни подданных,
 Ни сил, ни доблести,
 Ни почестных побед,
 А прошу я того лишь единого,
 Что могло бы исполнить вашу страсть:
 Ничего-де иного мне не надобно,
 И на том предаюсь вам на произвол.
- 64 Еле вняв такие слова
 Она вновь опускается в волну
 И вдруг брызжет в меня водною влагою,
 А та влага была чародейная,
 И едва вскропилось ею лицо,
 Чую чудо, что я уже не та:
 Вижу, чувствую, сам себе не верю —
 Была женщина, а сделался муж.
- 65 И я в вас не чаял бы веры,
 Но могу предъявить, что это так,
 Ибо вмиг я готов для вас на все
 Как в девическом поле, так и в мужеском:
 Повелите—
 И мои желания встретят ваши». —
 Так сказав, доставляю ей самой
 Осязать рукою мою истину.
- 66 Как лишаюсь последних надежд *и слюбился*
 О предмете чаянном и желанном, *с Флордести-*
 Без которого много было слез, *ною.*
 И стремления, и томления, и мления,
 Вдруг достигнешь, чего искал,
 И такая тогда берет тоска,
 О тщетах, посеянных на песке,
 Что стерявшись, сам себе не веришь,-
- 67 Так моя красавица,
 Осязая и видя вожделенное,
 Ни перстам, ни очам, ни уму
 Не верила и не знала, не спит ли,
 Иного взыскуя испытания,
 Чтоб уведаться въявь: что есть, то есть.
 «Ежели,— восклицает,— это сон,
 Даруй, Господи, вовек не очнуться!»
- 68 То не трубный гул, не барабанный бой
 Дали знак к любовному ратованию,
 А лобзательный голубиный ворк
 Нас взывает ко приступам и отступам.
 То не лук, не пращ,
 То без лестниц взлетел я на твердыню

И вонзил свой стяг,
Поборая простертую поединщицу.

69 Где на ложе лишь ночь тому назад
Исторгали стенания и вздыхания,
Нынче ласки, игры, смех, радость, сладость,
Никому иному не подстать.
Как вьющийся плющ
Оплетает колонны и стропила,
Так сплелись и слились меж ней и мной
Руки, губы, груди, плечи, бедра, ноги.

70 Несколько сладких месяцев
Сокрывалась наша любовь,
А потом до нее некто дослышался
И довел до самого короля;
И от той беды
Ты и спас меня из костра на площади.
Вот тебе и ведомо все, что сдеялось,
А печали сей свидетель бог».

71 Таковою повестью
Коротал Руджьеру Рикардет
Ночной путь вверх и вверх большой горы,
Обрывавшейся каменными обрывами,
А меж скал была тугая тропа,
Отворяя трудную кручу,
Где ввыси стоял замок Агрисмонт,
Соблюдаемый Альдигьером Клермонтским

*Рикардет
с Руджьером
узнают,*

72 То пригульный сын славного Бовы,
Сводный брат Малагиса и Вивиана,
А совсем не законный сын Герарда,
Как о том слывут пустые слова.
Чей бы ни был,
Он удал, умен, вежествен, учтив,
И прилежно печется о братнем замке
День и ночь.

73 Двоюродного своего Рикардета,
Как родного, приветил Альдигьер,
А по нем и Руджьеру
Честь, почет и любезности.
Но не весел гостеприимец гостям,
И чело его несвучно опечалено,
Оттого что принеслась ему весть,
От которой темно в лице и сердце.

74 Вместо слов привета
Говорит он Рикардету: «Не с добром
К нам приспел заведомый вестник

- Что злодей Бертолагий из Байонны
 Вошел в сговор
 С лютою басурманкою Ланфузою,
 Что за многие дары она выдаст ему головой
 Наших братьев Малагиса и Вивиана.
- что
 Малагису
 и Вивиану
 грозит
 смерть.*
- 75 Как их взял ее сын Феррагус,
 Так держала она их в тьме и низости
 Много дней до сего черного сговора
 С тем, о ком недобрая речь.
 Завтра
 В полпути меж Байонною и темницею
 Майнцский князь сам предстанет взять за
 откуп
 Благороднейшую франкскую кровь.
- 76 Повестить о том нашего Ринальда
 Я послал гонца во всю скачь,
 Но едва ли он доспешит,
 Ибо путь велик, а время малое.
 А мне не с кем восстать на супостата:
 Дух бодр—сил нет,
 Что тут смолвить, что тут сделать, не ведаю:
 Ведь изменник, залуча их, казнит».
- 77 Рикардету в досаду злая весть,
 А по нем и удалому Руджьеру.
 Видя, тот молчит и другой молчит,
 Думу думают, а дела не делают,
 Говорит он с великою горячностью:
 «Верьте это мне
 И ни слова: вернее сот и тысяч
 Спасет узных один мой меч,
- Руджьер
 вызывается
 их спасти,*
- 78 Ни спутников, ни пособников
 Не желаю, а выхожу, как есть,
 Лишь прошу вожатого
 До межи, где преступный торг;
 И кто будет в том торгу,
 Так поплачет, что доселе услышится».
 Так сказал он, а двое слышали:
 Рикардету не внове и не в диво,
- 79 А хозяину таково было слушать,
 Словно шуму много, а проку мало;
 Но как вымолвил ему Рикардет,
 Что Руджьер извел его из огня,
 И что пуще любой хвальбы
 В верный час быть верному делу,—
 Тут и он по-иному клонит слух
 И сугубым чтит его почтением.

Африканский вал
Я избавлю от насевших теснителей,—
А потом справедливейшие измышлю
Уважения, чтоб уйти навсегда.
Ради чести моей, не обессудьте —
И вся жизнь моя по гроб лишь для вас!»

- 92 Таковыми словами и подобными,
Невпросказ моему перу,
И писал Руджьер, и писал,
Пока лист не дострочился до края,
А потом согнул, а потом замкнул
И укрыл запечатанный за пазуху,
Без сомненья, что същется дорожный
Снести грамоту в красавицны руки.
- 93 И замкнул письмо, и сомкнул
Вежды на опочивальном ложе,
И нисшедший сон на усталый стан
Веет веткою летейские росы,
Пока облако алое и белое
Не осяяло цветами светлый восток,
И из золотого покоя
Встал день.
- 94 А как птицы в зеленых стаях
Вспели встречу новой заре,—
Альдигьер,
Вызвавшись Руджьеру с товарищем
Быть вожатым туда, чтоб двое братьев
Не достались злодею Бертолагию,
Вмиг встал, бодр,
А за ним и оба его спутника.
- 95 Вздевши платья, вздевши брони,
Выезжают три рыцаря в единый путь,
Ибо тщетно просил Руджьер двоюродных
Уделить это дело лишь ему в удел,—
По любви ли к братьям,
По заботной ли вежественности,
Но сказали они одноборцу «нет»,
И на том были тверже камня.
- 96 Доезжают они до самого места,
Где назначен Малагису промен,
А то место была праздная степь,
Вся в расстил под солнцевыми лучами,
И на ней ни лавра, ни мирта,
Ни кипариса, ни ясеня, ни явора,
А пустой песок да кривой кусток,
И вокруг не пахано и не сеяно.

*и утром
отправляет-
ся в путь.*

- 97 Где по степи вырезалась тропа,
Там и встали три лихие воителя
И глядят,
    а навстречу паладин,
Латы в золоте, а щит в зелени,
А по зелени та чудная птица,
Что является раз в сто лет...
    Но ни слова более, государь:
    Вижу песне конец и прошу роздыха.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Этот перевод «Неистового Роланда» Ариосто выполнен не традиционным для русских переводов условным «размером подлинника» — 5-стопным ямбом в октавах с чередованием мужских и женских рифм, будто бы передающим итальянский силлабический 11-сложник в октавах со сплошными женскими рифмами. В нашем переводе сохраняется счет строф и счет строк, но ни метра, ни рифм в этом стихе нет: это свободный стих, верлибр. В европейской стихотворной традиции переводы верлибром вместо переводов «размером подлинника» давно привычны. У нас они еще внове. Автор этого перевода применил в свое время верлибр в переводе Пиндара, изданном «Литературными памятниками» в 1980 г., и перевод был принят читателями. Каждый перевод жертвует одними приметам подлинника ради сохранения других. Отказываясь от точности метра и рифмы, переводчик получает больше возможности передать точность образов, интонации, стиля произведения. Ради этого и был предпринят столь решительный шаг.

Конечно, точность не означает буквальности. Кому свободный стих такого перевода покажется подстрочником, тот ошибется. Подстрочники прозаичны не потому, что в них нет ритма и рифмы, а потому, что слова в них стоят случайные, первые попавшиеся. Возьмем подстрочник и сделаем его немногословным и не «случайнословным» — и мы получим перевод верлибром, причем сделать такой перевод будет гораздо труднее, чем иной перевод с ритмом и рифмой. Верлибр не бесформен, а предельно оформлен: в нем каждое слово на счету. Это идеальный аккомпанемент, откликающийся на каждый оттенок Смысла. И верлибр не однообразен: всякий, кто работал с ним, тот чувствовал, как в нем словесный материал сам стремится под пальцами оформиться то в стих равнотонический, то, наоборот, в перебойный, то в играющий стиховыми окончаниями и пр.: это такой раствор форм, из которого могут по мере надобности естественно выкристаллизовываться многие размеры, знакомые и незнакомые русскому стиху. Всеми этими возможностями переводчик старался пользоваться в полную меру.

Конечно, не для всякого перевода хорош верлибр. Лучше всего он может служить службу тем произведениям, форма которых достаточно привычна, традиционна, устойчива, чтобы опытный читатель держал ее в памяти, читая верлибр. Именно таковы октавы Ариосто, о которых читателю все время напоминает строфическое членение текста. Больше того: можно сказать, что в «Неистовом Роланде» октава пассивна, повествование катится по строфам ровным потоком, тогда как, например, в «Дон-Жуане» Байрона или в «Домике в Коломне» Пушкина октава активна, то и дело выделяя и подчеркивая острую сентенцию или иронический поворот интонации. Я не решился бы перевести верлибром «Дон-Жуана», но перевести «Неистового Роланда» решился. Более того: всякий читавший оригинал (а тем более — вялый «перевод размером подлинника») знает, как убаюкивающе действует плавное течение эпического стиха, в котором узловые моменты повествования ничем не выделяются из попутных описаний и отступле-

ний. Для перечитывающего в этом есть особая прелесть, но для читающего впервые—это немало мешает восприятию. А русский читатель читает Ариосто подряд впервые. Поэтому я нарочно старался помогать ему, движением стиха подчеркивая движение событий, а заодно отмечая основные моменты действия маленькими подзаголовками на полях—по образцу некоторых старинных итальянских изданий.

Трудным вопросом был выбор стиля. Поэма Ариосто и языком и стихом несколько выбивалась из господствовавшей в начале XVI в. манеры: Ариосто осторожно старался придать ей некоторый оттенок архаичности (разумеется, не насквозь, а от места к месту). В переводе я сделал опору именно на это обстоятельство, памятуя, что Ариосто—это прежде всего последний рыцарский роман, некоторую аналогию которому на русской почве представляют собой, пожалуй, пересказы «Бовы королевича» XVIII в. О прямой передаче этих русских образцов, разумеется, не могло быть и речи; просто я старался дать язык, который был бы легко понятен, но в то же время ощущался бы как не совсем обычный, сдвинутый до семантике отдельных слов, по синтаксическим конструкциям и пр. Это не единственное возможное решение: можно было подчеркнуть, что Ариосто—это прежде всего продукт придворного Ренессанса и стилизовать перевод под акварельно-тонкую лирику. Но для этого мне просто не достало чувства языка и творческих способностей.

Особой заботой оказалась передача имен. По-итальянски героев каролингского эпоса зовут Орландо, Руджьеро, Ринальдо, Маладжиджи; по-французски—Роланд, Рожер, Рено, Можис; каждый язык переименовывал их на свой лад, и нужно было сделать выбор, наиболее удобный для русского языка с его привычкой к склоняемым существительным. Поэтому во всех сомнительных случаях за основу бралась самая интернациональная форма имени—латинизированная: отсюда в переводе Роланд, Руджьер, Ринальд, Малагис и т. д. Русификацию по смыслу мы позволили себе лишь в одном случае, назвав Фьямметту Пламетой (так старые переводчики настойчиво переводили Флорделизу «Лилейдой»). Что Алджир не стал Алжиром, а Кайтай Китаем во избежание слишком современных ассоциаций, читателю понятно.

Перевод был предпринят в качестве сознательного эксперимента, не более того. Экспериментатор глубоко признателен, во-первых, известному переводчику С. А. Ошерову, живо поддержавшему этот опыт, а во-вторых, академику Г. В. Степанову, который счел возможным предложить его читателям «Литературных памятников». В «Дополнениях» к настоящему изданию напечатаны образцы более традиционных переводов отрывков из «Роланда», как с соблюдением «размера подлинника», так и без такового; в сопоставлении с ними и достоинства и недостатки предлагаемого перевода должны выступить особенно отчетливо.

Переводчик полностью отдает себе отчет, каким соблазном может явиться такой перевод правильного размера верлибром для тех любителей облегченного перевода, которые так недавно, наоборот, изо всех сил старались переводить верлибры правильными размерами. Все, что можно сказать по этому поводу: я думаю, что хороший перевод не-верлибра верлибром хоть сколько-то лучше посредственного перевода «размером подлинника», но плохой перевод не-верлибра верлибром бесконечно хуже даже посредственного перевода «размером подлинника». О дальнейшем будут судить читатели.

М. Л. Гаспаров

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕСНЬ I

- 1 Пою дам и рыцарей...**—Образец для зачина Ариосто нашел в начальных строках «Энеиды» Вергилия, а само исчисление воспеваемых сюжетов — в «Божественной Комедии» Данте: «Дам, рыцарей, и войны, и забавы, // Во имя благородства и любви» (Чистилище; XIV, 109—ПО — «Божественная Комедия» здесь и далее цитируется в переводе М. Л. Лозинского).

Тех времен, когда маэры... **Карлу, императору Римскому.**—Отсылка к сюжету «Влюбленного Роланда» Маттео Мария Боярдо, непосредственным продолжением которого является поэма Ариосто (см. в настоящем изд. пересказ содержания). Место, где происходит стык сюжетов—поражение христиан при Монтальбане, после которого сарацины обкладывают осадой Париж. Порядок событий, приведших к этой войне, согласно итальянской эпической традиции, следующий: Карл в юности, пребывая в изгнании, убил Барбанта, царя Бизерты. Сын последнего, Аголант, вместе со своими сыновьями, Альмонтом и Трояном, высадился в Калабрии, но был разбит Карлом, а Альмонт и Троян убиты Роландом, для которого этот подвиг стал своего рода героической инициацией (экспедиция Аголанта составляет сюжет итальянских и французских поэм об Аспромонте). Аграмант, сын Трояна, достигнув двадцати двух лет, решил отомстить за отца и повел маэров во Францию — это уже сюжет «Влюбленного Роланда».

Карлу, императору Римскому.—Карл Великий, король франков (768—814) и император Священной Римской империи (800—814), один из основных героев Каролингова цикла эпических сказаний. Во французском эпосе—идеальный монарх, в итальянской традиции, где на его образ, можно полагать, наложился образ короля Людовика из цикла Гильома Оранжевого,—слабый, неумный и неверный правитель, фигура почти шутовская.
- 2 Роланд.**—Исторически это один из приближенных Карла Великого, префект Бретонской марки; о его смерти в августе 778 г. во время нападения басков (или гасконцев) на арьергард французского войска, уходившего из Испании, сообщает Эйнхард в своем «Жизнеописании Карла Великого» (830). В Каролинговом эпосе — величайший из паладинов, персонаж, помимо «Песни о Роланде», еще нескольких французских поэм («Путешествие Карла Великого в Иерусалим и Константинополь», «Жирар Вьенский», «Аспремонт»). Согласно итальянским источникам, сын Милона и Берты Большоной, сестры Карла. Родители Роланда, заключив негодный императору брак, бежали в Италию, где скрывались в пещере, пока благодаря их сыну не совершилось примирение. На итальянской почве образ героя претерпел значительную романизацию, но одно свое качество удержал—целомудрие и полную непричастность миру любовных коллизий. Только Боярдо устранил этот последний эпический рудимент.

...та, от которой//У меня у самого заступает ум за разум...—Алессандра Бенуччи (ок. 1481—1552), возлюбленная Ариосто. Происходила из флорентийской купеческой семьи, жена Тито ди Леонардо Строцци (двоюродного брата поэта Тито Веспасиано Строцци), родившая ему шестерых детей. Отношения с Ариосто начались в 1513 г., после смерти мужа (1515) продолжали оставаться тайными. Брак с Ариосто (1528) также был тайным (что объяснялось со стороны Алессандры желанием сохранить права на наследство первого мужа). Ариосто, со своей стороны, ни разу не назвал имя возлюбленной и жены в своих сочинениях (ср.: XLII, 93—95).
- 3 Ипполит.**—Ипполито д'Эсте (1479—1520), сын герцога Феррарского Эрколе I («отпрыск Геркулеса») и брат герцога Альфонсо I, кардинал (1493), заметный политический и церковный деятель своего времени. Ариосто находился у него на службе с 1503 г. до 1516 г.
- 4 Рудзьвер.**—Персонаж итальянской эпической традиции, сын Руджеро II ди Риза (т.е. Реджо) и Галациеллы, дочери Аголанта. Отец Рудзьвера погиб во время калабрийского похода Аголанта, а Галациелла в наказание за самовольный брак была, беременная, погружена в ладью и оставлена на волю стихии. Вынесенная на берег Ливии, родила двух близнецов и умерла в родах. Рудзьвер—это уже сюжет Боярдо—был воспитан магом Атлантом. Боярдо же впервые изобразил Рудзьвера прародителем династии герцогов Феррары. Ср.: XXXVI, 60, прим.

- 5 *Роланд, издавна влюбленный.../Упреждая побегом поражение...*—Резюме заключительных песен второй книги «Влюбленного Роланда» (события, непосредственно предшествующие битве при Монтальбане, и бегство Анжелики в разгаре битвы).
- 6 *Марсили*.—Легендарный царь Испании, персонаж «Песни о Роланде», где является главным антагонистом христиан, и других, главным образом, итальянских поэм, посвященных испанскому походу Карла.
- 8 *Ринальд*.—Традиционный персонаж Каролингова эпоса, герой французской эпической поэмы «Четыре сына Эмона» (XIII в.), где рассказывается о многолетней вооруженной расправе Рено Монтобанского с императором, об его обращении, смерти и посмертных чудесах. В число персонажей первого ряда выдвигается в Италии, отчасти отнесняя Роланда с заглавных ролей (для характеристики климата эпохи небезразличен спор между Изабеллой д'Эсте, дочерью Эрколе I, и миланским дворянином Галеаццо Висконти, завязавшийся в 1491 г. и получивший эпистолярное продолжение — о том, кто, Роланд или Ринальд, более достоин именоваться лучшим рыцарем мира: Изабелла стояла за Ринальда). Известен и в других национальных традициях: испанский романс (ок. 1220) изображает его павшим при Ронсевале.
- Наим*.—Традиционный персонаж Каролингова эпоса, один из пэров Франции, сын Гаслена, баварского короля, мудрый и осторожный советчик Карла. Рассказ о его юности — в поэме «Обри Бургундский» (XIII в.), заметную роль играет он в «Аспромонте».
- п *Чем бегун, налегке соревнуня за красный плащ*.—Традиционный приз (кусочек ткани) в народных состязаниях в беге. Ср.: Данте. Ад, XV, 121—123: «Как те, кто под Вероною бежит К зеленому сукну».
- 12 *Сын Амона...*—Амон—традиционный персонаж Каролингова цикла, сын Бернара Клермонтского, супруг Беатрисы Баварской, отец Ринальда, Аларда, Пшкарда, Рикарда. *У которого только что скакун его Баярд/Вырвался...*—Согласно «Влюбленному Роланду», Ринальд спешился, чтобы вступить в поединок с пешим Руджьером. Увидев, что войско христиан терпит поражение, он попытался вновь оседлать коня, но не смог его поймать.
- Баярд*.—В «Четырех сыновьях Эмона» необыкновенного разума конь, предмет ненависти Карла. Избегнув назначенной ему императором казни, он скрывается в Арденнском лесу и живет в нем до сих пор, избегая людей.
- и *Феррагус*.—Персонаж Каролингова цикла, впервые в хронике Псевдо-Турпина, где бьется с Роландом и сражен им. Во франко-венетской поэме «Вступление в Испанию» (XIV в.) ему принадлежит роль главного антагониста, там же он становится племянником Марсилы.
- 27 *...Анджеликина брата...*—Аргалий—персонаж «Влюбленного Роланда», убит в поединке Феррагусом. Перед смертью просил Феррагуса бросить его тело во всем вооружении в ручей. Феррагус просьбу выполнил, но испросив взаймы на несколько дней шлем, о своем обещании вернуть шлем забыл.
- 28 *Альмонт*.—Персонаж сказаний об Аспромонте, сын Аголанта и брат Трояна (см. I, I, прим.). Роланду, его победителю, перешли шлем, меч и конь Альмонта. *Мамбри*.—В итальянских «Историях Ринальдо» (XV в.) сарацинский рыцарь, похитивший невесту Ринальда и павший от его руки.
- 30 *Ланфуса*.—В итальянской традиции мать Феррагуса.
- 34 *Так козочка, так юная лань...*—Образец для сравнения: Гьраций. Оды, I, XXIII.
- 42 *Девушка подобно розе...*—Образец для сравнения: Катулл. Книга стихотворений, 62, 39—47.
- 45 *Сакрипант*.—Персонаж «Влюбленного Роланда», царь Черкесии, верный рыцарь Анжелики.
- 52 *Как на сцене//Диана или Венера...*—Ариосто имеет в виду пантомиму на мифологический сюжет, театральный жанр, популярный при итальянских дворах в конце XV—начале XVI в.
- 55 *У царя сериканов и набатеев...*—Имеется в виду Градасс, персонаж «Влюбленного Роланда» (см. о нем: XXVII, 55, прим.). События, о которых вспоминает Анжелика, посольство Сакрипанта к Градассу, изложены во «Влюбленном Роланде» (II, V, 55—65). Набатеи—аравийское племя. Серикания—область на северо-востоке Китая.
- 57 *...Англинский...*—титул отца Роланда, Милона, во французских (где имеются варианты: Энглант и Англер) и итальянских поэмах.
- 58 *Я сорву эту утреннюю розу...*—Тема поэтов латинской антологии, подхваченная в XV в. Анджело Полициано и Лоренцо Медичи.
- 65 *Как пахарь, оглушенный молнией...*—Образец для ариостовского сравнения: Илиада, XV, 414—419.
- 70 *Брадаманта*.—Персонаж итальянской эпической традиции. В «Историях Ринальдо» — внебрачная дочь Амона, сестра Ринальда. Во «Влюбленном Роланде» дается завязка ее романа с Руджьером; влюбленные однако вынуждены вскоре расстаться, теперь Брадаманта устремляется на поиски возлюбленного.
- 75 *Альбракка*.—Во «Влюбленном Роланде» замок в Катае, где укрылась Анжелика, спасаясь от преследования влюбленного в нее татарского царя Агрикана.

- 78 *два источника...*—Источник, пробуждающий любовь, и источник, убивающий любовь. Во «Влюбленном Роланде» они определяют коллизию отношений Ринальда и Анджелики. Вначале из любовного источника пьет Анджелика, а из источника с противоположным действием Ринальд, и в течение доброй половины поэмы Анджелика преследует Ринальда своей любовью. Затем роли меняются, и в таком качестве—Ринальд влюбленный, Анджелика, отвергающая его любовь,—герои вступают в поэму Ариосто.
- 80 *И Альбракка, и битвенная ночь...*—Как рассказывается во «Влюбленном Роланде» (I, XI), Агрикану, осаждавшему Альбракку, удалось ворваться в замок во главе отряда из трехсот рыцарей. Сакрипант, прикованный раной к постели, преградил ему путь с одним мечом, без доспехов, в рубашке.

ПЕСНЬ II

- 4 *Что ты сам разбойник...*—Репутация Ринальда как «разбойника» берет начало с «Четырех сыновей Эмона», где он показан в постоянной борьбе с Карлом, и упрочивается в итальянской эпической традиции (его можно считать предтечей образа благородного разбойника, популярного в эпигонской по отношению к романтизму развлекательной литературе). В «Моргайте» Пульчи Ринальд с братьями, поссорившись с императором, грабит путников на большой дороге. Отзвуки этой репутации слышатся даже во «Влюбленном Роланде», тогда как у Ариосто единственный отзвук—данная реплика Сакрипанта.
- ю *Фусберт.*—Имя Ринальдова меча в итальянской традиции (во французском эпосе—Фроберж).
- 20 *... государь мой...*—Здесь и далее означает обращение к Игшолито д'Эсте.
- 21 *На тот самый бой...*—См.: I, 12, прим.
- 31 *Беатриса* Баварская.—Персонаж итальянской эпической традиции. В качестве матери Брадаманты—впервые у Ариосто (Боярдо имя матери не называет, а у предшественников Боярдо Брадаманта—единокровная сестра Ринальда).
- 32 *Злополучной Аголантовой* дочерью...—Имеется в виду Галациелла (см. I, 4, прим.).
- 37 *Родонна.*—Античный город, который, согласно «Географии» Птолемея, находился в районе Луары.
- 44 *Как лиса, которая слышит...*—Ср.: Федр. Эзоповы басни, I, 28.
- 45 *Градасс.*—См.: I, 55, прим.
- 58 *Пинабель.*—Персонаж Каролинговых сказаний, в качестве родича Ганелона присутствует уже в «Песни о Роланде», где выступает его защитником на судебном поединке. Упомянут во «Влюбленном Роланде». О майнцском роде см. ниже, прим. к октаве 67.
- 63 *Мертвые Воды.*—Эг-Морт, часть Лионского залива Средиземного моря, южное побережье Франции.
- 64 *... до Роны и Вара...*—Реки, обозначающие границы Прованса.
- 67 *Между Майнцским домом и Клермонтским домом...*—Вражда родов Клермона и Майнца, понятая как стержень эпической истории, и вообще введение в сюжеты Каролингова цикла майнцкого изменнического рода—это вклад итальянской традиции. Клермонтский род (в итальянской транскрипции: Кьярамонте) принадлежит к одной из ветвей французского королевского дома: Кьярамонте, его основатель, ведет происхождение от Буово Антонского (ставшего Бовой русского лубка). Брат Кьярамонте, Бернардо, приходится дедом Роланду и Ринальду (см. генеалогическую таблицу). История Майнцкого рода с его неизменной склонностью к интриге и предательству сопровождает легендарную историю французских королей с самых ее истоков и вплоть до Ганелона, Иуды каролингова цикла.
- 68 *... дочь Дордонского Амона...*—Дордонь—название области во Франции и имя реки в Аквитании, впадающей в Бискайский залив; зд. скорее всего имеется в виду замок, владение Амона (Дордонским он именуется уже в «Четырех сыновьях Эмона»).
- 72 *Новый и причудливый затеял ков.*—«Ков» Пинабеля восходит к эпизоду французского «Романа о Паламеди» (XIV в.), где, однако, жертвой был рыцарь, а предательницей—дама (у Ариосто—наоборот). Но остальные детали совпадают, в том числе встреча светим старцем. См.: Райна*. С. 105—111.

ПЕСНЬ III

- 3 *А твоя, на которой по сраженью неустовых гигантов...*—Ср.: «Будь таким же, как был, когда ты, по изгнанию Сатурна, Гимны Юпитеру пел...» (Тибулл. Элегии, II, V, 9—10, пер. Л. Остроумова). Державец небоздания—перифраза Юпитера, созданная по образцу Стация: aethrae Rector (Silvae, I, И, 135—136).

* Здесь и далее имеется в виду издание: Le fonti dell' Orlando Furioso. Firenze, 1976.

- 8 *И выходит из стены к ней женщина...*—Имя этой женщины, Мелисса, Ариосто назовет только в VII песни. Персонаж, вымышленный Ариосто.
- 9 *Мерлин*.—Известный персонаж бретонских сказаний, прорицатель и кудесник, наставник короля Артура.
- Ю *Здесь обманут был Дамой Озера...*—Ариосто, скорее всего, опирался на итальянский роман XIV в. «История Мерлина», где рассказывается, что волшебник соорудил чудесную гробницу, способную сохранить тело нетленным вплоть до Страшного суда. Мерлин хотел лечь в нее вместе со своей возлюбленной, Дамой Озера, но она уговорила Мерлина лечь первым и произнесла заклинание, затворившее его в гробу навеки. В других вариантах речь идет не о гробнице, а о пещере, но мотив погребения заживо постоянен.
- 17 *Древняя троянская кровь—Сольет в тебе два потока...*—К Астианакту, сыну лектора, род д'Эсте впервые возвел Боярдо (Влюбленный Роланд, II, XXI, 55). Любопытно, что из враждебных Ферраре кругов исходила версия о том, что родоначальником Эсте был сам архипредатель Шгелон (см.: Райна, с. 116). «Один поток»—это Клермон, род Брадаманты, другой—Монгрена, род Руджьера.
- 18 *Пума*.—Согласно легендарной традиции, второй царь древнего Рима (ок. 715—ок. 672 г. до н. э.).
- 21 *... осеняет... пентаклем...*—Пентакль—пятиконечная звезда, в магической практике использовалась как оберег от злых духов.
- 24 *... вот первый...*—Руджерино, сын Руджьера и Брадаманты. Вплоть до Аццо V (окт. 32) генеалогия, излагаемая Ариосто, частью неточна, частью фантастична (см. генеалогическую таблицу рода д'Эсте). *Я провижу: от его руки...*—Вероломное убийство Руджьера майнцскими предателями (ср.: XLI, 61—66) предсказано уже Боярдо. Понтьер—владение Ганелона в Пикардии.
- 25 *Дезидерий*.—Последний король лангобардов (756—774), побежденный Карлом Великим. *Эсте* (Агесте) и *Калаон*.—Замки в Венецианской области. *Уберт*.—Род д'Эсте является одной из четырех ветвей, на которые разделилось лангобардское семейство Обертенги. Под Убертом может иметься в виду Оберто I—о нем известно, что он участвовал в посольстве, призвавшем императора Оттона в Италию (см. ниже), и получил от него в 962 г. титул графа палатинского.
- 26 *Альберт*.—Неисторическое лицо. *Гуго*.—Уго I, маркграф Миланский (1021) ... *стяг со знаком змей...*—Герб миланских Висконти: змея с младенцем в пасти (анахронизм). *Ассон*.—Альберто Аццо I, брат Уго, маркграф Восточной Лигурии, в исторических документах его имя встречается в пределах 1011—1026 г. («инсубрийский край»—Миланская область). *Альбертасс*.—Альберто Аццо II (ум. 1097), сын предыдущего. Согласно Ариосто, подал совет Оттону I Великому, германскому королю (936—973) и императору Священной Римской империи (962—973), объявить войну итальянским королям Беренгарию и его сыну Адальберту. Беренгарий II (король в 950—961) был действительно низложен Оттоном, но призвала германского короля в Италию Адельгейда, вдова Лотаря, предшественника Беренгария на итальянском троне, свергнутого им и по его приказу отравленного.
- 27 *... дочь свою Альду*.—Альберто Аццо II был женат на Кунегунде, сестре баварского герцога Вельфа III, и имел от нее сыновей Вельфа и Фолька... *новый Гуго*...—Уго, граф де Мен (ум. 1131), третий сын Альберто Аццо II, от другой его жены. Участие его в подавлении римского восстания (1000) против Оттона III (император в 983—1002 гг.) и Сильвестра II (папа в 999—1003 г.) не подтверждается. Восстание, кстати, было успешным: император и папа бежали из Рима, и смерть прервала попытку Оттона III силой вернуть свою столицу.
- 28 *Фольк* (ум. 1128).—Сын Альберто Аццо II, настоящий родоначальник фамилии д'Эсте. Но в Германию отбыл не он, а его брат Вельф, усыновленный дядей Вельфом III и наследовавший от него титул баварского герцога.
- 29 *Новый приближается Ассон...*—Ни этот Ассон, ни его сыновья не имеют отношения к истории д'Эсте. *Первый поразит Второго Генриха...*—Генрих IV, император (1056—1106), потерпел поражение под Пармой от Альберто Аццо II. «Вторым» Генрих является по франконскому династическому счету. *А второму станет женой...*—Матильда—Матильда, маркграфиня Тосканская (ок. 1046—1115), вышла замуж сорока трех лет за восемнадцатилетнего Вельфа V (см. в след. октаве: «ибо многая честь—в такие годы...»), сына Вельфа IV Баварского и внука Альберто Аццо II.
- 30 *Половину Италии...*—Владения Матильды охватывали Тоскану, Пьяченцу, Парму, Модену, Мантую, Феррару, часть Умбрии, Сполето, патримоний св. Петра. *За внучкою Генриха Первого*.—Мать Матильды Беатриса Лотарингская была дочерью Фридриха Люксембургского и двоюродной сестрой императора Генриха III (первого—по франконскому счету). *Ринальд*.—Неисторическое лицо. *Рудобородого Фридриха*.—Фридрих I Барбаросса, император Священной Римской империи (1152—1190). Папа Александр III сформировал против него Ломбардскую лигу.

- 31 *Вот еще один Ассон...*—В этом лице соединены два Аццо: Аццо VI (ум. 1212), ставший в 1207 г. подестой Вероны и в 1208 г. получивший от папы Иннокентия III инвеституру на маркграфство Анконское; и Аццо VII (ум. 1264), его сын, принявший Анкону от Гонория III (папа в 1216—1227 гг.) в 1217 г. *Четвертый Оттон*.—Император Священной Римской империи (1198—1218).
- 32 *Фольк*.—Брат Обиццо I (см. ниже), ум. до 1178 г. *Обиссон*.—Обиццо I (ум. 1193), маркграф Миланский и Генуэзский, с ним в орбиту интересов д'Эсте впервые входит Феррара;..
вновь Ассоны, вновь /угоны...—Неизвестные лица; *двое Генрихов...*—Возможно, Генрих Черный (ум. 1126), герцог Баварии и Саксонии, сын Вельфа IV, и Генрих Гордый (ум. 1139), сын предыдущего;..
Двое Гвельфов...—Вельф Vг, сын Генриха Черного, герцог Сполето; и Вельф VII, сын предыдущего.
... показав на Ассона Пятого...—Об Аццо V сведений очень мало: сын Обиццо I, умер раньше отца, побывав в плену у веронцев. С Эццелино (см. ниже) воевал Аццо VI, но был разбит. Победителем Эццелино стал Аццо VII, он же Аццо Новый.
- 33 *Эццелин*.—Эццелино да Романо (1194—1259), синьор Вероны, Падуи, Виченцы, викарий императора Фридриха II в Северной Италии. Легенду о его рождении от семени сатаны исползовал Альбертино Муссато в трагедии «Эццеринида». *Что перед ним добронравны...*—Перечисляются правители древнего Рима, прославленные жестокостью: Гай Марий (157—86 г. до н. э.), семикратный консул; Луций Корнелий Сулла (138—78 г. до н. э.), диктатор; Гай Цезарь Калигула (12—41), император; Тиберий Клавдий Нерон (37—68), император; Марк Антоний (83—30 г. до н. э.), триумвир.
... второй кесарь Фридрих.—Фридрих II, император Священной Римской империи (1212—1250). В 1248 г. был вынужден отступить от Пармы, которую осаждали войска гвельфов (среди осаждающих был и Аццо VII), и вернуться в Южную Италию.
- 34 *Добрая земля...*—Феррара, вторым правителем которой из рода д'Эсте был Аццо VII (первым, с 1209—Аццо VI).
... над тою рекою...—Имеется в виду По, куда, согласно античному мифу, упал сын Феба Фазтон, сброшенный с колесницы солнца молнией Юпитера. Гелиады, сестры Фазтона, оплакав его смерть, превратились в тополя, а слезы их стали янтарем. Кидн, друг Фазтона, был превращен в лебедя (см.: Овидий. *Метаморфозы*, II, 1—380).
- 35 *Альдобрандин* (ум. 1215).—Маркграф Анконский, синьор Феррары. Две посвященные ему октавы опираются на исторические факты (помощь папе, осажденному в Риме войсками Отгона IV, борьба с императорской партией в Умбрии и Марках, заем у Флоренции с отдачей в залог брата). Оттон IV (см. о нем прим. к окт. 31) отправился в Рим для коронации в 1209 г.
- 36 *Ей отдаст любимого брата...*—Аццо VII.—*...Он воздаст подолом Челанским графам...*—Пьетро, граф ди Челано (ум. 1212), видный сторонник императорской партии, проводил политику Отгона IV в Южной и Средней Италии (1210—1212).
- 37 *И каждому городу от Тронта...*—Перифраза Анконской марки, которая простирается от Асколи, что стоит на р. Тронто (зд. Тронт), до Пезаро (зд. Пизавр), где впадает в Адриатическое море р. Фолья (зд. Исавр).
- 38 *Вот и Ринальд... Где томится он заложником за отца*.—Ринальдо (ум. 1251), сын Аццо VII, был заложником в Неаполе у императора Фридриха II (1239); отравлен позже, по приказу другого императора, Конрада (произошло это в Апулии). *Обиссон*—Обиццо II (1247—1293), сын Ринальдо, наследовал деду, Аццо VII, в 1264 г., семнадцати лет.
- 39 *... Он прибавит Ясный Регий и строптивую Модену...*—Модена была присоединена в 1288 г., Реджо—в 1289 г. Эпитеты объясняются юношескими воспоминаниями Ариосто о Реджо и упорной борьбой Модены за независимость.
... вот шестой Ассон...—Речь идет об Аццо VIII (ум. 1308), гонфалоньере церкви («знаменосец креста Христова»). В 1303 г. женился на Беатриче, дочери Карла II, короля Неаполя (1285—1309). Данте обвинил Аццо VIII в убийстве отца (Ад, XII, ПО—112), а его брак с Беатриче назвал продажей (Чистилище, XX, 79—81).
- 40 *Обиссон*.—Обиццо III (1294—1352), сын Альдобрандино II, племянник Аццо VIII. *Альдобрандин, Николай Хромой, Альберт*—сынвья Обиццо III: Альдобрандино III (1335—1361), Никколо II (1338—1388) и Альберт V (ум. 1393). *Как умножат они власть свою Фазн*—Фазнца была присоединена к владениям д'Эсте Никколо II, но вскоре отошла к Висконти. Адрия удерживалась более длительное время.
- 41 *А еще землю, родящей розы...*—Имеется в виду Ровиго, чье латинское название (Rhodigium) производили от греч. rhodos (роза). *А еще—тем городом рыбных лагун...*—Комаккио, город, который расположен между двух рукавов По у его устья, среди заводей, богатых рыбой. Его жители «жаждут» бурь, так как волнение на море загоняет рыбу в тихие речные заводи. *Ардженца*—Замок между Феррарой и Болоньей. *Луго*.—Городок близ Равенны.
- 42 *Вот опять Николай...*—Никколо III (ок. 1383—1441), сын Альберта V, наследовавший отцу в возрасте десяти лет.
И ничто ему Тидей...—Неясно, кто имеется в виду. Согласно наиболее достоверной гипотезе, Ариосто спутал некоего Аццо, родича Никколо III, пытавшегося захватить

- власть в Ферраре, с его сыном Таддео (либо назвал Аццо именем известного из греческой мифологии смутьяна).
- 43 *Оттобон.*— Оттобон Терци (ум. 1409), кондотьер, тиран Реджо и Пармы, погиб при попытке свергнуть Никколо III.
- 44 *Вот Лгонелл.*— Леонелло (1407—1450), внебрачный сын Никколо III, один из первых итальянских правителей, получивших гуманистическое образование.
... *вот славный Боре.*— Борсо (1413—1471), также внебрачный сын Никколо III, преемник Леонелло, первый в роду получивший титул герцога («первый меж князей») — Модены и Реджо императорской инвеституры, Феррары—папской.
Марсу не даст он взвидеть света.— Образ Вергилия (ср.: Энеида, I, 294—296).
- 45 *Геркулес.*— Эрколе I (1431—1505), единокровный брат Леонелло и Борсо.
Его неровный шаг.— Эрколе был ранен в ногу во время битвы при Молинелло (Будрио, обл. Эмилия—Романья), где он сражался на стороне Венеции. Во время «соляной войны» (1482—1484), в которой Венеция и Феррара были противниками и в итоге которой Феррара понесла значительные территориальные потери, феррарцы были оттеснены под самые стены города, в герцогский парк (Барко).
- 46 *Долгой памятью вспомнят его дела.*— Юность Эрколе I прошла при неаполитанском дворе Альфонса I («монарха каталанского»), короля Арагона, Каталонии, Сицилии и Неаполя (1416—1458). Отличился в турнирном поединке с Галеаццо Пандоне («небывалый бой»):
... *власть, II Тридцать лет, как ему должную.*— Ровно тридцать лет власть в Ферраре принадлежала внебрачным сыновьям Никколо III.
- 47 *Не за то, что топи.*— Отмечаются работы по осушению земель и градостроительству, которые с большим размахом велись при Эрколе I.
- 48 ... *от хитрой II Дерзости окрыленного Льва.*— Т. е. уберезит Феррару от агрессии венецианцев (крылатый лев—герб Венеции).
... *в час, когда галльским огнем.*— Во время похода французского короля Карла VIII в Италию (1494—1495), открывшего эпоху итальянских войн, Феррара сохраняла нейтралитет (но открыла свою территорию для прохода французских войск).
- 49 *Правого Альфонса и доброго Ипполита.*— Об Ипполите см. I, 3, прим.; Альфонс I (1476—1534), после смерти отца герцог Феррары.
Подобных... близнецам Тиндарейского лебедя.— Братья д'Эсте сравниваются с героями древнегреческого мифа Кастором и Полидевком, сыновьями одной матери (Леды), но двух отцов, Тиндарея и Зевса (Зевс соединился с Ледой в образе лебедя). Полидевку как сыну бога было суждено бессмертие, но он разделил его со смертным братом, и они попеременно проводят время то на Олимпе, то в Аиде.
- 50 *Сама Астрей // С неба воротилась.*— Астрей — в греческой мифологии богиня справедливости, обитавшая среди людей, пока не кончился золотой век, и затем вознесшаяся на небо.
- 51 *Справа на него — полки венецианцев.*— Феррара и Венеция были естественными противниками: их впервые впрямую столкнул перенос венецианской экспансии на континент, начавшийся в XV в. и связанный с вытеснением Венеции из Средиземноморья турками. Отношения с Римом осложнялись тем обстоятельством, что Феррара считалась папским леном и вплоть до времен Ариосто титул феррарского маркиза или герцога формально не был наследственным. В период правления Альфонса I Феррара держала сторону Франции, имея постоянным противником Венецию; с Римом же, с церковью («та, кому зваться бы не матерью, а мачехою») отношения •менялись: в Камбрейской лиге (1508—1510) папа Юлий II был союзником Феррары, в Священной лиге (1511—1512) — противником. *Медея, Прокна.*— В греческой мифологии детоубийцы.
- 52 *Уверятся в этом и романцы.*— Имеется в виду битва под Бастией (1511), где на стороне папы Юлия II («недобрый вождь») сражались войска городов Романья. Бастия находится в треугольнике, образованном реками По, Сантерно и каналом Заниоло.
- 53 *Там же, где вскоре // Научатся его знать.*— Испанский наемный отряд под командованием Пьетро Наварра взял Бастию в том же 1511 г., причем был предательски убит ее комендант Вестиделло Пагано. Альфонс отвоевал крепость 13 января 1512 г. и все до единого захватчики были уничтожены. Ср.: XLII, 3—5.
- 54 *Это он умом-и копьем.*— Битва под Равенной (11 апреля 1512 г.). Решающий вклад в победу французов внесла феррарская артиллерия. Под «греками» имеются в виду албанцы, которых набирали в венецианские войска. Ср.: XIV, 2—9.
- 55 *Даст Марона.*— Марон — когномен Вергилия. Под новым Мароном Ариосто, скорее всего, имеет в виду Андреа Мароне (ок. 1474—1527) — брешинянец, он подвизался при различных дворах, в том числе при дворе папы Льва X, где завоевал славу в качестве непревзойденного импровизатора.
- 56 *Вот с немногими пешими.*— Битва под Полеселлой (22 декабря 1509 г.), где Феррара взяла верх над Венецией. Ср.: XV, 2—4.
- 57 *Вот Сигисмонд и Сигисмонд* — Брат (1433—1507) и сын (ум. 1524) Эрколе!. ... *Второй Геркулес.*— Эрколе II (1508—1550), после смерти отца — герцог Феррары. Муж Ренаты

- Французской, дочери Людовика XII. **И тот Ипполит...**— Ипполит II (1509—1572), кардинал, архиепископ Миланский, Лионский, Нарбоннский.
- 59 **Франциск.**— Третий, после Эрколе и Ипполита, сын Альфонса I от Лукреции Борджа.
- ...еще два Альфонса...**— Альфонсо (1527—1587) и Альфонсино (ум. 1547), внебрачные сыновья Альфонса I от Лауры Дианти.
- 60 **...те двое, Скорбные...**— Фердинандо (Ферранте, 1477—1540), второй сын Эрколе I от Элеоноры Арагонской, и Джулио (1478—1561), его внебрачный сын. После смерти отца составили заговор с целью свержения брата, Альфонса I. Менее заметные участники заговора были в сентябре 1506 г. казнены, Ферранте и Джулио приговорены сначала к смерти, затем— к пожизненному заключению. Джулио вышел из тюрьмы в 1559 г. Ариосто откликнулся на это потрясшее Феррару событие эклогой.
- 69 **У царя Аграманта есть перстень...**— Этот перстень, как рассказывается во «Влюбленном Роланде», принадлежал Анджелике и был похищен у нее Брунелем с тем, чтобы уничтожить волшебные препятствия, которыми затруднил Атлант доступ к своему питомцу Руджьеру. Ныне этот перстень должен сыграть ту же роль. Положенный в рот, он делает своего владельца невидимым; надетый на палец, оберегает от колдовства. **Брунель.**— Персонаж «Влюбленного Роланда», неподражаемый хитрец и ловкий вор (ср.; XXVII, 72), за добычу перстня Аграмант возвел его в царское достоинство.

ПЕСНЬ IV

- п **...оба моря...**— Средиземное и Атлантику. **Как у нас с Камальдолийской горы...**— В Апеннинах, с пика Фальтерона, который возносится над Камальдолийским монастырем, открывается вид одновременно Адриатического («славянского», омывающего берега Славонии) и Тирренского («тосканского») моря.
- 18 **На Рифее...**— Рифей— в античной мифологии страна гипербореев, расположенная за Рифейскими горами. Комментатор Вергилия Сервий указывал, что там обитают грифы.
- 29 **Славного рыцаря, обреченного... пасть от измены.**— См.: XXXVI, 64; XLI, 61 слл.
- 30 **Атлант.**— Персонаж «Влюбленного Роланда», волшебник. Прочитав по звездам, что его воспитаннику Руджьеру суждена безвременная смерть, он пытается предотвратить роковой ход событий, скрывая Руджьера в волшебном замке в Атласских горах. Из замка его выманивает Брунель с помощью перстня Анджелики.
- 40 **Здесь Прасильд... С ним Ирольд...**— Прасильд и Ирольд— персонажи «Влюбленного Роланда», друзья Ринальда, спасенные им от смерти и обращенные в христианство.
- 41 **С того самого дня, как пред ним скинула она шлем...**— Эпизод «Влюбленного Роланда» (III, V): Брадаманта сняла шлем по просьбе Руджьера и этим воспользовался сарацин Мартазин.
- 46 **Фронтин.**— Во «Влюбленном Роланде» конь Сакрипанта (званный прежде Белолобом— Фронталатте), украден Брунелем (попутно с его прочими воровскими подвигами во время похода за перстнем Анджелики) и отдан затем Руджьеру. Ср.: XXVII, 71—72, прим.
- 47 **Ганимед.**— В античной мифологии троянский царевич, отличавшийся необыкновенной красотой. Был похищен Зевсом, принявшим облик орла, и унесен на Олимп, где стал виночерпием богов.
- 50 **А дорога ему— на запад солнца...**— Гиппогриф следует широте тропика Рака, как она была исчислена во времена Ариосто, т. е. через Испанию в Азию и в Индию (маршрут Колумба, который привел его в Америку).
- 51 **...Каледонский лес...**— Каледония, согласно античным авторам (см., например; *Тацит*. Жизнеописание Юлия Агриколы, 10, 11, 25, 31), местность на севере Шотландии. В рыцарской литературе не упоминается никогда, у Ариосто— впервые.
- 52 **Это здесь гремят подвигами...**— Перечисляются герои бретонского цикла рыцарских романов: Тристану и Ланселоту посвящены отдельные романы; фигура короля Артура скрепляет весь цикл; Галасс—это Галахад, сын Ланселота, вытеснивший отца в поздних прозаических романах с роли первого рыцаря мира (в подцикле Грааля); Гальван—Говен, племянник короля Артура, в свою очередь оттесненный Ланселотом.
- 53 **Старшего и Младшего Круглого Стола...**— Старший—это Утера Пендрагона, отца Артура, младший—стол самого Артура.
- 59 **Безбожно суров шотландский закон...**— Как предположил П. Райна, закон, карающий адюльтер смертью, Ариосто нашел в первой главе испанского романа «Амадис Гэльский» (Райна, с. 133).

ПЕСНЬ V

- 5 **...Вот повесть...**— Повесть о Гиневре, которая далее рассказывается, в самом общем плане напоминает прославленный эпизод французской «Вульгаты» (XIII в.), в котором Ланселот вооруженной рукой спасает от казни королеву Геньевру (ср.: имя героини в повести), обвиненную в супружеской измене. Фигура Далинды, рассказчицы, создана с оглядкой на

судьбу Бранжбены, верной служанки Изольды. Сама же интрига, послужившая к обвинению Гиневры, воспроизводит эпизод из каталонского романа Ж. Мартуреля «Тирант Белый» (изд. 1490), где заглавный герой также наблюдает инсценировку измены, причем, в отличие от «Неистового Роланда», в чужом облике выступает не возлюбленная, а ее мнимый любовник. Сюжет «повести» Ариосто через новеллу Банделло (I, XXII) проник в комедию Шекспира «Много шума из ничего». Воспользовался им также Спенсер («Королева фей», II, IV). См.: Райна, 128—140.

...*Чем в Микенах, Аргосе, Фивах...*— В Микенах Клитемнестра убила мужа, Агамемнона, и затем была убита сыном; в Аргосе Данаиды убили своих мужей; под стенами Фив в братоубийственной войне погибли Полиник и Этеокл.

7 ...*Альбанский герцог*.— Имеется в виду Олбани, графство в Шотландии.

76 *Ко граду святого Андрея*.— Сент-Эндрю, город на восточном побережье Шотландии.

ПЕСНЬ VI

- 1 *Беда злодею*.— Сентенция относится к числу распространенных в античной афористике. Ближе всего она напоминает изречение Цицерона (О пределах добра и зла, I, XVI, 50).
- 19 *Над островом, Подобным тому*.— Подобным Сицилии. Как гласит греческий миф, Алфей, бог реки в Пелопоннесе, преследовал своей любовью нимфу Аретузу, Диана обратила нимфу в источник и по подземным пещерам вывела на остров Ортигию (в Сиракузской бухте). Но Алфей успел слить свои воды с новым источником (по античным поверьям, река в Пелопоннесе и источник около Сиракуз соединены под морем), поэтому спасение Аретузы «сквозь пучину» Ариосто называет «тщетным». Ср.: Овидий. *Метаморфозы*, V, 572—641.
- 27 *Как древесный сук*.— Ср.: «И как с конца палимое бревно От тока ветра и его накала В другом конце трещит и слез полно, Так раненое древо источало Слова и кровь...» (Данте. *Ад*, XIII, 40—44). И весь эпизод с Астольфом, превращенным в мирт, создан по образцу дантовского рассказа о Пьере делла Винья и Вергилиева—о Полидоре (*Энеида*, III, 19—72).
- 33 *Астольф*.— Двоюродный брат Роланда и Ринальда, отец его, Оттон, приходится братом Милону и Амону. Под именем Эсту появляется во французском эпосе («Четыре сына Эмона», «Отинель», «Гй Бургундский»), но заметным персонажем цикла становится только на итальянской почве. Во франко-итальянских поэмах XIV в. «Вступление в Испанию» и «Взятие Памплонны» ему принадлежит роль насмешника и остролиста. «Моргант» Пульчи и «Влюбленный Роланд» Боярдо придают ему черты хвастуна и дон-жуана.
- 34 *Держа путь домой с крайних островов*.— Астольф, как рассказывается во «Влюбленном Роланде», был вместе с Ринальдом, Дудоном и другими героями поэмы пленником Моноданта, царя Дальних Островов (см.: XIX, 38, прим.). Освобожденные Роландом, они направились на родину. Далее, вплоть до окт. 42, идет переложение рассказа Боярдо (Влюбленный Роланд, II, XIII, 54—66).
- ...*паладина Бравы*.— Роланда. Название происходит, предположительно, от г. Бле на Жиронде, который упомянут в «Песни о Роланде» (3689) как место, куда Карл отвозит тела павших при Ронсевале паладинов.
- 35 *Альцина*.— Персонаж «Влюбленного Роланда», фея.
- 38 *Была она сестрою самой Моргане*.— Фея Моргана—в артуровском цикле сестра короля Артура и его неприятельница. Во «Влюбленном Роланде» входит в число персонажей и олицетворяет Фортуну.
- 41 *Дудон*.— В Каролинговом цикле сын Оджьера-Датчанина.
- 45 *Где лежат рубежом река и хребет*.— Река Твид и горная цепь Чевинот-Хилс.
- 55 *Крутая она и каменистая*.— Логистилла символизирует разум и добродетель (как Альцина—чувственность) и поэтому путь к ней труден. Достижение добродетели как преодоление тяжелого подъема—это для европейской литературы общее место, начиная с античности (ср.: Иесиод. *Труды и дни*, 290—292, а также рассказ Продика о Иракле, выбирающем между Добродетелью и Пороком—Ксенофонт. *Воспоминания о Сократе*, II. I). Разумеется, Ариосто имел в виду, в первую очередь, Данте, у которого путь от зла к добру изображается как восхождение (на гору Чистилища).
- 60 *Буйное неравное полчище*.— Аллегория пороков, преграждающих путь к добродетели.
- 61- *Одни—по шее совсем как люди*.— Согласно комментаторам XVI в., чудовища с кошачьей головой символизируют притворство, с головой обезьяны—лесть, фавны (кто «бьет оземь копытом козьим») — похоть, кентавры — насилие, гарцующие на «разнузданном коне» — грех по несдержанности, плетущиеся на осле или буйволе — грех по неусердию, оседлавшие кентавра—творцы насилия, оседлавшие страуса — ничтожные, орла и журавля—гордецы, дующие в рог—хвастливые, с чашей у рта—чревоугодники, двуполые — преступники против естества, с воровскими инструментами — обманщики и грабители.
- 63 *Во главе был вождь*.— Праздность. Черты для описания «вождя» Ариосто заимствует у традиционного образа Силена.

- 54 *Некто с песьей пастью...*— Киноцефал, символизирующий злоязычие.
 78 *Эрифилы*.— Аллегория Алчности. В античной мифологии Эрифилы, польстившись на драгоценное ожерелье, уговорила своего мужа Амфиарая принять участие в походе семерых против Фив, трагический исход которого Амфиарай предвидел.

ПЕСНЬ VII

- 4 *А волков таких не бывало и в Апулии...*— Реминисценция Горация (Оды, I, XXII, 13—16).
 п *Так она была сложена...*— Знаменитый портрет Альцины (окт. 11—15) венчает длительную традицию такого распространенного поэтического и риторического приема как описание персонажа, приема, формализованного в средневековых поэтиках (ср., например, описание красавицы в «Показании о науке и способе сочинения прозы и стихов» Гальфреда Винсальвского.— В кн.: Проблемы литературной теории в Византии и латинском средневековье. М., 198-6, с. 131—132). С другой стороны, этот портрет предоставляет благодарный материал для сопоставительного рассмотрения разных видов искусства, что весьма существенно для самохарактеристики постренессансных стилей. В XVI в. аристовское описание приводилось (Лодовико Дольче в «Диалоге о живописи») как пример абсолютной живописности. В XVIII в. (Лессингом в «Лаокооне») — как пример абсолютной антипоэтичности.
 20 *Наследников Нина...*— Нин— мифический основатель ассирийского царства. Среди его наследников прославлен своими пирами легендарный Сарданапал.
Ни славной той Клеопатры...— О пирах, которыми египетская царица Клеопатра чувствовала Марка Антония («латинского победителя»), сообщают Плутарх и Плиний.
Ганимед.— См.: IV, 47, прим.
 21 *Сели в круг для милой игры...*— Салонная игра, принятая во времена Ариосто в феррарском придворном обществе.
 23 *...словно из Арахниных рук...*— Арахна — в греческой мифологии искусная ткачиха и вышивальщица, рискнувшая соперничать с Афиной.
 29 *Не так плотно плещ...*— Распространенное в литературе сравнение. Например: Гораций. Эподы, XV, 5—6; Овидий. Метаморфозы, IV, 365; Данте. Ад, XXV, 58—59.
На индийском и савском ароматном берегу.— Нет ни в Индии, ни в Аравии, где выращивались пряности.
 38 *В тот Понтьерский лес...*— См.: III, 24, прим.
 44 *...Нестеровы веки.*— Нестор— в греческой мифологии царь Пил оса, видевший на своем веку три поколения героев.
 50 *...Косокрыл или Кривляка...*— В оригинале: Alchino и Farfarello, имена, которыми Данте награбил бесов пятого рва восьмого круга (Ад, XXI, 118, 123). Аликино— производное от Эллекина, предводителя нечистых духов, возглавлявшего «дикую охоту» во французских средневековых легендах и театральных представлениях. В дальнейшем— маска комедии дель арте (Арлекин). Фарферелло связывается с нарицательным именем нечистого духа в старофранцузском и старотосканском (farfadet, farfancchio). Играет определенную роль в «Моргайте» Пульчи. В данном случае имена даются в вольном переводе М. Л. Лозинского.
 57 *Мозговиною медведей и львов...*— Эта героическая «диета» имеется уже у Боярдо («Влюбленный Роланд», II, 1, 74), который строил детство Руджьера по образцу детства Ахилла (Хирон вскармливал его внутренностями львов, медведей и вепрей).
Аттис.— Возлюбленный Кибелы.
Адонис.— Возлюбленный Афродиты.
 60 *Если собственный блеск...*— Ариосто, создавая эту октаву, держал в уме упреки, обращенные Меркурием к Энею (Вергилий. Энеида, IV, 272—276).
 61 *Кованым меж вечных идей...*— Имеются в виду платоновские идеи и вообще платоновское учение о предсуществовании и переселении душ. Литературный образец использования этого учения — опять Вергилий (Энеида, VI, 713—751).
 62 *Ипполита с братом...*— см.: III, 50.
 67 *...Корейского Атланта...*— Замок Атланта, где воспитывался Руджьер, Боярдо помещает в Каренских горах— так в древней географии назывался горный хребет в системе Атласских гор, вытянутый вдоль средиземноморского побережья Алжира (совр. Телль-Атлас).
 73 *Гекуба*.— В греческой мифологии жена троянского царя Приама, мать девятнадцати сыновей и трех десятков дочерей, пережившая их всех.
...Кумекая Сивилла...— В античной мифологии прорицательница, срок жизни которой был тысяча лет (ср.: Овидий. Метаморфозы, XrV, 144—146).
 76 *Бализарда*.— Во «Влюбленном Роланде» меч, от которого нет защиты колдовством. Его изготовила фея Фалерина, чтобы погубить Роланда, Роланд его добыл, у Роланда его похитил Брунель, от Брунеля он перешел к Руджьеру (вместе с конем Фронтином). Ср.: XLI, 26—27.
 77 *Рабикан*.— Во «Влюбленном Роланде» конь, которого кобылица, созданная из огня и искр, зачала от ветра. Сначала он принадлежал Аргалию, брату Анджелики, затем Ринальду, от Ринальда перешел к Астольфу.

ПЕСНЬ .VIII

- 4 *У него на рукавице — хваткий сокол...*— У ловчего и его свиты есть некоторая аллегорическая подоснова, но она сильно размыта и с трудом поддается абстрагированию. Согласно комментаторской традиции, сам ловчий будет символом рабской покорности наслаждению, пес—это брань и попреки, которые преследуют желающего уклониться со стези зла, конь и хищная птица—сила дурной привычки.
- 17 *Золотого того копыя...*— Как рассказывается в первых песнях «Влюбленного Роланда», Аргалий, явившись ко двору Карла, поставил свою сестру Анжелику наградой тому, кто победит его в бою на копыях. Рассчитывал он при этом на свое волшебное золотое копые и, действительно, одержал верх над Астольфом и Феррагусом, но последний, нарушив условия поединка, отказался признать себя побежденным и убил Аргалия в рукопашной схватке. Копье затем случайно досталось Астольфу (с его помощью он, в частности, освободил из плена Карла со всеми его палачами и заставил Градасса снять осаду с Парижа).
- 19 *К знойному девятому часу...*— Время между полуднем и тремя часами пополудни.
- 27 *Оттон*.— Король Англии, в эпическом родословии отец Астольфа, брат Милона и Амона, родителей Роланда и Ринальда.
- 42 *Аргалий*.— См.: I, 27, прим., и выше, в этой же песне, прим. к окт. 17.
- 43 *За него Агрикан Татарский...*— События первой книги «Влюбленного Роланда»: Агрикан, татарский царь, пошел войной на Галафрона, царя Катая и отца Анжелики, получив отказ в своем сватовстве. Был убит в поединке Роландом.
- 45 *Набожней Илариона и фивейского Павла*.— Иларион (290—371)—ученик св. Антония Великого, основатель первых палестинских монастырей; Павел—согласно легенде, первый христианский отшельник, предтеча св. Антония в Фиваиде.
- 51 *Эбуда*.— Имеются в виду Гебридские острова, которые в античной географии (Птолемей, Плиний) назывались Эбудскими.
Протей.— В античной мифологии морское божество, пастух тюленьих стад. Единственный античный мифологический персонаж, косвенно включенный в действие поэмы.
- 67 *...От Атласа до Красного берега...*— Имеется в виду пустыня, простирающаяся от Атласских гор до Красного моря. Ливийская пустыня в античной литературе изображалась как змеиное царство (см., например: Лукан. Фарсалия, IX, 708—721). В том же качестве ее вспоминает Данте (Ад, XXIV, 85—90).
- 68 *Или двое, которых хитрый старец...*— Ринальд и Сакрипант (см.: II, 15—17).
- 69 *А меж тем Париж осажден...*— Октава дает резюме заключительных событий «Влюбленного Роланда»: осада Парижа сарацинами и штурм города, прерванный наступлением темноты и бурей.
- 71 *Так от светлой влаги трепетный луч...*— Сравнение восходит к Вергилию (Энеида, VIII, 22—25).
- 73 *...отдал тебя в Наимовы руки...*— См.: I, 8.
- 79 *Все живое в ночном покое...*— Аналогичное противопоставление всеобщей погруженности в сон и бессонных тревог героя см.: Вергилий. Энеида, IV, 522—530; Данте. Ад., II, 1—6.
- 84 *Златоузд*.— Согласно итальянской традиции, коня Роланд завоевал вместе со щитом и мечом, победив Альмонта. «Златоуздом» (Брильядоро) его впервые называет Боярд. В предшествующей традиции, начиная с «Песни о Роланде», конь звался Вельянтиф.
- 85 *Отлагает он щит в четыре четверти...*— Двухцветный, красно-белый щит Роланда, согласно одной традиции, отбит у Альмонта, согласно другой,—изготовлен в воспоминание эпизода из детства палача, проведенного в изгнании.
- 86 *...державному своему дяде...*— В эпической генеалогии мать Роланда, Берта, приходилась сестрой Карлу Великому.
* *Брандимарт*.— Персонаж «Влюбленного Роланда», сын царя Моноданта (см. о нем: VI, 34, прим.), друг Роланда, обращен им в христианство.
...из сияющих куц Тифона...— Тифон— в античной мифологии супруг богини зари, которая испросила для него бессмертие, но забыла о вечной молодости (ср.: XVlll, 103).
- 88 *Флорделиза*.— Персонаж «Влюбленного Роланда», возлюбленная, затем супруга Брандимарта.

ПЕСНЬ IX

- п *Иверния*.— Латинское название Ирландии.
- 15 *...при Святом Мало...*— Сен-Мало—порт в Бретани.
...минует Святого Михаила...— Мон-Сен-Мишель—скалистый остров у входа в залив Сен-Мало.
- 16 *...Бреак и Ладрильер...*— Сен-Брие и Ландерно, в Бретани. Корабль Роланда держит курс норд-ост.

- 17 *В пасть реки у города Антверпена.*— В устье Шельды.
- 23 *Зеландия.*— Имеется в виду датский остров.
- 25 *Что лежит от нас через морской рукав...*— Географические представления Ариосто в данном случае архаичны, будучи почерпнуты в значительной степени из «Естественной истории» Плиния и «Германии» Тацита. Границей Фризии (северная часть Голландии) он, следуя этим источникам, считает рукав Рейна:
- 28 *Сверленное железо с огненным боем...*— Аркебуза, вошла в употребление в XIV в. Сознательный анахронизм Ариосто.
- 59 *Зеландия.*— В данном случае (в отличие от IX, 23) голландская провинция.
- 65 *Волана.*— Селение в Феррарской области, близ одного из устьев По, обильного рыбой.
- 74 *Чей издали крутой напор...*— Напоминает описание бега вепря у Овидия (Метаморфозы, VIII, 338—344).
- 77 *Антей.*— В греческой мифологии великан, неуязвимый до тех пор, пока прикасался к земле, своей матери. Геракл убил его, оторвав от земли.
- 78 *Затвор, где селитра, сера и уголь...*— Пороховой склад.
- 88 *...римский сенатор...*— Один из титулов Роланда в итальянской эпической традиции.

ПЕСНЬ X

- з *Ни ради той, за которую Европа...*— Имеется в виду Елена, похищение которой привело к Троянской войне.
- 5 *Пусть меж вами, добрые дамы...*— Воспроизводит Катуллово: «Женщина пусть ни одна не верит клятвам мужчины...» (Книга стихотворений, 64, 143—148). Катулл зд. и далее цитируется в переводе С. В. Шервинского.
- 6 *И летучий ветер...*— Ср.: Тибулл. Элегии, I, 4, 21—22.
- 7 *Как ловчий летит вслед зайцу...*— Ср.: Гораций. Сатиры, I; II, 105—108.
- 9 *Без любовника женищина—как забытая лоза...*— Сравнение Катулла (Книга стихотворений, 62, 49—53). Ср.: Овидий. Метаморфозы, XIV, 665—666.
- п *Как не польхнет и пожар...*— Сравнение Овидия (Метаморфозы, VI, 455—457).
- 15 *Господи праведный! как часто людские...*— Ср.: «Вышние боги, увы,—как много в груди человека Тьмы беспросветной» (Овидий. Метаморфозы, VI, 472—473). «Метаморфозы» зд. и далее цитируются в переводе С. В. Шервинского.
- 19 *А изменник, в недоброе бденье...*— Нижеследующий эпизод строится по классической сюжетной модели: Ариадна, покинутая Тесеем. Октавы 20—22 — почти буквальный перевод Овидия (Героиды, X, 7—24). Плач Олимпии перекликается с плачем Ариадны по Катуллу (Книга стихотворений, 64, 132—201) и с плачем Дидоны по Вергилию (Энеида, IV, 591—629).
- 20 *... альциона...*— Зимородок. Альциона — в греческой мифологии жена фессалийского царя Кеика, бросившаяся в море и превращенная богами в зимородка.
- 34 *Или как Гекуба...*— Гекуба (см.: VII, 73, прим.), отомстив за смерть своего сына Полидора, была превращена в собаку.
А то всходит на камень...— Ср.: «Или сижу на холодной скале, оставившись в море, Словно на камне моем делаюсь камнем сама» (Овидий. Героиды, X, 49—50). Перевод С. А. Ошерова.
- 52 *... четыре дамы...*— Аллегории четырех естественных добродетелей. Андроника—мужество, Фронесия—мудрость, Дикилла—справедливость, Софросина — умеренность.
И чистая Софросина, больше всех // Пылавшая о предстоящем деле.— Так как невоздержанность, в которой повинен Руджьер, исправляется умеренностью.
- 56 *Вслед за нильской вкусить блистательной царицею...*— Вслед за Клеопатрой.
- 69 *Так волхвы ускользали от Ирода.*— В евангельском рассказе восточные мудрецы, пришедшие на поклонение младенцу Иисусу, получили во сне откровение не возвращаться к Ироду (выслеживавшему Иисуса) и «иным путем отошли в страну свою» (Матф., II, 12).
- 70 *Эоловы вихревые пастбища...*— Море, куда Эол выпускает пастись ветры.
- 71 *Вот справа Катай, вот снизу Кинсай...*— Катай — северная часть Китая, Мангиана — южная, Кинсай соответствует совр. Ханчжоу; Имайский Рифей — Гималаи; Серикания — см.: I, 55, прим.; гипербореи — в греческой мифологии народ, живущий на крайнем севере (в данном случае, Сибирь); гирканы — жители Гиркании, области у Каспийского моря; Сарматия — область к западу от Волги; «шов меж Европою и Азию» — согласно античной географии, граница Европы и Азии проходила по Дону; поморцы — жители Померании.
- 77 *На которой лилии и нарды...*— Французская лилия (поскольку Оттон, которого Ариосто в согласии с эпической традицией ставит во главе английского королевства, принадлежит к французскому королевскому дому) и английский леопард. Нижеследующий парад гербов и фамилий имеет чисто орнаментальный характер и поэтому не комментируется. Английские имена и названия у Ариосто итальянизированы, в переводе — латинизированы (например, Дорсетский вместо Дорчестерский, Антонский вместо Хэмптонский, Вигор вместо Винчестера, Эрбий вместо Дерби, Оксоний вместо Оксфорда и т. п.).

- 83 *Зербин.*— Брат Гиневры (см.: V, 69).
- 86 *Вот Лурканий...* — Следуют два героя новеллы о Гиневре, Лурканий и его брат Ариодант, ставший герцогом Олбани после смерти своего врага («вот Альбанские цвета...»).
- 88 *Фула.*— В античной географии северный предел обитаемого мира.
- 92 *Где колодезь святого старца...*— Св. Патрик (ок. 389—461), святитель Ирландии, соорудил, согласно легенде, колодезь, вода которого очищала от грехов. Ариосто мог вспомнить об этом местном ирландском поверье, поскольку уже в его время колодезь был по распоряжению папы Александра VI закрыт.
- Малая Британия.*— Бретань.
- 96 *Светло мраморным или алавастровым...*— Ср.: *Овидий.* *Метаморфозы*, IV, 673—675. И в целом эпизод освобождения Анджелики, следующий далее, построен по примеру овидиева рассказа о Персее, спасающем Андромеду (*Метаморфозы*, IV, 663—738).
- 98 *Став, как кость слоновья в соку граната...*— Ср.: «Словно "слоновья кость, погруженная в пурпур кровавый» (Вергилий. *Энеида*, XII, 67). «*Энеида*» здесь и далее—в переводе С. А. Ошерова.
- юз *Так орел с небес...*— Кроме Овидия, который остается основным ориентиром (*Метаморфозы*, IV, 714—717), сравнение отсылает также к Гомеру (*Илиада*, XII, 200—203) и Вергилию (*Энеида*, XI, 751—756).
- 105 *Так наглая муха мучит пса...*— Ср.: Гомер. *Илиада*, XVII, 570—572; Данте. *Ад*, XVII, 49—51.
- из ... *филомела.*— В греческой мифологии царевна, сестра Прокны (см. примеч. выше), превращенная в ласточку.

ПЕСНЬ XI

- 3 *Ксенократ* (ок. 400—ок. 314 г. до н. э.).— Греческий философ, ученик Платона. Как утверждает Диоген Лаэртский (О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов, IV, 6) «отличался важностью и мрачностью». Итера Фрина пыталась его соблазнить, но безуспешно (там же, IV, 7).
- Перстень, отнятый у нее Брунелом.*— См.: III, 69, прим.
- 4 *Вместе с братом, которого копьё...*— См.: VIII, 67, прим.
- Этим перстнем разбила она чары // Малагиса...*— Малагис (Маладжиджи)—персонаж Каролингова цикла, двоюродный брат Ринальда и Роланда, чародей. В этом качестве известен уже французской героической поэме («Четыре сына Эмона»). Герой нескольких второстепенных поэм («Можис д'Эгремон», «Смерть Можиса» и др.). Во «Влюбленном Роланде» пытается овладеть Анджеликой, наведя на нее и на ее спутников колдовской сон, но сам оказывается в плену.
- ... и Роланда // Вызволила из Драгонтинина плена...*— Волшебный перстень позволил Анджелике уничтожить чары феи Драгонтины («Влюбленный Роланд», I, XIV, 38 слл.), которая держала у себя в плену Роланда, Астольфа и других рыцарей, лишив их памяти посредством колдовского напитка.
- 5 *Вышла из башни злого старца...*— Во «Влюбленном Роланде» (I, XIV, 29—37) Анджелика, сделавшись с помощью перстня невидимой, ускользает из башни, где в плену у «злого старца» томилась сотня дам и девиц, предназначенные в пищу дракону феи Фалерины. Покинув башню, Анджелика держит путь к зачарованному саду Драгонтины.
- 12 *Галатеи, Незры, Филлиды, Амариллы!*— Имена нимф, пастушек и пастухов, традиционные для античной буколки. Все эти имена встречаются в «Буколиках» Вергилия.
- 20 *Как волк тащит малую овечку...*— Сравнение Вергилия (*Энеида*, IX, 563—566).
- 22 *Вкрал добычу некоему чернокожишнику...*— Ариосто, видимо, намекает на Бертольда Шварца (ок. 1310—1384), немецкого монаха и алхимика, который считался изобретателем пушечного пороха. К этому изобретению Шварц отношения не имеет, но именно он наладил отливку бронзовых пушек в венецианском арсенале.
- 24 *И зовут это пушкою...*— Здесь и в следующей октаве Ариосто перечисляет различные виды огнестрельного оружия, известные в XVI в.
- 27 *... в недоеванной войне...*— Ариосто имеет в виду войну за гегемонию в Европе (и, в частности, в Италии), которую вели в первой половине XVI в. Карл V, император Германии и испанский король, и Франциск I, король Франции, и которую продолжили их преемники.
- 28 *В ту слепую бездну, где Иуда.*— Поскольку Ариосто использует здесь дантовский образ («склеп слепой» — *Ад*, X, 58), надо полагать, что место в аду для изобретателя огнестрельного оружия он видит рядом именно с дантовским Иудой—в последнем кругу, где казнятся предатели.
- 30 *Короля ирландского...*— См.: IX, 11.
- 32 *И ревниво роптал ее Тифон.*— См.: VIII, 86, прим.
- 34 *Вздулись волны, и встало чудище...*— Ср.: *Овидий.* *Метаморфозы*, IV, 689—690.

- 35 *Как из темного дола всплывает...*— Ср.: Гомер. Илиада, XVI, 364—365, а также: Валерий Флакк. Аргонавтика, II, 515—517.
- 44 *Протей*.— См.: VIII, 51, прим. *Нептун помчал к эфиопам*.— Олимпийские боги время от времени пируют у «непорочных» эфиопов (см.: Гомер. Илиада, I, 423; Одиссея, V, 282).
- 45 *Левкодея в слезах над Меликертом*.— Образцом для Ариосто является описание свиты Нептуна у Вергилия (Энеида, V, 822—826). *Левкодея* — в греческой мифологии морское божество, в которое превратилась Ино, супруга беотийского цари Афананта, когда бросилась в море, спасая их сына, Меликерта, от безумной ярости мужа. *Нереиды* — морские божества, дочери Нерея. *Тритоны* — морские божества. *Гавки* — собственно, известен в единственном числе, как рыбак, случайно превратившийся в морское божество. Множественное число, возможно, объясняется оборотом, употребленным Вергилием («Главка хор седовласый») в указанном выше описании поездки Нептуна.
- 50 *Он и кожей крепче камня*.— Роланд, как Ахилл, неуязвим для оружия. Это свойство придано ему итальянской эпической традицией. Ср.: XII, 49.
- 58 *Та Диана над теми струями*.— В античной мифологии охотник Актеон был превращен в оленя Артемидой (Дианой) за то, что увидел ее обнаженной.
- 69 *... как из-под Фидиева резца*.— Фидий (ок. 490 — после 430 г. до н. э.), великий греческий скульптор, создатель скульптурного ансамбля Парфенона и гигантских культовых статуй.
- 70 *Явьсь она фригийскому Парису*.— Имеется в виду суд Париса, присудившего первенство в красоте Афродите (Венере). «Две другие», проигравшие состязание с Афродитой — это Гера и Афина.
- И не плыл бы он тогда в Амиклы*.— Т. е. в Лаконию, где рядом с Амиклами расположена Спарта, откуда Парис похитил Елену. Афродита в награду за вынесенное в ее пользу решение посулила Парису обладание красивейшей из смертных женщин.
- 71 *Явьсь она в Кротоне*.— Согласно легенде, жители города Кротона (в Калабрии), дабы украсить храм Гёры (Юноны), заказали художнику Зевксису (484—380 г. до н. э.) изображение Елены. Художник писал с пяти натурщиц одновременно, так как не нашел такой женщины, красота которой была бы безупречна.
- 75 *Ни лемносский, ни Минервин труд*.— Гефест (Вулкан), имевший кузницу на Лемносе, упомянут здесь как золотобит, Афина (Минерва) — как портниха и вышивальщица.
- 80 *Правит вновь к тем самым причалам*.— К порту Сен-Мало (см.: IX, 15).
- 82 *А как солнце сверкнуло... // От Фриксова овна*.— В греческой мифологии Фрикс, преследуемый мачехой, спасся в Колхиду на златорунном овне. Солнце входит в созвездие Овна во время весеннего равноденствия.

ПЕСНЬ XII

- 1 *Когда Церера // От идейской Матери богов*.— В поэме Клавдиана «Похищение Прозерпины», которой здесь Ариосто следует, говорится, что Церера, укрыв дочь Прозерпину в Сицилии (там, где гиганта Энцелада, павшего от молнии Юпитера, «гнетет» Этна), отправилась в обитель Кибелы («идейской Матери богов»), на Иду (гора во Фригии, центр оргиастического культа Кибелы). В отсутствие Цереры Прозерпина была похищена богом подземного царства.
- Вырвала она две сосны*.— Ср.: «В обеих руках запалила Ветви горячей сосны...» {Овидий. Метаморфозы, V, 441—442}.
- 3 *... Элевсинской богине*.— Элевсин в Аттике — место культа Деметры (с которой была отождествлена римская Церера).
- 4 *Новую Кастилию и Старую*.— Новая Кастилия расположена в центре Испании (главные города — Мадрид и Толедо), Старая — на севере (столица — Бургос).
- 20 *... Дордонская Дама*.— См.: II, 68.
- 31 *... кроме шлема, // Какой снял Роланд*.— См.: I, 27—30.
- 46 *Дурандаль*.— Меч Роланда (известен под тем же именем уже в «Песни о Роланде»), добытый им, вместе с конем и шлемом, у поверженного Альмонта.
- 48 *Феррагус заколдован по всей коже*.— О неуязвимости Феррагуса говорится в хронике Псевдо-Турпина и в итальянской эпической традиции, начиная с ее первых памятников. Во время испанского похода (предшествующего Ронсевалу) Роланд сразил Феррагуса, пробив «семь каленых пластин» (см. ниже в той же октаве).
- 59 *... князя Тераганта с Магометом*.— Магомет, Терагант и Аполлин составляют, согласно распространенной в средневековой литературе традиции, троицу сарацинских божеств. В «Песни о Роланде» эта троица уже имеется.
- 62 *Пока в сече меж мостом и мостом*.— О смерти Феррагуса от руки Роланда рассказывается в хронике Псевдо-Турпина, во франко-венетском «Вступлении в Испанию», в итальянских поэмах («Испания» и др.), посвященных испанскому походу Карла. Роковой для Феррагуса бой происходил на мосту между двумя вратами.

- 69 *Манилард*.—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 9); *Низриция*.—Идентификации не поддается. *Тремизена*.—То же. *Альзирд*.—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 21).
- 9) *А у очага, посреди подземелья...*—Отдельными деталями (старуха, красавица, разбойники) рассказ о пещере, где Роланд встречает Изабеллу, напоминает эпизод из «Золотого осла» Апулея (кн. IV). См.: Райна, с. 193—194.

ПЕСНЬ XIII

- 4 *Я—Изабелла*.—Фабула рассказа Изабеллы восходит к двум синонимичным эпизодам французского «Романа о Паламеди»: героем первого является Карадос, героем второго — Гирон, в обоих случаях доверенный героя изменяет слову и пытается овладеть его возлюбленной. См.: Райна, с. 195—198.
- 6 *Князь Зербин...*—См.: V, 69. Само имя Зербина и некоторые детали его любовной истории указывают как на один из источников на новеллу Боккаччо о Джербино и дочери тунисского короля (Декамерон, IV, 4).
- п ... *при Святой Марте*. Санта-Марта—городок на Мысе Ортегал (северо-западное побережье Испании).
- 15 ... *мы миновали Монгию...*—Совр. Муджиа, городок между мысом Финистерре и мысом Корунья.
- 16 ... *пред Роцеллой...*—Ла-Рошель.
- 35 *Вывал головою...*—Избиение разбойников воспроизводит некоторые детали битвы кентавров и лапифов по Овидию (Метаморфозы, XII, 235—468), где есть и удар головней, и удар алтарем (зд. стол). См.: Райна, с. 199.
- 36 *Надзирает Хирон в кипящей крови*.—Душа разбойника летит в первый пояс седьмого круга ада, где в «кипящей крови» Флегетона казнятся насильники над ближним и его достойным. Хирон и отряд кентавров—стража этого круга (Данте. Ад, XII).
- 40 *По Турпинову счету...*—Архиепископ Тургаш—традиционный персонаж каролингова цикла. В «Песни о Роланде» сражается и погибает при Ронсевале. Считался автором «Истории Карла Великого» (так называемая хроника Псевдо-Турпина, XI—XII в.), и в связи с этим в последующей традиции выступает не столько как активный участник событий, сколько как историограф. Авторы итальянских поэм каролингова круга авторитетом Турпина подкрепляют, как правило, самые фантастические происшествия и самые неправдоподобные подробности. Его исторический прототип—Турпин, епископ Реймский (756— между 789 и 794).
- 58 *Для чего промолчала ты у Мерлина?*—См.: III, 24 слл.
- 59 *Это Изабелла...*—Изабелла д'Эсте (1474—1539), дочь герцога Эрколе I и Элеоноры Арагонской, супруга Франческо II Пшзага, маркиза Мантуанского. Покровительница искусств, женщина незаурядной культуры, была связана дружескими отношениями с Аристо, который читал ей в 1512 г. отрывки из «Неистового Роланда».
- Край над Минцием...*—Мантуя, которая стоит на р. Минчю (зд. Минций) и имя которой дала прорицательница Манто. Ср.: «Также и Окн привел отряд из отчего края, Тибра этрусского сын и Манто, провидицы вещей; Стены тебе он, Мантуя, дал и матери имя» (*Вергилий*. Энеида, X, 198—200). Ср. также: Данте, Ад, XX, 52—99.
- 60 *С достоправным своим супругом...*—Франческо II Гонзага (1466—1519), маркиз Мантуанский. Главнокомандующий войсками антифранцузской лиги в битве при Форново (6 июля 1495 г.) на р. Таро: в военном отношении ни одна из сторон не достигла решительного перевеса, в политическом — битва обозначила неудачу итальянского похода Карла VIII. Победитель битвы при Ателле (5 августа 1496 г.), в итоге которой французы были изгнаны из Неаполитанского королевства.
- 61 *Тифий*.—Кормчий аргонавтов.
- 62 *Беатриса*.—Беатриче д'Эсте (1475—1497), вторая дочь Эрколе I, супруга Лодовико Сфорца, герцога Миланского. *Но взведет к нему и супруга...*—Лодовико Сфорца (1451—1508), герцог Миланский (1480), в 1499 г. разбит французами, в 1500 г. взят в плен, умер в заключении.
- 63 *Мор*—Прозвище Лодовико Сфорца, от тутового дерева, изображенного в его гербе. *Сфорца*.—С 1450 по 1535 г. (с перерывами) были герцогами Милана. *Висконти*.—Династия правителей Милана с XIII в. по 1450 г.
- 64 *И одна осенит святые кудри...*—Беатриче (ум. 1248), дочь Альдобрандино I (см.: III, 35, прим.), третья жена (1234) венгерского короля Андрея II. Изгнана после смерти мужа пасынком Белой IV. Мать Андрея III. *А другая, отрекшись от земного...*—Известны две Беатриче из рода Эсте, причисленные к лику святых: сестра Аццо VII (см.: III, 32—34), монахиня в обители Иоанна Крестителя на горе Джемона (ок. 1191—1226); и дочь того же Аццо VII, монахиня в монастыре Св. Антония в Ферраре (ум. 1262).
- 65 *Будь то Бланка, Лукреция, Констанция...*—Часто встречающиеся в роду Эсте женские имена. Например: Бьянка—внебрачная дочь Никколо III и жена Галеотто Пико делла

- Мирандола; дочь Сиджисмондо (брата Альфонса I) и жена Альбериго Сансеверино; Лукреция—внебрачная дочь Эрколе I и жена Аннибале Бентивольо, синьора Болоньи (см.: XLII, 88); дочь Сиджисмондо (вышеупомянутого) и жена Альбериго Маласпина; Костанца—дочь Аццо II и жена Уго Альдобрандини, герцога Мареммы; дочь Обиццо III и жена Малатесты Унгеро.
- 67 *Первою назову я Рикарду...*—Ричарда (ум. ок. 1475), дочь Томмазо, маркиза Салуццо, и жена Никколо III д'Эсте. После смерти Никколо власть в Ферраре перешла сначала к Леонелло, затем к Борсо, его внебрачным сыновьям. Дети Ричарды, Эрколе и Сиджисмондо, были отправлены в Неаполь, ко двору Альфонса Арагонского (тестя Леонелло). Ср.: III, 47.
- 68 *... о королеве славного арагонского корня...*—Элеонора (ум. 1493), дочь Фердинанда I Арагонского, жена герцога Эрколе I, мать Альфонса, Ипполита, Изабеллы и Беатриче д'Эсте.
- 69 *Это Лукреция...*—Лукреция Борджа (1480—1519), дочь папы Александра VI, жена герцога Альфонса I (15Q3). Это был второй брак герцога, поэтому Лукреция названа «второй невесткой» Элеоноры Арагонской.
- 70 *Олово пред серебром, медь пред золотом...*—Ср.: Вергилий. Буколики, V, 16—18.
- 71 *В свежем сосуде всякий долог аромат.*—Ср.: «Запах, который впитал еще новый сосуд, сохранится Долгое время» (*Гораций*. Послания, I, II, 69—70). Перевод Н. С. Гинцбурга.
- 72 *О той французской Ренате...*—Рената (1510—1575), жена герцога Эрколе II (1528), вторая дочь короля Франции Людовика XII и Анны Бретонской (дочери последнего герцога Бретани).
- 73 *Но поведавать о саксонской Альде...*—Альда—см.: III, 27, прим.; графиня Челанская—лицо неустановленное; Бьянка Мария (ум. 1449)—дочь Альфонса Арагонского, короля Неаполя, и жена (1444) Леонелло д'Эсте; «дочь сицилийского короля»—Беатриче (ум. 1321), дочь Карла II Анжуйского и жена Аццо VIII (см.: III, 39, прим.); красавица Липпа—Липла (Филиппа) Арности (ум. 1347), любовница в течение двадцати лет Обиццо III д'Эсте (см.: III, 40, прим.), принесяшая ему одиннадцать детей, затем его жена.
- 81 *... на страх золотым Лилиям...*—На страх Франции.

ПЕСНЬ XIV

- 2 *Ту победу, тот венец твоих подвигов...*—Битва при Равенне (11 апреля 1512 г.), в которой французские войска, усиленные феррарскими, одержали победу над испанцами. После сражения Равенна подверглась разграблению («полом слез взор Равенный»). Ариосто лично в сражении не участвовал, но был свидетелем разгрома города. Ср.: III, 55; XXXIII, 40—41.
- 3 *Где дрогнули пикардийцы и моринцы...*—Имеется в виду французское войско. Моринцы—так Цезарь (О галльской войне; II, 4; III, 9) называет жителей Бельгийской Галлии (совр. Артуа и Фландрия).
- Но ты ринул свои знамена...*—Как свидетельствует Ф. Гвиччардини (История Италии, X, 13), исход сражения решил маневр феррарской артиллерии, переброшенной против незащищенного неприятельского фланга, и кавалерийская атака, проведенная под личным командованием Альфонса д'Эсте отрядом из трехсот молодых феррарских дворян. Все они после боя были возведены в рыцарское достоинство (получили золотые шпоры и шпаги с золотыми рукоятями).
- 4 *Вы потрясли Золотые Желуди...*—Дуб с золотыми желудями—герб Делла Ровере, рода, к которому принадлежал папа Юлий II, союзник испанцев; «Желтый и Красный Жезл»—цвета и знаки Испании; «Лилия»—королевский герб Франции.
- ... спасли вы для Рима Фабриция.*—Фабрицио Колонна (между 1450—1460—1520), кондотьер на службе неаполитанских королей и Испании, главнокомандующий войсками Священной лиги, великий коннетабль Неаполитанского королевства. В битве при Равенне был взят в плен отрядом Альфонса. Герцог отказался выдать его французам и отпустил на свободу без выкупа, с богатыми дарами.
- 5 *... Колонна Рима...*—Игра на словарном смысле родового имени Фабрицио, прием, уже использованный Петраркой (Стихотворения, X).
- И не в помощь были ни колеса, ни серпы.*—Как сообщает Гвиччардини, испанский главнокомандующий велел выставить перед фронтом пехоты тридцать колесниц («колеса»), устроенных в подражание боевым колесницам персов (с серпами). На колесницах были установлены орудия малого калибра.
- 6 *Смерть вождя...*—Гастон де Фуа (1489—1512), герцог Немурский, пэр Франции, главнокомандующий французскими войсками в Италии. Убит во время преследования отступающего неприятеля.
- 7 *Грозного над нами Юпитера...*—Имеется в виду папа Юлий II (1503—1513), прозванный Грозным. Активный участник итальянских войн, союзник Людовика XII в Камбрейской лиге (1508), затем его противник. В 1512 г. наложил на Францию церковную интердикцию.

- 8 ... *король Людовик...*—Людовик XII, король Франции (1498—1515).
 ... *мучат белых, серых, черных...*—Монахов и монахинь всех орденов. *Топчут оземь Христа в святых дарах...*—Исторический факт, сообщенный равеннским историком XVI в. Джироламо Росси (и отмеченный Муратори в его «Феррарских древностях», II, 240): французский солдат пытался похитить дарохранильницу, вышвырнув из нее освященную гостию.
- 9 *Для чего пример тебе Брешиа...*—Брешиа была разграблена 19 февраля 1512 г., Римини и Фанца, опасаясь той же участи, открыли ворота перед французами без сопротивления.
 ... *пусть добрый Тривульций...*—Джанджакомо Тривульцио (ок. 1441—1518), маркиз Виджевано, маршал Франции. Скорее свирепый, чем «добрый», если судить по его правлению в Милане, где он был губернатором в 1499—1500 г.
- и *Дорифеб.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 49), король Каталонии и Валенсии. *Фольвирант.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 73), наваррский полководец. О его смерти от руки Ринальда см.: Влюбленный Роланд, II, XXIV, 31—32. *Изольер.*—Во «Влюбленном Роланде» брат Феррагуса.
- 12 *Балугант.*—В «Песни о Роланде» имя вавилонского султана, во «Влюбленном Роланде» командует кастильскими войсками. *Грандоний.*—Персонаж «Песни о Роланде» и итальянских поэм каролингова круга. Алгарви—провинция на юге Португалии. *Фальзирон.*—Брат Марсилия уже в «Песни о Роланде». Отец Феррагуса. Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 4) предводительствовал войсками из Леона (у Ариосто поменялся ролями с Балугантом). *Малая Кастилия.*—Старая Кастилия (см.: XII, 4, прим.).
Мадарасс.—Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 5) Марадасс, король Андалузии. *От гадесских вод до кордовских плодов...*—От Кадиса до Кордовы по течению Гвадалквивира,
 в *Сторилян.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 8). *Тезир.*—Впервые у Ариосто (см. ниже). *Бариконд.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 8). *Ларбин.*—Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 56) убит Ринальдом. *Марикольд.*—Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 61) убит Роландом. *Серпентин.*—Персонаж итальянской эпической традиции («Испания» и др.).
- 14 *Маталист.*—Впервые у Ариосто, заступает место Синагона, убитого во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 34) Оливьером. *Гвадиана.*—Река в Испании и Португалии, протекает по Новой Кастилии, Эстремадуре, по границе с Португалией и впадает в Кадисский залив. *Бланзадрин.*—В «Песни о Роланде» Бланкандрин Вальфондский, приближенный Марсилия. *Плацентио, Саламанку...*—Перечисляются города королевства Леон.
- 15 *Балинверн.*—Персонаж «Влюбленного Роланда», павший, однако, от руки Ринальда (II, XXIV, 32). *Мальгарин.*—В «Песни о Роланде» (955) Маргари Севильский. *Мальзарис.*—В эпической традиции король Памплоны. *Моргант.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 48), не имеет отношения к главному герою поэмы Пульчи.
- 16 *Фоликон.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 9). Альмерия—город на юго-восточном побережье Испании. *Дориконт.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 73). *Баварт.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 73). *Ларгалиф.*—Искаженное «калиф». Есть в числе советников Марсилия в «Песни о Роланде» (альгалиф), упомянут Пульчи и Боярдо. *Аналард.*—Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 49) Аланард, граф Барселонский. *Архидант.*—Впервые у Ариосто. Сагунто—город в Валенсии. *Лангиран.*—Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 73) Лангуран. *Ламирант.*—Искаженное «эмир». Во «Влюбленном Роланде» (II, XXIII, 20) Амирант. *Малагур.*—Впервые у Ариосто.
- п *Царь Орана...*—Во «Влюбленном Роланде» (II, XXII, 22) Марбалуст. *Мартасин.*—О его смерти от руки Брадаманты см.: Влюбленный Роланд, III, VI, 10—14. ... *король гарамантов...*—Народа, жившего к югу от Ну мидии.
- 18 *Мармонда.*—Предположительно, Мармарика, область между Египтом и Киренаикой. *Аргост.*—О его смерти см.: Влюбленный Роланд, II, XXII, 113.
Буральд, Ормид, Арганий.—Впервые у Ариосто.
- 19 *Во главе либиканских дружин...*—Либикана, часть Ливии.
Дудринасс.—Убит Роландом (Влюбленный Роланд, II, XXXI, 23—24). *Тингитанцев...*—Жителей западной Мавритании (название от Танжера, Tingis по латыни).
- 21 *Фарурант.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 21). *Либаний.*—Впервые у Ариосто. *Константина.*—Город в Алжире. *Пинадор.*—Убит Руджьером (Влюбленный Роланд, III, II, 32).
- 22 ... *с гесперийцами...*—Жителями островов Зеленого мыса (где, согласно античным поверьям, располагались сады Гесперид). *Соридан.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 6). *Дорилон.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 15). *Пулиан.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 12). ... *насамонов...*—Племена в Большом Сирте, к юго-западу от Киренаики. Древние считали их грабителями кораблей. ... *с аммонийцами...*—Жителями Аммонийского оазиса в Ливийской пустыне (ныне Сива). *Агрикальт.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 14). *При фецианах...*—Жителей Феса (в совр. Марокко). *Малабуферс.*—Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 25).

- Финадуур*.— *Вперше* у Ариосто. *Баластр*.— То же. Ср.: XVIII, 45—46. *Тардоко*.— Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 24).
- 23 *Мулга*.— Название, предположительно, идет от р. Мулуя (Марокко). *Арзилла*.— Совр. Асила, город на побережье к югу от Танжера. ... *прежний вождь*...— Бамбираг, персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 16). Ср.: XV, 6. *Кориней*.— Впервые у Ариосто, занимает место Балинфронта. ... *альмансильцами*...— Возможна идентификация с массилами, жителями восточной Нумидии. *Танфирион*.— Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 7). *Каик*.— Впервые у Ариосто. *Гетулия*.— Южная часть совр. Марокко и Западной Сахары. *Римедонт*.— Впервые у Ариосто, заменил Грифальда. *Коска*.— Идентификации не поддается. *Балифронт*.— Во «Влюбленном Роланде» (II, XXII, 27) царь Мулги, у Ариосто занимает место Кардорана.
- 24 *Волга*.— Идентификации не поддается. *Мирибальд*.— Убит во «Влюбленном Роланде» (II, XXX, 12) Ринальдом. *Баливерс*.— Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 19). *Собрин*.— Персонаж итальянской эпической традиции («Аспромонт»). У Боярдо — мудрый и осторожный старец (сарацинский Нестор).
- 25 *Гвалькотт*.— *Убят* Брандимартом (Влюбленный Роланд, III, VIII, 40). *Родомонт*.— Один из героев «Влюбленного Роланда», потомок Немврода. *Сарза*.— Идентификации не поддается:
Под Кентавром и ярим Козергом...— Солнце находится в созвездиях Стрельца и Козерога от 21 ноября до 21 января.
- 27 *Прусион*.— Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 13). *Альваракка*.— Согласно «Влюбленному Роланду», Блаженные острова, но ни Боярдо, ни Ариосто не отождествляют их с Канарскими. *Зумара*.— Предположительно, Аземмур (в Марокко). *Дардинель*.— Персонаж «Влюбленного Роланда», сын Альмонта, двоюродный брат Аграманта.
- 30 *Мандрикард*.— Персонаж «Влюбленного Роланда», в последних песнях выдвинулся на роль центрального.
- 31 *То, что в замке сирийской феи*...— Мандрикард отправился мстить Роланду за смерть отца, не взяв с собой — для вящей славы — ни доспехов, ни оружия. Доспехи Гектора он добыл, выдержав ряд трудных испытаний: победил Градасса, пленника сирийской феи, выполнил волшебное поле (где из каждого упавшего зерна рождался зверь или чудовище), свалил волшебное дерево (каждый упавший лист которого превращался в хищную птицу), убил десятихвостого дракона. Меч же Гектора, как ему было сказано, принадлежал Альмонту и теперь перешел к Роланду. Мандрикард поклялся не притрагиваться к мечу, пока не добудет Дурандаль. Ср.: XXVI, 100; XXX, 39—40.
- 38 *Отриколи*.— Городок в Умбрии (близ Терни), рядом с которым излучина Тибра образывала островок, впоследствии исчезнувший.
- 40 *От гранадского нашего короля*...— Стордилан (см.: окт. 13).
- 43 *Ни клинка, ни палицы*...— См.: окт. 31, прим.
- 45 *Как Самсон Ц С челюстью в руке*...— Самсон — герой ветхозаветных преданий, двенадцатый из «судей Израилевых», богатырь. О побииении тысячи филистимлян ослиной челюстью см.: Книга судей, XV, 15.
- 50 *Доралиса*.— Персонаж «Влюбленного Роланда» (II, VII, 28). Симон Форнари, старейший комментатор «Неистового Роланда» (1549), считал, что в данном эпизоде поэмы нашел отражение исторический факт: в 1501 г. Чезаре Борджа, увлеченный красотой некоей девицы, состоявшей в придворном штате герцогини Урбинской, послал своих людей перехватить ее на пути к жениху, Джамбаттиста Караччоло, капитану венецианской пехоты. Событие в свое время наделало много шума, вплоть до официального протеста дожа и оправданий папы и Чезаре Борджа (впрочем, довольно наглых). Что касается литературных источников, то похищение дамы — распространенный сюжетный стереотип средневекового рыцарского романа. См.: Райна. С. 201—204.
- 58 *Ежели любят за любовь*...— Ср.: «Любовь, любить велящая любимым» (Данте. Ад, V, 103).
- 60 *И, бывалый под стрелами Амора*...— Появившийся ближе к концу «Влюбленного Роланда», Мандрикард успел стать героем нескольких быстротечных любовных приключений.
- 68 *И, исторгшись из стигийского вражества*...— Получившие отпущение грехов стали неподвластны дьяволу (владыке подземного царства, где течет река Стикс).
- 70 *Даст язычникам хулу на уста*...— Ср.: «Для чего язычникам говорить: где Бог их?» (Псалтирь, XXVIII, 10).
- 71 *Вавилонны лжезаветы*...— Вавилон в библейском смысле, как символ и средоточие богомерзости.
... *гроб твой*... // *И Церковь твою*...— Карл Великий вмешался в борьбу папы Адриана I с лангобардским королем Дезидерием и низложил последнего (772—774). В эпоху средневековья была распространена легенда о крестовом походе Карла в Иерусалим.
- 82 *... чаял быть в Аверне*...— В аду. *Аверн*.— Озеро в Кампании, где, по античному поверью, находился вход в царство мертвых.
- 83 *То они сомкнутся, то раскроются*...— Ср.: «В рваной одежде своей, ликуя, Распря блуждает» (Вергилий. Энеида, VIII, 702).

- 87 *Лицом кроткая...*— Ср.: с дантовским описанием Герiona (Ад, XVII, 10—27). *Как архангел, молвивший: Ave!*— Гавриил, архангел Благовещения (см.: Лука, I, 28). Также дантовская реминисценция (ср.: Чистилище, X, 40).
- 88 *В братии Бенедикта и кармельского Илии...*— Т. е. среди монахов, принадлежащих к орденам бенедиктинского устава (камальдульскому, клюнийскому, целестинскому, шартрскому, цистерцианскому) и к ордену кармелитов. Бенедикт Нурсийский (ок. 480—ок. 547)— основатель монашеского движения на Западе. Орден кармелитов (существует с 1205 г.) считался основанным библейским пророком Илией, который, согласно ветхозаветному сказанию (III Книга Царств, XVIII), восторжествовал над пророками Баловыми на горе Кармил (на этой горе, начиная с 1155 г., возникали поселения христианских отшельников, впоследствии объединившихся в орден кармелитов). *В Пифагоровы времена и Архитовы.*— Пифагор (VI в. до н. э.) и Архит Тарентский (ок. 430—ок. 348 г. до н. э.), философ-пифагореец, математик и полководец, упомянуты здесь Ариосто, так как в пифагорейской школе неопитам предписывалось пять лет молчания.
- 92 *Есть в Аравии светлая долина...*— Ср.: описание жилища Сна у Овидия (Метаморфозы, XI, 592—615) и Стация (Фиваида, X, 84 слл).
- 99 *Тот сказал бы, сколько стволов...*— Ср.: *Вергилий*. *Георгики*, II, 105—108.
- 104 *Есть на той реке остров...*— Остров Ситэ.
- 107 *сын Пипина...*— Карл Великий. *Пипин* Короткий— первый король франков из династии Каролингов (751—758).
- 109 *Как на дойницы пастухов...*— Ср.: *Гомер*. *Илиада*, II, 469—471; XVI, 641—643.
- 118 *Его пращур, зиждитель Вавилона...*— Немврод, в Ветхом Завете богатырь и охотник, в последующей традиции— богоборец, строитель Вавилонской башни.
- 120 *Малей.*— Заболоченная местность недалеко от устья По.
- 122 *... голландский Арнольф...*— Этот персонаж, как и почти все в следующих октавах, существует только в рамках данного эпизода.
- 124 *Москин.*— Прозвище Антонио Маньянино, современника Ариосто и его знакомого, прославленного феррарского пьяницы.

ПЕСНЬ XV

- 2 *Такова, государь, ваша победа...*— Ариосто второй раз (см.: III, 57) вспоминает о битве при Полеселле. Лев— Венеция. Франколин— селение на правом берегу По недалеко от Феррары.
- 6 *Бамбираг.*— О всех сарацинских вождях, упомянутых в этой и следующей октаве см. смотр войск в предыдущей песни.
- 8 *... и с паладинами...*— Паладинов в эпической традиции двенадцать, но список их существенно варьируется (в «Песни о Роланде» это— Роланд, Оливьер, Самсон, Ансеис, Жерин, Жерье, Иворий, Ивон, Отон, Беранже, Анжелье, Жирар Руссильонский). И в этой октаве их двенадцать, при том что нет Роланда и Оливьера.
- Соломон.*— В эпической традиции король Бретани, паладин, упомянут в поздних (рифмованных) версиях «Песни о Роланде».
- Одъсер-Датчанин*— Герой французского эпоса («Подвиги Ожье Датчанина». XII в.; «Паломничество Карла Великого в Иерусалим», «Фьерабрас», «Гй Бургундский»). Основная его тема в эпосе— вражда с императором. Прозвище— результат фонетического искажения, но в дальнейшем он его оправдал, завоевав популярность в качестве героя датских баллад. Популярен был также в Испании, реминисценции испанского варианта его эпической биографии нашли отражение в «Дон Кихоте». Его отдаленный исторический прототип— Ауткарий Франк— участвовал в войнах наследников Карломана с Карлом Великим.
- Два Гвидона...*— Второстепенный персонаж каролинговых сказаний, Гй де Монфор, и, возможно, Гй Бургундский, герой одноименной поэмы (ок. 1230).
- ... два Анджелина...*— Одного, Анджелина из Бордо, упоминает Боярдо (Влюбленный Роланд, I, II, 37); второй— это, возможно, Анджелин ди Белланда, включенный Пульчи в список павших при Ронсевале (Моргант, XXVI, 78; XXVII, 13, 43).
- ... баварский князь...*— Наим (см.: I, 8, прим.). *Ганелон.*— Архипредатель каролингова цикла, организатор Ронсевальской трагедии. У Боярдо и Ариосто становится персонажем фона (у Пульчи и в предшествующей итальянской традиции роль его весьма заметна).
- И Оттон, Берленгьер, Авин и Аволий...*— Четыре сына Найма, у Боярдо и Ариосто всегда упоминаются вместе. Отон и Беранже входят в число пэров «Песни о Роланде» (Авин и Аволий, видимо, соответствуют Ивону и Иворию из того же списка, но в дальнейшем у Ариосто появится еще один Ивон— XVIII, 10). Беранже в «Аспремонте» выступает как сверстник и товарищ Роланда.
- н *Андроника, Софросина.*— См.: X, 52, прим.
- 12 *Плыть она ему велит вдоль // скифов...*— Маршрут Астольфа: вдоль берегов Китая и Индии до Персидского залива, где он высаживается на сушу и пересекает Аравию в направлении Суэцкого перешейка. Набатейские арабы— см.: I, 55, прим.

- 16 *Того берега Апостола Фомы...*— Фома, один из двенадцати апостолов, по преданию креститель Индии, принял мученичество недалеко от Мадраса.
- 17 *... Золотого Херсонеса...*— Полуострова Малакка. *...лучина // Между Коморином и Тапробаню...*— Манарский залив между островом Цейлон (Тапробана) и мысом Коморин.
- 19 *Что на тех местах от Нептуна запрет.*— Т. е. что Африка служит преградой к соединению Индийского и Атлантического океанов. Точка зрения античной географии.
- 21 *Вот иные, огибая Африку...*— Плавание Васко да Гамы (1497). *И минуют тот рубеж...*— Пересекают тропик Козерога, достигнув которого в период зимнего солнцестояния солнце поворачивает обратно, к тропику Рака.
- 22 *Вот иные...*— Плавание Христофора Колумба (1492, 1493—1496, 1498—1500, 1502). *Оставляя Геркулесовы труды*—Проплывая через Гибралтарский пролив.
- 23 *Визжу... кесарский // Стяг...*— Имеются в виду походы конкистадоров, приведшие к установлению испанского владычества в Центральной и Южной Америке. *Карл Пятый.*— Император Священной Римской империи (1519—1556), король Испании под именем Карла I, король Сицилии под именем Карла IV. Во время его царствования произошло завоевание Мексики и Перу.
- 24 *Под державцем мудрейшим и праведнейшим...*— Окт. 18—36 были добавлены Ариосто в третье издание поэмы. Время, когда они писались (1526—1532) — период наибольшего сближения Феррары с Карлом V.
- 25 *От австрийской и арагонской крови...*— Карл V по отцу (Филиппу I Красивому) — Габсбург (и таким образом эрцгерцог Австрийский), по матери (Хуане Безумной)—наследник арагонских королей (Хуана—дочь Фердинанда Арагонского). Родился Карл 24 февраля 1500 г. в Гёнте. *Астрея.*— См.: III, 51, прим.
- 26 *Август.*— Римский император (27 г. до н. э.— 14 г. н. э.) *Траян.*— Римский император (98—117). *Марк.*— Марк Аврелий, римский император (162—180). *Север.*— Септимий Север, римский император (193—211). *Но над всеми окраинами света...*— Ср.: «Август Цезарь... пределы державы продвинет... в те земли, где не увидишь светил, меж которыми движется солнце» (*Вергилий.* Энеида, VI, 792—796). *Едино стадо, один пастырь.*— Ср.: «И будет одно стадо и один Пастырь» (Иоанн, X, 16).
- 27 *Вот Эрнанд Кортес...*— Эрнан Кортес (1485—1547), завоеватель Мексики.
- 28 *Вот Проспер Колонна...*— Просперо Колонна (ум. 1523), известный военачальник, двоюродный брат Фабрицио Колонна (см.: XIV, 4), отличился в битве при Бикокке (1522). *... маркиз II Пескары...*— Франческо д'Авалос (1490—1525), маркиз Пескары, главнокомандующий имперскими войсками в Италии после Просперо Колонны. Под Равенной (см.: XIV, 2) был взят в плен, в 1513 г. овладел Падуей, сражался при Бикокке, победитель французов в битве при Павии (1525).
Юный из Васта...— Альфонсо д'Авалос (1502—1546), маркиз Васто (место в Абрुцци), двоюродный брат Франческо (семейство д'Авалос—знатный испанский род, перебравшийся в Италию в середине XV в.), полководец на службе Карла V (командовал войсками с двадцати трех лет), участник битв при Бикокке и Павии, губернатор Милана. Ариосто встретился с ним в октябре 1531 г.: он от имени герцога феррарского просил у маркиза как у командующего имперскими войсками защиты от папы Климента VII. Ариосто подарил Альфонсо один из первых трех экземпляров поэмы издания 1532 г. Ср.: XXXIII, 47.
- 30 *Андрей Дориа.*— Андреа Дориа (1468—1560), итальянский флотоводец, был на службе у папы Иннокентия VIII, у короля Неаполя, сражался со средиземноморскими пиратами (см. след. окт.), снарядив на собственные средства двенадцать галер, служил у французов (и в 1524 г. нанес тяжелое поражение флоту Карла V), в 1528 г. перешел к императору. Карл V поручил ему захватить Геную. Известен подавлением заговора Фиески (1547), направленного против установленного им в Генуе олигархического режима. Участвовал во взятии Туниса (1531).
- 31 *И Помпею, смирителю пиратов...*— Гней Помпей Великий (106—48 г. до н. э.) в 67 г. получил чрезвычайные полномочия для борьбы с пиратами и в три месяца очистил от них Средиземное море. *Кальпа.*— Гора на испанском берегу Гибралтарского пролива, один из Геркулесовых столпов (вместе с противоположащей на африканском берегу горой Авила).
- 32 *... Вступает венчаться Карл.*— В 1529 г. Карл V отплыл из Барселоны на корабле Андреа Дориа, высадился в Генуе и принял в Болонье из рук папы Климента VII королевскую корону.
Вымолив для города вольность...— Дориа отказался от генуэзской синьории, предложенной ему императором, и сохранил в городе республиканский строй.
- 33 *Всех побед // Древнего Юлия в Галлии...*— Юлий Цезарь (101—44 г. до н. э.) завоевал Галлию в 58—51 г., в 55 г.— Британию (зд. «ваша земля», земля Астольфа, английского принца), в 48 г. разбил Помпея при Фарсале (в Фессалии) и сторонников Помпея в Африке (46) и в Испании (45).
Октавий— Октавиан Август (см.: выше, окт. 26, прим.), победитель в гражданской войне с республиканцами (42 г. до н. э.) и с Марком Антонием (31—30 г. до н. э.).

- ... *ратный его соперник*...—Марк Антоний (см.: III, 33, прим.), сподвижник Цезаря, союзник, а затем соперник Октавиана.
- 34 ... *тот обильный край*...—Мельфи (в Базиликате), первое владение норманнов в Италии (XI в.), откуда они двинулись на завоевание Калабрии, Апулии и Сицилии.
- 37 ... *залив Святых Волхвов*...—Зал. Бахрейн, в древности назывался заливом Магов, от особого мидийского племени, положившего начало жреческой касте у персов. На Западе евангельские волхвы были отождествлены с персидскими магами.
- К пристани кормю*...—Ср.: «Кормю к берегу встали длинным рядом суда» (Вергилий. Энеида, VI, 4—5).
- 39 *По Счастливой едет он Аравии*...—«Счастливой Аравией» называлась в древности плодородная (*felix* от *fecundus*) часть Аравийского полуострова в отличие от пустынных его районов. *Феникс*.— В греческой мифологии волшебная птица, срок ее жизни — пятьсот лет; когда он подходит к концу, птица сжигает себя и возрождается из пепла. Место ее рождения—Эфиопия, Египет или Аравия.
- ...*единственная в свете*...—Ср.: «Феникс, в мире один» (Овидий. Любовные элегии, II, VI, 54, пер. С. Шервинского). *Красные волны*.— Согласно библейскому сказанию (Исход, XIV, 21—29), Красное море расступилось перед евреями, бежавшими из Египта, но поглотило войско фараона, посланное за ними в погоню. *Град Героев*.— Героополь, город у Суэцкого залива.
- 40 *Траянов проток*.— Канал из Нила в Суэцкий залив, восстановлен императором Траяном.
- 41 *Рабикан*.— См.: VII, 77, прим.
- 49 *А в конце — одинокий дом*...—Ср.: описание жилища Кака у Вергилия (Энеида, VIII, 190—196).
- 56 *Эти узы выковал Вулкан*...—Пленение Ифестом (Вулканом) неверной жены и любовника—сюжет «Одиссеи» (VIII, 272 слл).
- 57 *Хлорида*.— Идентична римской Флоре, богине весеннего цветения.
- 58 *Каноп*.— Город в западной части Нильской дельты, недалеко от совр. Абу-Кира.
- Анубис*.— В египетской мифологии бог-покровитель умерших, почитался в образе шакала или собаки.
- 64 *Все — Христовы вероотступники*...—Мамлюки, невольники тюркского, черкесского и грузинского происхождения, составлявшие гвардию султанов династии Айюбидов. В 1250 г. пришли к власти в Египте и Сирии, уже при жизни Ариосто (1517) династию мамлюкских султанов прервало османское завоевание. *Дамизтта*.— Правый рукав дельты Нила.
- 66 *Орилл*.— Персонаж «Влюбленного Роланда».
- 67 *Белый Грифон и Черный Аквилант*.— Персонажи итальянской эпической традиции. Сыновьями Оливьера (см.: XVII, 16, прим.) их впервые делает Боярдо, до него они считались детьми Рикардета, брата Ринальда, и крещеной сараинки Гисмонды. В младенчестве одного похитил гриф (отсюда Грифон) и отнес ко двору Марсилиа, где он и был воспитан; другого — орел (отсюда Аквилант), доставивший его в Константинополь. Одного полюбила Белая фея, другого — Черная (отсюда их прозвища). В данном эпизоде мы имеем очередной сюжетный стык с «Влюбленным Роландом», где рассказывалось, что фея-покровительница рыцарей, предвидя сужденную им во Франции гибель, решила удержать Грифона и Аквиланта на Востоке с помощью бесконечного боя (так как противник их по сути бессмертен). У Боярдо эпизод обрывается на появлении неизвестного рыцаря в обществе закованного в цепи великана. Ариосто дает этому рыцарю имя.
- 68 *С хищным зверем*...— С крокодилем.
- 73 *Хоть и сбился в нем быллой повествователь*...—Ариосто имеет в виду итальянскую поэму XIV в. «Оджер-Датчанин», где впервые рассказана история Грифона и Аквиланта и отцом их назван Рикардет (см.: 67, прим.).
- 74 *Острова Блаженных*.— В античной географии западный предел мира, идентифицируются с Канарскими островами.
- 75 ...*со знаком парда*...— См.: X, 77, прим.
- 79 ...*заветный волос*...— Мотив концентрации жизненной силы в волосах (в принципе весьма архаический—см.: Фрэзер Д. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980, с. 263—269) Ариосто воспринял в его античной интерпретации. Ср. смерть, отсекающую волос Алкесты (*Еврипид*. Алкеста, 74—76), Сциллу, отрезающую пурпурный волос Ниса, в котором было заключено его бессмертие (*Вергилий*. Скопа, 382—388), Ириду, срезающую золотистую прядь Дидоны (*Вергилий*. Энеида, IV, 698—705). Ср. также волосы Самсона. ^
- 94 *Та Святая Земля, где кровью*...— Иерусалим, где принял смерть Христос, искупив своей кровью первородный грех.
- 95 *Сансонет*.— Персонаж итальянской эпической традиции, сын персидского султана, обращенный в христианство Роландом и ставший его спутником (в поэмах «Вступление в Испанию», «Испания»). В «Моргайте» Пульчи сражается бок о бок с Роландом при Ронсевале и погибает.
- 98 *Святой Воин*.— Св. Георгий Победоносец.
- mi *Оригилла*.— Персонаж «Влюбленного Роланда», образец женского коварства и неверности.

ПЕСНЬ XVI

- 3 ...но как раненный олень...— Ср.: *Вергилий*. Энеида, IV, 69—73.
- 5 *Рама*.—Рамла, небольшой город в Сирии.
- и *Как уехал ты в Никозию*...— См.: Влюбленный Роланд, II, XX, 8.
- п *Там первейшие ратные вожди*...— О списке паладинов см.: XV, 8, прим. Новое имя — только Анджельер, фигурировавший в числе пэров уже в «Песни о Роланде».
- 23 *Как на робкий скот // Тигр*...— Ср.: «Словно среди беззащитных овец беспощадного тигра» (*Вергилий*. Энеида, IX, 730). Гйркания — область в северо-восточной части Иранского плоскогорья. *Как на козочек или овечек — волк*...— Ср.: «Словно свирепые волки на коз нападают иль агнцев...» (*Гомер*. Илиада, XVI, 352—355, перевод зд. и далее Н. Гнедича). *Под горюю, поправшею Тифея*...— Тифей, гигант, восставший против Зевса, погребен, согласно античному мифу, под горой Эпоео на острове Искья в Неаполитанском заливе (древнее название острова — Инарима или Энария). Ср.: *Вергилий*. Энеида, IX, 715—716.
- 24 ...до моста Михаила Архангела...— Мост Сен-Мишель во времена Ариосто был деревянным и находился поблизости от современного с тем же названием.
- 27 *Не зрело таких бомбард и в Падуе*...— Имеется в виду осада Падуи, которую вел в 1509 г. император Максимилиан. Ипполит д'Эсте, к которому Ариосто в данной строфе обращается, принимал в ней участие.
- 30 *Одоард*.— См.: X, 83. *Ариман*.— См.: X, 81. *До ворот Мартина и Дионисия*...— Ворота Сен-Мартен и Сен-Дени в восточной части городской стены по правому берегу Сены.
- 36 *Тот венчался честным венцом*...— В Древнем Риме высшей наградой, дававшейся за спасение на войне соотечественника, был венок из дубовых листьев.
- 40 ...при Ланкастере. — См.: X, 77.
- 47 *Снизу кверху выше не уметиться*.— Царь Орана был «видом исполин» (XIV, 17).
- 56 ...гром Водопадного Нила...— Ср.: «И вот там, где Нил низвергается с высочайших гор... народ, живущий вблизи этого места, ввиду громкости возникающего там звука лишен слуха» (*Цицерон*. О государстве, VI, XVIII, 19).
- 60 *Калабрун*.— Убит Роландом (Влюбленный Роланд, II, XXIII, 58).
- 67 *Первый держит Альмерию*...— В эпизоде смотра сарацинских войск владения были распределены иначе. Над Альмерией царствовал не Маталист (властитель Толедо и Калатравы — XIV, 14), а Фоликон (XIV, 16), тогда как Гранада принадлежала Стордилану (XIV, 13).
- 82 *Стелла*.— Эстелья в Наварре.

ПЕСНЬ XVII

- 1 *Марий*. Сулла.— О Марии, Сулле и Калигуле («лютый Гай») см.: III, 33, прим. *Два Нерона*...— Тиберий (Клавдий Нерон), римский император в 14—37 г., и Нерон, римский император в 54—68 г.
- 2 *Худший Флавий*...— Домициан, последний римский император (81—96) из рода Флавиев. ...*худший Антонин*...— Гэлиогабал, император под именем Марка Аврелия Антонина (218—222). После его смерти сенат наложил запрет на имя Антонин. *Максимин*.— Максимиин Фракиец, император в 235—238 г. В детстве был пастухом. *Креонт*.— В греческой мифологии царь Фив, приговорил к смерти Антигону. *Мезенций*.— В римской мифологии царь этрусского города Цере, изгнанный своими подданными. *Так и предана была Италия*... — Лангобарды вторглись в северную Италию в 568—572 г., последний лангобардский король утратил престол в 774 г.; готы (остготы) владели Италией с 493 по 555 г.; гунны вторглись в Италию в 453 г.
- 3 *Аттила*.— Царь гуннов (ок. 434—453). *Эццелин*.— См.: III, 33, прим.
- 4 *Кличут к нам волков еще прожорливей*...— Обобщенный укор итальянским правителям, прибегающим к помощи иностранных наемных войск. Комментаторская традиция указывает в качестве конкретного адресата инвективы папу Юлия II, который после битвы при Равенне (см. ниже) призвал в Италию швейцарских наемников. *Тразименские безгробные трупы*...— У Тразименского озера в 217 г. до н. э. Ганнибал разбил римские войска. *Канны*. *Треббия*.— Имеются в виду победы Ганнибала над римлянами в 216 и 217 г. до н. э. *Адда*.— Битва при Аньяделло на Адде (приток По), где в 1509 г. французы взяли верх над венецианцами. *Мелла*.— Битва при Брешии на Мелле (приток Ольо) в 1512 г. (см.: XIV, 9, прим.). *Ронко*.— Битва при Равенне (см.: XIV, 1—10, прим.) на Ронко (впадает в Адриатическое море).
- Тарро*.— Битва при Форново (см.: XIII, 60, прим.) на Таро (приток По).
- 7 *Куда мчитесь, куда, малодушные*...— Ср.: *Вергилий*. Энеида, IX, 781—787 (призыв Мнесфея к бегущим тевкрам).
- и *Алджирский царь у ворот*...— Ср.: Энеида, II, 469—475 (Пирр, штурмующий дворец Приама).

- 13 *Слышатся с вышних крыш...*—Ср.: Энеида, II, 486—490.
- 16 *Оливьер*.—Традиционный персонаж Каролингова цикла, брат Альды, невесты (или жены) Роланда. В «Песни о Роланде» представляет сторону умеренности и здравого смысла в противоположность героическому безрассудству Роланда. В итальянском эпосе, где он становится персонажем второго ряда, его характеристика приобретает некоторые бурлескные черты (например, элементы дон-жуанства в «Моргайте» Пульчи,—впрочем, склонность к такого рода подвигам он проявил уже во французском «Паломничестве Карла Великого в Иерусалим»). Традиционная титулатура—маркиз Вьенский (Вьен в департаменте Изер).
- 23 *Норандин*.—Персонаж «Влюбленного Роланда», где история его любви к Люцине, кипрской принцессе, рассказана отдельными фрагментами. Норандин принимает участие в турнире, призом в котором является рука Люцины. Турнир не окончен, и больше к нему Боярдо не возвращается. Затем мы узнаем, что Мандрикард и Градасс освободили Люцину, каким-то образом оказавшуюся во власти чудовища, и вернули ее отцу. Возвратное плавание на Кипр омрачено бурей, и здесь мы с Боярдовой Люциной прощаемся. Ариосто стягивает все эти разбросанные нити в единый сюжет.
- 27 *По неверным карпачийским зыблям...*—Пролив Карпатос между островами Родос и Карпатос. В античной литературе Карпатосское море выступало как обозначение Эгейского.
- 29 *Чудо-юдо...*—История пленения спутников Норандина чудовищем—людоедом и пастухом и их спасения воспроизводит рассказ Гомера о Полифеме и Одиссее (Одиссея, IX). Учитывал Ариосто и «Энеиду» (рассказ одного из спутников Одиссея в книге III).
- 63 *Умыслом, а пуще удачею...*—Ариосто резюмирует в одной строфе эпизод «Влюбленного Роланда» (III, III, 48 слл). Мандрикард и Градасс, освободив от цепей Люцину, вступили в бой с чудовищем, но все их удары были бессильны против его непробиваемой шкуры. Спасло их то, что Мандрикард подвел слепое чудовище к горной расщелине, куда оно и свалилось. Рыцари и Люцина едва успели сесть на корабль, как чудовище появилось на берегу и, метнув в корабль целой скалой, чуть не пустило его ко дну. (Этот бросок скалы—единственная деталь, которая роднит Боярдово чудовище с Полифемом. Ариосто это сходство значительно развил).
- 65 *Анталья*.—Анталья, город на южном побережье Малой Азии.
- 66 *И с отцом...*—Во «Влюбленном Роланде» имя отца Люцины—Тибан.
- 68 *Все иды и все календы...*—Долгий период времени (календы в древнеримском календаре—первые числа месяца, иды—тринадцатые или пятнадцатые).
- 75 *Вь, христианнейшими...*—Христианнейший—титул французских королей (с 1469 г.), католический—испанских (с 1492 г.). *Преданный христоредателям...*—Так Ариосто обозначает мусульман, имея в виду либо янычар, формировавшихся из вероотступников, либо легенду о том, что основатель ислама был христианским епископом. Иерусалим был потерян христианами в 1187 г.
- 76 *Но ты бросила початую славу...*—Славу Реконкисты, которая завершилась при жизни Ариосто (взятие Гранады, 1492).
- 78 *Ибо лучшее он взял, и лишь худшее—дал...*—Имеется в виду Константинов дар (средневековая легенда о дарении Западной империи в удел римскому первосвященнику). *Там Пактол и золотой Герм...*—Золотоносные реки в Лидии: Герм (ныне Гёдиз) и приток его Пактол (ныне Сарабат). *Мигдония*.—Область во Фригии.
- 79 *...великий Лев...*—Лев X (Джованни Медичи), папа в 1513—1521 г. *Святой гнет небесных ключей...*—Ср.: «И ключ дома Давидова возложу на рамена его» (Исайя, XXII, 22).
- 84 *Скажу после...*—См.: XVIII, 108—109.
- 90 *Демосфен* (384—322 г. до н. э.).—Афинский оратор, в данном случае как мастер судебного красноречия.
- 96 *...два апамейских брата...*—В античной географии известно несколько городов с названием Апамя: в Сирии, во Фригии, в западной Вифинии.
- 109 *Кознь// Что вовек не всходила в ум человеческий...*—Данный ариостовский эпизод прямо восходит к французскому «Роману о Паламеди», где герой подобного же сюжета, Мелиадус аналогичным образом обманут и опозорен своей возлюбленной и ее трусливым любовником, выданным ею за двоюродного брата. См.: Райна. С. 228—235.
- П2 *Как осел в львиной шкуре...*—Отсылка к известной басне Эзопа.

ПЕСНЬ XVIII

- ю *Раньер*.—Второстепенный персонаж Каролингова цикла. *Рикард*.—Персонаж Каролингова цикла, упоминается в «Песни о Роланде», где погибает в сражении с Балигантом. Его исторический прототип—Ришар I, герцог Нормандии (943—996). *Ивон*.—Один из двенадцати пэров в списке «Песни о Роланде». *Марк* и *Матвей от Святого Михаила...*—Второстепенные персонажи итальянской традиции. В «Моргайте» Пульчи погибают при Ронсевале.

- 21 *...под островом...*— См.: XIV, 104.
- 22 *Как в Нумидии, как в Массилии...*—Сравнение со львом и вообще весь эпизод отступления и спасения вплавь Родомонта строятся по образцу отступления Турна (*Вергилий*. Энеида, IX, 788—818). Дополнительные источники — отступление Аякса (*Гомер*. Илиада, XI, 547—574) и отступление Агрикана (*Боярдо*. Влюбленный Роланд, I, XI, 44—45). *Ну мидия*.— В древности страна в северной Африке (примерно на месте Алжира). *Массилия*.— Восточная часть Нумидии.
- 24 *Антей*.— См.: IX, 77, прим.
Аннибал.— Ганнибал (ок. 247—183 г. до н. э.), карфагенский полководец.
- 35 *Как тигрица к нежданно опустелому...*— Ср.: *Гомер*. Илиада, XVIII, 318—322.
- 36 *Быстр, как ящер вперевебег через зной*— Ср.: *Данте*. Ад, XXIV, 79—81.
- 38 *От святого Германа до святого Виктора...*— Ворота Сен-Жермен на западе, Сен-Виктор на юго-востоке и Сен-Марсель на юге Парижа.
- 40 *С паладином прекрасной Изабеллы...*— С Зербином.
- 46 *Альзерба*.— Джерба, остров в заливе Габес. *Замор*.— Идентификации не поддается. *Саффа*.— Сафи, на территории совр. Марокко.
- 48 *Зумара*.— См.: XIV, 27, прим.
- 49 *Памятен ли в верных Альмонт...*— Речь Дардинеля и весь эпизод, ему посвященный, следуют за речью Палланта (*Вергилий*. Энеида, X, 369—378) и рассказом Вергилия о его подвигах и гибели.
- 65 *Древний Коклес...*— Публий Юраций Коклес, герой войны с этрусским царем Порсенной (509 г. до н. э.), в одиночестве отстоял мост через Тибр.
- 70 *Солим*.— Иерусалим.
- 74 *Саффет*.— Предположительно, Сарафенд, на юг от Хайфы. *Зибелет*.— Предположительно, Джебель (между Бейрутом и Триполи). *Берит*.— Бейрут. *Тортоса*.— Совр. Тартус (в Сирии). *Ницца*.— Лаодикея (совр. Латакия, в Сирии). *Александретта*.— Совр. Искендерун, залив и город на Южном побережье Малой Азии.
- 75 *Оронт*.— Река, впадающая в Антиохийский залив.
- 77 *...по Лидии, по Лариссе...*— Путь Аквиланта проходит по течению Оронта через Лидию, Лариссу Эфесскую и Мамугу (города, известные Птолемею), оставляя к северо-востоку Алеппо.
- 93 *И связать его, да не меж цветов и трав...*— Шутливая реминисценция стиха Петрарки: «Вот Цезарь, которого Клеопатра связала в Египте меж цветами и травами» (Триумф Любви, I, 88—90).
- 99 *Марфиза*.— Персонаж «Влюбленного Роланда», индийская царица, дева-воительница. В рассказе Боярдо о рождении Руджьера имеется упоминание о его единокровной сестре (I, 1, 70). *Днем и ночью она в оружии...*— Марфиза дала зарок не снимать доспехов, пока не одолеет в бою трех царей: Градасса, Аграманта и Карла.
- 101 *Ей припомнилось, как хороши...*— Марфиза и Астольф встретились под Альбраккой, куда прибыли в качестве союзников Анджелики и где оба в итоге оказались среди ее врагов, юз
Заря встала с ложа дряхлого супруга...— См.: VIII, 86, прим.
- 109 *А оставила она его средь дороги...*— Отсылка к сюжету «Влюбленного Роланда» (II, V, 41—42; X, 58—60; XVI, 6—7; XIX, 7—8). Похищение меча Марфизы — один из воровских подвигов Брунеля, посланного за кольцом Анджелики (см.: III, 69) и прихватившего заодно, из любви к искусству, коня Сакрипанта, меч Марфизы, меч и рог Роланда (ср.: XXVII, 72, 84, 85).
- 135 *...из тосканской Луны...*— Луни, город в устье Магры.
- 136 *Святой остров богини любви...*— Кипр, место рождения Венеры. *...Констанцкое болото...*— От г. Констанция, построенного на месте еще более древнего Саламина.
- 153 *Как под плужным сошником красноцвет...*— Ср.: *Гомер*. Илиада, VIII, 306—308; *Катулл*. Книга стихотворений, XI, 22—24; *Вергилий*. Энеида, IX, 435—437.
- 165 *Из невидного толомитского рода...*— От Птолемаиды в Финикии. *Имена им — Клоридан и Медор...*— Эпизод Клоридана и Медора восходит в своих существенных чертах одновременно к истории Ниса и Эвриала, рассказанной Вергилием (Энеида, IX), и к истории Оплея и Диманта, рассказанной Стацием (Фиваида, X). От Стация идет идея ночной вылазки — найти и похоронить тело вождя и господина (в «Фиваиде» — тела Тидея и Парфенопея), а также молитва, обращенная к луне. От Вергилия — избивание спящих христиан и вся вторая часть эпизода (появление преследователей, бегство, ранение Медора и смерть Клоридана). См.: Райна. С. 215—218.
- 174 *Алфей*.— Комментаторами предлагались два прототипа этому персонажу: Петр Пизанский (Пиза считалась основанной выходцами с берегов Алфея; Пизы Алфейские у Вергилия), призванный за свою ученость ко двору Карла Великого; и современник Ариосто, неаполитанец-Лука Гаурико, приближенный Ипполита д'Эсте, астроном и астролог, ценимый папами Львом X и Павлом III. И та, и другая кандидатура недостаточно обоснованы.
- 178 *Как несытый лев...*— Ср.: *Вергилий*. Энеида, IX, 339—341.

- 184 *...реченная Триликою...*— Диана Тривия («богиня трех дорог»), наделенная в трех лицах тройной властью: на небе (как богиня Луны), на земле (как Артемида-охотница), под землей (как Геката).
- 185 *Эндимион*.— В греческой мифологии возлюбленный Селены, богини Луны. Зевс, по желанию Эндимиона, погрузил его в вечный сон, в котором он остается юным и бессмертным. *Лери и Мартпр*.— Монлери и Монмартр.

ПЕСНЬ XIX

- 7 *таК медведица...*— Ср.: *Стаций*. Фиваида, X, 414—419.
- 12 *...как фивский злой Креонт...*— Креонт (см.: XVII, 2, прим.) запретил хоронить тела осаждавших Фивы воинов, в том числе тело своего племянника Полиника.
- 22 *Диктаман ли трава...*— Диктаман—ясенец, дикий бадьян, этой травой Венера исцеляет рану Энея (Энеида, XII, 412—424). В античной медицине считалась способной вытягивать из раны наконечники стрел *Плиний*. Естественная история, XXVI, 14)... *Панацея...*— сказочное всеисцеляющее растение.
- 35 *...как тот!Верный сторож...*— См.: *Вергилий*. Энеида, IV, 160—172.
- 38 *Подарила его фея Моргана...*— Сам браслет и его история вымышлены Ариосто, но сюжетная канва взята из «Влюбленного Роланда». Зилиант, один из сыновей короля Моноданта (вторым его сыном оказывается Брандимарт), похищен феей Морганой, которая согласна вернуть ему свободу лишь в обмен на Роланда. Монодонт устраивает охоту на странствующих рыцарей в надежде рано или поздно схватить Роланда. Ему это удается, однако Роланд освобождает Зилианта без урона для своей жизни и свободы, и Монодонт открывает двери темницы перед всеми своими пленниками (среди которых Ринальд, Астольф, Дудон и др.) Ср.: VI, 34, прим.
- 41 *Тирона*.— Жерона, в Каталонии.
- 46 *Лимасольские... отмели...*— Лимасоль, город на Кипре. *Триполитанскиерифы...*— Триполи. *Атталия*.— См.: XVII, 65, прим.
- 48 *Всяк сулится Господу в паломники...*— Перечисляются места паломничества: *Синий* — монастырь св. Екатерины на Синайском полуострове; *Галисия* — Сантьяго-де-Компостела, с могилой апостола Иакова; *Рим*—гробница апостола Петра; Эттинская Богоматерь — точной идентификации не поддается; *Святой Гроб*—Иерусалим, с гробницей Христа.
- 50 *...светоч святого Эльма...*—Электрическое свечение на мачтах. Св. Эльм (св. Эразм) — христианский мученик, покровитель рожениц и моряков, терпящих бедствие.
- 54 *Лайяз*.—Аяццо в заливе Александретта (см.: XVIII, 109, прим.).
- 66 *Как Сивилла, как Гекторова мать...*— См.: VII, 73, прим. (Гекторова мать—Гекуба).
- 74 *Словно Гордиев узел — Александр...*— Гьрдий, легендарный фригийский царь, посвятил Зевсу свою повозку, на ярме которой был скручен сложный узел. Согласно прорицанию оракула, тому, кто сможет его распутать, суждена власть над Азией. Александр Македонский в начале своего персидского похода разрубил этот узел мечом.
- 84 *Как стене от мяча...*— Имеется в виду старинная игра в мяч, примерно соответствующая испанской пелоте.
- ...доспех Иф Тверд невпрокол...*—О том, что доспехи Марфизы зачарованы, говорится во «Влюбленном Роланде» (I, XVIII, 5). Об Аверне см.: XIV, 82, прим.

ПЕСНЬ XX

- 1 *Тарпалика*.— Фракийская воительница и охотница.
- Камилла*.— В «Энеиде» дочь царя вольсков, посвященная Диане и ставшая амазонкой.
- Сафо*.— Древнегреческая поэтесса (VI в. до н. э.)
- Коринна*.— Древнегреческая поэтесса (V в. до н. э.), наставница Пиндара.
- 5 *...убивший Альмонта...*—Роланд (см.: I, 28, прим.).
- 6 *...сокрушивший Клариеля!И Мамбрина...*—Ринальд. О Мамбрине см.: I, 28, прим. *Клариель*—брат Мамбрина, великан, сражавшийся с Ринальдом в паре со львом. *Над Эвксинским над многоустым Петром...*— На берегах Дуная (Истра), который впадает в Черное море (Понт Эвксинский) несколькими устьями. *Амон*.— См.: I, 12, прим.
- 7 *Нот*.— В греческой мифологии божество южного ветра, брат Борей, Зефира и Эвра.
- Лесной Гвидон*.— Персонаж итальянской эпической традиции (упоминается также во французской поэме «Айя Авиньонская»), играет заметную роль в «Историях Ринальда» и «Королеве Анкрой» (XV в.), в «Моргайте» Пульчи. Считался обычно не братом (как у Ариосто), а внебрачным сыном Ринальда.
- 9 *И как слышал, так и перескажу...*— История царства женщин-мужеубийц и весь эпизод его разрушения имеет многочисленные и разнородные источники. Что касается учреждения обычая, то история Фаланта (см.: ниже, окт. 14 и прим.), дополнена мотивами, от-

- сылающими к покинутой Тесеем Ариадне (ее здесь представляет Оронтея, «из породы державного Миноса» — окт. 24), к жителям острова Лемнос (совпадение двух ведущих мотивов, но в обратной последовательности: лемноски перебили все мужское население острова и оставлены аргонавтами) и, наконец, к амазонкам (воинственность, мужененавистничество, особая брачная процедура). См.: Райна. С. 256. Источники самого обычая относятся уже не к классической, а к жанровой традиции. Богатые параллели предоставляет эпизод французского прозаического «Романа о Тристане», где заглавный герой должен меряться силой с хозяином замка, а Изольда красотой — с хозяйкой (мотив двойного испытания). Второе испытание восходит к похвалбе Оливьера в поэме «Паломничества Карла Великого в Иерусалим и Константинополь». Поединок Марфизы и Гвидона обнаруживает значительное сходство с поединком Гирона и Фебуса в «Романе о Паламеде». Роль Алерии в заключительной части вновь возвращает нас к Ариадне (или к Мееде, помогающей Ясону). См.: Райна. С. 257—269.
- 13 *Клитемнестра*.— В греческой мифологии жена микенского царя Агамемнона, изменившая ему во время похода греков на Трою и подстроившая его убийство.
- 14 *Идоменей*.— В греческой мифологии царь Крита, участник Троянской войны, после окончания которой изгнан с родного острова. Согласно одной версии мифа, Идоменея изгнал его воспитанник, соблазвивший его жену. По другой версии, Идоменей дал обет в случае благополучного возвращения на родину принести в жертву первого встречного: им оказался сын (или дочь) Идоменея, и боги наслали на Крит моровую язву, избавиться от которой можно было, только изгнав Идоменея. *Фалант*.— Легендарный основатель Тарента (ныне Таранто). Как рассказывает Юстин (История, III, IV, 8), Фалант стал во главе отряда юношей, родившихся от связи рабов-илотов со спартанскими женщинами, чьих мужей в течение многих лет держала вдали от дома война с Мессенией. Вернувшись, спартанцы изгнали незаконных детей, и те перебрались в Италию, где воздвигли город. У Юстина история Фаланта ни к Клитемнестре, ни к Троянской войне отношения не имеет. *Диктея*.— Название города образовано от горы Дикта, посвященной Зевсу (восточная часть Крита).
- 24 *Минос*.— В греческой мифологии сын Зевса, царь Крита, супруг Пасифаи, отец Ариадны и Федры, после смерти судья в царстве мертвых.
- 36 *Алкид*.— Геракл.
- 54 *Артемия*.— Поскольку в законах ариостовского царства женщин (убийство чужеземцев, алтарь Возмездия) есть некоторые переключки с культом Артемиды Таврической, можно полагать, что имя Артемия дано самой ожесточенной ревнительнице кровавого обычая не случайно. См.: Райна. С. 255.
- 58 *Давшей имя нашей земле*...— См.: XIX, 54, прим.
- 73 *Ксеркс*.— Персидский царь (486—465 г. до н. э.). По сообщению Геродота (История, VII, 60), двинул в поход на Грецию войско численностью в миллион семьсот тысяч человек. *Будь их больше, чем мятежных душ*...— Данте считает, что павшие ангелы составляют десятую часть от общего числа ангелов (Пир, II, V, 12); он же в «Божественной Комедии» (Рай, XXVIII, 92—93) представляет это число как геометрическую прогрессию единицы, ограниченную числом клеток шахматной доски ($2^{14} = 16\,384$).
- 82 *... ликаонийский сошник*...— Созвездие Большой Медведицы. Согласно греческому мифу, Каллисто, дочь царя Ликаона, была обольщена Зевсом, превращена в медведицу Артемидой и помещена Зевсом на небо. У греков же (начиная с Пэмера), как, впрочем, и повсеместно, распространено сравнение Большой Медведицы с повозкой или колесницей. Созвездие заходит непосредственно перед рассветом.
- 100 *Малея*.— Юго-восточная оконечность Пелопоннеса. *Морея*.— Средневековое название Пелопоннеса.
- 101 *Луна*.— См.: XVIII, 135, прим.
- 107 *Эта самая старуха*...— См.: XIII, 42. Два нижеследующих эпизода, в которых старуха принимает пассивное участие (Марфиза против Пинабеля и Марфиза против Зербина), имеют многочисленных предшественников во французском прозаическом романе (см.: Райна. С. 271—281). В положении Зербина, вынужденного против воли стать спутником старой, безобразной и, к тому же, обладающей весьма дурным характером дамы, оказывается в «Романе о Паламеде», Морхольт Ирландский.
- iii *Была сброшена в пропасть Брадаманта*...— См.: II, 69—76.
- 117 *Что не мог отомстить*...— См.: XIX, 12—14.
- 120 *Сивилла*.— См.: VII, 73, прим.
- 135 *при Роцелле*...— См.: XIII, 16, прим.

ПЕСНЬ XXI

- 1 *Не иначе, как в лилейном покрове*...— Ср.: Гораций. Оды, I, XXXV, 21—22.
- 5 *Это был Эрмонид Голландский*...— Встреча с Эрмонидом продолжает, в плане сюжетного источника, линию Морхольта из «Романа о Паламеде» (см.: XX, 107, прим.): он, как и Зербин, сопровождая свою нежеланную спутницу, встречает рыцаря, узнающего в даме

- Морхольта убийцу своего брата, вынужден с ним сражаться и нанести ему смертельную рану. См.: Райна. С. 282—286.
- в **Ты услышишь из моей трудной повести...**—История Габрины (так зовут старуху) складывается из двух частей. Первая (убийство Аргея) обнаруживает известное сходство с сюжетом из «Эфиопики» Гелиодора (I, IX—XVII), но ее прямой источник—«Роман о Паламеди» (однако здесь Ариосто отходит от линии Морхольта; рассказчик в источнике—безымянный рыцарь, слушатель—Гирон). Наиболее существенные изменения заключаются в том, что, во-первых, неверная дама в «Паламеди» не жена, а любовница своей жертвы, и, во-вторых, рыцарь, предмет ее воцелений, в свою очередь ее любит (но отвергает ее домогательства во имя верности другу). Главные же моменты (обвинение рыцаря в насилии и обман, делающий его убийцей друга) совпадают. Вторая часть (убийство Филандра) восходит к эпизоду из «Золотого осла» Апулея (X, XXIII—XXVIII): Ариосто, сохранив сюжетное ядро (отравление мужа с одновременным отравлением лекаря-пособника), устраняет нагромождение злодейств в начале и в конце (убийство сестры мужа, отравление собственной дочери и жены лекаря). См.: Райна. С. 286—299.
- Ираклий.**—Ираклий I, император Византии (610—641), но, разумеется, за его именем в данном контексте нет никакой исторической конкретности.
- 15 **А была она сердцем ветрена...**—Ср.: «Ты же—легче листка, где ни капли тяжелого сока, Легче сухого листка, ветром гонимого вдаль» (*Овидий*. Героиды, V, 109—110. Пер. С. Ошерова).
- 16 **Грозная Акрокеравнская скала...**—Акрокеравний—мыс в северо-западном Эпире, опасный для мореходов (ныне—Лингетта или Похеза). Ср.: *Горащий*. Оды, I, III, 20.
По как буйному Борю — ствол...—Ср.: *Вергилий*. Энеида, IV, 441—446.
- 56 **Прокны и неистовой Медеи...**—См. III, 52, прим.
- 57 **Орест.**—В греческой мифологии сын Агамемнона и Клитемнестры, убивший мать и ее любовника Эгисфа в отмщение за убийство отца. Ореста преследовали богини мести, Эринии (зд. «Фурии»)

ПЕСНЬ XXII

- 2 **Кто за тридцать сребреников предал Учителя...**—Иуда.
... Ипермнестрина слава...—В греческой мифологии Гипермнестра—единственная из пятидесяти дочерей Данаая (Данаид) не убила своего супруга.
- 5 **Я его покинул в жестоком крае...**—См.: XX, 98.
- 6 **Брусса.**—В древности Пруса, город в западной Вифинии.
- 16 **... хватъ за ту книжку...**—См.: XV, 14.
- 35 **И иные в его достойном роде...**—О родословии Руджьера см.: XXXVI, 70 слл.
- 36 **ВаллоМброза.**—Во Франции такого монастыря нет (есть в Тоскане, основанный в XII в.).
- 52 **... четверо славных витязей...**—См.: XX, 105.
- 67 **... о том я уже сказывал.**—См.: II, 55—56.
- 72 **Ежели вы помните...**—См.: II, 72—76; III, 5.
- 80 **Славно бурзундского паладина...**—Оливьера (см.: XVII, 16, прим.).
- 82 **Раз и два...**—См.: VIII, 10; X, 50. **В третьи же...**—См.: X, ПО.

ПЕСНЬ XXIII

- 13 **В день, когда умкнул он ее Руджьера...**—См.: IV, 47—48.
- 22 **Алард.**—Персонаж Каролингова цикла, старший из сыновей Амона (у Ариосто, однако, старший Гвискард—XXX, 94).
- 24 **Беатриса.**—Жена Амона, дочь Найма Баварского.
- 27 **В оный день, как дерзкий Руджьер...**—См.: IV, 46—49.
- 28 **Каллитрефия.**—Имя, означающее по-гречески «добрая кормилица».
- 29 **Иппалка.**—Также функциональное имя («ведущая коня»).
- 33 **Вдруг навстречу ей бредет Родомонт...**—См.: XVIII, 36—37.
- 39 **Принц Зербин и при нем злая старуха.**—Возвращаясь к этой паре, Ариосто одновременно возвращается к двум сюжетным линиям «Романа о Паламеди» (линия Морхольта и рассказ безымянного рыцаря Гирону), комбинируя их в истории очередного предательства Габрины, пленения Зербина и спасения его от казни. См.: Райна. С. 299—306.
- 53 **Предстает Роланд...**—См.: XIII, 44.
- 71 **Отомстить Маниларда и Альзирда...**—См.: XIV, 28—34.
- 83 **Нынче, как мужик мужика...**—Ср.: *Гомер*. Илиада, XII, 421—423.
- 85 **Как Антея стискивал Геркулес...**—См.: IX, 77, прим.
- 103 **Анджелику и Медора // Видит свитых он...**—См.: XIX, 36.
- 105 **Так пичуга...**—Ср.: *Овидий*. Метаморфозы, XI, 73—75.

- 123 *Как дремотный мужик на мураве...*— Ср.: *Вергилий*. Энеида, II, 379—382.
- 126 *Нет, Л То не слезы...*—Прямым источником жалобы Роланда является стихотворение латинского поэта XV в. Михаила Марулла «К любви» из третьей книги его «Эпиграмм». См.: Райна. С. 349—350.
- 129 *Весь — гнев, ярость, бешенство...*— Безумие героя входит в число наиболее популярных сюжетных моментов средневекового романа. Сходил с ума Ивейн, герой одноименного романа Кретьена де Труа, четыре раза утрачивал рассудок Ланселот, почти неотличимо от безумия покаяние Амадиса Гальского, отлученного от лика возлюбленной (в подражание ему Дон Кихот учинил покаяние в Сьерра-Морене, так поразившее Санчо Пансу). Наибольшее сходство эпизод Ариосто обнаруживает с безумием Тристана (поскольку причина последнего — ревность, а причина ревности — письмо Изольды Кахэдину). См.: Райна. С. 342—349.

ПЕСНЬ XXIV

- 2 *Оно словно дремучий лес...*— Ср.: *Гораций*. Сатиры, II, III, 48—5L.
- 9 *Как под ветром полдня на белый берег...*— Ср.: *Гомер*. Илиада, IV, 422—426; *Вергилий*. Энеида, VII, 528—530; *Катулл*. Книга стихотворений, LXIV, 269—277.
- ю *Тщетен на него и булат...*—См.: XI, 50, прим.
- Такова на графе вышняя милость...*— Ср.: XXXIV, 63.
- 16 *... бискайский Одорик...*—См.: XIII, 12.
- 19 *... видит бискайского Кореба...*—См.: XIII, 22—24.
- 85 *... при бискайском короле...*—В оригинале названо его имя: Альфонс. Это персонаж «Влюбленного Роланда» (II, XXIII, 6), где характеризуется как добрый христианин и единственный из испанских королей, не принявший участия в походе Марсилиа на Францию.
- 49 *Хоть не тот, что сверкал над лбом Альмонта...*— См.: XII, 59—60.
- 53 *Это Флорделиза ищет милого.*— См.: VIII, 88—90.
- 59 *Этот меч не с сегодня—мой...*— Мандрикард считает себя законным владельцем Дурандали, так как завоевал право на обладание полным доспехом Гектора (см.: XIV, 31, прим).
- 61 *Где влюбленным душам миртовый рай.*— Ср.: «Всех, кого извела любви жестокая язва, Прячет миртовый лес» (*Вергилий*. Энеида, VI, 442—443).
- 66 *Таково, я видел, алая проиwa...*—Согласно старым комментаторам, сравнение опирается на биографический факт. Что касается литературных источников, ср.: *Гомер*. Илиада, IV, 141—145.
- 82 *Скорбными устами...*— Ср.: *Вергилий*. Энеида, IV, 684—685.
- 98 *Пугай баб, пугай мальчишек...*— Ср.: *Гомер*. Илиада, VII, 235—237.

ПЕСНЬ XXV

- 4 *Вверх в колодезь свой чудный щит.*— См.: XXII, 91—94.
- п *Копье сломлено у былого замка...*— Имеется в виду поединок у замка Пинабеля. Ариосто прямо не говорил, что копье Руджьера сломалось, но это ясно без слов, так как после схватки с Грифоном Руджьер берет за меч (см.: XXII, 86).
- 14 *Черт Большой.*— Gran Diavolo, одно из самых больших орудий в артиллерийском парке Альфонса д'Эсте, кидавшее ядра весом в семнадцать кг. При осаде Леньяно (1510) хватило двух феррарских пушек, чтобы проломить крепостную стену. Одной из этих пушек был Gran Diavolo, другой—Землетрясение (зд. «тряс земной», однако ни в одном из прижизненных изданий tremuoto не дается с прописной буквы, так что неясно, составляет ли первый член сравнения пару со вторым или Ариосто имел в виду настоящее землетрясение).
- 15 *А сквала этот меч Фалерина...*— См.: VII, 76. прим.
- 24 *Это долгий сказ!*—Руджьеру нет необходимости его выслушивать, так как он видел, как это случилось: первая встреча его с Брадамантой (Влюбленный Роланд, III, V, 45) закончилась тем, что сарацинский царь ранил Брадаманту, снявшую шлем перед Руджьером (ср.: IV, 41, прим.).
- Я—Рикардет...*— В итальянской эпической традиции младший из сыновей Амона. Французский эпос его не знает: в «Четырех сыновьях Эмона» младшего из братьев зовут Ришар (в «Неистовом Роланде»—Ричардо, Рикард), но именно как младшего именуют ласкательным Ришарден или Ришардет. Французский Ришар превратился в итальянских Ричардо и Ричардетто согласно принципу удвоения персонажа, хорошо знакомому всякой длительной эпической традиции. Что касается спасения Рикардета Руджьером, можно вспомнить, что казнь грозила Ришару в «Четырех сыновьях Эмона», а в «Моргайте» Пульчи Ринальд подоспел за Ричардетто, уже взведенному на эшафот.

- 26 *«Довелось,— тот сказал...»*— Начало рассказа Рикардета (26—30) резюмирует начатый, но не доведенный до конца сюжет «Влюбленного Роланда» (III, VIII, 62—66; IX, 3—25).. Ведущий мотив основной части (сходство с сестрой как средство, выдав себя за женщину, проникнуть к возлюбленной) новелла о Рикардете и Флордеспине разделяет с элегической комедией XII в. «Альда» (ее автор Вильгельм Блуаский). Мотив любви женщины к женщине и полового превращения (у Ариосто ложного) восходит к рассказу Овидия об Ифис (Метаморфозы, IX, 666—797). Многочисленные реминисценции из жалобы Ифис—в жалобе Флордеспины.
- 32 *...она из Арзиллы...*— См.: XIV, 23, прим. Брадаманта выдает себя за сарацинку. *Ипполита*.— В греческой мифологии царица амазонок, сражавшаяся с Гераклом и Тесеем. *Камилла*.— См.: XX, I, прим.
- 36 *Страстью к сыну черна Семирамида...*— Перечисляются персонажи античной мифологии, повинные в противоестественных любовных связях: *Семирамида*—легендарная царица Ассирии и Вавилона, совершила инцест с сыном и оправдала его законом; *Мирра*—дочь кипрского царя Кинира, родившая Адониса от кровосмесительной связи с отцом; *Пасифая*— жена Миноса, мать Минотавра, зачатого от быка.
- 37 *...в срубной телке...*— Пасифая соединилась с быком, поместившись внутрь коровы, изготвленной из дерева Дедалом.
• *Дедал*.— В греческой мифологии непревзойденный строитель и изобретатель, создатель критского лабиринта, крыльев и пр.
- 71 *Алдигьер*.— Персонаж итальянской эпической традиции. Согласно «Морганту» Пульчи, крещеный сарацин (см. ниже), по приезде во Францию убит Ганелоном.
- 72 *Бова*.— Буово д'Агрисмонте (Бев д'Эгремон), персонаж Каролингова цикла (имеется в «Четырех сыновьях Эмона»), брат Эмона (Амона), Жирара Руссильонского и Доона Нантейльского, мятежный вассал Карла, убит Ганелоном.
Малагис.— См.: XI, 4, прим.
А совсем не законный сын Герарда...— Неясно, с кем Ариосто ведет эту генеалогическую полемику. Пульчи (Моргант, XX, 105), действительно, считает Алдигьера сыном Герарда (Жирара Руссильонского), но не законным, а рожденным во внебрачной связи с сарацинкой Розаспиной.
- 74 *Бертолагий*.— Далекий эпический прототип этого персонажа — Бертоле, его в «Четырех сыновьях Эмона» убивает Рено (Ринальд) в ссоре за шахматной доской и это убийство служит завязкой всех сюжетных перипетий поэмы.
Ланфуза.— См.: I, 30, прим. В «Испании», итальянской поэме XV в., знакомой Ариосто, выступает как тюремщица всех французских баронов, побежденных Феррагусом.
- 75 *Как их взял ее сын Феррагус...*— Ариосто имеет в виду эпизод «Влюбленного Роланда» (II, XXII, 60—61), где Малагис напускает на Родомонта и Феррагуса полчище демонов, но те шутя справляются с ними, берут в плен волшебника вместе с братом и отправляют их к королю Марсилию, осаждающему Монтальбан.
- 93 *И нисшедший сон...*— Ср.: *Вергилий*. Энеида, V, 854—856.
- 97 *...та чудная птица...*— Феникс (см.: XV, 39, прим.).

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора.....
Краткое изложение истории Роландовой любви, как о ней повествуется в поэме Маттео Мариа Боярдо, графа Скандиано, называемой «Влюбленный Роланд» (*Пересказ М. Л. Андреева*).....

Лудовико Ариосто НЕИСТОВЫЙ РОЛАНД

Пер. М. Л. Гаспарова

Песнь I. (ТЕМНЫЙ ЛЕС). Вступление (1). Король Карл отбирает Анджелику у Роланда (5). Анджелика спасается бегством (10) и встречается в лесу Ринальда (12) и сарацина Феррагуса (14). Они бьются за нее (16), а потом мирятся и пускаются вслед (19). Феррагус встречает дух Аргалия (23), который посылает его за шлемом Роланда (28), а Ринальд гонится за конем своим Баярдом (31). Тем временем Анджелика в своем бегстве (33) встречает незнакомого рыцаря (39), узнает в нем Сакрипанта (45) и решает довериться ему (48). Но таинственный всадник убивает Сакрипантова коня (59); это была Брадаманта, сестра Ринальда (68). Тут к Сакрипанту выбегает Ринальдов конь (72), а за ним и сам Ринальд (77—81).....

Песнь II. (ПИНАБЕЛЬ). Вступление (1). Ринальд бьется с Сакрипантом (3). Анджелика в страхе бежит (11), встречает отшельника (12), и тот вызывает демона (14), который разнимает бойцов (16). Ринальд скачет искать Роланда (23), но Карл посылает его вместо этого в Англию (25). В пути Ринальда застигает буря (28). Тем временем Брадаманта в поисках Руджьера (31) встречает Пинабеля (34). Он рассказывает, как волшебник Атлант похитил его даму (37) и как бились с волшебником Руджьер и Градасс (45). Брадаманта хочет идти спасать Руджьера (59), но Пинабель замышляет на нее зло (66) и сбрасывает ее в горную пещеру (72—76).....

Песнь III. (ДУХОВИДИЦА). Вступление (1). Пинабель отъезжает (4), а Брадаманта попадает в пещеру Мерлина (6). Ее встречает Мелисса (8); Мерлин возвещает Брадаманте и Руджьеру стать родоначальниками Эсте (16), перед Брадамантой проходят духи ее потомков (22) от Руджьера (24) до Альфонса (51) с его братьями-заговорщиками (61). Мелисса выводит Брадаманту на дорогу (65) и учит ее добыть волшебный перстень Брунеля (69). Брадаманта встречается с Брунелем (75—77).....

Песнь IV. (БРАДАМАНТА У АТЛАНТА). Вступление (1). Брадаманта видит пролетающего Атланта (4) и собирается с Брунелем против него (8). Они подъезжают к замку (12). Брадаманта отнимает перстень у Брунеля (13), бьется с колдуном (16) и побеждает его (25). Но Атлант любит Руджьера и хочет укрыть его от опасностей (29). Он освобождает пленников замка (37), но Руджьера он заманивает ца гиппогрифа (42), и тот уносит его на запад (49). Между тем Ринальд пристает к Шотландии (51). Здесь нуждается в защите от клеветы королева Гиневра (57), и Ринальд пускается ей на помощь (64). По пути он спасает от разбойников Далинду (69—72).....

Песнь V. (ГИНЕВРА). Вступление (1). Далинда рассказывает (5), как она любила Полинесса (7), а он—Гиневру (12), а она—Ариоданта (16). Оскорбленный Полинесс подговаривает Далинду (23) переодеться Гиневрою (24) и, поспорив с Ариодантом (27), выдает себя за любовника Гиневры (42). Это видит Лурканий, брат Ариоданта (52). Ариодант в тоске бросается в море (57), а Лурканий обвиняет Гиневру в распутстве (63). Далинда, опасаясь за себя, бежит к ГТолинексу (70), но он велит ее убить (73), и ее спасло лишь появление Ринальда (74). Тем временем на защиту Гиневры является рыцарь под забралом (77) и вступает в поединок с Лурканием (79). Ринальд прерывает их бой (82), обличает Полинесса (85) и на Божьем суде убивает его (88). Неведомый рыцарь открывает лицо... (91—92).....

- Песнь VI. (ОСТРОВ АЛЬЦИНЫ).** (Вступление) (1) ...и оказывается уцелевшим Ариоданом (4). Гиневеру выдают за Ариоданта (14), а Далинда уходит в монастырь (16). Тем временем Руджьер на гиппогрифе (17) прилетает на остров феи Альцины (20). Здесь Астольф, обращенный в мирт (26), рассказывает ему (32), как попал он на этот остров (37), где Альцина враждует с доброй Логистиллой (43), и какова судьба Альцининых любовников (46). Руджьер собирается на помощь Логистилле (55). По пути он бьется с чудовищами (61). Две дамы его выручают (68), но сбивают с пути (70). Руджьер в царстве Альцины (73). Он должен сразиться с Эрифилой (78—81).....96
- Песнь VII. (ИСКУШЕНИЕ).** Вступление (1). Руджьер побеждает Эрифилу (3). Его принимает Альцина (9). Руджьер возгорается любовью (16). Они становятся любовниками (23). Между тем Брадаманта тщетно ищет Руджьера (33). Мелисса приходит ей на помощь (38). Она пускается на остров Альцины (47), находит Руджьера (52) и в образе Атланта обличает его (56). С Руджьера спадают чары (65), он видит Альцину в ее настоящем виде (70). Руджьер пускается прочь из Альцининого царства (75—80).....111
- Песнь VIII. (ОТШЕЛЬНИК).** Вступление (1). Руджьер побеждает Альцининого ловчего (4), Альцина гонится за Руджьером (12), а Мелисса оживляет Астольфа и других ее пленников (14). Руджьер продолжает путь к Логистилле (19). Между тем Ринальд собирает войска в Шотландии и Англии (22). В коня Анджелики вселяется бес (32), который уносит ее на необитаемый берег (37). Здесь на нее покушается отшельник, но тщетно (45). С острова Эбуды, где казнят девиц (51), приплывают пираты (59) и увозят Анджелику в жертву морскому чудовищу (63). Между тем в осажденном Париже (69) тоскующий Роланд (71) видит вещий сон об Анджелике (79) и бросается на поиски ее (84—91).....127
- Песнь IX. (ОЛИМПИЯ).** Вступление (1). Роланд ищет Анджелику во вражьем стане (2), а потом по всей Франции (6). Он узнает про казнь девушек на Эбуде (9) и бросается туда (14), но его относит во Фландрию (17). Здесь Олимпия рассказывает ему (21), как любила она Бирена (23), как фризский Кимосх, владетель пищали (27), хотел выдать Олимпию за своего сына (32), как она убила жениха (37) и должна погибнуть, чтобы спасти Бирена (44). Она просит рыцаря о помощи (50). Роланд тотчас спешит в Голландию и бросает вызов Кимосху (57), сокрушает его засаду (64), врывается в город (72) и сражает Кимосха (79). Бирен спасен (81). Пищаль Роланд топит в море (88) и продолжает путь к Эбуде (91—94).....144
- Песнь X. (ОСТРОВ ЛОГИСТИЛЛЫ).** Вступление (1). Бирен влюблен в дочь Кимосха (10). Он бросает Олимпию на попутном острове (17). Стенания Олимпии (27). Тем временем Руджьер минует башню соблазна (35) и переправляется в царство Логистиллы (43). Погоня Альцины разбита (49). Руджьер—в садах Логистиллы (57). Логистилла принимает и отпускает рыцарей (64). Руджьер летит вокруг света (69). В Англии он видит смотр войска, идущего к Карлу (74). Над Эбудой он видит Анджелику на скале (92), бьется с морским чудовищем (100), побеждает его волшебным щитом (107) и уносит Анджелику на гиппогрифе (112—115).....161
- Песнь XI. (ЗМЕЕБОРСТВО).** Вступление (1). Анджелика с перстнем-невидимкой (3) ускользает от Руджьера (6) и пускается на родину (11). Руджьер, лихась и гиппогрифа (13), идет по лесу и видит Брадаманту жертвой великана (16). Тем временем Роланд (21), приплывает к острову Эбуде (30), вступает в бой с драконом (34) и побеждает его (41). Островитяне нападают на Роланда (46). Отбив их, он освобождает Олимпию (51). Является Оберт с ирландцами (60), вспыхивает любовью к Олимпии (66) и увозит ее в Ирландию, а Бирену мстит (76). Роланд продолжает поиски Анджелики (80—83).....182
- Песнь XII. (РОЛАНД У АТЛАНТА).** Вступление (1). Роланд видит Анджелику в плену у всадника (4) и за ними попадает в замок Атланта (8). Там—и другие рыцари (11); туда вслед за великаном попадают и Руджьер (17), и Анджелика (23). Анджелика ускользает с помощью перстня, за ней—три рыцаря (29). Роланд и Феррагус вступают в бой (38); тем временем Анджелика похищает шлем Роланда (50), и его захватывает Феррагус (56). Анджелика продолжает путь в Китай (63). А Роланд встречает два мавританских войска (67) и побивает их (76). Продолжая путь (85), он приходит в пещеру Изабеллы (88—94) 198
- Песнь XIII. (ИЗАБЕЛЛА).** Вступление (1). Изабелла рассказывает (3), как она полюбила Зербина (7), как тот поручил Одорику ее похитить (11), как Одорик сам покусился на нее (19) и как отбили ее разбойники (28). Роланд расправляется с разбойниками (33) и едет дальше с Изабеллой (43). Тем временем Мелисса ведет Брадаманту (45) вызволить Руджьера у Атланта (49). По пути она рассказывает Брадаманте о знаменитых дамах в ее потомстве (56). Но Брадаманта забывает наставления и попадает в плен к Атланту (75). Тем временем Аграмант объявляет смотр сарацинам (81—83).....215
- Песнь XIV. (АРХИСТРАТИГ).** Вступление (1). Смотр сарацинской рати (10). Мандрикард выезжает мстить за побитых Роландом (30). Вместо этого он у своих же отбивает

- Александра полюбила Эльбания (36), как она выпросила для него изменения закона (46), как Эльбаний победил десятерых (55), как царей стали избирать в поединках (60) и как он, Гвидон, томится на царстве (62). Астольф признает в Гвидоне родича (65). Марфиза предлагает ему спастись вместе (70). Грифон придумывает способ (74). Утром друзья вступают в бой (82). Астольф трубит в волшебный рог (88). В страхе бегут не только враги, но и друзья (92). Марфиза с товарищами уплывает во Францию (99). Там она отъезжает от товарищей (102). Они попадают в плен к Пинабелю (104). Марфиза берет на седло Габрину (106), побивает за нее Пинабеля (ПО), встречает насмешника Зербина (117), побивает его и пересаживает Габрину к нему (126). Габрина дразнит его несчастьями Изабеллы (134—144).....366
- Песнь XXI.** (ГАБРИНА). Вступление (1). Зербин и Габрина встречают Эрмонида (3). Зербин побивает Эрмонида (9). Эрмонид рассказывает (12), как Габрина пыталась обольстить его брата Филандра (15), как оклеветала его перед Аргеом (21), как Аргей побил и заточил Филандра (25), как Габрина, попросив Филандра о защите (36), заставила его, не зная, убить Аргея (46), как она залучила Филандра в мужа (51), как она его отравила (58). Эрмонид лишается сил (67). Зербин с Габриною едут дальше (70—72).....392
- Песнь XXII.** (АСТОЛЬФ У АТЛАНТА). Вступление (1). Зербин находит мертвого Пинабеля (3). Тем временем Астольф возвращается в Англию и Францию (5). Его заманивают в замок Атланта (12), но он разрушает чары (16). Астольф находит гиппогрифа (24). Освобожденные Брадаманта и Руджьер узнают друг друга (31). Они встречают даму и по ее рассказу (37) едут спасти Рикардета (42). На пути их—замок Пинабеля (47), за которого сражаются пленные Грифон с товарищами (53). Они подъезжают к замку (58). Руджьер побивает Сансонета (65). Брадаманта узнает Пинабеля и преследует его (71). На Руджьера нападают Грифон с друзьями (76). Руджьер побеждает их волшебным щитом (81) и топит щит в колодезе (88). Брадаманта же убивает Пинабеля (95—98). ... 405
- Песнь XXIII.** (БЕЗУМИЕ). Вступление (1). Брадаманта ночует в лесу (5). Утром она встречает Астольфа (9). Астольф оставляет ей коня и оружие (12), а сам улетает на гиппогрифе (16). Брадаманта приезжает в свой Монтальбан (17). Она посылает Иппалку с Руджьеровым конем в Валломброзу (28). У той отбивает коня Родомонт (33). Тем временем Зербин находит убитого Пинабеля (39), Габрина обирает его (42), а Зербина обвиняет в убийстве (48). Роланд выручает Зербина (53) и возвращает ему Изабеллу (63). Тут на них выезжает Мандрикард (70). Роланд и Мандрикард бьются (82). Мандрикарда уносит его конь (88). Роланд расстается с Зербином (96). Роланд попадает в приют Медора и Анджелики (101). По надписям он узнает об их любви (107). Пастух рассказывает ему, что случилось (115). Страдания Роланда (121). Роланд впадает в безумие (129—136). 423
- Песнь XXIV.** (ЗЕРБИН). Вступление (1). Роланд избивает мужиков (4) и безумствует по всей Франции (13). Тем временем Зербин встречает пленного Одорика (15). Альмоний рассказывает, как тот был взят (20). Одорик вымалчивает пощадку (29). В наказание Зербин дает ему спутницею Габрину (35). Одорик губит Габрину и погибает сам (43). Зербин находит Роландово оружие (46). Появляется Флорделиза в поисках Брандимарта (53); появляется Мандринард и хватает Роландов меч (58). Зербин бьется с Мандрикардом (61). Дамы разнимают бойцов (71). Флорделиза едет дальше (73), а Зербин умирает от раны (75). Изабеллу спасает от самоубийства добрый отшельник (85). Мандрикарда же настигает Родомонт (94). Битва Мандрикарда с Родомонтом (101). Вестник Аграманта и Доралиса их разнимают (108—115).....447
- Песнь XXV.** (РИКАРДЕТ). Вступление (1). Мандрикард и Родомонт едут под Париж (3). Тем временем Руджьер (5) спасает от костра Рикардета (11). Тот оказывается братом Брадаманты (19). Он рассказывает, как в Брадаманту влюбилась Флордеспина (26), как она страдала (33), как гостила у нее Брадаманта (39), как рассказала о том дома (46), как он, Рикардет, выдал себя за Брадаманту (49), сочинил историю чудесного своего превращения в мужчину (58) и слюбился с Флордесиною (66). Рикардет с Руджьером узнают (71), что Малагису и Вивиану грозит смерть (74). Руджьер вызывается их спасти (77), а потом ехать на помощь Аграманту (81). Об этом он пишет письмо Брадаманте (86) и утром отправляется в путь (94—97).....468